

JENNIFER
ARMINTROUT

blood ties book one:

the **TURNING**

AVOID SUNLIGHT. DRINK BLOOD.
HATE YOURSELF. FOREVER.
WELCOME TO IMMORTALITY.

Я не трусиха. Я хочу, чтобы это было совершенно ясно. Но после того, как моя жизнь превратилась в фильм ужасов, я отношусь к страху намного серьезней. Всего восемь месяцев назад я, наконец, стала доктором Кэрри Эймс. А затем в больничном морге на меня напал вампир. Мне, как всегда, не везет! Так что теперь я сама вампир и связана кровными узами с монстром, который меня создал. Эта связь — как невидимый поводок, и что бы я ни делала, я все равно привязана к нему. И, конечно же, он один из самых ужасных вампиров на земле. С моим создателем, одержимым желанием превратить меня в бездушную убийцу, и его заклятым врагом, который стремится уничтожить меня, хуже уж точно ничего быть не может... за исключением того, что их обоих влечет ко мне. Пить кровь, жить как бессмертный демон, быть пешкой между двумя воюющими вампирскими группировками... я совсем не так представляла свое будущее. Но, как любил говорить мой отец, единственный способ побороть страх — это посмотреть ему в лицо. Именно это я и собираюсь сделать. Клыки уже обнажены.

Дженнифер Арминтраут
Превращение

ГЛАВА 1

Конец

Однажды я прочла в газете результаты соцопроса, согласно которым первое место в списке фобий американцев в возрасте от восемнадцати до шестидесяти пяти лет занимают публичные выступления. На втором месте — пауки, а на третьем — смерть. Я боюсь всех этих вещей. Но больше всего я боюсь неудач.

Я не трусиха. Я хочу, чтобы это было совершенно ясно. Но в считанные дни моя практически идеальная жизнь превратилась в фильм ужасов, поэтому сейчас я намного серьезней отношусь к страху.

Я четко следовала своему жизненному плану, позволяя себе лишь незначительные отступления от него. Всего за восемь месяцев до той ночи, которую именую теперь не иначе как «Большой переворот», я прошла путь от «простой мисс Кэрри Эймс» к «доктору Кэрри Эймс». Я вырвалась из сонного городка на восточном побережье, в котором выросла, только чтобы очутиться в таком же скучном городишке в центре Мичигана. Там я получила обширную резидентуру[1] в отделении скорой помощи государственной больницы. Сам город и близлежащие поселки предоставляли неограниченные возможности для практического изучения и лечения травм, полученных и в городских драках, и при работе с такой ненадежной сельскохозяйственной техникой. Следуя своей мечте, я была абсолютно уверена, что наконец-то добилась успеха, и теперь сама хозяйка своей судьбы, что, как мне казалось, всегда ускользало от меня в бурные студенческие годы.

Конечно же, сонный городок в центре Мичигана надоедает, особенно в морозные зимние ночи, когда даже собаку не выгонишь на улицу. И как раз в такую ночь, пробыв дома всего четыре часа после изнурительной двенадцатичасовой смены, я была вызвана обратно в больницу, чтобы помочь справиться с внезапным наплывом пациентов. В тот ужасный вечер отделение скорой помощи было на удивление забито, учитывая тот факт, что надвигались Рождественские праздники. Мне ужасно не повезло, и в ту ночь меня отправили в травматологию вести прием пациентов с серьезными повреждениями и ранами. Или, если говорить конкретнее, из-за гололедицы на 131-ом шоссе столкнулись и разбились вдребезги машины с любителями побегать по магазинам.

Приняв трех пострадавших, я ощутила острую потребность в дозе никотина. Хотя я и испытывала вину за то, что перекинула на других докторов парочку экстренных случаев, но не чувствовала себя настолько виноватой, чтобы отказаться от короткого перекура.

Я практически добралась до выхода из отделения скорой помощи, когда привезли Джона Доу[2].

Доктор Фуллер, врач-ординатор[3] и по совместительству главврач нашей больницы, бежал рядом с каталкой и со своим неподражаемым тexasским акцентом выкрикивал указания, одновременно выясняя состояние пациента у фельдшера скорой помощи.

Сбитая с толку тем, что спокойный южный говор доктора Фуллера сменился на резкий обрывистый тон, я не сразу обратила внимание на больного на каталке. Я никогда до этого не видела, чтобы мой начальник утрачивал свое незыблемое самообладание. Это испугало меня.

— Кэрри, ты собираешься помогать нам или у тебя путешествие в страну Мальборо? — рявкнул он на меня. Когда я от неожиданности подпрыгнула, сигарета, зажатая между

пальцами, переломилась надвое, и из нее высыпался сухой табак. Мой перерыв был официально отменен.

Я вытерла руки о свой халат и побежала рядом с каталкой. И только тогда заметила состояние находившегося на ней.

Когда мы вошли в операционную, и фельдшеры скорой помощи отошли, чтобы освободить дорогу устремившейся к пациенту медицинской сестре, вид больного парализовал меня.

— Итак, дамочки. Мне необходимы противоожидкостная хирургическая маска[4], стерильный халат и защитные очки — в общем, полная «космическая» экипировка. Поторопитесь, пожалуйста, — приказал Фуллер, не обращая внимания на свой забрызганный кровью белый халат.

Я знала, что должна что-то сделать, чтобы помочь, но могла только безучастно пялиться на месиво, лежащее на столе передо мной. Я понятия не имела, с чего начать.

Кровь, возможно, была единственной вещью, которую я не боялась. В случае с этим Джоном Доу, в том, что я не могла нормально работать с ним, касаться его и даже просто приближаться к нему, была виновата вовсе не кровь. А тот факт, что он выглядел, как мой образец для вскрытия в последний день курса макроскопической анатомии[5].

Сквозные раны сплошняком покрывали его грудь. Некоторые были маленькими, но четыре или пять были достаточно большими, чтобы уместить внутри бейсбольный мячик.

— Огнестрельные ранения? Вот дьявол! Из чего же в него стреляли? Из чертовой пушки? — пробормотал доктор Фуллер, как только исследовал одно из кровавых отверстий своим пальцем, облаченным в перчатку.

Не требовалось знаний судебной медицины, чтобы сказать, что чем бы ни были вызваны столь обширные ранения груди пострадавшего, это не имело никакого отношения к повреждениям на его лице. Его челюсть или то, что осталось от нее, с выбитыми передними зубами, была вырвана из сустава и безвольно болталась сбоку, удерживаясь лишь на лоскутах кожи и связках. Над зияющей дырой в щеке одно глазное отверстие было пустым и раздавленным, а сам глаз и его оптический нерв полностью отсутствовали.

— Я бы сказал, что кто-то обрушил на его голову топор, если бы думал, что такое возможно — размахнуться с достаточной силой, чтобы сделать это, — сказал доктор Фуллер. — Мы не сможем сюда просунуть трубку, его трахея раздроблена к черту.

Я не могла дышать. Уцелевший глаз Джона Доу, ясный и ярко-синий, уставился на меня, как будто был настороже.

Это, должно быть, игра света. Никто не мог выдержать столько боли и остаться в сознании. Никто не мог выжить со столь обширными повреждениями. Он не кричал и не корчился в муках. Его тело оставалось неподвижным и полностью лишенным какой-либо реакции, когда кто-то из врачебного персонала сделал надрез в трахее, чтобы ввести туда трубку.

Он не отводил от меня взгляда.

Мое сознание кричало: как он может жить?! То, что я видела, разрушало тщательно выстроенные логические схемы, которые я создавала в медицинском колледже на протяжении трех лет. Люди не выживали с подобными ранами. Этого не было в учебниках. Но, тем не менее, он здесь, просто уставился на меня, сфокусировался на мне, несмотря на суету вокруг нас.

В какой-то момент мне показалось, что я услышала свое имя из изувеченной дыры,

которая раньше была его ртом. Но затем я поняла, что это был возмущенный голос доктора Фуллера, который пробивался сквозь плотную завесу моего парализованного от отвращения сознания.

— Кэрри, мне нужно, чтобы ты пришла в себя и присоединилась к нам! Давай же! Живо! Мы теряем этого парня!

Я могла продолжать смотреть на Джона Доу или повернуться лицом к доктору Фуллеру, чтобы увидеть, как он постепенно теряет свою веру в меня. Я не знаю, что сильнее огорчило бы меня, но должна была принять решение.

Я пробормотала едва слышные извинения, быстро развернулась и побежала. Мне едва удалось избежать ужасной сцены, но тут я заметила липкие пятна на полу, которые окрасили чистую плитку в блестящий глубокий красный цвет. Я подумала, что сейчас меня стошнит, а затем упала на колени прямо в подсыхающую кровь и закрыла глаза, чувствуя, как желчь подступает к горлу. Я дергалась взад и вперед, пока моя рвота смешивалась с кровью на полу.

Позади меня в операционной внезапно наступила тишина, которая возникла из-за того, что плакающий сигнал кардиомонитора[6] прекратился, сообщая об остановке сердца.

— Вот и все. Он умер. Упакуйте его и отвезите в морг.

Я услышала, как отдал распоряжение доктор Фуллер. Холодный, полный уверенности тexasский акцент вернулся назад в его голос, хотя в нем явно чувствовались усталость и смирение.

Вскочив на ноги, я побежала в раздевалку для медперсонала, не в состоянии взглянуть в лицо моему невезению.

* * *

Часом позже я все еще находилась в раздевалке. Освежившись в душе и надев чистую хирургическую одежду, взятую из дезинфекционной камеры[7], я стояла перед зеркалом и пыталась собрать свои мокрые светлые волосы в хоть какое-то подобие хвоста. Тушь потекла еще в душе, и я вытерла ее рукавом. Теперь у меня были темные круги под глазами. Смертельно бледная кожа была туго натянута на скулах, а голубые глаза выглядели холодными и пустыми. Я смотрела на отражение и чувствовала себя проигравшей.

Когда же я стала такой впечатлительной? Такой трусливой? Я беспощадно мучила себя воспоминаниями, даже не пытаюсь их отогнать. То, как я насмеялась над другими студентами, когда какой-то тощий иностранец изверг рвотные массы в первый же день курса макроскопической анатомии. Или тот раз, в восьмом классе, когда я гналась за Эми Андерсон, нарядившейся королевой пчел, прямо от автобусной остановки, засовывая дождевых червей ей в волосы.

Оказалось, что я стала одной из тех, которых сама презирала. Для всего медперсонала отделения скорой помощи больницы Святой Марии я стала истеричкой и чистоплюйкой, у которой кишка оказалась тонка. Это ранило меня так глубоко, что нужно было наложить эмоциональные швы, чтобы рана затянулась.

Стук в дверь вывел меня из состояния озабоченности жалостью к себе.

— Эймс, ты еще здесь?

Дверь распахнулась. Уверенными шагами доктор Фуллер подошел к краю узкой скамьи,

на которой сидела я.

Некоторое время он ничего не говорил. Даже не глядя, я знала, что он стоит, опустив голову вниз. Наверняка его руки находились в карманах чистого белого халата, а локти были прижаты к бокам. Всем своим внешним видом он походил на высокого белого аиста.

— Ну, ты как, держишься? — внезапно спросил он.

Я пожалала плечами. Все, что бы я ни сказала, стало бы неубедительным оправданием моего поступка, сродни тому, что произносило бесчисленное количество студентов-медиков, которые прекращали посещать занятия.

— Ты знаешь, — начал он, — я видел много врачей, хороших специалистов, которые ломались под давлением негативных обстоятельств. Ты устала. У тебя стресс. Может, у тебя личные проблемы. Такое случается со всеми нами. Но некоторые оставляют это здесь, — он указал на шкафы позади меня, — вместо того, чтобы вытаскивать это оттуда. Именно это и делает нас хорошими врачами.

Он ждал моего ответа, но я только кивнула.

— Я знаю, что ты прошла через многое в этом году, потеряв своих родителей...

— Родители здесь ни при чем. — Я не хотела резко перебивать его, но слова были сказаны, прежде чем я смогла подумать о них. — Извини. Но, правда, я уже забыла об этом.

Он глубоко вздохнул, когда сел рядом со мной на скамейку:

— Почему ты хочешь быть врачом?

Прежде чем я ответила, мы просидели там долгое время, как тренер и звездный игрок, который вертит в руках свой мяч.

— Потому что я хочу помогать людям. — Я лгала. Сильно. Но даже я не знала причину, хотя в любом случае, ему не нужен был правдивый ответ. Настоящие врачи теряют способность к человечности и пониманию еще до того, как получают свои дипломы. — И потому, что я люблю это.

— Ну, я люблю гольф. Но это же не делает меня Тайгером Вудсом[8], не так ли? — он рассмеялся своей шутке, а затем снова принял задумчивый вид. — Ты знаешь, в жизни каждого наступает такой период, когда просто необходимо тщательным образом обдумать цели, поставленные перед собой, признать, что ты не всемогущ, и более реалистично взглянуть на свои возможности.

— Ты говоришь, что мне следует стать дантистом? — спросила я, выдавливая из себя улыбку.

— Я говорю, что ты вообще не должна была становиться врачом, — Фуллер даже похлопал меня по спине, словно это могло сделать его резкие слова помягче. Он встал и направился к двери, но внезапно остановился, как будто подумал о чем-то: — Знаешь... — начал он, но не закончил мысль. Вместо этого покачал головой и вышел за дверь.

Мои кулаки с гневом сжались, и я стала шумно вдыхать воздух, изо всех сил стараясь восстановить самообладание. Я провалила тест Великого Босса. Мне нужно было сказать, что я люблю деньги. Так было бы лучше, чем просто пускать ему пыль в глаза.

Хотя это и были две основные причины, по которым люди вступали в борьбу за место под солнцем: но ни финансовое обеспечение, ни желание помочь другим не являлись теми истинными мотивами, по которым я хотела быть врачом.

Меня влекла власть. Власть держать в руках человеческую жизнь. Власть смотреть в лицо смерти и уверенность, что я смогу ее победить. Этой властью обладали врачи и Бог.

Я представляла себя современным Мерлином[9]: скальпель вместо волшебной палочки,

планшет с бумагой[10] вместо книги заклинаний. Я съежилась от нелепости моих мыслей.

Я могла бы переодеться в свою одежду, незаметно выскользнуть из больницы и никогда не возвращаться. Но потом я подумала о своем мертвом отце и вспомнила одно местечко из тех редких советов, которые он когда-либо давал мне: «Если ты боишься чего-то, не стоит прятаться. Страх не обладает разумом. Единственный способ победить его — познакомиться с ним».

Как только эта мысль пришла мне в голову, моя неуверенность в себе исчезла. Это было испытание веры в себя. Я не собиралась провалить его.

Выйдя из раздевалки, я стала пробираться сквозь переполненное отделение скорой помощи, не видя и не слыша своих коллег и пациентов, которые заполняли койки, отгороженные друг от друга ширмами. Я покинула отделение скорой помощи и травматологии, открыв двери, ведущие в центральную часть больницы.

Кабинеты, мимо которых я проходила, были закрыты, а окна — темными. В главном вестибюле никого не было, за исключением одного уборщика, который опирался на опустевший регистрационный стол, лениво читая старую газету, в то время как его уборочная тележка стояла в центре комнаты. Он едва поднял голову, когда я в своем безумном полете задела локтем тележку, и из нее выпала стопка бумажных полотенец и упала на пол.

Я подошла к лифтам, нетерпеливо нажала на кнопку, в нетерпении постукивая ногой. Спустя, как мне показалось, бесконечно долгое время, потертые металлические двери открылись, я вошла внутрь и нажала на кнопку подвального этажа.

Безрассудная решимость повела меня вниз по длинному коридору прямо к моргу. Я проходила по нему только однажды, в день экскурсии по больнице. Это был простой маршрут. Я нашла, причем без особых затруднений, дверь, на которой не было никаких обозначений, провела своей идентификационной карточкой через прорезь устройства считывания пропусков и услышала резкий щелчок разблокировки.

Уже схватившись за ручку, я остановилась, впервые задумываясь, что же собиралась доказать себе. Я боялась, что была плохим доктором. И пришла, чтобы встретиться лицом к лицу со своими страхами и посмотреть на Джона Доу во всем его изувеченном великолепии. А что, если я не смогу выдержать это?

Меня охватил ужас при мысли о том, что его тело могло и не иметь столь обширных повреждений, как я помнила. В памяти всплыл образ испуганного лица Эми Андерсон, когда она держала в своей ладони извивающихся червей: ее страх превращал этих безвредных существ в монстров. Может, мой запаниковавший мозг преувеличил раны Джона Доу?

«Нет. Ты не истеричка. Ты точно знаешь, что видела».

Не дав себе передумать, я вошла в прохладное помещение, пропахшее антисептиками[11].

Больничные морги во многом отличаются от своих кинематографических сородичей. Это не глухие помещения с сильным освещением. На самом деле, морг в больнице Святой Марии был маленьким и загроможденным вещами. Дежурный санитар оставил на столе смятый пакет из-под фаст-фуда — хоть какой-то обнадеживающий признак присутствия жизни в комнате, посвященной унижениям смерти.

Прежде чем приступить непосредственно к выполнению своей задачи, я обошла помещение по кругу: осмотрела шкафчики, пластиковые ванночки всех размеров, в которых находились органы, плавающие в мутной жидкости и оставленные для дальнейшего

изучения, и секционные столы[12]. Я пропустила лишь один из них — тот, который оставался занятым.

— Эй! Здесь есть кто-нибудь? — позвала я и вздрогнула, испугавшись громкости собственного голоса. В комнате было так тихо, что можно было слышать жужжание флуоресцентных ламп[13]. Неприятная фраза «разбудить мертвого» сразу же возникла в уме. Я надеялась, что из подсобного помещения выйдет дежурный, но никто не появился. Беззаботный сукин сын, наверное, вышел покурить. Придется самой делать все грязную работу, разыскивая Джона Доу.

В холодильной камере морга стояло шесть каталок. Учитывая сегодняшнее количество пострадавших, морг мог бы быть и переполнен, с трупами, размещенными даже в два этажа. Неприятная мысль.

Я шагнула в холодильник и тут же пожелала себе теплую куртку. Термостат[14] снаружи показывал тридцать пять градусов[15]. Тепло, если сравнивать с температурой на улице, но мне никогда не приходило в голову, насколько может быть холодно при этих тридцати пяти градусах.

Дрожа, я осмотрела все шесть стоящих передо мной каталок с телами, покрытыми белыми простынями. Трупы лежали одинаково: ногами к задней стенке. Я посмотрела вниз, на свои туфли, и увидела темное пятно на липком немьтом полу. У меня побежали мурашки по коже, когда я подумала, сколько времени прошло с тех пор, как кто-то дезинфицировал эту комнату. Хотя вряд ли эти конкретные пациенты могли заболеть или подхватить какую-нибудь инфекцию.

Я начала с тела, находящегося в самом конце справа от меня, не утруждая себя раскрывать их лица или искать по биркам на ногах. Вместо этого я решила прочитать более подробную информацию на ярлыках, прикрепленных к саванам[16].

Первое тело принадлежало женщине шестидесяти восьми лет. Второе — было мужским, парня двадцати трех лет. Все так и продолжалось: на каждом ярлыке была написана единственная вещь, которая меня не интересовала — имя. Я не увидела ничего похожего на большую красную метку со штампом «Неопознан». Казалось, вся моя экскурсия окажется бесполезной.

Я провела рукой по лицу, растирая уставшие мышцы и обдумывая свой следующий шаг. Куда он мог подеваться? Маловероятно, что судмедэксперт[17] пришел бы ночью на вскрытие, ведь это могло подождать до утра. И даже если они установили личность трупа, то не могли передать тело родным, пока с ним не закончит полиция.

Он должен быть где-то здесь. Но так как я уже дважды проверила, то вынуждена была признать тот факт, что он исчез.

Я могла бы подняться наверх и к великой радости моих коллег показать им, что я слабачка. Я упустила бы возможность противостоять своему страху, но жизнь продолжается. Как всегда. С той же решимостью, которая привела меня сюда, я, не оглядываясь, покинула холодильник. Кто-то отпустил бы в мой адрес едкое замечание или даже пожалел, независимо от того, что я сделала. Но у меня не было достаточного опыта противостояния критике, чтобы одержать верх в споре с очернителями моего имени просто так. Я должна была вооружиться тем фактом, что пережила просмотр того, что осталось от Джона Доу.

Моя рука сжимала дверную ручку, когда я снова остановилась. Краем глаза я увидела накрытую простыней фигуру, лежащую на секционном столе.

Под всей своей напускной храбростью я почувствовала некоторое облегчение,

обнаружив пропавшее тело Джона Доу. Посмотреть или нет? Проще всего — не видеть тело. Неприятное чувство охватило меня, когда моим первоначальным рефлексом стало желание убежать. Я не сомневалась в том, что Джон Доу лежал под простыней на этом секционном столе.

«Если ты уйдешь сейчас, то всегда будешь мучаться», — тоненький голосок зазвучал в глубине моего сознания. На долю секунды показалось, что снедающий меня страх победит. Я бы просто вышла из морга и забыла весь произошедший инцидент.

Но слова моего отца и столь оскорбительная оценка доктора Фуллера о моих способностях всплыли у меня в мозгу. Я не хотела быть неудачницей, которой была в глазах моего отца. Неудачницей, которой стала для доктора Фуллера. Это послужило толчком, и я направилась к столу.

Я не была трусихой. И прежде чем смогла передумать — сдернула с трупа простыню.

Все происходило в замедленном движении, кадр за кадром. В тот самый момент, когда я потянула покрывающую его ткань, увидела яркую цветную подошву спортивной обуви, выглядывающей из-под простыни. Но сосредотачиваться на этом не было времени, потому что, срывая саван, я открыла одежду медперсонала и лицо санитаря морга, застывшее от ужаса.

Я не закричала. То ли от шока, то ли от того, что это было бессмысленно. Здесь должен был быть Джон Доу, а не этот молодой парень.

Представшее перед моими глазами зрелище ошеломило меня.

Его шея, очевидно, была сломана. Плоть горла была разорвана так, как она выглядела бы после нападения собаки. Из-за огромной потери крови его темная кожа стала серого цвета, хотя сам стол и большая часть его одежды были чистыми. Глаза были открыты. Но одно глазное отверстие было пустым.

Я увидела телефон, стоящий на стойке из блестящей стали, но казалось, что пробежала целую милю, прежде чем добралась до него. Мои руки так дрожали, что я едва смогла набрать номер голубого кода [18]. Но не ощутила внушающее надежду спокойствие, когда повесила трубку. Я все еще оставалась в затруднительном положении, запертая один на один с этим ночным кошмаром. Поэтому снова взялась за телефон.

Я набирала номер службы охраны, когда что-то коснулось моего плеча. Прикосновение было легким, едва заметным, но каким-то необъяснимым образом я внезапно оказалась на спине.

Сила, с которой я приземлилась, вышибла из меня дух. Испугавшись от непонимания происходящего, я поднялась на колени, но встать на ноги не смогла, поскольку в следующий момент снова оказалась в воздухе.

После моей встречи со шкафом вдребезги разбилось стекло. Я влетела в него с такой силой, что стекло разлетелось на куски, а деревянные дверцы треснули. Боль разрывала мою спину. Полки обвалились, а заполненные пластиковые ванночки рухнули на пол, опрокидываясь и проливая все содержимое. Я упала на четвереньки прямо в лужу с раствором формальдегида [19] и человеческой печени, будучи не в состоянии выползти из скользкой массы.

Чья-то рука схватила меня за волосы и потянула вверх. Когда я попыталась встать на ноги, то поскользнулась и снова упала на колени, корчась от боли в железных тисках рук напавшего на меня. Я взглянула вверх.

На меня смотрел Джон Доу.

На его некогда искореженном лице остались всего лишь слабые следы травм в виде пурпурных рубцов. А на бледной груди отметин не осталось вовсе, за исключением длинного ровного шрама, который разделял грудь пополам. Очевидно, старая рана. Его челюсть больше не выглядела оторванной, но была искривлена в сторону, также как и другие части лица: смятый нос и странная продолговатая челюсть придавали ему дьявольский вид. Засохшая кровь покрывала его светлые волосы, хотя кости черепа срослись правильно. Ясный и ярко-синий глаз, который пристально смотрел на меня, когда Джон Доу беспомощно лежал на каталке в отделении скорой помощи, сейчас беспощадно пронзал насквозь. А в глазном отверстии, которое раньше было пустым, был глаз. Карий. Белковая оболочка по краям была вся в крови.

Глаз, который недоставал работнику морга.

Джон Доу оскалился, обнажая острые как иглы клыки.

— Клыки, — с ужасом прошептала я. Вампир.

Он засмеялся. Звук, искаженный из-за деформации костей лицевой части черепа, напоминал заевшую магнитофонную пленку.

Все в этом существе говорило об осознанной ярости хищника, который убивал не из необходимости, а из жажды крови.

Он провел своим длинным ногтем по моей щеке. Он был котом, играющим мышью, вором, любующимся на свой украденный приз.

Я не собиралась становиться этим призом. Мои руки нащупали на полу кусок разбитого стекла. Схватив его, я нанесла удар осколком прямо ему в бедро. Его кровь брызнула мне в лицо. Я почувствовала на губах жидкость с привкусом меди и поперхнулась от отвращения.

Взвыв от ярости, он размахнулся свободной рукой, похожей на лапу хищника с когтями, и полоснул мою шею. Жгучая боль накатила несколькими мгновениями позже. Но меня это не заботило. Я была свободна. Я прижала руку к горлу, отчаянно пытаюсь остановить теплую кровь, которая текла между пальцев. Бесполезно. И я знала это. Прежде чем кто-то найдет меня, я истеку кровью прямо на полу морга. И умру.

Потом я увидела белые тапочки, в которые были обуты медики из бригады по вызову, вошедшие в морг. Я с трудом подняла руку, чтобы подать им сигнал. Только один из них направился ко мне. Остальные стояли, окаменевшие от представшей перед их глазами сцены.

— С вами все будет в порядке, — сказал молодой медбрат, когда убрал мои пальцы с раны на шее.

Это было последнее, что я помнила.

1. Резидентура — в США — последипломная больничная подготовка врачей, предусматривающая специализацию в течение одного года интерном и в течение 3 — 5 лет резидентом.

2. John Doe (Джон Доу) условное имя, используемое в юридических документах для обозначения неизвестного или неустановленного мужчины, или если его имя требуется сохранить в тайне. Часто используется для обозначения неопознанного тела.

3. Врач-ординатор — врач, замещающий должность в лечебно-профилактическом учреждении, заведующий палатами или отделением и занимающийся лечебной и профилактической работой.

4. Противоожидкостная хирургическая маска — маска с облегающим противобрызговым экраном оранжевого цвета, который символизирует безопасность; на резинках или на завязках

5. Макроскопическая анатомия — изучает строение органов, определяемое невооруженным взглядом. В отличие от гистологии, изучающей структуру, видимую под микроскопом.

6. Кардиомонитор — монитор сердечного ритма, следящий за сердцебиением пациента.

7. Дезинфекционная камера — установка для дезинфекции и дезинсекции одежды, постельных принадлежностей и др. объектов. Она устраивается при дезинфекционных станциях, санитарных пропускниках, больницах, при промышленных предприятиях и т. п.

8. Элдрик Тонт «Тайгер» Вудс (англ. Eldrick Tont "Tiger" Woods; 30 декабря 1975, Сайпресс, Калифорния, США) — знаменитый американский гольфист, 14-кратный победитель турниров «Мэйджор» (второе место в истории вслед за Джеком Никлаусом с 18 победами). Спортсмен года Laureus World Sports Awards: 2000, 2001.

9. Мерлин — в фольклоре народов Западной Европы великий волшебник и колдун, долгие годы помогавший королю Артуру. Родился он не от смертного отца. Еще до рождения Артура Мерлин своим волшебством перенес в Британию громадные камни, известные ныне как Стоунхендж. Он помог Артуру добыть чудесный меч Эскалибур, учредил Круглый Стол и совершил немало других подвигов. Его пророчества стоят в одном ряду с предсказаниями Нострадамуса. Зачарованный своей подругой и помощницей Вивиан, он спит внутри холма, дожидаясь урочного срока. Когда же Мерлин пробудится, тогда проснется и Артур, и на Земле наступит золотой век.

10.

11. Антисептики — противогнилостные средства, предназначенные для предупреждения процессов разложения на ранах. Обеззараживающие средства.

12. Секционный стол — может поворачиваться вправо и влево. Содержит встроенный резервуар для органов. Рабочая поверхность по краю стола оснащена бортиком. Кроме того, она содержит раковину для слива биоматериалов и наклон в ее сторону.

13. Флуоресцентная лампа — газоразрядный источник света, в котором видимый свет излучается в основном люминофором, который в свою очередь светится под воздействием ультрафиолетового излучения разряда; сам разряд тоже излучает видимый свет, но в значительно меньшей степени. Световая отдача люминесцентной лампы в несколько раз больше, чем у ламп накаливания аналогичной мощности. Срок службы люминесцентных ламп может в 20 раз превышать срок службы ламп накаливания при условии обеспечения достаточного качества электропитания, балласта и соблюдения ограничений по числу включений и выключений.

14. Термостат (от термо и греч. statys — стоящий, неподвижный), прибор для поддержания постоянной температуры. Представляет собой сосуд (металлический, стеклянный и др), тщательно защищенный тепловой изоляцией от влияния окружающей

среды.

15. В США нашими градусниками никто не пользуется, потому что там температуру измеряют в градусах Фаренгейта. $35\text{ }^{\circ}\text{F} = 1.67\text{ }^{\circ}\text{C}$

16. Саван — погребальное одеяние или покрывало из белой ткани, которым накрывают тело.

17. Судебно-медицинский эксперт — врач, занимающий штатную должность в учреждениях судебно-медицинской экспертизы, прошедший обучение по специальности судебно-медицинская экспертиза и имеющий сертификат специалиста в данной области.

18. В больницах США в экстренных ситуациях принято использовать специальные коды. Это помогает привести весь штат в готовность. Их используют, чтобы быстро передать информацию и не вызвать всеобщей паники. Коды различаются по цвету и обозначают разные происшествия. Голубой код означает остановку сердца.

19. Формальдегид (от лат. *formica* — муравей), муравьиный альдегид, CH_2O , первый член гомологического ряда алифатических альдегидов; бесцветный газ с резким запахом, хорошо растворимый в воде и спирте. В моргах его раствор используется для обработки органов. Благодаря обработке формальдегидным раствором органы дольше сохраняются.

ГЛАВА 2

Несколько неприятных сюрпризов

Я провела в больнице почти месяц. Детективы приходили ко мне несколько раз. Они запротоколировали мои описания самого Джона Доу, его клыков и всего остального, но, без сомнения, их больше интересовало, какие болеутоляющие я употребляла, поскольку первые прибывшие на место происшествия его не видели.

Последняя встреча с полицией была короткой, и, хоть меня и заверили, что дело все еще будет расследоваться, я не питала надежд на справедливость. Кем бы ни был Джон Доу, он был достаточно умен, чтобы избежать поимки.

Несколько медсестер из отделения скорой помощи приходили проведать меня. Они явно испытывали неудобство и долго не задерживались. Мы шутили о распродажах, проходивших на следующий день после Дня Благодарения[1], которые я пропустила, и просто о безумном шопинге[2], который мне предстоял, если я выйду отсюда к Рождеству. Я не стала упоминать о том, что мне некому дарить подарки.

Светлой стороной этих бесконечных посещений стали газетные вырезки, которые приносили с собой коллеги. Несмотря на то, что я не собиралась клеивать их в альбом, статьи предоставляли более подробную информацию о самом преступлении и его расследовании, чем неопределенные ответы, которые я получала от полиции.

По данным прессы, на санитаря морга, Седрика Кеблера, напал неизвестный подозреваемый и убил его. Предполагалось, что, возможно, это был сбежавший из больницы душевнобольной. А я застала преступника на месте преступления и сама подверглась нападению. Я боролась с нападавшим, а потом убийца выпрыгнул из единственного окна морга и скрылся. Меня не допрашивали из-за «критического состояния», в котором я находилась, и «острого состояния тревоги, спровоцированного посттравматическим стрессом». Последнее из двух было диагностировано при короткой встрече с врачом-психиатром, пока я находилась под действием морфина[3].

Ни в одной статье не упоминалось пропавшее тело Джона Доу или то, в каком необычном виде было найдено тело санитаря. Либо полиция сочла необходимым не упоминать эти детали, либо в больнице работал отлично подготовленный персонал, который сумел скрыть столь важные факты.

Самый неприятный визит был нанесен доктором Фуллером. Мало того, что он сбросил меня со счетов как врача, так еще и должен был полностью уничтожить меня как человека. Держа в руках мою медицинскую карту, он подошел к краю постели. Закончив читать историю болезни, Фуллер взглянул на меня, но едва узнал. В конце концов, он, глубоко вздохнув, с резким звуком закрыл амбулаторную карту[4]:

— Выглядишь ты неважно.

И был прав. В первую неделю после встречи с Джоном Доу мне сделали две операции. Одну — по восстановлению поврежденной сонной артерии[5], а вторую — по удалению осколков стекла из костей черепа. В постоперационной палате, после первой операции, я умерла. Мой врач упомянул об этом позже, пренебрежительно махнув рукой, как будто тот факт, что он игнорирует серьезность ситуации, успокоит меня.

Я также стойко перенесла полный курс профилактических прививок, включающих в себя вакцинации от столбняка и бешенства[6]. Не думаю, что Джон Доу напал на меня в

приступе бешенства, но никто не спрашивал моего мнения, и я, конечно же, была не в состоянии спорить.

В течение длительного пребывания в больнице я начала ощущать странные симптомы. Большинство из них можно было объяснить посттравматическим стрессом, другие — побочными эффектами серьезных операций.

Первым случаем стало повышение температуры моего тела до ста четырех градусов (прим. переводчика: $104\text{ }^{\circ}\text{F} = 40\text{ }^{\circ}\text{C}$). Это произошло в ночь моей внезапной остановки сердца, которое сопровождалось последующим реанимированием. Я тогда была в отключке, однако не сожалею, что пропустила все. После сорока долгих часов сильной лихорадки температура моего тела опустилась ниже нормы, остановившись на $92,7$ градусах (прим. переводчика: $92,7\text{ }^{\circ}\text{F} = 33,33\text{ }^{\circ}\text{C}$).

Я не знала об этом, пока сама не прочитала в медицинской карте. Этот случай, на мой взгляд, стал первым признаком моего перевоплощения. Произошедшее со мной ставило врачей в тупик. Один доктор заметил, что подобное просто неслыханно, приведя в доказательство, что понижение температуры отмечается только у пациентов, находящихся в коме. Это походило на то, что он, признав свое поражение, бросил оружие. Никто не хотел искать причины. Видимо, они не так уж были заинтересованы в этом.

Вторым признаком стал мой невероятный аппетит. Меня кормили через трубку, вставленную в нос и подведенную прямо к желудку, чтобы во время приема пищи избежать повреждения швов на моем горле. Тем не менее, каждый раз, когда проходило действие лекарств, я просила еды. Медсестры хмурили брови и проверяли свои таблицы, а затем объясняли, что я получала достаточное количество пищи через трубку, но так как не жевала и не глотала, то ощущала постоянное чувство голода. Но когда трубку удалили, мой ненасытный аппетит и не собирался снижаться. Я потребляла ну просто огромное количество пищи, а когда меня отправили домой, выкуривала практически целую пачку сигарет в день, как будто была одержима никотиновым демоном. Здравый смысл подсказывал, что курение после сложной операции на мягких тканях плохо скажется на моем организме, но благоразумие в общепринятом понимании не избавляло от чувства голода, сводившего с ума. Однако я никак не могла заполнить съедающую меня пустоту: чем больше я потребляла, тем больше эта пустота становилась.

Третий признак не стал очевидным, пока меня не выписали. После нескольких недель, проведенных в больнице, которые были равносильны погружению в море на подводной лодке, я предполагала, что естественный свет будет слепить меня. Но я никак не ожидала той жгучей боли, которая стала обжигать мою кожу, когда я шагнула, шурясь и не осознавая происходящего, в яркий солнечный свет.

Хотя на дворе стояла середина декабря, я чувствовала себя, как если бы находилась в печи. Возможно, вернулась моя лихорадка, но я не хотела провести еще одну ночь на больничной койке, поэтому взяла до дома такси. Приехав, закрыла все занавески и, как одержимая, мерила свою температуру каждые пятнадцать минут. Девяносто, восемьдесят девять... (прим. переводчика: $90\text{ }^{\circ}\text{F} = 32,22\text{ }^{\circ}\text{C}$; $89\text{ }^{\circ}\text{F} = 31,67\text{ }^{\circ}\text{C}$) Она продолжала падать. Когда я поняла, что температура моего тела совпадает с показаниями на термостате в гостиной, то решила, что сошла с ума.

Было ли это подсознательной потребностью защитить себя от дальнейших потрясений или осмысленным решением подавить реальность ситуации, но я отказывалась признавать, насколько странным казалось все это. У меня возникла необходимость носить

солнцезащитные очки в течение всего светового дня, как на улице, так и в помещении. Моя квартира превратилась в пещеру. Шторы были закрыты все время. Сначала я постоянно спотыкалась в этой темноте, но, в конечном счете, адаптировалась к ней. Через несколько дней я могла с легкостью читать, используя в качестве освещения один только мерцающий голубой свет, излучаемый телевизором.

Когда я вернулась к своим обязанностям в больнице, мои странные привычки не остались незамеченными. Из-за внезапно появившейся чувствительности к свету, я просила ночные смены. Но сосредотачивать свое внимание на чем-то среди всех этих пищащих мониторов и бесконечных вызовов по внутренней связи оказалось невозможным.

Слишком много вещей требовало объяснений, слишком много вопросов, на которые наука не знала ответа. Но я сама не хотела признавать очевидное.

Я не могла вечно скрывать ото всех. Это всего лишь вопрос времени, прежде чем я исчерпаю все объяснения, которые только предлагались в медицинских журналах и учебниках. В конце концов, я пришла к выводу, что должна принять решение, которого боялась.

* * *

Я расхаживала перед компьютером целый час. О чем я думала? Взрослые люди не верят в сказки, рассказываемые перед сном. Может, мне действительно стоило записаться на прием к психологу, как порекомендовал мой врач?

Когда я была маленькой, мне не позволяли роскошь наслаждаться просмотром повторного показа сериала «Мрачные тени»[7]. Да и книги, которые я читала, носили исключительно научный характер. Фантазии в нашем семействе не приветствовались. Отец, будучи юнгианским психоаналитиком[8], считал их первым признаком недоразвитого анимуса[9]. А мама, закоренелая феминистка[10], учила, что это первый шаг на пути к превращению в ещё одну любительницу кавайных[11] котят. Я села и включила модем[12]. Если бы они сейчас смотрели на меня с небес, то настаивали бы на том, что не существует никакого логического объяснения. И я уверена, что они разочарованно качали бы головами.

Странно, но в некоторой степени, это была их вина, что я нашла в себе смелость исследовать возможность того, что стала вампиром. Бритва Оккама[13] стала жизненным принципом моего отца и оказывала влияние на всех домочадцев. Боже упаси, если один из дорогущих предметов нашего дома-музея будет когда-нибудь сломан или переставлен в другое место. Я всегда лгала и говорила, что не имею к этому никакого отношения. Это была своего рода статистическая аномалия. Всякий раз, когда я делала это, мой отец одаривал меня одним из своих взглядов родительского неодобрения и говорил, цитирую: «Не следует множить сущее без необходимости».

Другими словами я стала бы растратчиком, если бы разбила лампу. А в данном случае, если я стала вампиром, то ...

— Спасибо, папа, — пробормотала я, когда закурила ещё одну сигарету. Я уже приняла тот факт, что они физически ничего для меня не сделали, но этот установленный жизненный принцип хоть как-то успокоил мои расшатанные нервы. Я набрала слово «вампир» в поисковой системе и затаила дыхание. Это намного надежней, нежели гадание на чайных листьях или магический шар предсказаний. Сеть предлагала возможности и анонимность:

два важнейших условия в моих поисках знаний. Но все же, я чувствовала себя немного глупо, когда нажала на первую ссылку.

Количество людей, заинтересованных в вампирах, или даже тех, которые утверждали, что таковыми являются, поразило меня. Но выложенная на веб-сайтах информация оказалась незначительной. Я нашла один сайт, с виду профессиональный, на котором, после заполнения места для сообщений, обещали отправить ответное письмо. Подумав о том, что с этого можно было бы начать, я принялась описывать затруднительное положение, в котором оказалась, вбивая текст в специальное белое поле.

Я никогда не умела красиво выражать мысли, поэтому с каждым словом, которое печатала, чувствовала себя все глупее. После нескольких неудачных попыток я сдалась и сократила свою запись до двух предельно кратких предложений.

«На меня напал вампир. Сообщите хоть какую-нибудь информацию».

Ответа долго ждать не пришлось. Прежде чем я смогла встать из-за стола, чтобы сделать перерыв и принять ванну, запищал сигнал, что на мой электронный ящик пришло сообщение.

В первом письме сообщалось, что я сумасшедшая. Во втором было сделано предположение, что я посмотрела на ночь фильмов ужасов. В еще одном попытались красиво описать свое очевидно оскорбительное отношение ко мне. Для людей, которые, как предполагалось, верили в вампиров, они, казалось, не особо обрадовались перспективе, что может существовать хотя бы один.

Я начала удалять письма по мере их пребывания, пока на глаза не попала одна строка.

«Уэлси-авеню, 1320». (прим. переводчика — дословно название авеню переводится как «богатый, состоятельный»).

Я знала улицу. Она находилась недалеко от того места, где я жила, рядом с деловым центром города. На этом проспекте студенты колледжей тратили родительские деньги на копии картин Джорджии О'Киф[14], продаваемые в магазинах репродукций, расположенных рядом с бакалейными лавками, где целые семьи иммигрантов покупали продукты в скудном количестве. Я проезжала рядом, но никогда не останавливалась.

Содержание письма было простым: «После заката, в любой день этой недели».

Часы в углу монитора показывали пять часов вечера. Солнце уже село.

На работу я должна идти только через шесть часов.

Мне всего лишь нужно сесть в машину и отправиться туда.

Но это казалось рискованным предприятием. Любопытство и так уже убило кошку[15]. Отправителем письма мог быть какой-нибудь сумасшедший фанатик вампиров или их адепт[16]. Конечно же, он или она могли быть совершенно безобидными, но меня не прельщала мысль провести еще один месяц в больнице.

Как могла я отправиться по незнакомому адресу за советом, учитывая, что письмо на мой электронный ящик отправил неизвестный? Ну, на самом деле, это был не совсем незнакомец. Zigmeister69@usmail.com. Конечно, не самый распространенный почтовый агент.

Я зашла на usmail.com в надежде найти пользователя профиля или, возможно, его блог[17] — что-то, что могло бы дать хоть какую-то наводку на то, кто послал мне сообщение. Я ничего не нашла.

Внезапно, меня поразила еще более ужасная догадка. А что, если отправителем был сам Джон Доу, тайно следящий за моей жизнью? Хотя казалось странным, что существо из моих

кошмаров могло придумать себе такой смешной ник[18], но я не знала наверняка, кем он был на самом деле. Он мог устроить хитроумную ловушку, узнав, где я живу, как связаться со мной, и внушив мне ложное чувство безопасности.

— Ну и черт с ним!

Я решительно затушила сигарету о пепельницу, стоящую рядом с клавиатурой, прежде чем ввести адрес в поисковую систему.

«Крипта [19]: оккультные книги и подобные им вещи».

Там был номер телефона и маршрут проезда.

Ничего не могло случиться со мной в общественном месте, в оживленном районе. Это логическое суждение и стало побуждением к действию, когда я схватила ключи и направилась к двери.

Хотя прошел всего лишь час после захода солнца, небо все еще было достаточно ярким, и я чувствовала, что кожа зудит, и ее неприятно стягивает. В качестве маскировки я надела бейсболку. Если Джон Доу ждал моего прихода, то я хотела увидеть его прежде, чем он смог бы заметить меня. Я выпила болеутоляющее и одну из таблеток, прописанных врачом, чтобы снизить повышенную чувствительность к свету, затем завернулась в шерстяное пальто, дабы защититься от декабрьского холода.

Квартал, где начинаются номера с 1300, находился всего в пяти милях[20] от моего дома. Он располагался в центре пересечения трех улиц и давал пристанище целому ряду светящихся витрин и модных ресторанов. На улице были женщины в расклешенных юбках и вязаных пальто, быстрым шагом идущие рядом с мужчинами в растфарианских шапках[21] и вельветовых брюках. Большинство следов на тротуаре вело к магазину «Доктор Мертенс»[22].

Я нашла место для парковки напротив переполненного кафе. Бейсболка, конский хвост, торчащий из кепки, и джинсы — мой внешний вид, несомненно, бросался в глаза. Я вышла на тротуар, стараясь игнорировать пристальные взгляды экстремистски[23] настроенных студентов-художников, жавшихся друг к другу из-за тесноты за запотевшими окнами. Я, должно быть, выглядела как символ капиталистической культуры, ради которого они собрались здесь с единственной целью — пожаловаться.

Но найти здание с номером 1320, Уэлси-авеню, оказалось трудно. Я проходила мимо несколько раз, прежде чем разглядела его. Номера магазина подержанной одежды и продуктовой лавки, расположенной на самом углу квартала, были 1318 и 1322 соответственно, а между ними, слегка выступая вперед, находилась вывеска. Если бы я была достаточно терпеливой и прочла то, что на ней написано, когда увидела ее в первый раз, то избежала бы последующих разочарований: «Крипта: оккультные книги и подобные им вещи, 1320, Уэлси-авеню». Серебристые буквы практически кричали с черного фона вывески. Большая красная стрелка указывала на лестницу, которая уходила куда-то вниз прямо перед магазином одежды.

Я подозрительно посмотрела на проход, ведущий в подземное помещение. Ступени были мокрыми, но не обледеневшими. Я глубоко вздохнула и начала спускаться.

Дверь внизу была старой и деревянной, с окошком в верхней части, на котором золотистой краской было написано название магазина. Когда я вошла, зазвонили колокольчики.

Предметы, стоявшие повсюду, и запахи, заполнившие комнату, сразу же ошеломили меня. Горел ладан[24] — очень неприятный запах — поэтому помещение было будто

наполнено туманом. Тихо играла музыка нью-эйдж[25] — смешение успокаивающего звучания кельтской арфы и пения птиц. Я не знаю, был ли это дым или странная музыка, но мне стало дурно.

В помещении был полумрак: свечи освещали комнату, бросая тени на многочисленные ряды с книжными полками.

Я прикрыла нос рукавом, чтобы не чувствовать тяжелого запаха ладана, который вызывал металлический привкус во рту, и посмотрела в сторону прилавка. Магазин казался пустым.

— Эй! Здесь есть кто-нибудь?

Внезапно я услышала громкий стук захлопнувшейся со скрипом двери. Когда я повернулась на звук, что-то больно ударило меня в грудь. Мои ноги оторвались от земли, и я приземлилась на спину прямо на грубый деревянный пол.

Мышцы всего тела, которыми долго не пользовались из-за длительного восстановления после сложной операции, зашлись криком в агонии, но инстинкт, совершенно чуждый мне, заставил двигаться. Я быстро перекатилась в сторону как раз в тот момент, когда лезвие топора вонзилось в пол прямо рядом с моей головой.

С силой, которая доселе была мне неведома, я выгнула спину, оттолкнулась ладонями от пола и резко вскочила на ноги как в каком-то боевике. Только тогда я встретилась лицом к лицу с напавшим на меня человеком.

Если бы мне пришлось угадывать, я дала бы ему пятнадцать лет. Но татуировки на тыльной стороне ладони и многочисленный пирсинг уха и брови говорили о том, что ему, должно быть, по крайней мере, восемнадцать. Посредине головы была выбрита тонкая полоска, разделяющая его длинные, кажущиеся сальными, волосы пополам. И, несмотря на температуру в комнате, он был одет в тяжелое пальто.

Я подняла руки вверх, показывая, что никому не хотела зла, но он снова замахнулся топором, в этот раз разбив стеклянную витрину прилавка.

— Умри, вампирская сволочь!

Как любой здравомыслящий человек, я побежала. Хотя мальчишка и был быстрее меня, но мне удалось проскочить мимо этого психа с лицом ребенка и добраться до двери в тот самый момент, когда она распахнулась. Я не успела вовремя приподнять руки, чтобы защититься от удара. Врезавшись в тяжелую деревянную дверь, я потеряла равновесие и снова упала на пол, но вовремя увидела, как топор рассекает воздух, летя прямо на меня.

— Нэйт, осторожней!

Две мысли возникли у меня в голове, когда я увидела человека, который шагнул в комнату. «Срань Господня». Он остановил топор в сантиметре от своей широкой груди, зажав лезвие между ладонями прямо перед преступником-подростком, который метнул этот самый топор вслед за своим предупреждением. Моей второй мыслью было также «срань Господня».

Мужчина сексуально двигался. Широкие плечи, плоский живот, волнистые, темные волосы... Я внезапно осознала всю привлекательность календарей, висевших в кофейне, со снимками пожарников, которых медсестры просто пожирали глазами.

— Мне очень, очень жаль, — сказал он мне.

Я взялась за протянутую руку, которая подняла меня на ноги. Нервный электрический разряд прошелся по моему телу от этого прикосновения. Я почти было сказала: «Все в порядке», прежде чем поняла, что это определенно не так. Мои руки дрожали, когда я

потянулась к двери.

— О чем, черт возьми, ты думаешь, Зигги? — сказал красавчик юноше, а потом снова повернулся ко мне. — Ты ранена? Что-нибудь нужно? Вызвать скорую?

Он положил руку на мое плечо, но я рассержено сбросила ее.

— Большинство посетителей так и уезжают отсюда в карете скорой помощи?

Подросток осуждающе указал на меня пальцем:

— Она чертова вампирша, чувак! Не дай ей уйти отсюда!

Со свирепостью, которая поразила меня, мужчина закричал на мальчишку:

— Принеси ей компресс для головы!

Зигги в недоумении гневно произнес:

— Может, мне еще принести чашечку моей вкусной теплой крови и украсить ее кусочками зефира?

— Живо наверх!

Пихаясь локтями, парень прошел мимо нас, яростно бормоча что-то себе под нос, и хлопнул дверью так сильно, что загремели стекла.

— Не думаю, что он вернется с компрессом, — сухо заметила я.

— Да. Я тоже так думаю.

— Я Натан Грант, — мужчина тихо рассмеялся, протягивая свою руку.

— Кэрри Эймс.

«Убирайся отсюда, идиотка, — кричало мое сознание. — Он все еще держит этот проклятый топор».

Но мои ноги как будто приросли к полу, находясь под полным контролем нездорового любопытства, вызвавшего безжалостное притяжение, которое заставило меня подойти к этому человеку так близко, как только возможно.

Натан поднял голову и стал разглядывать меня своими блестящими серыми глазами. Кашлянув, он прислонил топор к дверному косяку и скрестил руки на груди.

— Эймс. Ты тот врач из газеты?

Его голос был глубоким и соблазнительно мужественным. Он произносил слова с явным шотландским акцентом. Мне потребовалось время, чтобы хоть как-то сосредоточиться на вопросе, поскольку я была всецело поглощена разглядыванием его чувственного рта.

— А... Ну, да. Должно быть, я.

Он улыбнулся, но это было не самое дружелюбное выражение лица, которое я когда-либо видела. Оно походило на гримасу, появляющуюся на лице дантиста, прежде чем тот хотел сказать, что нужно снова вернуться в канал корня зуба.

— Тогда нам нужно о многом поговорить, доктор. Я извиняюсь за Зигги. Он вбил себе в голову, что является охотником на вампиров. Как он нашел тебя?

— Нашел меня? Мне пришло письмо по электронной почте от Zigmester69.

Натан усмехнулся.

— www.nightblood.com? (прим. переводчика: название сайта, дословный перевод — ночная кровь, но, возможно, имеется в виду «создания ночи»)

Я намеренно кашлянула, стараясь избежать ответа, но...

— Да.

Он покачал головой:

— Правило номер один: это не должно становиться достоянием гласности.

— Что за правило? О чем ты говоришь?

Мужчина отвернулся, как будто у него было все время мира, чтобы объяснить, затем шагнул за прилавок и нажал на кнопку CD-плеера, выключая успокаивающую и одновременно раздражающую музыку нью-эйдж.

— Так о чем ты говоришь? — я потребовала ответа, следуя за ним по пятам, когда он прошел через весь магазин и потушил свечи. — Может, ты остановишься и, наконец, поговоришь со мной?

Натан вздохнул, опустил голову и оперся руками о стол, который выглядел слишком хлипким, чтобы удержать вес его тела.

— Правила, которым ты должна следовать. Правила, которым должен следовать каждый вампир.

Моя рука оказалась на ручке двери, прежде чем я поняла, что собираюсь бежать.

— Подожди! — крикнул он мне вслед, затем, как только я начала открывать дверь, схватил меня за руку и осторожно развернул лицом к себе: — Если ты уйдешь отсюда, то все закончится очень плохо.

Его хватка на моем рукаве нервировала меня, так же как раздражала напряженность его голоса. Мои слова звучали как-то странно, когда я их произносила:

— Это угроза?

— Послушай, — начал он. Настойчивость исчезла из его голоса. — Я знаю, что у тебя есть вопросы. Но в любом случае, тебе больше не придется сталкиваться с Зигги.

— Да. У меня есть вопросы! — я с гневом произнесла эти слова. — Кто ты такой, черт возьми? Почему на меня напали, когда я вошла в эту дверь? И что, черт подери, заставляет тебя думать, что я вампир?

Я резко дернула за ручку и, когда дверь открылась, вышла в безжалостный холод, роясь в кармане в поисках полупустой пачки сигарет.

Он последовал за мной за порог и позволил наполовину подняться наверх, прежде чем снова заговорил. Я боролась со своей зажигалкой.

— А что заставляет тебя думать, что ты вампир? Ведь поэтому ты посещала вампирские форумы. И именно там Зигги нашел тебя, следуя своему методу поиска вампиров. — Натан поднялся по ступеням с такой грацией, которая, как я думала, была присуща только животным, и положил свою руку на мою. Его кожа была ледяной. — Независимо от того, сколько ты куришь, ты не чувствуешь удовлетворения. И пища, которую ты ешь, больше не насыщает тебя. И ты не поймешь, почему.

Внезапно сигарета задергалась, поскольку была зажата между пальцами, которые начали дрожать, но уж точно не от холода.

Натан снова заговорил, но его голос звучал как-то отстраненно и чуждо.

— Пойдем наверх, — сказал он. — Я попытаюсь объяснить.

Я сделала еще несколько шагов, пытаюсь убедить себя продолжать идти, сесть в машину и никогда не возвращаться, навсегда покинуть этот район города. Если я никогда больше не увижу сего места, то смогу притворяться, что ничего из случившегося сегодня никогда не происходило. Но всегда остается вероятность, что я еще не проснулась после операции и до сих пор нахожусь в коме в отделении интенсивной терапии. Как бы я хотела, чтобы это было правдой, но это было не так. Я бросила сигарету и понаблюдала, как она перекачивается на следующую ступеньку.

— Никаких шансов, что я сплю, да?

— Нет, — тихо сказал он. — Мы... э-э... можем рассказывать только нашему виду.

Я резко взглянула на него. От внезапного ужаса краска сошла с моего лица. По его виду я могла сказать, что мой страх был очевиден.

— Ты...

— Вампир. Да, — он закончил за меня, когда мой голос оборвался.

— Тогда все понятно, — сказала я, чувствуя странное облегчение, несмотря на тот факт, что стояла в темноте на лестничной клетке с парнем, утверждающим, что он вампир. — Я сумасшедшая.

— Ты не сумасшедшая. Мы все проходим через это, когда перевоплощаемся. — Он нервно взглянул на меня, когда пара ног протопала по снежному тротуару над нами. — Но здесь действительно не место для обсуждений. Почему бы нам не подняться ко мне в квартиру, и там мы сможем поговорить.

— Нет, хотя спасибо за предложение, — сказала я, не в силах сдержать смех. — Мне действительно было приятно познакомиться с вами, мистер Вампир, но мне нужно идти. Мне еще работать ночью, и я должна быть уверена, что успею сначала позвонить своему психологу. Если повезет, он выпишет мне рецепт на какой-нибудь хороший антипсихотический препарат[26], чтобы я могла вернуться к нормальной жизни.

Я отвернулась, но Натан схватил меня за руку. Даже не успев подумать о том, чтобы закричать, я была зажата между твердым телом и еще более твердой кирпичной стеной. Его рука крепко зажала мой рот, заглушая ужасный крик.

— Мне приходится делать это, — сказал он сквозь стиснутые зубы. Затем наклонил голову, но его тело оставалось неподвижным и крепко прижимало мое.

Когда он снова поднял голову, мое сердце замерло. Точеные, красивые черты его лица деформировались. Кожа туго натянулась на острой, костлявой морде. Длинные клыки блестели в тусклом свете. Он выглядел так же, как Джон Доу, прежде чем тот разорвал мое горло, сделав своего рода подарок на день рождения.

Только его глаза сохраняли спокойствие. До самой смерти я буду помнить глаза Натана — такие ясные, серые и до боли честные, скрывающиеся за этой ужасной маской.

— А сейчас ты веришь? — спросил он.

Мое сердце колотилось. Я кивнула. Он отстранился и закрыл лицо руками. Когда он снова посмотрел на меня, его черты стали прежними, и вернулось выражение доброты и сострадания. Это обеспокоило меня больше, чем тогда, когда он был монстром.

— Пойдем. Давай зайдем внутрь, и я расскажу тебе все, что ты захочешь.

Оцепенев от холода, страха и безнадежности, я позволила ему повести себя по ступенькам вверх к тротуару.

— Все?

— Конечно, — пообещал он, вытаскивая связку ключей из кармана.

— Хорошо, — я проглотила комочек, застрявший в горле. — Почему я?

1. День Благодарения — праздник урожая, который отмечают в основном в США и в Канаде. День благодарения был праздником выражения благодарности и признательности Богу, семье и друзьям за материальное благосостояние и доброе отношение. Традиционно это было время возблагодарить за богатый урожай. С тех пор праздник утратил свои религиозные корни. В США День благодарения выпадает на четвертый четверг ноября. В

этот день все исполняют определенные правила — еда: индейка, клюквенный соус, тыквенный пирог, бобы, сладкий картофель. Просмотр футбольного матча, парады, шествия.

2. Шопинг, шоппинг (англ. shopping) — форма времяпрепровождения в виде посещения магазинов (чаще всего торгово-развлекательных комплексов) и покупки товаров (одежды, обуви, аксессуаров, головных уборов, подарков).

3. Морфин — алкалоид опиума, лекарственный препарат из группы обезболивающих средств. В медицинской практике применяют (по назначению врача) М. гидрохлорид как болеутоляющее средство при травмах и различных заболеваниях, сопровождающихся сильной болью.

4. Амбулаторная карта — индивидуальная карта больного, учетно-оперативный медицинский документ, заполняемый в поликлинике и больнице на каждого пациента.

5. Сонная артерия — парная артерия (левая и правая) у позвоночных и человека, снабжающая кровью голову, проходит рядом с трахеей и пищеводом вверх в голову и шею человека.

6. Столбняк (лат. Tetanus) — бактериальное острое инфекционное заболевание с контактным механизмом передачи возбудителя, характеризующееся поражением нервной системы и проявляющееся тоническим напряжением скелетной мускулатуры и судорогами. Болеть могут все теплокровные животные, включая человека.

Бешенство — инфекционное заболевание, вызываемое вирусом бешенства. Вирус бешенства вызывает специфический энцефалит (воспаление головного мозга) у животных и человека. Передаётся со слюной при укусе больным животным. Затем, распространяясь по нервным путям, вирус достигает слюнных желёз и нервных клеток коры головного мозга, и, поражая их, вызывает тяжёлые необратимые нарушения.

7. «Мрачные тени» — готическая «мыльная опера», которая шла по будням по каналу ABC с 27 июня 1966 по 2 апреля 1971 года.

Сериал стал исключительно популярным примерно через год после начала показа, когда в нем появился вампир Барнабас Коллинз, которого играл Джонотан Фрид. Так же в сериале были волки-оборотни, призраки, зомби, чудовища, ведьмы, колдуны, путешественники во времени (как в прошлое, так и в будущее) и параллельные миры. Краткое содержание: Виктория Винтерс приезжает в Коллинвуд, чтобы стать гувернанткой Девида Коллинза и обнаруживает, что в старинном особняке происходят странные вещи. Элизабет Коллинз Стодарт хранит тайну и никогда не покидает поместье. Её дочь Каролин постоянно вне дома. Роджер Коллинз, отец Девида, боится, что его хотят убить.

8. Юнгианский психоаналитик — последователь К.Г.Юнга (1875–1961), швейцарского психиатра, который с 1907 по 1913 гг был учеником Фрейда, а позднее основал собственную школу и систему Психопатологии.

9. Анимус (в переводе с латыни — «дух») — термин, введённый Юнгом для обозначения мужского элемента в психике женщины. Анимус представляет самую дальнюю и самую сокровенную часть в психике женщины. Анимус — это мнения и убеждения. Женщина, одержимая Анимусом, становится догматичной, фанатичной, фригидной и негибкой.

10. Феминистка — сторонница феминизма. Феминизм (от лат. femina, «женщина») — общественно-политическое движение, целью которого является предоставление женщинам всей полноты гражданских прав. В широком смысле — стремление к равноправию женщин с

мужчинами во всех сферах общества. В узком смысле — женское движение, целью которого является устранение дискриминации женщин и уравнивание их в правах с мужчинами. Возникло в XVIII веке. Особенно активизировалось с конца 1960-х годов.

11. Кавайный — жарг. миленький, хороший

12. Модем — устройство, применяющееся в системах связи для физического сопряжения информационного сигнала со средой его распространения. Модемы широко применяются для связи компьютеров через телефонную сеть или кабельную сеть с Интернетом.

13. «Бритва Оккама» или «лезвие Оккама» — методологический принцип, получивший название по имени английского монаха-францисканца, философа-номиналиста Уильяма Оккама. В упрощенном виде он гласит: «Не следует множить сущее без необходимости» (либо «Не следует привлекать новые сущности без самой крайней на то необходимости»). Этот принцип формирует базис методологического редукционизма, также называемый принципом бережливости, или законом экономии.

14. Джорджия О'Киф — американская художница. Долгое время она писала полотна в стиле пустынных пейзажей.

15. «Любопытство убило кошку» (Смысл: любопытство до добра не доведет) Русский аналог: "Любопытной Варваре на базаре нос оторвали".

16. Адепт — ревностный приверженец какого-либо учения, идеи.

17. Блог — веб-сайт, основное содержимое которого — регулярно добавляемые записи, содержащие текст, изображения или мультимедиа. Для блогов характерны недлинные записи временной значимости, отсортированные в обратном хронологическом порядке (последняя запись сверху). Отличия блога от традиционного дневника обуславливаются средой: блоги обычно публичны и предполагают сторонних читателей, которые могут вступить в публичную полемику с автором (в комментариях к блогозаписи или своих блогах).

18. Ник / Никнейм — первоначально «кличка, прозвище», а также сетевое имя — псевдоним, используемый пользователем в Интернете, обычно в местах общения (в блогах, форумах, чатах).

19. Крипта (от греч. крытый подземный ход, тайник) — в средневековой западноевропейской архитектуре одно или несколько подземных сводчатых помещений, расположенных под алтарной и хоральной частями храма и служащее для погребения и экспонирования мощей святых и мучеников. Другое название крипты — «нижняя» церковь. В Древнем Риме криптой называлось любое сводчатое подземное или полуподземное помещение.

20. Миля — путевая мера для измерения расстояния, введенная в Риме. Британская и американская: 1 миля = 8 фарлонгов = 1760 ярдов = 5280 футов = 1609,344 м (обычно, когда говорят просто «миля», подразумевают именно её).

21. Отличительными признаками растфарианцев (ветвь христианства) являются предметы одежды, в частности облегающая шапка. Поэтому очень часто такие шапки называют растфарианскими.

22. Доктор Мертенс — обувная серия фирмы AirWair Ltd. Со времени появления на рынке достигла интернационального культового статуса. Ботинки «Доктор Мертенс» были разработаны доктором Клаусом Мертенсом, которому и обязаны своим именем. Мертенс

сконструировал первый прототип в 1945 году, спустя всего несколько недель после окончания Второй мировой войны. Он задумал разработать стабильные ботинки, в которых подошва была бы не такой жёсткой, как у традиционных армейских ботинок, которые ему приходилось носить во время службы. Позже он описал реализацию этой идеи так: «Неделя как кончилась война. Многие начали грабить. Но в то время, когда все искали ценности, такие, как ювелирные изделия и меха, я выбрал немного кожи, иглу и нитки и сшил пару ботинок с толстой воздушной подошвой, как я себе и представлял».

23. Экстремист — человек, придерживающийся крайних взглядов, сторонник крайних мер.

24. Ладан — ароматическая древесная смола получаемая с деревьев рода Босвеллия: Ладанного дерева и др. из семейства Бурзеровых, растущих на Аравийском полуострове (в Йемене и Омане) и в Восточной Африке (в Сомали). Одно из древнейших благовоний, используется также в парфюмерии.

25. Музыка нью-эйдж — совокупность музыкальных стилей, направленных на релаксацию, создание положительных эмоций и стимулирование творчества. Часто используется как мелодический фон для занятий творческой деятельностью, йогой, массажем, при чтении, как метод борьбы со стрессом и для создания умиротворённой атмосферы.

26. Антипсихотические препараты или антипсихотики — психотропные препараты, предназначенные в основном для лечения психотических расстройств; зачастую их называют также нейролептиками.

Квартира Натана оказалась маленькой, заставленной слишком большим количеством мебели. Стены покрывали небольшие полки, такие, которые вы могли бы купить в магазине хозяйственных мелочей и повесить в выходной. Некоторые из них были так нагружены книгами, что прогнулись посередине. Тетради и блокноты, все исписанные неразборчивым почерком, валялись на кофейном столике. Комната была загроможденной, но не грязной.

— Прости за беспорядок, — сказал Натан с извиняющейся улыбкой. Он посмотрел в коридор. За одной из закрытых дверей на полную мощность ревел Мэрилин Мэнсон[1].

— Уменьши громкость, Зигги!

Музыка стала тише на несколько децибел[2]. На секунду Натан и я неловко застыли у дверей. Я подозревала, что он испытывает такое же смущение, как и я.

— Дети, — сказала я, пожав плечами и глядя в том направлении, где по моим предположениям находилась комната Зигги.

— Позволь взять твою пальто.

Я смотрела на лицо Натана, пока он помогал мне снять одежду. На мой взгляд, он выглядел слишком молодо, чтобы иметь сына возраста Зигги. Но, насколько я знала, Натану могло быть несколько сотен лет.

Повесив мое пальто на крючок у двери, он внезапно оживился.

— Ты уже поела? — он направился на кухню и сделал мне знак, следовать за ним. — У меня осталось немного второй положительной.

Я задержалась в дверях и смотрела, как он доставал пластиковый пакет с кровью из холодильника. Затем взял чайник с подставки для посуды рядом с раковиной и надорвал верх пакета зубами, как будто открывал упаковку с чипсами. Щелкнув зажигалкой газовой плиты, он вылил кровь в чайник и поставил тот на огонь.

Этот процесс казался таким естественным, что мне пришлось напомнить себе, что обычные мужчины не держат кровь в холодильниках. Конечно, у большинства нормальных мужчин и чайников-то нет.

— Ты ведь не собираешься пить это, правда? — вся информация из медицинского колледжа о гемоконтактных патогенах[3] промелькнула в моей голове.

Хотя Натан и не смотрел на меня, я заметила, что он явно забавляется.

— Собираюсь, хочешь немного?

— Нет! — Мой желудок сжался. — Ты знаешь, как это опасно?

— Ты знаешь, как я опасен, если не выпью это? — он склонился к столу и вытер руки кухонным полотенцем. Впервые я заметила, каким действительно высоким он был.

Согласно моим водительским правам, мой рост составлял пять футов восемь дюймов и, хотя за время пребывания в госпитале с моего тела исчезло несколько фунтов, я не была нежным цветочком. И все же Натан выглядел так, как будто легко мог порвать меня на кусочки голыми руками. Если захочет.

Но в его голосе прозвучала нотка печали. Его глаза на несколько секунд встретились с моими, но прежде чем я смогла понять, почему в них такая горечь, он отвернулся.

— Прости. Тебе никто не объяснил всего этого. Потребление крови — просто одна из реалий жизни вампира. Когда-нибудь тебе придется принять это. И сейчас как раз самое подходящее время, — его голос был хриплым. — Кроме того, если ты будешь

воздерживаться слишком долго, ты сломаешься и сделаешь что-то... о чем будешь жалеть.

— Я рискну, — из чайника начал выходить пар, запахло металлом. К моему ужасу, мой желудок заурчал. — Итак, я буду жить вечно?

— Почему это первое, о чем все спрашивают? — удивился Натан. — Нет, вероятно, ты не будешь жить вечно.

— Вероятно? Звучит не очень-то обнадеживающе.

— И не должно, — он перебросил полотенце через плечо. — Мы не восприимчивы к действию времени или к болезням, и у нас есть способность исцеляться, которая усиливается с возрастом. Но список того, что может убить нас, длиной в милю. Солнечный свет, святая вода... черт, даже достаточно серьезная автомобильная авария может уничтожить нас.

Он вылил немного крови в выщербленную керамическую кружку и пододвинул ее ко мне.

— Если не хочешь этого, могу я предложить тебе еще чего-нибудь?

— Нет, спасибо, — я села на стул, которые он выдвинул для меня. — У тебя есть здесь человеческая еда?

— Да, — сказал Натан, садясь напротив меня. — Порой она мне нравится. Я просто не могу отказаться от нее. И Зигги надо кушать.

Я нахмурилась. Зигги, очевидно, заманил меня в магазин, намереваясь убить. Это казалось непонятным, учитывая, что он сам жил с вампиром.

— Гм... твой сын знает, что ты вампир?

— Мой сын? — на мгновение Натан смутился, затем рассмеялся глубоким, насыщенным смехом, звук которого согрел меня. — Зигги не мой сын. Но я понимаю, почему у тебя такое впечатление. Он... он друг.

Друг? Я впала в уныние. Я умела читать между строчек. Это означало, что первый сносный парень, которого я встретила в этом городе, — гей.

— Тебе не кажется, что он немного молод для тебя?

Губы Натана изогнулись в удивленной улыбке:

— Я не гомосексуалист, Кэрри. Зигги — мой донор крови. Я присматриваю за ним, только и всего.

Он в первый раз назвал меня по имени, вместо того чтобы обращаться ко мне Доктор или мисс Эймс. С его тягучим акцентом — я была точно уверена, что он шотландец — имя, данное мне при рождении, выбранное методом "наобум ткнуть пальцем в книгу детских имен", звучало экзотично и почти чувственно. Я размышляла, почувствовал ли он влечение, которое я ощущала, жар, струящийся в моей крови.

Если да, то у него хватило воспитания не дать мне понять это. Я была благодарна ему.

— Так почему он пытался убить меня? В смысле, если ты вампир, и он знает это и дает тебе свою кровь и все такое, что его не устраивает во мне?

Натан сделал глоток из своей кружки.

— Это трудно объяснить.

Я посмотрела на часы, висящие на стене.

— У меня есть время.

Казалось, он несколько секунд обдумывал свой ответ, затем, оставив кружку, оперся локтями о стол и закрыл лицо руками.

— Послушай, ты кажешься мне действительно милой девочкой, но есть кое-что, что я

должен спросить у тебя. И это немного личное.

Несмотря на то, как зловеще прозвучал его вопрос, я кивнула. На данный момент мне надо было получить ответы. Я бы заполнила целую историю болезни, если бы он попросил.

— Выкладывай.

— Я очень внимательно следил за твоей историей в газетах, и у меня есть несколько вопросов. А именно, почему ты была в морге в ту ночь? — когда его глаза встретились с моими, я увидела в них невысказанное подозрение.

— Ты думаешь, я сделала это намеренно?

Он пожал плечами. Все сострадание и дружелюбие исчезли с его лица.

— Это ты должна сказать мне.

Я провела последний месяц в дымке депрессии, вырванная из нормальной жизни загадочной болезнью, от которой не могла избавиться. Мои кости болели круглые сутки. Моя голова пульсировала от малейшего проблеска света. Если я и действительно была вампиром, то точно не вела шикарную жизнь Графа Дракулы[4] или Лестата де Лионкура[5]. Я оказалась в настоящем аду уж точно не по своему выбору.

— Пожалуйста, — тихо произнес он. — Мне надо знать.

Я была готова ударить его.

— Нет. Ты думаешь, я такая идиотка?

Он пожал плечами:

— Есть люди рядом с нами, больные люди, которые хотят сбежать от своей жизни. Может быть, у них была какая-то травма, болезнь, потеря любимых, — он посмотрел на меня безжизненными глазами. — Потеря твоих родителей.

— Как ты узнал о моих родителях? — спросила я сквозь стиснутые зубы. Я не говорила о них со времени аварии, в которой они погибли. Они ехали, чтобы навестить меня в колледже. Чувство вины удерживало меня от откровений о них. Никто, кроме моих дальних оставшихся в Орегоне родственников, большинство из которых я в первый раз встретила на похоронах, не знал о них или об обстоятельствах их смерти.

— У меня есть связи, — сказал Натан, как будто мы обсуждали, как он достал места в первом ряду на «Лейкерс»[6], а не то, каким образом он вторгся в мою частную жизнь. Ему хватило наглости перегнуть через стол и взять меня за руку. — Я знаю, каково это: терять кого-то. Поверь мне. Я могу понять, почему ты хотела...

— Я не хотела этого!

Я не собиралась кричать, но это оказалось так приятно. Мне захотелось сделать это снова. Вся мерзость и ужас последнего месяца, казалось, поднялись во мне, выталкивая меня за границы самоконтроля.

— Кэрри, пожалуйста... — Натан снова попытался успокоить меня, но я его просто проигнорировала.

Мои колени стукнулись о стол, когда я встала, и кружка Натана перевернулась. Теплая кровь разлилась по столешнице. Я почувствовала в этом нездоровое очарование, и в голове возникла картина, как я наклоняюсь и слизываю жидкость. Я потрясла головой, чтобы избавиться от наваждения.

— Я не хотела этого! — сдвинув воротник толстовки в сторону, я ткнула пальцем в едва заживший шрам на шее. — Ты думаешь, кто-нибудь попросил бы об этом? Ты думаешь, я спустилась в морг и сказала: «Эй, Джон Доу, почему бы тебе не прокусить мою хренову шею? Почему бы тебе не превратить мою жизнь в полнейшее дерьмо?» — Громкость музыки

в комнате Зигги существенно снизилась. Отлично. Пусть слышит. — Думаешь, я хотела сидеть здесь и смотреть, как какой-то парень, которого я никогда раньше не встречала, пьет гребаную кровь? Я просто хочу получить свою жизнь обратно!

Нет, на самом деле я хотела кричать, пока мое горло не станет кровоточить. Я хотела топтать ногами и разбрасывать вещи, хотела избавиться от этих чувств безнадежности и разочарования.

Вместо этого я разревелась. Мои ноги подкосились, и я осела на пол. Когда Натан опустился рядом на колени и протянул руки, чтобы утешить меня, я оттолкнула его. А когда он попытался снова, то бороться с ним у меня не было сил.

Я не могла сдерживать свои всхлипы, пока рыдала на его твердой груди. Шерстяной свитер колот мои щеки. Он хорошо пах, мужчиной — отчетливо, а мылом — слегка, как будто только что вышел из душа. Так что с того, что он был абсолютным незнакомцем? До этого я никогда не могла плакать и позволять кому-то утешать меня.

— Я знаю, что ты не хотела, — мягко сказал Натан.

— Правда? — требовательно спросила я, глядя на него. — Потому что ты действовал точно как вампирская полиция или что-то вроде того.

Он нежно обхватил мое лицо руками, заставляя смотреть на него:

— Знаю, потому что то же самое случилось со мной. От руки твоего Джона Доу.

Его слова, казалось, как по волшебству закрыли брешь в плотине, которая прорвалась внутри меня. Моя грудь больше не сжималась от рыданий, а слезы чудесным образом высохли.

Натан помог мне подняться на ноги. Я воспользовалась этим мгновением, чтобы поприжиматься к нему так долго, как только могла, чтобы это не показалось странным. Оперевшись руками чуть ниже его груди, якобы чтобы прочнее встать на ноги, я почувствовала твердые мускулы этого идеального живота под шерстяной тканью.

Он поднял стул — жертву моего внезапного гнева — и помог мне сесть. Затем вручил стакан воды и принялся вытирать разлитую кровь.

Между нами повисло молчание, но меня переполняли вопросы. Я начала с самого очевидного.

— Как это случилось?

Натан встал у раковины, смывая кровь с кухонного полотенца.

— Он взял твою кровь, ты взяла его. Потом ты умерла. Вот так это и происходит.

— Нет, — начала я, намереваясь спросить, как он стал вампиром, атаковал ли его Джон Доу без причины, как это случилось со мной. Вместо этого я сконцентрировалась на его словах: — Я не пила его кровь. И не думаю, что он пил мою.

— Его кровь не попадала в твой рот? В твои раны? — Натан наклонился к столу. — Нужна всего лишь одна капля. Это как вирус или рак. Он может затаиться на десятилетия, ожидая, пока сердце перестанет биться. А затем испортит твои клетки.

— Да, но я не умирала. Они делали мне операцию, чтобы остановить кровотечение... — но все было не совсем так. — О, Боже. У меня была желудочковая тахикардия[7] в послеоперационной палате. Я умерла.

— Вот когда это случилось, — он указал на гостиную. — Давай пойдем туда. Там нам будет удобней.

В гостиной я села на софу, а Натан подошел к книжным полкам, висящим на стене, вытащил один том и вручил его мне.

— Это должно ответить на некоторые вопросы.

Книга в бордовом кожаном переплете казалась невероятно старой. Страницы были с золотым обрезом. На обложке не было ничего, за исключением маленького вытесненного золотом штампа в нижнем правом углу. «Сангвинар»[8], - прошептала я, пробежав пальцами по буквам. Я узнала корень этого слова: кровь по-латыни. Открыв книгу, я не обнаружила обычной издательской информации. Лишь титульная страница намекала на истинный возраст фолианта.

«Сангвинар» — было написано большими буквами, а ниже шрифтом помельче: «Практическое руководство по привычкам вампиров». Шрифт был неровным, как будто страницы печатались в старой типографии. Значит, книгу издали, по крайней мере, две сотни лет назад.

Я перелистнула несколько страниц.

— Справочник для вампиров?

— Не совсем. Больше похоже на обучающее руководство для охотников на вампиров.

Но прежде чем он закончил предложение, я наткнулась на живописную гравюру мужчины, погружающего вилы в круглый живот разъяренной демоницы.

— Ох, — я захлопнула книгу.

— Дословный перевод названия означает: «Те, кто испытывает жажду крови», — улыбнулся он. — Это трудно понять. Я начну с самого начала.

Я кивнула, соглашаясь, хотя, кажется, у меня не было особого выбора. Натан сел рядом со мной, немного ближе, чем я ожидала. Не то чтобы я жаловалась.

— Вот уже больше двухсот лет существует группа вампиров, посвятивших себя истреблению своего собственного вида для сохранения человечества. В прошлом они были известны как Орден Кровного Братства. Сегодня их называют «Добровольное Движение Уничтожения Вампиров». В Ордене существовало четырнадцать заповедей. Но «Движение» заставляет следовать только трем. Вампир не должен кормиться от человека против его воли. Вампир не должен создавать другого вампира. Вампир не должен причинять вред или убивать человека.

— Кажется, это не очень страшные запреты, — заметила я.

— Нынешним вампира легче следовать им по сравнению с прошлыми временами, — его голос зазвучал ностальгически. — Штаб-квартира «Движения» находится в Испании, в одном из реконструированных подземелий Инквизиции, но члены «Движения» разбросаны по всему миру. Я единственный член в этой части страны, но есть убийцы вампиров в Детройте и Чикаго. У «Движения» имеется парк частных реактивных самолетов на тот случай, если одному из нас понадобится отправиться за границу. Иначе было бы достаточно трудно путешествовать.

— Итак, как я поняла, это коммерческая организация, раз они могут позволить себе реактивные самолеты.

Это вызвало легкую улыбку на лице Натана:

— Большая часть средств «Движения» поступает от щедрых покровителей, очень старых вампиров, у которых были века, чтобы накопить свое состояние. «Движение» существует уже долгое время, и эти пожертвования накапливаются. Плюс, я полагаю, они занимаются недвижимостью на стороне.

— Я всегда говорила, что мой домовладелец — монстр, но никогда не думала, что это может оказаться правдой, — я попыталась забрать книгу обратно. — Хорошо, не есть людей,

не создавать других вампиров или не убивать. До сегодняшнего дня я могла следовать этим правилам и не предвижу каких-то проблем в ближайшем будущем.

— Отлично, — сказал он, снова протягивая мне «Сангвинар». — Потому что если ты нарушишь их, наказание будет суровым.

— Насколько суровым? — я попыталась сказать это беззаботно.

— Смерть. Кир, вампир, который создал тебя...

Я фыркнула:

— Кир? Это настоящее имя?

Натан выглядел слегка раздраженным моим замечанием.

— Кир скрывается от «Движения» в Америке более тридцати лет, а в других частях планеты еще дольше. Ранения, которые привели его в твоё отделение скорой помощи, он получил в результате неудавшейся попытки уничтожения.

Моя веселость исчезла, когда я вспомнила ужасные повреждения Джона Доу, и во рту у меня пересохло.

— Какое из правил он нарушил?

— Все. Задолго до того, как напал на тебя. Мы просто не могли прикончить его.

— Никто не заслуживает этого, — я попыталась изгнать образ искалеченного тела Джона Доу из своей головы. — Если бы ты видел его. Что они сделали с ним.

— Я видел, — сухо сказал Натан. — Я тот, кого послали уничтожить его.

— Ты? — раны на груди Джона Доу. Выбитый глаз. Раздробленные, сломанные кости его лица. Все это сделал мужчина, сидящий рядом со мной. — Как?

— Я начал с кола в сердце, а когда это не сработало, то решил разрубить его на мелкие кусочки и похоронить на освященной земле. Но у него была припасена парочка хороших ударов. Мне повезло, что я сижу сейчас здесь. Кто-то, должно быть, увидел, как мы сражаемся, потому что появились полицейские. Остальное...

— ...история, — прошептала я.

Натан неловко поерзал рядом со мной.

— Вообще-то нет. Он все еще поблизости. Вот почему Зигги шнырял в поисках вампиров. Мы знаем, что Кир в городе. И он единственный вампир вне закона в этой зоне. Я отслеживаю всех появляющихся здесь новообращенных вампиров. Нахожу их, убиваю и сообщаю «Движению», — он вытянул ноги, устраиваясь поудобней. — Они дают мне шесть сотен долларов за голову. Образно выражаясь, конечно. Я не должен приносить им сами головы.

Мне пришлось напомнить себе, что он говорил об убийствах, несмотря на обыденность, с которой рассуждал об этом.

— Ты убиваешь их? Почему?

Он посмотрел на меня так, как будто у меня выросли рога на голове:

— Потому что они вампиры.

— Так же, как и ты!

— Да, но я хороший вампир, — терпеливо объяснил он. — Хорошие вампиры получают жизнь, плохие вампиры получают билет в один конец туда, куда мы отправляемся после смерти. Здесь нет никаких премудростей.

Я вскочила на ноги.

— Ты когда-нибудь думал, что возможно некоторые из них могли бы быть хорошими вампирами? Я имею в виду, ты никогда не проверял сначала? Или ты просто идешь и с

улыбкой убиваешь их?

— Я даю им шанс изменить мое мнение, но все они заканчивают одинаково. Они не могут быть хорошими вампирами, — настаивал он.

— И почему же нет?

— Потому что они не были созданы хорошими вампирами, — тяжело вздохнув, Натан поднял «Сангвинар». — Каждый обращенный, с которым я встречался до сих пор, поступал так же, как его создатель. Узы крови невероятно сильны, что делает для нового вампира практически невозможной борьбу с зовом крови в его венах, волей его создателя. Книга объяснит это намного лучше, чем я.

— Ну, раз уж я здесь, почему бы тебе не попытаться? — угрожающе изогнув бровь, я уперлась руками в бедра, чтобы показать, что не двинусь с места, пока он не ответит.

— Знаешь ли, ты ужасно надоедливая особа, — Натан положил книгу на стол. — «Движение» не хочет, чтобы создавались новые вампиры. Мы пытаемся сократить наш вид до нуля. Поэтому истребление является обязанностью «Добровольного Движения Уничтожения Вампиров». Некоторые вампиры не согласны с этой идеей. Так что они начинают создавать новых вампиров. Когда вампиры обмениваются кровью с человеком, чтобы создать другого вампира, их кровь остается в венах нового вампира. Навсегда. Так получается то, что мы называем «узами крови». Для создателя — это способ управлять тем, кого он создал... как невидимый поводок. Узы ослабеют с течением времени, но обращенный и его создатель еще долго будут чувствовать эмоции друг друга, физическую боль и голод. Обращенными всегда будет руководить кровь создателя, и большинство из них не хотят перемен. Эта связь остается и после смерти. Даже если создатель умирает, он все еще может нести разрушение в мир посредством тех, кого создал. Обращенные, под вечным воздействием крови его или ее создателя и какой-то извращенной морали, переданной им по наследству, могут бродить среди людей и продолжать создавать новых вампиров. Очень скоро человеческой расе можно будет сказать «прощай». Вот как «Движение» видит это. Единственный способ удержать кого-то, подобного Киру, от создания собственной вампирской армии и захвата мира — убийство его отпрысков. Это несправедливо, но так уж вышло.

Я сглотнула:

— Ты говоришь так, как будто очень предан «Движению».

— Мне приходится. Когда меня обратили, я поклялся в своей верности им, чтобы сохранить жизнь, — он встал и двинулся ко мне, хотя я не могла сказать, с какой целью.

— Звучит, как будто эти парни из «Движения» обладают большой властью. Откуда ты знаешь, что у них на уме действительно самые лучшие побуждения? — мне хотелось сделать шаг назад, но я осталась на месте. Я не собиралась позволять ему запугивать себя. Не после того, через что я прошла. Если он хотел убить, то должен был... ну, он сначала должен встретиться с моим новым «я».

Натан не ответил на мой вопрос, но не попытался схватить меня или воткнуть кол мне в сердце, а, отбросив в сторону мои волосы, нежно коснулся шрама, который оставил Кир.

— Он действительно достал тебя.

От его прикосновения по моему позвоночнику пробежала дрожь. Я наклонилась к его руке. Я не могла справиться с собой.

Что-то изменилось в его глазах, как будто захлопнулись железные ворота. Он убрал руку и отвернулся.

— Тебе тоже придется сделать выбор. Хочешь ли ты отдать свою жизнь «Движению» или потерять ее.

Я фыркнула:

— Где мне расписаться кровью?

— Это не шутка, — Натан повернулся ко мне лицом, и по его сердитому выражению я поняла, что это точно не шутка. — Я даже не могу гарантировать, что «Движение» примет тебя, но это твой единственный шанс на выживание. Смертный приговор твоему создателю распространяется и на тебя.

Мое сердце загрохотало, а ноги напряглись, собираясь бежать. Я сделала шаг назад.

— Ты действительно убьешь меня, да?

— Да, — он отвел взгляд, затем сел на софу. — Ничего личного. Но я не знаю тебя достаточно хорошо, чтобы сказать, собираюсь ли быть лояльным к потомку Кира или нет. Ты кажешься милой девочкой, но я не готов так рисковать.

— Ничего личного, — я с горечью, недоверчиво усмехнулась. — Знаешь, это личное. Когда меня заманивают в ловушку и чуть не отрубают голову, это личное. Когда какой-то парень, которого я только что встретила, говорит мне, что собирается убить меня, это личное. Потому что это моя жизнь. Ты ненормальный, если думаешь, что я сдамся без борьбы.

Уголок его рта дернулся, и я подумала, что он засмеется. Я бы ударила его по лицу, если бы он так сделал.

Хорошо, что не сделал.

— Я могу с уважением относиться к этому. Но моя позиция не изменится. Тебе надо принять решение. Проси «Движение» о милосердии и надейся, что они тебе его даруют. От меня ты его не получишь.

— Почему бы тебе просто не убить меня сейчас? — спросила я, надеясь, что он не посчитает это приглашением.

Натан просто пожал плечами и сказал:

— Потому что без приказа на уничтожение мне не заплатят.

— Приказ на уничтожение?

Может ли это стать еще более похожим на плохой ужастик?

— Если ты решишь не обращаться в «Движение» с просьбой о принятии тебя в члены, я доложу о тебе. Ты будешь изучена их системой, и через несколько дней будет издан приказ на уничтожение, — Натан снова пожал плечами, как будто его совсем не волновал наш разговор. — Полагаю, ты можешь сбежать, но до тех пор, пока в моих руках не будет приказа, я не собираюсь что-то с тобой делать. Я не работаю бесплатно.

Я могла бы поспорить, что он может просто убить меня, а уже потом сообщить. К счастью, здравый смысл, который, казалось, покинул меня в последние несколько недель, вернулся обратно, и я прикусила язык.

— Да ты прямо Хан Соло[9].

Он не улыбнулся и не рассмеялся. На самом деле, он выглядел даже более мрачным, чем раньше.

— Все зависит от тебя. Прощение о членстве или смерть. Я могу позвонить им прямо сейчас.

— Отлично, — выдавила я сквозь сжатые зубы. — Могу я, по крайней мере, обдумать свое решение?

Вампир нахмурился и опустил голову, изучая меня уголком глаза, как будто это было шуткой.

— Что ты предлагаешь?

Я осторожно выбирала слова.

— Дай мне шанс прочитать «Сангвинар» и немного времени, чтобы все это улеглось. Я не верила в вампиров или монстров до сегодняшней ночи и нахожусь в состоянии, которое в медицине называют шоковым. Будет справедливо, если я узнаю во что собираюсь ввязаться. Кроме того, я умная девушка и не собираюсь присоединиться к какой-то организации просто потому, что ты заявил, что они хорошие парни.

— Они хорошие парни, — в его тоне не было веселья, лишь абсолютная уверенность в истинности своих слов.

Я закатила глаза:

— Да, то же самое о себе говорили нацисты.

Натан медленно поднялся на ноги. От него исходила сила, темная и едва сдерживаемая. И это, вкупе с его физическим присутствием, делало его более пугающим, чем был Джон Доу, когда погрузил в меня свои клыки.

Конечно, Джон Доу не был таким чувственным. Каким-то образом мое физическое влечение к Натану заставляло его казаться еще более опасным.

Но он не напал на меня. Он просто вторгся в мое личное пространство и разрушил мою комфортную зону.

Он наклонился так, что наши носы почти столкнулись.

— Как я узнаю, что ты не дурачишь меня, чтобы получить возможность вернуться к Киру под его защиту?

— Потому что пока ты не упомянул об этом, подобная мысль не приходила мне в голову, — не знаю, ожидал ли он, что я съезжусь или заплачу, или растаю в его руках, но, судя по яркому блеску его глаз, я его удивила.

— Дай мне пару недель. Ты можешь даже следить за мной. В конце этого срока я дам тебе ответ.

— Или ты будешь кричать от боли, — Натан снова попытался запугать меня, но я была уверена, что сегодня он не убьет меня. Что-то в том, как он осматривал мое тело, как он делал это сейчас, грубыми и голодными глазами, говорило мне, что женщины — его слабое место. Или твердое место, зависит от того, как вы смотрите на это.

Намеренно медленная улыбка появилась на моих губах:

— Разве я похожа на девушку, которая сбегает от проблем?

Он скрестил руки на груди:

— Ты сбежала от Зигги.

Туше.

— Да, но у Зигги был топор. Ты собираешься убить меня голыми руками?

Он усмехнулся:

— Я очень хорошо умею работать руками.

Чертовы гормоны, Бэтмен.

Дверь в комнату Зигги распахнулась, и Натан немедленно отступил. Парень как фурия ворвался в кухню, показывая Натану средний палец.

— Знаю, знаю. У меня с утра уроки, я должен отдохнуть, — пробормотал подросток. — Нужно прочитать "101 ключевую идею психологии"[10], а для этого нужно сначала

проснуться. Я просто сделаю сэндвич перед сном.

— Сном? — тупо спросила я, глядя на часы. Десять минут одиннадцатого. — Мне надо идти.

Натан последовал за мной до дверей.

— Ты не думала, что то, что ты делаешь, заставит Кира искать тебя.

Не думала.

— Я скажу ему, чтобы убирался, и что поняла намек, — ответила я. Мое беспокойство проскользнуло в вымученном смешке.

Мысль, что я была на кровном уровне связана с монстром, который атаковал меня, оказалась невыносимой. Мало того, что он вторгнулся в мои кошмары. Его кровь тоже стала частью меня.

Натан изучал мое лицо в течение секунды, а я в ответ смотрела на него, не в состоянии разглядеть ни одной эмоции. Он, вероятно, практиковался в скрывании своих чувств так долго, что даже сам не смог бы обнаружить их. Отведя взгляд, он протянул мне пальто.

— Если тебе что-то будет нужно, у тебя есть мой номер. И это, — сказал он и протянул «Сангвинар».

Одной рукой я взяла книгу, а другой неуклюже попыталась застегнуть пальто. Натан подошел сзади, чтобы помочь, и понадобилось все мое самообладание, чтобы не прислониться к нему. Что я могла сказать? Прошло много времени с тех пор, как я занималась с кем-то опасным, псевдо-сексуальным флиртом.

— Спасибо, — тихо произнесла я, опуская ладонь на дверную ручку.

— Еще одно, — сказал Натан. — Если тебе потребуется кровь, пожалуйста, приди ко мне. У меня всегда есть небольшой запас. Просто не выходи на улицу поздно. Днем, я имею в виду. На самом деле, тебе, наверно, стоит начать полностью избегать этого времени суток. Уверен, через некоторое время, даже если ты не будешь питаться, перемены завершатся сами собой. Я всегда здесь, если тебе понадобится... помощь.

— Спасибо, но у меня нет желания пить кровь.

— Ты скоро почувствуешь его, — предупредил Натан, пока я спускалась по лестнице.

— Почувствую что? — я была более заинтересована видом снега на земле, чем его зловещим тоном.

— Голод. Ты почувствуешь голод.

1. Мэрилин Мэнсон (англ. Marilyn Manson, настоящее имя — Брайан Хью Уорнер, Brian Hugh Warner; р. 5 января 1969) — американский музыкант, основатель и лидер рок-группы Marilyn Manson. Имя Мэрилин Мэнсон (Marilyn Manson) состоит из фрагментов имён двух совершенно разных людей: кинозвезды Мэрилин Монро и маньяка-убийцы Чарльза Мэнсона.

2. Децибел (от деци... и бел), дольная единица от бела — единицы логарифмической относительной величины (десятичного логарифма отношения двух одноимённых физических величин — энергий, мощностей, звуковых давлений и др.); равна 0,1 бел. Обозначения: русское дБ, международное dB. Д. чаще применяется на практике, чем основная единица — бел.

3. Гемоконтатные патогенны — болезнетворные микроорганизмы или факторы,

возбудители заболевания, переносимые кровью.

4. Граф Дракула (англ. Dracula) — персонаж литературных произведений и кинофильмов, вампир. Был придуман ирландским писателем Брэмом Стокером для романа «Дракула» (1897). По распространённому мнению, прототипом для этого персонажа послужила реальная историческая личность — Влад III Цепеш (Дракула), господарь средневекового княжества Валахия. Однако, многие исследователи творчества Стокера считают, что вымышленного Дракулу не следует отождествлять с валашским правителем. Персонаж романа Дракула Брэма Стокера породил множество инсценировок, киноэкранизаций, а также различных продолжений — появились различные сыновья и дочери Дракулы, его соперники-вампиры, а также иные связанные и порождённые образом Дракулы персонажи: граф Мора, граф Алукард, граф Йорга Блэкула и т. д.

Граф Орлок в фильме ужасов «Носферату» — самом раннем из фильмов, снятых по мотивам «Дракулы» Б. Стокера

5. Лестат де Лионкур (англ. Lestat de Lioncourt) — вымышленный персонаж из серии романов Энн Райс. Он является вампиром и главным персонажем большинства «Вампирских хроник», которые рассказаны от первого лица.

Том Круз играет Лестата де Лионкура в экранизации «Интервью с вампиром»

6. «Лос-Анджелес Лейкерс» (англ. Los Angeles Lakers) — профессиональный баскетбольный клуб, выступающий в Национальной баскетбольной ассоциации. 16-кратный чемпион НБА (больше побед только у Бостон Селтикс — 17). Команда была основана в 1946 году. Клуб базируется в городе Лос-Анджелес, Калифорния. Главный тренер: Фил Джексон. Звезда клуба — Коби Брайант.

7. Желудочковая тахикардия (ЖТ) — это тахикардия, которая возникает в желудочках. Желудочковая тахикардия очень разнообразна в своих проявлениях. Различают неустойчивую (несколько комплексов или секунд) и устойчивую ЖТ (более 30 сек.). Кроме того, выделяют мономорфную (когда все комплексы одинаковые) и полиморфную (комплексы изменяются) желудочковые тахикардии.

Считается, что желудочковая тахикардия у пациентов без заболеваний сердца незначительно увеличивает риск внезапной сердечной смерти (ВСС), в то время как ЖТ у пациентов с серьезной патологией сердца является самой опасной аритмией, которая может в любой момент закончиться смертью пациента.

8. Под словом «сангвинар» (лат. Sanguinarius «кровожадный») понимают вампира, пьющего кровь. Здесь такое название носит книга

9. Хан Соло (англ. Han Solo, варианты транскрипции — Хэн, Ган и др.) — один из героев саги Джорджа Лукаса «Звёздные войны». Он участвует в эпизодах «Новая надежда», «Империя наносит ответный удар» и «Возвращение джедая». Во всех этих эпизодах его играет Харрисон Форд.

Хан Соло — пилот космического корабля «Тысячелетний сокол». Его бортмехаником является вуки по имени Чубакка.

Персонаж Хан Соло занял четырнадцатое место в списке 100 героев и злодеев Американского института кино.

10. «101 ключевая идея. Психология»

Автор: Дейв Робинсон

Цель этой книги — доступным и увлекательным образом познакомить читателя с психологией. Здесь объясняется 101 ключевой термин, часто встречающийся в литературе по данной отрасли знаний. Для удобства статьи идут в алфавитном порядке. Причем от читателя почти не требуется никаких специальных знаний или подготовки. Книга будет полезна для всех: и для широкого круга читателей, и для тех, кто готовится к поступлению в высшие учебные заведения, и для тех, кто уже в них учится.

ГЛАВА 4

Когда Кэрри встретила Далию

Я не придавала большого значения предупреждению Натана, пока однажды ночью не почувствовала голод.

Я провела неделю, изо всех сил пытаюсь жить так, как будто ничего не изменилось, и собиралась насладиться, возможно, последними днями в своей жизни, прежде чем подчинюсь приговору «Движения». Конечно, я читала «Сангвинар». Он был таким же сухим и викторианским, как «Властелин колец» [1]. Я напомнила себе, что мое дальнейшее существование зависело от прочтения этой конкретной книги.

Каждую ночь Натан звонил, чтобы проверить меня. Я проклинала себя за то, что мой номер был в справочнике. Иногда он звонил после моего ухода на работу, и скоро я обнаружила, что не могу дождаться окончания смены, чтобы услышать его голос на автоответчике. Но к концу недели каждую свободную минуту — нет, все время — я думала о крови.

Чтобы выдержать ночные смены в госпитале, мне приходилось постоянно перекусывать. Кофе, пицца, попкорн, все с сильным запахом, чтобы перекрыть аромат крови. Некоторые медсестры отпускали завистливые замечания о моей способности так много есть и не толстеть. Я едва слышала их. Все заглушало отвратительное биение их сердец.

Кровь стала всепоглощающим безумием. Я принимала огромное количество жестких мер, чтобы обеспечить безопасность каждого вокруг меня. Во время своих частых перерывов я запиралась в ванной для персонала и использовала бритвенное лезвие, чтобы сделать маленькие, неглубокие надрезы на внутренней поверхности руки, а затем слизывала выступавшую оттуда кровь. Это плохо утоляло жажду, а в результате эти царапины возбудили интерес ординаторов из психиатрии. Я потратила много времени, избегая их и их ласковых приглашений поговорить о моем «восстановлении».

Несмотря на голод, я не могла даже подумать о том, чтобы пить человеческую кровь. Раз или два, в отчаянии, я тайком забирала пробирку с кровью, взятой на анализ у пациента, и приносила ее домой. Но угроза крошечных вирусов, только и выжидающих момента, когда они смогут обосноваться в моем организме, вызывала дрожь. Я выливала кровь в раковину и разбивала пробирки.

Мой вес резко падал. Я потеряла десять фунтов за три дня и чувствовала себя усталой и измученной. Куда бы я ни приходила, звук человеческих сердец, перекачивающих кровь по толстым голубым венам, сводил меня с ума.

«Сангвинар» советовал кормить пленных вампиров сырым стейком. Кто бы это ни написал, он абсолютно точно никогда не видел выпуск 20/20 [2], где рассказывалось о болезнях на скотобойнях и кишечной палочке [3].

Ночи, свободные от дежурств, были еще хуже, чем ночи, когда мне приходилось работать. По крайней мере, в госпитале я заставляла себя концентрироваться на чем-то еще, кроме голода. В одну особенно плохую ночь я наконец сдалась и отправилась обратно на Уэлси-авеню. Слезы струились по моему лицу, пока меня неудержимо трясло за рулем, как какого-то наркомана, отчаянно нуждающегося в дозе.

Натан не позвонил этой ночью, и мне не пришло в голову позвонить ему, прежде чем я

оказалась у его двери. Мне нужна была кровь. Очень сильно. Мои руки дрожали, когда я нажала на кнопку звонка в его квартиру.

Реакции не последовало. Окно магазина было темным, и никто не ответил на мой яростный стук.

Парни и девушки ходили туда-сюда по тротуару. Биение их сердец заглушало слова их разговоров. Большинство из них выглядели достаточно молодыми, чтобы на них распространялся комендантский час, но некоторые могли быть студентами колледжа.

Студенты колледжа из других штатов, возможно, здесь их знали лишь несколько человек. Как и меня. Если они исчезнут, никто не будет искать их несколько дней, а может даже недель...

Меня ужаснула эта мысль, но мне нужна была кровь. Поскольку я не могла ограбить передвижную станцию для сбора донорской крови, нужно было найти донора.

Я не вернулась в машину. Мне надо было прогуляться на свежем воздухе и открытом пространстве.

Не знаю, как долго я искала. Я выбирала. Один бар выглядел слишком сырым и низкопробным на мой вкус. Он, вероятно, был полон мужиков среднего возраста во фланелевых рубашках, смотрящих по телевизору спорт. Мне нужен был кто-нибудь молодой. Кто-нибудь красивый.

Я заметила ее на улице.

Она переходила улицу на красный свет. Ее светлые волосы летели за ней как флаг на ветру. То, как она сжимала пальто на груди, подчеркивало стройность ее фигуры.

Прежде я никогда не чувствовала такого влечения к кому-то, не говоря уж о женщине. Это было не сексуальное влечение. А животный инстинкт, такой чистый и естественный — как дыхание. Мне нужна была ее кровь.

Девушка в черном пальто пробилась сквозь небольшую группу из парней и девиц, шатающихся по тротуару. Подойдя ближе, я прочитала название на здании, в которое она вошла.

Закрытые окна клуба «Сайт» обрамляли голубые неоновые трубки. Кирпичное здание было выкрашено в черный цвет, но покраску не завершили, и кое-где были видны пятна красного кирпича. Место казалось грязным и запущенным.

Переступив порог, я последовала за ней вниз по лестнице. Стены вокруг нас вибрировали от приглушенных басов. Девушка открыла дверь вниз, и весь коридор наполнился шумом. Клуб оказался набит молодыми людьми в черном. Некоторые были одеты на манер героев Диккенса [4] в высокие шляпы и с тростями. Остальные обмотались рваной тканью, залатанной изоляционной лентой. Они все смотрели на меня так, как будто голубые джинсы и лицо в веснушках вызывали в них отвращение.

Мне было наплевать. Я упустила свою жертву. Найти ее трагическую фигуру в этой извивающейся массе жалких уродов не представлялось возможным.

— Она пошла в уборную, — сказал голос прямо мне на ухо. — Но на твоём месте я бы не стала следовать за ней. Она не знает, кто ты.

Мое сердце едва не остановилось, грудь сжалась, и возбуждение от погони исчезло. Меня поймали.

Я медленно обернулась, ожидая увидеть офицера в униформе. Вместо этого я обнаружила, что смотрю на ухмыляющееся лицо очень уверенной молодой женщины. Она не была тонкой во всех смыслах этого слова, но покачивалась в такт музыке с врожденной

грацией, которая говорила о том, что она не считает свое тело большим или неуклюжим. Стандартный макияж в стиле Роберта Смита [5], состоящий из густой подводки и насыщенной красной помады, украшал ее бледное лицо, а густая копна рыжих кудрей свисала до плеч.

— Удивлена? — спросила она, положив руки на свои пышные бедра. — Ты была такой очевидной.

— Очевидной? — мой рот пересох.

Рыжеволосая посмотрела на меня, склонив голову на бок. Локоны подпрыгнули, когда она рассмеялась.

— Да, очевидной. Но не беспокойся, большая часть деток не узнают настоящего вампира, даже если он подойдет и укусит их за задницу. Они здесь, потому что родители их просто не понимают.

Пульсация музыки вкупе со звуком бьющихся сердец вокруг заставляли меня чувствовать себя так, как будто куча барабанщиков бьют в свои тарелки на всю катушку в моей лобной доле. Я зажмурилась от вращающегося света и движения в комнате.

— Как ты узнала, кто я?

— Ты, должно быть, еще не освоилась со всеми этими вампирскими штучками, так? — спросила девушка, улыбнувшись такой озорной улыбкой, как будто тренировала ее перед зеркалом в течение нескольких лет. — Эта девчонка там закричит, как баньши, [6] прежде чем ты получишь из нее хоть капельку, и где ты потом окажешься? В самой гуще неприятностей, вот где.

Прежде чем я смогла возразить, она схватила меня за руку. Под ее ладонью моя кожа стала теплой и живой, как будто я впитывала ее энергию. Сквозь шум сотен людских сердец я могла слышать ее пульс, самый громкий из всех, но не чувствовала желания пить из нее. Она была теплой и живой, но она не казалась человеком на сто процентов.

Опасность была рядом. Ее сладкие слова были пронизаны напряжением. Она двигалась как танцовщица, несмотря на свои пышные формы, и каждое ее движение говорило о настойчивости.

Меня грыз голод, так что я последовала за ней.

Пока мы шли, она сказала, что ее имя Даля. Она вывела меня из клуба и повела дальше через несколько аллей, через заброшенное депо, засыпанное снегом.

— Здесь, — она указала на приземистое каменное здание, некоторое время назад разрушенное пожаром. Бетонная ограда отделяла его от скоростной автострады. Я слышала, как мимо проносились машины. — Копы никогда не придут сюда, — объяснила Даля. — А если и придут, то не вернуться.

Внутри помещение оказалось большим и свободным, как будто здесь когда-то находился товарный склад или фабрика. В самом центре провалился потолок. Кто-то оказался достаточно трудолюбивым, чтобы закрыть дыру пластиковой пленкой. Было темно и холодно. Несущие в себе угрозу фигуры толпились в каждом углу.

Я слышала биение сердец, кашель и тихие стоны. Запах страха в комнате был таким же насыщенным, как безошибочный аромат безнадежности.

— Что это за место? — прошептала я.

Даля сбросила пальто и расстелила на земле:

— Дом доноров.

Должно быть, я смотрела на нее с непонимающим видом, потому что она закатила глаза

и вздохнула, как будто я была непроходимой тупицей.

— Место, куда приходят вампиры, чтобы глотнуть по-быстрому, — объяснила она. — Глотнуть по-быстрому, доходит?

Я молча кивнула:

— Доходит... но кто эти люди?

— Доноры? — она плюхнулась на пол, скрестив ноги. — Кто знает? Может быть, они бездомные и просто нуждаются в каком-то приюте. Может быть, они фрики [7], которых это возбуждает. Или, может, они как я.

— Как ты? — спросила я.

Худенькая девочка с запачканным грязью лицом и засаленными каштановыми волосами пролетела мимо нас. Поношенная куртка соскользнула с ее костлявого плеча, когда она оттолкнула меня.

— Мне нужны деньги, — сказала Далия, указывая мне жестом, чтобы я села. — Суть в том, что эти люди отчаялись так, что готовы дать тебе то, что ты хочешь. Эти извращенцы, готы [8] в клубе, ни хрена не знают. Тебе лучше бродить под мостами в поисках бездомных, чем вернуться обратно в эту дыру.

Я хотела уйти. Это место воняло потом, дымом и отчаянием. Но мне нужна была кровь, так что я опустилась на колени рядом с со странной знакомой на раскрошившийся бетон. Мое сердце забилося быстрее, и я содрогнулась от предвкушения того, как подгружу зубы в мягкое бледное тело.

— Пятьдесят долларов, наличкой, — она вытащила деревянный кол из кармана своего пальто. — И ты остановишься, когда я скажу, поняла?

Кол усмирил животную ярость, нараставшую во мне. Я не знала, что конкретно случится, если эта штука коснется меня, но мое воображение наполнилось воспоминаниями зияющей раны в груди Кира.

Окоченевшими пальцами я нащупала сумочку, и когда потянула за молнию, содержимое с грохотом вывалилось на пол. Пудреница, упав на землю, открылась. Сквозь маленькое внезапно появившееся облако пудры, я увидела свои глаза, отражающиеся в зеркале: большие, испуганные, возбужденные. Мне казалось, у вампиров нет отражений. Забавно, что я не думала об этом прежде. Трясущимися руками я вручила Далии деньги.

Удовлетворенно ухмыльнувшись, она пересчитала их, и засунула в лифчик:

— Отлично.

Она приставила кончик кола над моим сердцем, откинула волосы назад и обнажила горло.

Я провела пальцем по голубой вене вниз, вдоль ее шеи до ключицы. Мое дыхание стало затрудненным. Мне казалось, что мое сердце взорвется, так дико оно билось в груди.

Наклонившись вниз, чтобы скорее прижаться жаждущим ртом к ее коже, я почувствовала кончик кола. Ее шея была теплой и мягкой. Я укусила. Плоть, подобно коже перезрелого персика, с хрустом поддалась, и ее кровь хлынула в мой рот так быстро, что я едва не задохнулась.

Реальность этой ситуации внезапно ошеломила меня. Секунду назад я не была вампиром. По крайней мере, с моей точки зрения. Теперь, жадно глотая кровь этой странной девушки, я действительно стала им. Она застонала, и этот звук пронзил меня как электрический ток. На миг я задумалась о последствиях того, что делала сейчас, и это вызвало во мне тошноту. Мысль о том, что я вообще могла не быть вампиром, вспыхнула в

моем мозгу. Может, я все придумала. Оторвавшись от ее шеи, я попыталась удержаться от рвоты.

— Эй! Что не так? — закричала Далия.

Я не ответила ей. Из тени кто-то приказал нам вести себя потише. С трудом справляясь с рыданиями, я яростно схватила разбросанное содержимое моей сумочки и дрожащими руками попыталась запихнуть его обратно.

— Что ты делаешь? — спросила Далия, прижав руку к шее. Я ожидала увидеть кровь, струящуюся из раны, но когда она сдвинула пальцы, там не было ничего, кроме бледного синяка.

Вытерев нос тыльной стороной ладони, я вздрогнула от боли. Все лицо болело.

Моя пудреница невинно лежала на земле. Я подняла ее и взглянула на свое отражение.

Мое лицо, обычно симпатичное по всем человеческим меркам, трансформировалось ужасным образом. Жестокие глаза смотрели из-под плоского лба. Скулы опустились вниз, создавая хобот из моей необычно удлинившейся верхней челюсти. Я подняла губу. Мои зубы были неравномерно расположены на своих новых свободных местах, клыки удлинились и стали похожи на острые кинжалы.

Я видела, как Натан превратился во что-то подобное, и мои кошмары были наполнены видениями безобразного лица Джона Доу, но никогда не предполагала, что такое может случиться со мной. Закричав, я вскочила на ноги и выбежала из дома доноров, глотая свежий воздух, как будто это была вода, а я потерявшийся путешественник в пустыне. Далия последовала за мной. Она прислонилась к обуглившимся блокам и наблюдала, как я снова и снова смотрю на свое лицо в зеркало. Демон исчез. На меня смотрела испуганная женщина. Мое дыхание вырывалось большими белыми клубами пара.

— Бедная малышка, — Далия надела свое длинное пальто и крепко завязала его на талии. Я поняла, что на ней то же самое пальто, и у нее те же самые жесты, что и у девушки, за которой я последовала в клуб. Но я следовала не за Далией...

Она, смеясь, покачала головой.

— Вы, ребятки, никогда не научитесь. Думаете, вы такие умные: «О, мы на вершине пищевой цепочки». — Она вытасила карманный нож и лениво провела им вверх и вниз по шее. — А дело в том, что рядом есть сила, которую ваш вид не может понять.

Я, не отрываясь, смотрела на нее:

— О чем ты говоришь?

— Бедная малышка, — улыбнулась она. — Папочка не удосужился тебе ничего рассказать, да? Просто сбежал сразу же, как только получил то, что хотел, — ее губы искривились от отвращения. — Это так похоже на него.

Быстрым движением запястья она проколола свою упругую кожу ножом. Капля крови выступила и задрожала на поверхности раны, прежде чем упасть и скатиться по ее шее.

Мой язык распух. Мое тело жаждало больше крови, хотя эта мысль отталкивала меня. Я заставила себя отвести взгляд.

— О ком ты говоришь?

Я хотела видеть ее лицо, когда она ответит, но запах крови был слишком соблазнительным. Боясь того, что может случиться, если снова посмотрю туда, я уставилась на фонари над шоссе.

— Кир, глупая гусыня. Ты что, не знаешь собственного создателя?

Я знала, что что-то было не так, когда мы покинули клуб. Может быть, я знала это с

того момента, как увидела призрачную девушку на улице. Но вместо того, чтобы довериться своей интуиции, я последовала за Далией. Прямо в ловушку.

— Не могу поверить, какими глупыми могут быть некоторые из вас, — выкрикнула она, внезапно придя в возбуждение. — Твоими историями пестрят все газеты, а у тебя даже мысль не промелькнула, что кто-то может тебя узнать. Я даже не знаю, почему он позволил тебе получить его кровь, — Далия выдохнула и, кажется, успокоилась. — Ну вот, ты заставила меня выйти из себя, и это действительно меня злит.

Я смотрела на нее, пока она хлопала себя ладонью по лбу и бормотала что-то, шагая взад и вперед, затем остановилась и повернулась ко мне. Ее лицо ничего не выражало.

— Твой маленький друг из книжного магазина позаботился о последнем создании за меня. Но иногда, если ты хочешь сделать что-то правильно, нужно сделать это самой, — она направила на меня нож.

Внезапно я почувствовала такую слабость, что не могла стоять. Я упала на колени, вздрогнув, когда ударилась о землю.

— Хорошая девочка, — Далия метнула нож в меня. Он воткнулся в промерзшую землю в дюйме от моего колена. Расхохотавшись, она снова глубоко вздохнула. — Просто не знаю, что такое со мной сегодня. У тебя когда-нибудь случались такие дни как этот, когда ты просто чувствуешь себя...

— Сумасшедшей? — я посмотрела на нож. Он был так близко. Я должна была схватить его и встать на ноги, прежде чем Далия сможет достать меня, но мое тело было безвольным и отяжелевшим. — Чего ты хочешь?

— Чего я хочу, чего я хочу, — пробубнила Далия, вытаскивая нож, прежде чем я смогла остановить ее. — Ты говоришь так же, как тот последний, которого я пришила. Вы, ребята, всегда пытаетесь торговаться. — Она приставила кончик ножа к моему горлу: — Я хочу убить тебя.

— Почему? — еле слышно прошептала я. Я представила, как кончик ножа пронзает мою плоть так же, как мои клыки пронзили ее.

Она наклонилась ближе, прижимая нож к моей шее, но не повреждая кожу.

— Потому что ты взяла то, что принадлежит мне.

— Что? Что я взяла? — я хотела сглотнуть, но боялась, что это убьет меня. — Я даже не знаю тебя.

— Правильно. Ты меня не знаешь, сука, — она подняла нож и без колебаний вонзила его мне в живот.

Я задохнулась от боли. В скорой помощи я видела огромное количество ножевых ранений. Но никогда, даже в своих самых диких кошмарах, не представляла, что это такая боль. Жгучая и разрывающая на части. Все мои мышцы напряглись, чтобы вытолкнуть инородный предмет. Я не могла думать. Не могла дышать.

Далия вытащила из меня нож и вытерла его дочиста моей рубашкой.

— Я не знаю, почему он продолжает делать это. Он знает, что все вы умрете.

— Ты несешь чушь, — прохрипела я, схватившись за живот.

Этого не стоило говорить.

— Это я несу чушь? — она снова опустила оружие, пронзая мой бок. — Нет! Он несет чушь! Он говорит, что любит меня. Он обещает дать мне силу. Но сейчас не время, Далия! Не время! Потом он тратит свою кровь на такой кусок дерьма, как ты! Посмотри на себя. Ты даже не можешь встать.

Она пнула меня. Так поступать с раненым вампиром очень опасно. И понимание этого, очевидно, стало для нее таким же сюрпризом, как и для меня.

Вскочив на ноги, я бросилась на эту дрянь, подстегиваемая агонией и инстинктом. Я вырвала нож из ее руки и приставила ей к горлу.

— Я ничего не брала у тебя, — прошептала я ей в ухо. — Он не собирался создавать меня. Это была случайность. Ты или твой дружок-вампир, или это долбаное вампирское дерьмо не интересуют меня.

Я бросила ее на землю. Она смотрела на меня сквозь растрепанные волосы. Ее глаза были жесткими и яростными.

— Да, хорошо, ты была случайностью, — завопила эта ненормальная. — Но это не имеет значения! К утру ты умрешь!

Гнев опустошил меня, и слабость вернулась. Голос Далии был слишком громким, слишком пронзительным. Кровь рекой лилась из моих ран. Я знала, что нужно остановить кровотечение, но не могла думать ни о чем, кроме как убраться подальше от Далии.

Я, спотыкаясь, прошла через депо. С каждым шагом мне казалось, что я спускаюсь в темную теплую яму. Пульс грохотал в ушах. И замедлялся.

Шаги по неровной земле отдавались в моих лодыжках и посылали сотрясающие все тело волны боли вверх по ногам. Когда я добралась до тротуара, мое тело, казалось, само знало куда идти. Все происходило как в замедленном кино, но я, должно быть, бежала, потому что примерно через минуту оказалась у квартиры Натана.

Я тупо стояла на тротуаре, не зная, что делать, слабо прижимая руки к ране на животе. Моя машина была припаркована рядом, но у меня не было ключей. Дрожа, я беспомощно посмотрела влево и вправо по улице. Мне очень хотелось оказаться дома в своей постели. Я села на порог дома Натана. По крайней мере, здесь можно было спрятаться от резкого ветра. Далия, возможно, следовала за мной, но все более сильное желание согреться и уснуть перевесило мой страх. Если она придет убить меня, размышлял мой измученный мозг, я наконец-то смогу отдохнуть в покое.

Не знаю, как долго я лежала, прежде чем начал падать снег. Большие, пушистые хлопья, прямо как в рождественском фильме, медленно ложились на землю. Я смотрела на небольшой холмик на моей ладони, где недостаток тепла позволил им собраться вместе и не таять, и стала считать их, но когда началась пурга, я не смогла считать достаточно быстро. Поэтому удовольствовалась тем, что наблюдала за кружащимися снежинками и ветром на тротуаре. Мои веки становились все тяжелее. Не в состоянии бороться со сном и вообще не уверенная, почему должна пытаться делать это, я закрыла глаза.

Меня разбудил знакомый голос. Это был Натан. Понадобилось несколько секунд, прежде чем я осознала, что он держит меня за плечи. Он яростно тряс меня, кричал и хлопал в ладоши перед моим лицом, но я была слишком измучена, чтобы отвечать.

Моя голова склонилась на бок. Пакет из коричневой бумаги лежал, позабытый, на тротуаре. Его содержимое рассыпалось по заснеженному асфальту.

— Твой крем для бритья... он сейчас укатится, — пробормотала я, пытаюсь глазами следить за баллончиком.

— Не беспокойся об этом, — он повернул мое лицо к себе. — Что случилось?

— Я не знаю, — сказала я, пытаюсь сдаться и заснуть. — Натан встряхнул меня в ту же секунду, как закрылись мои глаза. — Что? — заныла я и попыталась оттолкнуть его руки.

Он выругался и схватил меня крепче.

— Проснись! — заорал он.

Когда я не подчинилась, он ударил меня по щеке.

Мои глаза раскрылись, и я в шоке промямлила:

— Что? Просто дай мне снова уснуть.

— Не могу! Ты потеряла очень много крови. Если ты уснешь — ты умрешь.

Затем я почувствовала боль: скручивающее, сжимающее чувство в моем горле. Как будто я наелась разбитого стекла. Извиваясь от страданий, я схватила Натана за руку. Он скинул пальто и быстро укутал меня им.

— Я отнесу тебя в дом, — прошептал он, поднял меня на руки и пронес в дверь, вверх по лестнице, в свою квартиру.

1) «Властелин Колец» (англ. *The Lord of the Rings*) — роман английского писателя Дж. Р. Р. Толкина, самое известное произведение жанра фэнтези, продолжение книги «Хоббит». «Властелин Колец» был написан как единая книга, но из-за объёма при первом издании его разделили на три части: «Братство Кольца», «Две крепости» и «Возвращение короля». В виде трилогии он публикуется и по сей день, хотя часто в единой бумажной книге.

2) Информационный тележурнал, в сезоне 1994-95 занимал 17-е место среди наиболее популярных телепередач лучшего эфирного времени. Ведущая Б. Уолтерс. Название происходит от медицинского термина, означающего нормальную (100-процентную) остроту зрения

3) Кишечная палочка (лат. *Escherichia coli*, *E. coli*, по имени Теодора Эшериха) — граммотрицательная палочковидная бактерия, широко встречается в нижней части кишечника теплокровных организмов. Большинство штаммов *E. coli* являются безвредными, однако серотип O157:H7 может вызывать тяжелые пищевые отравления у людей. Безвредные штаммы являются частью нормальной флоры кишечника человека и животных. Кишечная палочка приносит пользу организму хозяина, например, синтезируя витамин К, а также предотвращая развитие патогенных микроорганизмов в кишечнике.

4) Чарлз Диккенс *Charles Dickens*

Имя при рождении: Чарлз Джон Гаффам Диккенс (*Charles John Huffam Dickens*)

Дата рождения: 7 февраля 1812

Место рождения: Портсмут, Великобритания

Дата смерти: 9 июня 1870

Место смерти: Гейдсхилл, Кент, Великобритания

Род деятельности: английский писатель-новеллист

5) Роберт Джеймс Смит (англ. *Robert James Smith*, род. 21 апреля 1959) — гитарист, вокалист и автор песен, лидер и единственный постоянный участник знаменитой пост-панк-группы *The Cure* с момента её основания в 1976 году. Смит — мультиинструменталист, он играет на 6-струнной и 12-струнной гитаре, 4-струнном и 6-струнном басу, контрабасе, клавишных и скрипке.

6) Б́анши́, баньши (англ. banshee— женщина из Ши) — фигура ирландского фольклора, женщина, которая, согласно поверьям, является возле дома обречённого на смерть человека и своими характерными стонами и рыданиями оповещает, что час его кончины близок.

7) Фрик (англ. freak) — человек, отличающийся ярким, необычным внешним видом и вызывающим поведением, а также обладающий неординарным мировоззрением, которое является результатом отказа от социальных стереотипов. Чаще всего это подростки, но встречаются и великовозрастные фрики, лет так под 50.

8) Гóты — представители молодёжной субкультуры, зародившейся в конце 70-х годов XX века на волне пост-панка. Готическая субкультура достаточно разнообразна и неоднородна, однако для неё в той или иной степени характерны общие черты: специфический мрачный имидж, а также интерес к готической музыке, хоррор-литературе, фильмам ужасов и мистике.

ГЛАВА 5

Решения и еще раз решения

Я проснулась от нежных звуков: кто-то напевал Пинк Флойд — «Повреждение рассудка»[1]. Почувствовав тревогу, я резко открыла глаза.

Судя по беспорядку вокруг меня, я находилась в квартире Натана, но не могла вспомнить, как сюда попала. В желудке заурчало, и воспоминания стали медленно возвращаться. Я была голодна, отправилась на поиски крови, а потом встретила Далию.

Меня ранили ножом. Это то, что я определенно помнила. Я приподняла одеяло, укрывавшее меня. Мои раны были аккуратно перевязаны бинтом, обернутым вокруг талии. На нем виднелась засохшая кровь. Я поборола желание ощупать себя. Чтобы открылась свежая рана, много усилий не требовалось, а мне не хотелось своими действиями спровоцировать повторное кровотечение.

Я подняла руку и осторожно прикоснулась к лицу. От монстра ничего не осталось. Чувствуя боль во всем теле, я села. Мой порванный свитер, аккуратно сложенный, висел на спинке дивана. Я быстро натянула его, стараясь не заострять внимание на том факте, что Натан видел меня в моем жалком застиранном бюстгальтере.

— Тебе уже лучше? — спросил Натан, когда вошел в гостиную.

Я могла чувствовать запах крови в кружке, которую он нес. И хотя ощущала сухость в горле, а мой желудок уже пытался сам себя переварить, я отвернулась.

— Пей, — сказал мне Натан, протягивая чашку. Должно быть, он понимал причину моего отвращения. — Не беспокойся об этом. Я видел пару-тройку вампиров в свое время.

— Не таких, как я.

— Именно таких, как ты. — Он опустил на колени передо мной, но я закрыла лицо руками. Когда он поднес кружку прямо к тыльной стороне моих ладоней, то кости моего лица начали смещаться прямо под пальцами, которыми я загоразживалась от Натана. — Тебе нужно выпить это.

Я уловила решительные нотки в его голосе и, поняв, что не смогу выиграть спор, прошептала:

— Только не смотри на меня.

— Хорошо.

Он отошел в самый дальний угол комнаты и повернулся спиной.

Кровь была теплой, как у Далии, но вязкой, как будто уже начала сворачиваться. Она полностью покрыла мой язык, оставив слабый привкус меди во рту. Жидкость походила на дешевое «Джелло»[2], которое еще не до конца застыло. Мысли об этом отбили всю охоту, но вместо того, чтобы почувствовать отвращение, я опустошила кружку наполовину. Я была ненасытной. Если бы я высасывала это прямо из чьей-либо шеи, то, наверное, и не подумала бы о манерах. Но другое дело сидеть в гостиной Натана и пить из кружки, как цивилизованный вампир.

Я потягивала кровь осознанно, маленькими глотками, и изучала хозяина дома. Согласно моему опыту, люди не вели себя приветливо с незнакомцами. В медицинском колледже каждый был сам за себя. На самом деле, большинство из нас вышли из него с единственной целью — выиграть «соревнование». Жизненный принцип «или ты съешь, или тебя» настолько укоренился в моем сознании, что я ожидала такого же отношения ото всех. Но

Натан не проявлял ко мне ничего, кроме доброты, с самого начала, и это было удивительно, учитывая, что неделю назад он мог и убить меня, если бы я не захотела присоединиться к его вампирской организации.

В этом было что-то ненормальное, что человек, будучи таким привлекательным, был приверженцем правил. В прошлом он, наверное, работал на Службу внутренних доходов Министерства финансов США.

Конечно, я немного знаю о нынешней жизни Натана. В коротких телефонных разговорах, которые мы вели всю предыдущую неделю, он рассказал о себе только в общих чертах и не дал возможности задать вопросы. Если я собиралась верить всему, что он говорил, то мне нужны были кое-какие ответы.

И сейчас как раз самое подходящее для этого время.

— Сколько тебе лет? — спросила я.

— Тридцать два.

— Я имею в виду, включая... — я не знала, как правильно сформулировать остальное.

— Ах, это, — сказал он. Мне показалось, Натан мог легко говорить на эту тему. — Я стал вампиром в 1931 году.

Я попыталась скрыть свое разочарование. Я ожидала услышать, что ему уже несколько сотен лет, что он прошел битву с Наполеоном и обсуждал тайны вселенной с Нострадамусом, как все вампиры в кино.

— А ты знаешь, что в том году «Знамя, усыпанное звёздами»[3] стал национальным гимном?

— Нет. Я тогда еще не жил в Америке. — Он посмотрел через плечо, и я сразу же отвернулась. — Все в порядке, — заверил он меня. — Твое лицо уже стало нормальным.

Я наклонилась к стеклянной столешнице журнального столика в том месте, где он не был завален, чтобы посмотреть на свое отражение.

— Это все голод, — повернувшись, сказал Натан. — Чем он сильнее, тем страшнее ты выглядишь. То же самое касается злости, боли и страха. Это как животный инстинкт.

Как мог кто-то так беспечно относиться к своему лицу, превращающемуся в чудовищную морду, как будто при помощи специальных эффектов Херрихаузена[4], было превыше моего понимания.

— Самое худшее в том, что все усугубляется с возрастом. У некоторых поистине старых вампиров вырастают рога, когда они изменяются, или даже раздваиваются ступни. Но ты сможешь контролировать это. Стоит только немного потренироваться. Тебе нужно успокоиться, найти свой центр. Вроде как ньюэйджевское[5] дерьмо помогает. Еще этому учит дзен[6], — Натан забрал из моих рук пустую чашку и направился к раковине.

— Ньюэйджевское дерьмо? Это та музыка, которая играла у парня, работающего в магазине всяких магических штучек?

— А сейчас, как насчет того, чтобы рассказать мне, что случилось вчера вечером? — он старался перекрыть шум бежавшей воды.

Я вздрогнула:

— А разве мы не можем начать с обсуждения погоды?

— Нет.

— Да ничего не случилось, правда, — произнесла я, стараясь говорить как можно более небрежным голосом.

— И это ничего ранило тебя? — он подошел и сел рядом со мной на диван. Его запах

дразнил мои ноздри, и я даже подумала, может, облокотиться на него и глубоко вдохнуть этот аромат?

И мне хотелось большего.

Мне нужна была кровь.

Натан нахмурился:

— Ты ведь никому не причинила вреда, правда?

— Да ладно, даже если бы я это сделала, неужели я выгляжу так, как будто выиграла этот бой?

Казалось, он почувствовал облегчение, что ему теперь явно не придется отрубить мою голову.

— Я пошла за девушкой в один клуб в центре города. Один из тех... готических клубов[7], - я понизила голос, как будто слово «готика» являлось нецензурным.

— Городской клуб? — спросил он. Я кивнула. — Это очень опасно. В таких клубах полно подозрительных типов: людей, которые думают, что являются вампирами, подражателей вампирам и охотников на вампиров. И эти дилетанты-охотники обладают достаточными знаниями, чтобы убить тебя, даже если это произойдет по счастливой случайности.

— Сейчас я это понимаю, — с горечью произнесла я, вспоминая металлический привкус крови Далии на моем языке, и глубоко вздохнула. — Я встретила там девушку. Она сказала, что разрешит... — я запнулась, — пить ее кровь. Я заплатила ей.

Натан вздохнул и покачал головой, а затем потянулся к одному из блокнотов, лежавших на столе.

— Как ее звали?

— Далия.

Я посмотрела через плечо, пока он бегло просматривал страницы. Там были грубо нарисованные диаграммы и заметки на полях. К одному из листов, к его верхней части, был прикреплен скрепкой снимок поляроида[8]. Натан протянул мне фотографию:

— Это она?

Я взглянула на фото. Женщина выглядела как Далия, но черный парик в стиле Бетти Пейдж[9] скрывал ее рыжие кудри. Однако глаза были такими же: жестокими и сумасшедшими. Я удивилась, как могла не заметить этого раньше, и, сказав, что это точно она, вернула снимок.

Натан встал, выругался и бросил фото на стол. Я отшатнулась, удивляясь его внезапной вспыльчивости.

— Я же сказал тебе идти сюда, если потребуются кровь! Почему ты не пришла ко мне? — закричал он.

— Я приходила. Тебя не было дома.

— Ты должна была дождаться, — он посмотрел на меня и напрягся, готовясь к реплике, которая должна была последовать в ответ на его резкий тон.

Я бы успокоилась, если бы накричала на него, но решила промолчать. Когда я не ответила, Натан выругался и отвернулся, проведя рукой по волосам.

— Ты закончил? — спросила я.

Он сердито вздохнул:

— Да, черт возьми. Но ты должна была подождать.

— Может, и должна была. Но я тогда не могла мыслить ясно. — Я подобрала со стола

фотографию: — Ты ее знаешь?

— Кого?

Я закатила глаза и повернула к нему снимок:

— Далию.

Когда Натан сел рядом со мной, то показалось, что он занял больше места на диване, чем раньше. Я не хотела давать ему повода думать, что стараюсь быть ближе к нему, поэтому перешла в кресло.

— Я знаю ее, — сказал он, разглядывая листы и свои пометки на них. — Она очень могущественная ведьма.

— Ведьма? — я засмеялась.

Натан раздраженно посмотрел на меня, а потом снова переключил свое внимание на записи в блокноте. Он сжал пальцы и поднес их ко рту, и так углубился в свои мысли, что глаза стали будто стеклянными. Наблюдая за ним, я поняла, почему расстроилась, услышав, что ему не несколько сотен лет. Все в нем казалось анахроничным[10], как будто этот мужчина вышел из Средневековья и дошел до нашего времени. Ему больше подошло бы, если бы он стоял на месте кровавой битвы, нежели чем сидел здесь, на этом потертом диване, в квартире, заполненной старыми затхлыми книгами. Я представляла его летящим в бой, с серьезной целеустремленностью на лице, его сильные руки сжимают меч, а мускулистые бедра...

— Увидела что-то, что тебе понравилось? — Его голос резко отвлек меня от бредней моего здорового исторического воображения. Я была поймана с поличным.

Натан улыбнулся той высокомерной, всезнающей улыбкой, появляющейся у всех мужчин, самолюбию которых польстили.

— Извини. Думаю, что просто отключилась на некоторое время. — Так как я выдумала столь неубедительное объяснение, то сразу же решила сменить тему: — Как ты думаешь, почему она напала на меня?

Он отложил блокнот в сторону.

— Я не знаю. Долгие годы Далия пыталась присоединиться к различным вампирам, но без особого успеха. С ней шутки плохи. Она обладает большой силой.

Мрачное выражение его лица усилило мое растущее беспокойство. Я не знала, насколько могущественной была Далия на самом деле, но она, несомненно, любила насилие и была опасна даже без применения заклинаний или выполнения каких-либо трюков.

— Она зла на меня за то, что я взяла кровь Кира. Ты думаешь, она... ну, ты знаешь, с ним? Или она просто чертова психопатка?

— Я знаю Кира уже долгое время. Ему нравятся люди, которыми легко манипулировать, а у нее есть сила, которой он может воспользоваться. — Лоб Натана покрылся морщинами, когда он обдумывал свои следующие слова: — Но я не думаю, что он обратил бы ее. Кир не настолько глуп.

— Далия сказала, что еще не пришло время. Или он сказал это. — Я в отчаянии всплеснула руками и нервно взглянула на окно. — Так что мы имеем? Ты можешь убить ее? Или она под запретом, поскольку является человеком.

— Под запретом, — машинально ответил Натан. — К тому же, у меня нет причин убивать ее. Я, конечно же, слежу за ней, но то же самое делает почти каждый охотник на вампиров, который находится поблизости. Я видел ее недалеко отсюда, но вампиры, с которыми она появлялась, через некоторое время исчезали. Пока они не обратят ее, мне все

равно, что с ними произойдет.

— Она убивает их! — Я торжествующе пронзила воздух пальцем. — Она сказала, что покончила со всеми остальными, которых создал Кир, поэтому ты можешь...

— Нет, Кэрри, целью «Движения» является избавить мир от вампиров. На самом деле, она оказывает нам услугу. — Он отвернулся от меня. — Но меня беспокоила новость, что были те, о которых мы не слышали. Если бы Далия стала вампиром... Но я не могу представить, чтобы Кир был настолько глуп и захотел бы обратиться к ней.

— Да, но разве он поступил разумно, обратив меня? — напомнила я ему.

— Ты же не ведьма. — Тон его голоса был равносителен снисходительному поглаживанию по голове. — Кровь вампира обладает большой силой, а в сочетании со способностями ведьмы... ты, например, получаешь возможность поднимать мертвых из могил, собрать армию восставших из ада. Но, учитывая происходящее, я думаю, вполне можно предположить, что Далия хочет стать одной из нас ради своих эгоистических целей. Она сказала еще что-нибудь, что могло бы дать нам ключ к тому, почему она нацелилась именно на тебя?

Я усиленно думала, но все произошедшее со мной до сих пор казалось размытым пятном.

— Нет. Она упомянула только о моей связи с Киром.

Натан беспомощно оглядел квартиру, как будто ответ прятался на книжных полках.

— Итак, если она считает, что ты мертва, то, по крайней мере, не станет искать тебя. А это уже что-то.

Внезапно на меня обрушилась холодная, убийственная реальность, которая заставила желудок сжаться. Я вспомнила, что все содержимое моего кошелька высыпалось на грязный пол донорского дома.

— У нее остались мои документы. Я оставила там кошелек.

Натан нахмурился:

— Это было неосторожно с твоей стороны.

— Ну, конечно же! Я должна была вернуться назад после того, как она пырнула меня ножом, — резко ответила я. Но уже слишком устала, чтобы продолжать грубо отвечать ему. — Что мне теперь делать?

Он подошел к окну и закрыл шторы.

— Солнце скоро встанет. И я не думаю, что ты успеешь добраться домой до рассвета, к тому же, я предпочел бы, чтобы ты была там, где я смог бы защитить тебя. Почему бы тебе не остаться здесь до заката?

Я с сомнением оглядела беспорядок, царивший в квартире. На двери был засов, открываемый поворотной ручкой. Казалось, в этом помещении, с одним только ночным сторожем, вряд ли можно было обеспечить полноценную охрану и безопасность. Особенно, учитывая тот факт, что сумасшедшая ведьма не сидела на месте, а искала меня, чтобы убить.

Натан взглянул на дверной замок, а затем на меня:

— Я клянусь, с тобой ничего не случится, пока ты здесь.

Как будто желая успокоить меня, он встал и открыл дверцу шкафа, показывая огромное количество кажушегося на вид средневековым оружия.

— Амуниция [11] ночного сторожа, — в страхе произнесла я.

Натан предложил мне занять его кровать.

— Я собираюсь дождаться Зигги, убедиться, что с ним все в порядке.

Взглянув на диван, я поняла, что лучше не спорить: он не казался удобным и, учитывая, что здесь жили двое мужчин, также не выглядел и чистым. Но говорить об этом я не стала.

— Ты присматриваешь за ним, да?

— За Зигги? — Натан произнес имя мальчишки с подлинной отцовской любовью. — Да. У него больше никого нет.

— У тебя тоже.

Я сказала, не подумав. Но слова возымели свое действие: беспечная улыбка Натана померкла. Я увидела вспышку боли в его глазах, прежде чем маска беззаботности снова появилась на его лице, и он стал вести себя как вежливый знакомый, держа меня на расстоянии вытянутой руки.

Я не знала, почему это обеспокоило меня, но начала переживать по этому поводу.

— Послушай, у тебя была тяжелая ночь. И эти раны не заживут, если ты как следует не отдохнешь. — Он указал в сторону коридора: — Спальня прямо там.

Это походило на предложение уйти. Я узнала его, как только услышала. Я прошла полкоридора, прежде чем Натан снова заговорил:

— В нижнем ящике комода лежат футболки. Можешь взять одну, если хочешь.

Я машинально направилась туда. Учитывая то, что с Натаном мы встретились недавно, провести ночь в его постели представлялось мне достаточно интимным, поэтому одевать еще и его одежду не хотелось. Но мысль спать голой тоже не привлекала меня. Я разделась, морщась от боли, которая разрывала мое тело, стоило только пошевелиться, а когда легла в постель, то даже застонала.

В коридоре послышались громкие шаги. Натан ворвался в комнату несколько секунд спустя.

— Ты в порядке? Может, принести обезболивающее?

Его мгновенная реакция на звук, который я даже не думала, что он услышит, удивила меня. А также искренняя озабоченность, читающаяся на его лице.

Натан не дал мне возможности ответить. Со скоростью, которая поразила меня, он выбежал из комнаты, а затем вернулся с большим металлическим ящиком и, сев на постель, поставил его на колени и открыл защелки.

— Итак, что ты предпочитаешь? Морфин, меперидин, викодин...[12]. У меня также есть местное обезболивающее[13]. Но я не хотел бы использовать его.

Пока он продолжал перечислять названия лекарственных препаратов, я взглянула на аптечку Натана: она была укомплектована лучше, чем забитый под завязку шкаф в отделении скорой помощи. Но готова была держать пари, что достал он все это не вполне законным путем.

— Откуда у тебя столько препаратов?

— Связи в «Движении».

Он выгащил флакон с таблетками и поднес ближе к глазам, чтобы прочитать этикетку.

— Я думала, что вы, парни, боретесь за вымирание вашего вида. — Я потянулась к шприцу и пузырьку с меперидином: — Это даст мне поспать. У тебя есть жгут?

Натан протянул мне эластичную полоску латекса.

— В правилах сказано, что мы не можем спасти жизнь вампира, даже свою собственную жизнь. Ведь если заживляющая способность организма не справится с ранами, тогда всему конец. Ничего из того, что здесь есть, не спасет меня, если я буду действительно в плохом состоянии. Но нет правила, которое запрещало бы использование средств,

способных облегчить страдания в последние часы жизни. Нужна помощь?

Я держала жгут в зубах и пыталась обвязать им свою руку, действуя так же, как видела в фильме «На игле»[14]. В свое время я поставила много капельниц, и это представлялось мне таким же легким делом, как, например, съесть кусок пирога, но сделать укол себе самой оказалось не так уж просто, как выглядело со стороны. Когда я отрицательно покачала головой в ответ на вопрос Натана, натянутый жгут резко вырвался из моей руки и больно стегнул по лицу.

— Позволь мне. — Натан усмехнулся, когда ловко завязал жгут и пощупал толстую вену на внутренней стороне предплечья. — Подходящее место.

Я наблюдала, как он осторожно наполнил шприц. Это, очевидно, была не первая его инъекция[15].

— «Движение» тебя этому научило? — поинтересовалась я.

Он выпустил пузырьки воздуха из иглы:

— Да где-то увидел, как это делается. А сейчас не шевелись.

Я почувствовала, как игла вошла в мою необработанную спиртом руку, и вспомнила, что прочитала в «Сангвинаре»[16] по поводу инфекций: «Ощущения, вызываемые болезнями, и смерть не коснется вампира. На него не повлияют беды, скрывающиеся в ящике Пандоры»[17].

Я могла только предположить, что то же самое касалось нынешних микробов и бактерий.

Лекарство жгло, когда шло по вене, но прикосновения Натана были нежными и успокаивающими. Я сосредоточила все внимание на его лице, чтобы не смотреть на иглу, всунутую в руку: никогда не была примерным пациентом.

— Так мы можем сами излечиться от тяжелых травм?

— Серьезность последствий ранения зависит от возраста. Если бы кто-то сделал со мной то, что я сделал с Киrom, я бы здесь сейчас не сидел. Однако от ножевого ранения, подобного твоему, я бы исцелился за час, несмотря на то, что тебе не потребовалось накладывать швы. К тому моменту, как я нашел тебя, твой организм уже начал восстанавливаться. И хорошо, что ты немного поела. — Он прижал пальцем мою ранку, когда вытащил иглу, а затем потянулся за лейкопластырем. — Вот и все. Лекарство снимет боль и поможет тебе уснуть.

— А что насчет меня? Сколько нужно времени, чтобы рана полностью зажила? — Я очень надеялась, что не два месяца.

— Ты будешь в порядке к утру, — ответил Натан, закрывая колпачком использованную иглу.

Я выхватила ее у него:

— Не делай этого! Это потенциальная опасность для окружающих.

— Чего? — он выглядел удивленным.

— Потенциальная опасность для окружающих. Надевание колпачка на использованную иглу — это перенос биологической жидкости шприцем из одного контейнера в другой. Если она попадет в тебя, то ты можешь умереть. Поэтому нужно соблюдать меры предосторожности и действовать согласно правилам утилизации. — Осознав, что я говорю, как один из моих старых профессоров, я в смущении сжала пальцами переносицу: — Не могу поверить, что я так легко отбарабанила все это.

— Было очень познавательно, — расхохотался Натан. Его продолжительный смех был

глубоким и неподдельным. Это самое лучшее, что я слышала за весь день. — Но я не переживаю по поводу болезней. Меня больше беспокоит кол в сердце или топор в шею, — он пожал плечами.

— И это все? — поддразнила я. — А я подумала, что такой здоровяк как ты, будет больше переживать за уровень холестерина[18] в крови.

Внезапно став серьезным, Натан схватил меня за подбородок и повернул лицом к себе.

— Сердце или голова. Потеряешь одно из них — умрешь.

«Какой из этих способов ты бы избрал, чтобы убить меня»? — пронеслась мысль в моей голове.

— А огонь? Вы можете сгореть до смерти? Или утонуть?

Как если бы испугавшись болезненного разговора или осознания того, что сам начал его, Натан извиняющее убрал свою руку.

— Если коротко, то да. Ты можешь умереть от всего, что наносит большой вред, чем твой организм может побороть за определенное время. Но давай не будем говорить об этом сейчас. Тебе нужно отдохнуть.

Я хотела, чтобы он рассказал больше, но просто поблагодарила его:

— Спасибо. Ты не обязан был все это делать.

Натан не взглянул на меня, а просто начал собирать с постели обертки от шприца и лекарств.

— Никто еще не умер от того, что был слишком вежливым. К тому же, тебе нужна была помощь. Ближайшие несколько месяцев будут тяжелыми.

— Я не могу представить, что станет еще хуже.

— Тебе следует попрощаться с семьей и друзьями. Со всеми. — Он встал. — Быть одним из нас очень одиноко.

— У меня не осталось родственников, с которыми я поддерживаю связь. Я имею в виду, что мои родители умерли, и я не видела никого из их семей с тех пор, как была маленькой, за исключением похорон. Да и переехала сюда всего лишь восемь месяцев назад, поэтому не успела обзавестись друзьями. — Я замолчала. — Думаю, кроме тебя. Ты ближе всех к тому, чтобы называться другом.

Казалось, Натан не был рад предложенной роли.

— Тебе придется оставить врачебную деятельность. Ты не можешь продолжать работать в больнице. Там люди не защищены от тебя.

Я не могла с этим поспорить. Я украли их кровь, действуя не в интересах пациентов. Но мысль о том, чтобы оставить работу врача, была, так скажем, невероятной. После четырех утомительных лет в училище и трех трудных лет в медицинском колледже я наконец-то получила приз, к которому стремилась. Я пожертвовала личной жизнью ради своей цели, и если уйду, то у меня ничего не останется. Я не собиралась позволить судьбе или кому-то еще отобрать у меня единственную вещь, которая столько для меня значила.

— Даже не буду это обсуждать. У тебя нет права решать за меня.

— Ты права, — вздохнул Натан. — У меня его нет. Но как ты объяснишь им, что не можешь работать днем или посещать утренние планерки? И что ты скажешь, когда через двадцать лет все еще будешь выглядеть на... сколько тебе лет?

— Двадцать восемь.

— Через двадцать лет ты все еще будешь выглядеть на двадцать восемь. Как ты объяснишь людям?

— Ботокс[19], - я зевнула. Лекарство начинало действовать. — Я могу отложить размышления и решить это через неделю? Если присоединюсь к вашей организации, то они в любом случае потребуют, чтобы я ушла. А если не соглашусь, то ты убьешь меня.

Мои слова, казалось, удивили его, как будто он забыл, что не был на моей стороне. Натан открыл рот, чтобы что-то сказать, но отвернулся и выключил свет.

— Поспи немного. Мы можем поговорить об этом позже.

Как будто у меня был выбор. Через несколько минут после того, как он ушел, я заснула и спала, как убитая.

Проснувшись, я часто заморгала, пытаюсь вспомнить, когда успела поймать золотую рыбку.

Существо выжидающе смотрело на меня из своего маленького замка в аквариуме, который стоял на прикроватном столике. Странное чувство одиночества растекалось в груди. Какой бы запущенной и маленькой ни была квартира Натана, она напоминала родной дом, имеющий жилой вид, чего так не хватало моему обитищу. Я представила, как вернусь в свою квартиру с ее высокими потолками и голыми стенами. Эта мысль была слишком ужасной, чтобы размышлять над ней. Я уткнулась лицом в подушку и натянула одеяло на голову. Вероятно, прошло какое-то время с тех пор, как Натан менял простыни. Они полностью пропахли им, и я бесстыдно сделала глубокий вдох, представив, как он лежит обнаженный на том месте, где сейчас находилась я. Приводил ли он сюда женщину?

Я не смогла бы видеть Натана, если бы знала, что у него есть романтические отношения с кем-то. Да, он заботился о Зигги, как отец заботится о своем сыне, но родственная любовь предполагала наличие определенных границ. Я встретила его всего неделю назад, но не нужно быть гением, чтобы сделать вывод о том, что эмоциональная близость и Натан — совершенно несовместимые понятия. Вероятно, это просто чудо, что у него жила рыбка.

Солнце еще не село. Из гостиной не было слышно ни единого звука. Отказавшись от своего окровавленного свитера, я скользнула в джинсы, выпустив поверх них футболку Натана, и тихо направилась в ванную. Расстроившись из-за отсутствия зубной щетки, почистила зубы пальцем, прежде чем рискнула обследовать остальную часть квартиры.

Натан развалился в кресле, держа книгу в одной руке, а заряженный арбалет — в другой. Тонкая ниточка слюны свисала с уголка его рта. Рядом с ним на полу лежали два деревянных кола и топор, с которым Зигги напал на меня.

— Ждешь гостей?

Он резко проснулся.

— Я не спал.

Я отпрыгнула в сторону, когда стрела выстрелила из лука и вонзилась в дверь.

— Ради всего святого, я ведь мог убить тебя! — Натан вскочил на ноги. — Ты всегда так подкрадываешься к людям или только тогда, когда у них в руках смертельное оружие?

Я отступила.

— Мне прежде не приходилось встречать спящего вооруженного человека.

Натан потянулся и громко зевнул. Похоже, он неплохо поспал, а ведь должен был охранять меня.

— Как твоя рана сегодня утром? Зажила?

Я подняла край футболки. Натан размотал бинт и снял марлевую прокладку с моего живота, открывая еле заметный розовый шрам.

— Твою мать! — выдохнула я, ткнув пальцем в чуть покрасневшее место. Там не

осталось даже синяка. Мое тело восстановилось, пока я спала. — Как я это сделала?

— В «Сангвинаре» говорится, что вещества, содержащиеся в крови, которую мы пьем, поддерживают наши ткани и наполняют их мощной силой исцеления. Я уверен, что это не доказано, но другого ответа у нас нет. — Он замолчал, ему в голову пришла мысль: — Ты же врач. Если ты присоединишься к «Движению», то, возможно, будешь работать в их научно-исследовательском отделе.

Если. Это слово снова повисло между нами, разрушая дружеское перемирие, возникшее сегодня утром. Мы стояли, пристально глядя друг на друга, как потенциальные противники, а не как хозяин и его гостя.

Стук в дверь нарушил возникшее неловкое молчание. Натан схватил один из кольев и жестом указал мне отойти в сторону. В тот момент, как он потянулся к ручке, дверь распахнулась.

Натан бросился вперед, схватил злоумышленника, повалил его на пол и поднял руку, готовясь нанести удар колом прямо в сердце вошедшего.

— Эй! Эй! — закричал нарушитель границ частной собственности и выкатился из-под Натана.

Зигги поднялся, отряхнул одежду, пригладил свои длинные жирные волосы и осмотрел меня с ног до головы.

— Извини, Нэйт. Я не знал, что у тебя гости.

Натан набросился на своего подопечного с едва сдерживаемой яростью.

— Где, черт возьми, тебя носило? — Он повернулся и в недоумении посмотрел на дверь. — И я могу поклясться, что закрыл ее.

— И это все, что ты сделал для моей защиты? — фыркнула я. Предупреждающий взгляд Натана заставил меня воздержаться от дальнейших комментариев.

— Да так, болтался везде, — пожал плечами, сказал Зигги, отвечая на первый вопрос Натана. — Спал в фургоне, а утром отправился на занятия. Зашел просто, чтобы дать тебе свою кровь. А потом у меня еще история мирового искусства в вечерней школе. А что с ней? Она твоя новая подружка или что-то подобное?

— Новая подружка? А что случилось со старой? — поинтересовалась я, подняв брови.

Натан явно не обрадовался вопросу.

— Старой нет уже давно.

Я представить не могла, чтобы кто-то с такой внешностью, как у Натана, столь продолжительный период ни с кем не встречался. Но потом подумала, что, судя по сплетням, обсуждаемым медсестрами в комнате отдыха, большинство женщин не рассматривали вампиров как потенциальных партнеров.

Натан поднял и повесил тяжелое пальто, которое Зигги бросил на пол.

— Мне не нравится, что ты бродишь где-то ночами, особенно когда в городе Кир. И ты забыл использовать специальный стук. Я мог убить тебя.

— Похоже, сегодня это твоя любимая фраза, — вставила я, но Натан проигнорировал мои слова.

Зигги направился напрямиком на кухню, а Натан и я последовали за ним. Мальчишка вытащил из холодильника банку с содовой, помеченную знаком «Z», выпил ее залпом (прим. переводчика: вероятно, банку пометил сам Зигги, как свою собственную, поставив на ней первую букву своего имени [Ziggy-Зигги]), вытер рот рукавом и прокашлялся.

— Один раз, потом два раза, потом еще один. Да знаю я. Я так и сделал. А ты повалил

меня на пол, прямо как Рэмбо[20].

— Ты просто постучал четыре раза, — сказал Натан. — А это не одно и то же.

Пока Зигги пил из другой банки, Натан достал из шкафа систему для внутривенных инфузий[21] в стерильной упаковке и иглы.

Молодой человек принюхался и скривился:

— Черт, Нэйт, чем это воняет?

Незаметно я наклонилась ближе к Натану. Он пах прямо как простыни. Но я-то думала, что это был сексуальный запах. Видимо, его одежда была пропитана феромонами[22], на которые реагировала только я.

Натан выглядел слегка обиженным, но выражение его лица быстро изменилось и стало веселым.

— Я бы принял во внимание твое мнение, если бы ты сам не признался, что спал в своем старом ржавом фургоне. — Он протянул Зигги все необходимое для сдачи крови. — Если возникнут проблемы, то Кэрри — доктор.

Лицо Зигги побелело, когда он перевел взгляд с Натана на меня.

— Ну, конечно, новоиспеченный вампир и свежая нежная плоть Зигги. Ты думаешь, я подпущу ее к себе, когда у меня будет открыта вена?

Я закатила глаза. Я даже не стала бы пожимать руку такому, как Зигги, не говоря уже о том, чтобы пить из него кровь.

— Ты в абсолютной безопасности от меня, уверяю тебя.

Натан направился в ванную.

— Я заплатил за две пинты[23]. Мне нужны две пинты.

— Две пинты! — воскликнула я, как только дверь ванной закрылась. — Ты не можешь дать ему столько крови!

Зигги удобно устроился в кресле и обвязал жгутом свою руку, действуя по тому же принципу, что и я сегодня ночью. Но он, несомненно, был опытнее.

— Конечно же могу! На случай, если ты проголодаешься, у меня в кармане лежит кол с твоим именем. — Он несколько раз ткнул иглой в руку, но так и не попал в вену. Я не знала, что сказать. Он думал, что я была каким-то диким, неконтролируемым животным.

— Дай мне! — резко сказала я. — Ты втыкаешь так, как будто твоя рука — это подушечка для иглолок. — Я забрала иглу и плавно скользнула ей в единственную неповрежденную вену, которую смогла найти.

— Героин? — спросила я, глядя на следы на его запястьях и тыльной стороне ладоней неодобрительным взглядом.

— Не то, чтобы это касалось тебя, док, но нет. Я самый чистый донор в городе. Но Нэйт не единственный мой клиент.

По моему мнению, его чистота была спорным фактом. Я не сказала этого, но старалась побороть желание вытереть руки о джинсы, после того, как прикоснулась к нему.

— Тебе следует быть более осторожным, — заметила я, стараясь, чтобы голос звучал как можно серьезнее. — Ты не можешь просто втыкать, куда попало.

— Приму к сведению, — пробурчал мальчишка, слишком отвлекаясь на сложную пластиковую систему для внутривенных инфузий, чтобы обратить внимание на мое предостережение.

Я уселась на диван и отвела глаза, потому что, не доверяя себе, не хотела видеть его кровь. И тут услышала шум бежавшей в душе воды и приглушенное пение.

— Так у вас с Нэйтом особые отношения или как? — спросил Зигги.

— Нет, — ответила я. — А даже если бы и были, это не твоего ума дело.

— Эй, сказано не в обиду, — засмеялся Зигги. — Я просто удивился, ну, ты знаешь, что на тебе его одежда.

Я взглянула на футболку и обхватила себя руками.

— Мой свитер весь в крови.

— Послушай, мне все равно. Я просто попытался завязать разговор.

Он закурил сигарету и, заметив на моем лице появившееся выражение тоски, протянул мне пачку.

— Нет, спасибо, — я отмахнулась от нее, зная, что все равно не получу никакого удовлетворения. — Это все впустую.

— Как хочешь, — сказал он, бросая сигареты на стол. — Но, знаешь ли, много вампиров курят. Не имеет большого значения, что вы делаете, когда уже мертвы. Вы не можете получить рак или что-то подобное.

— Да, но ты тоже ничего не можешь получить, — произнесла я, и мой голос стал задумчивым. — Едкий дым пахнет лучше, чем испеченное печенье.

— Не правда.

Он вытащил сигарету. Я взяла ее и ради интереса и затянулась. Зигги был прав.

— Это все кровь, — сказал он. — Кровь всем управляет.

Я вернула сигарету.

— Но раньше она ничего такого не делала.

— Это потому, что ты нуждалась в ней, — объяснил этот умник, указав на руку в том месте, где кожа была проколота иглой. Я шумно откашлялась, и он с улыбкой спрятал ее от меня. — Это похоже на то, когда ты жаждешь шоколадного торта, а продолжаешь есть спагетти Ос[24]. А они удовлетворения не приносят.

Я даже не знала, что вампиры существуют, пока сама не стала одной из них. И теперь какой-то самоуверенный подросток рассказывал мне, врачу, про все входы и выходы моей собственной физиологии.

Мешок наполнился. Зигги пережал трубку и поменял его на пустой. Я указала на наполненный пластиковый мешок.

— Ты хочешь, чтобы я отнесла его в холодильник?

Он кивнул.

— А долго ты уже работаешь врачом?

— Меньше года, — ответила я, а затем заколебалась. — Я не уверена, что останусь в больнице. Из-за того, что теперь стала вампиром. После того, с каким трудом я шла к этому... никак не могу поверить, что все кончено.

— Дерьмово! — его голос звучал с искренним сочувствием.

Шум льющейся воды стих, и в моем мозгу возникли яркие картинки Натана, выходящего из душа. Я приложила немалые усилия, чтобы изгнать эти видения из своих мыслей.

Какой-то грохот, последовавший за ним визг и глухой стук вернули меня обратно в реальность. На мгновение я подумала, что это Натан упал в душе, но затем заметила кирпич, прокатившийся по полу. Окно, находящееся за креслом, было разбито. В комнату ворвался солнечный свет, а Зигги без сознания упал на колени.

Натан выскочил из ванной в одном только полотенце, обернутым вокруг талии, бросился к Зигги и пощупал его пульс.

— Что случилось? — закричал, переведя взгляд с неподвижного тела на меня, Натан.

Я попыталась сосредоточиться на случившемся, но трудно было игнорировать полуголового мужчину, сидящего на корточках передо мной, независимо от обстоятельств.

Мускулистую грудь Натана покрывали капельки воды, которые, к тому же, усеивали его широкие плечи. Я почувствовала, как кровь прилила к моему лицу, когда представила, что обхватываю эти сильные руки и провожу ногтями по спине.

Крик с улицы вернул меня в реальность:

— Выходи! Выходи! Где бы ты ни была! — Я узнала голос. — Я знаю, что ты там! И Кир знает. Если бы я была на твоём месте, то спустилась бы и предпочла сгореть, прежде чем он добрался бы до меня. — Она засмеялась. Это был тот же сумасшедший смех, который я слышала прошлой ночью.

— Натан, — прошептала я, парализованная от страха.

Зигги попытался встать. Как только он поднялся на ноги, то сразу же рухнул на пол и схватился за голову.

— Что, черт возьми, происходит? — Он оглядел комнату полуприкрытыми глазами.

Натан поднял руку, блестящую от крови, и судорожным жестом показал, чтобы я помогла ему.

— Я не знаю, где кровотечение.

— Вот дьявол! — Глаза Зигги широко раскрылись при виде своей крови на руках Натана. Он с трудом поднялся на ноги. Штора была практически снесена неожиданным броском кирпича. Солнечные лучи проникали в комнату. Зигги преграждал путь этим пучкам света.

Когда запах крови ударил мне в ноздри, я поняла его реакцию. Я почувствовала, как мышцы и сухожилия моего лица стали ритмично сжиматься, а клыки начали болезненно выдвигаться.

— Не сейчас, Кэрри! — крикнул Натан.

Его резкий тон ошарашил меня, и моя трансформация в мгновение ока прекратилась.

Зигги перевел взгляд с Натана на меня, как будто пытался решить, как лучше всего сбежать отсюда. Натан осторожно подошел к нему.

— Зигги, помни, с кем ты разговариваешь. Я никогда не причиню тебе вреда. Я знаю, что ты не пища.

Далия все еще была на улице, но, казалось, она уже выбилась из сил:

— Вы ждете заката, чтобы выйти сюда и надрать мне задницу? К этому моменту уже придет подкрепление.

— Убирайся отсюда, Далия, или я не отвечаю за свои действия, — прокричал Натан.

— Ой! Ты меня так напугал! — проорала она ему в ответ. — И что же ты сделаешь, продавец книг? Будешь читать мне, пока я не умру? Я и собираюсь. Просто должна была доставить сообщение.

— Какое сообщение? — спросил Натан.

Именно в этот момент штора полностью оборвалась, и комната наполнилась солнечным светом. Натан выругался и упал на пол. Но мои рефлексы были не столь хороши.

Словами не передать, что чувствует вампир, когда свет попадает на его кожу. Самый сильный ожог не сравнится с обжигающей болью, которая стала разрывать все мое тело. Кожа покрылась пузырями, а затем взорвалась пламенем там, где ее касались солнечные лучи. Моя футболка загорелась от этого огня, который стал быстро распространяться на все

тело. Единственное, о чем я подумала, так это о том, что моя горящая плоть пахла, как хот-доги. Натан вскочил и повалил меня на пол, туша пламя.

Зигги схватил одеяло со спинки дивана и прикрыл им окно.

— Я попытаюсь закрепить его, чтобы оно снова не упало.

— Ты в порядке? — спросил Натан. Его лицо находилось в сантиметре от моего.

— Да, — прохрипела я, будучи не в состоянии восстановить дыхание. — За исключением ожогов третьей степени.

Натан улыбнулся. Казалось, он не торопился слезать с меня, и, несмотря на то, что я не могла вздохнуть полной грудью, я не возражала. До того момента, пока не вспомнила, что у Зигги открытая рана на голове.

— И я не могу дышать. Ты позволишь мне подняться? — мой голос перешел на писк, я слегка сдвинулась под Натаном, но слишком поздно поняла, какой эффект может вызвать извивающееся женское тело у полуголого мужчины.

Он смутился, чувствуя себя виноватым, и скатился с меня.

Пока Натан занимался Зигги, я села и осторожно обследовала обгоревшие участки на руках и груди. Кожа в этих местах почернела. Когда я решилась ради интереса оторвать кусочек, он отслоился, открыв новую плоть.

— Почему я не сгорела?

— Потому что я спас твою задницу, вовремя накинув на окно одеяло, — ответил Зигги.

Натан издал гортанный звук. Я не могла сказать наверняка, был ли он раздражен по поводу комментария Зигги или расстроен из-за травмы его черепа.

— Ее нужно защитить, — тяжело вздохнув, сказал он, как только обследовал рану Зигги.

— Это могу сделать я.

Натан покачал головой в ответ на мое предложение:

— У меня под рукой нет необходимых приспособлений, а ты еще не можешь контролировать себя, находясь рядом с таким количеством крови. — Он повернулся к Зигги: — Будет безопасней, если ты отправишься в больницу. Ты не против?

— Все же лучше, чем находиться здесь, — ответил тот, пожав плечами. — Пребывание здесь похоже на то, как будто плаваешь в бассейне с акулами.

Натан направился в свою комнату и вернулся уже одетым в брюки и с туго свернутой пачкой наличных в руках.

— Возьми это, — приказал он. — Иди напрямик в отделение скорой помощи.

Зигги засунул деньги в карман рубашки.

— А куда еще я могу пойти? К Денни?

— Зная тебя, возможно все. Но я не шучу, — предупредил Натан. — Держись подальше от улиц сегодня ночью. Я хочу, чтобы ты там не появлялся.

— Да без проблем, — проговорил Зигги. — В отделении скорой помощи мне, наверное, дадут какое-нибудь обезболивающее.

Натан смотрел, как он спускается по лестнице, затем закрыл дверь и повернулся ко мне.

— И вот мы снова одни. Ты и я. Вдвоем. Не совсем одетые.

Это замечание было игривым и неожиданным. Я не знала, что сказать, поэтому прижала руки к груди, пытаясь скрыть обгоревшие дыры в футболке, и заставила себя засмеяться:

— В последнее время мне совсем не везет с кофтами.

— Ну, я бы предложил тебе другую футболку, но уже увидел, что ты сделала с этой, —

его голос звучал устало, но он все равно улыбался. — Кроме того, мне нравится вид.

Я закатила глаза:

— Если ты собираешься умничать, я не буду обращать на тебя внимание.

Натан пытался юмором побороть напряжение. Даже проведя с ним недолгое время, я поняла, что он перенес столько стрессовых ситуаций, что уже давно можно было заработать язву. Натан был намного приятней, когда использовал свою обычную тактику решения проблем.

Слабый солнечный свет, выглядывавший из-под краев одеяла, висевшего на окне, совсем исчез. Если бы Далия кинула кирпич через пять минут, то к тому моменту уже наступила бы ночь. Я снова взглянула на мою обожженную плоть. Раны практически зажили.

— Почему это случилось? — спросила я, поднимая свою опаленную руку.

— Потому что ты вампир. Разве ты не видела фильмов про них? — задал вопрос Натан.

— К твоему сведению, я фанатка оборотней.

Он скорчил гримасу:

— Если бы ты встретила хоть одного, то не была бы.

— А оборотни существуют? — я улыбнулась. Мне всегда нравились мысли о диких парнях, которые ведут себя в постели, как животные. Не то чтобы я знала это по опыту, но можно же помечтать.

Глубоко вздохнув, Натан вытянул ноги.

— Почему вы, женщины, находите их чертовски привлекательными? А удаление клещей из этого парня тоже возбуждает?

— Я никогда не говорила, что они привлекают меня. Я просто сказала, что предпочитаю их, ну, этим человекоподобным пиявкам. — Я увидела сигареты Зигги, лежавшие забытыми на журнальном столике и вытащила одну из пачки. — В любом случае, почему это случилось сейчас? Прошло около двух месяцев с тех пор, как на меня напали, но я же бывала на солнце.

Натан подтолкнул пепельницу ко мне.

— Ты тогда не пила кровь. У тебя, должно быть, была повышенная восприимчивость к свету, но стоит выпить крови — эта чувствительность становится смертельной. Так написано в «Сангвинаре».

— Да, но мое перерождение еще не закончилось, — смущенно призналась я. — Но в этом есть смысл. После того, как я начала... пить кровь, искусственный свет больше не беспокоит меня так, как раньше.

— Ты проходила через длительный процесс превращения в вампира. Но после того, как перестала отрицать свой голод, изменения завершились. — Он забрал у меня сигареты. — Это Зигги?

Закусив губу, я размышляла над ответом. Я не хотела, чтобы у Зигги возникли неприятности.

Я решила, что лучшей тактикой является вызвать родительское чувство вины.

— Ты не должен был позволять ему курить. Это плохо.

Натан вытащил сигарету и закурил. Еще одно удивительное событие.

— Я знаю. Сигареты убивают.

— Кх, кх. Ты можешь шутить на эту тему, поскольку твоя функция легких не будет нарушена через двадцать лет.

— Я не верю во всю эту чушь, которую говорят по телевизору. Я курил, когда был намного моложе Зигги, и это никакого вреда мне не принесло.

— Это потому, что ты не жил настолько долго, чтобы получить рак или эмфизему[25].
— Впервые я поняла, насколько далеко в нашем веке наука шагнула вперед. Люди его поколения не беспокоились о канцерогенах[26], смолах и никотиновой зависимости. Ему было сто лет. И, вероятней всего, Натана больше беспокоило бы то, что теперь женщины носят брюки.

Он изучал меня с веселой улыбкой на лице. Я чувствовала себя голой, но не из-за зияющих дыр в моей футболке. Я застенчиво показала на них:

— Ты не возражаешь?

Он направился в спальню и, вернувшись, игриво бросил мне новую футболку.

Раздался глухой звук, Натан вскрикнул от удивления, а затем нагнулся и поднял что-то с пола. Это был кирпич, который бросила Далия. Она привязала к нему клочок бумаги.

— Ты это видела? — спросил Натан, садясь в кресло, чтобы потереть ушибленную ногу.

Я покачала головой:

— Должно быть, это и есть сообщение, о котором говорила Далия.

Как только он прочитал бумагу, в его глазах появилась тревога. Он протянул мне записку, и я взяла ее.

— Божья коровка, божья коровка, лети на небо, в твоём доме пожар...[27] — пробормотала я вслух. Стишок был незаконченным. — Ты же не думаешь... Натан, вся моя жизнь в этой квартире.

— Не говоря уже о «Сангвинаре».

Мужчина рывком открыл дверцу шкафа, вытащил оттуда свой кожаный плащ и накинул его на голые плечи.

— Это ведь была не единственная копия? — Я представила, как должно быть, выпучились мои глаза, когда я произнесла это.

— Нет, но единственная, которая была у меня. И мне меньше всего нужно, чтобы какие-то пожарные нашли ее на руинах и показали всем. К тому же, мы не знаем, сделала ли Далия это из-за своей мстительности или по приказу Кира. Он мог оставить кого-то там дожидаться тебя, и если так, я могу уничтожить их.

— Я не думаю, что Далия делала бы все возможное, чтобы свести меня с Киrom, даже если он отдал ей приказ. Она определенно не хочет, чтобы я была рядом с ним. — Я заметила, что Натан положил несколько колец себе в карманы, пока я говорила, но не дал мне ни одного. — Куда-то собираешься?

Он кивнул:

— Да.

— Куда?

— В твою квартиру. — Он повернулся к своему арсеналу оружия и привязал к ноге покрытую кожей кобуру, вложив в нее еще один кол.

Я выжидала, пока он не вытащил топор Зигги.

— Гм, а ты дашь мне что-нибудь, чтобы я могла защитить себя?

— Ты права, — смущенно улыбаясь, он направился по коридору в другую комнату, а когда вернулся, то вложил что-то в мою руку. — Извини, не знаю, где была моя голова.

Я скривилась, глядя на мобильный телефон, лежавший на ладони. — Так... это типа устройство Джеймса Бонда[28], которое стреляет огненными шарами или выпускает струю

кислоты?

— Не совсем. — Натан взял телефон и нажал на кнопку, освещая экран. — Это для быстрого набора пейджера Зигги. Если будут проблемы, звони ему.

У меня отвисла челюсть:

— Что? Зигги сейчас в больнице, к тому же ты сказал ему держаться подальше от улиц.

— Я хотел, чтобы он разозлился из-за моих запретов, но он оставался абсолютно спокойным, как если бы готовился к бою. Зигги лучше реагирует на чрезвычайные ситуации, чем ты. Я доверяю ему. Он сможет защитить тебя. К тому же, в шкафу много оружия, которым ты можешь воспользоваться. Но сомневаюсь, что Далия вернется.

Я не могла поверить в то, что слышала.

— Эй! Это моя квартира сгорела. Я иду с тобой!

— Нет! — Натан непреклонно покачал головой. — Слишком опасно.

— Слишком опас... — я зарычала от ярости. — Ты же должен желать моей смерти! Черт, если ты верен своему «Движению», то просто обязан загребать вампиров лопатами, скидывать их в грузовик и везти к горящим зданиям!

— Это не обсуждается! Ты не знаешь, как бороться, и будешь только отвлекать меня.

Когда я открыла рот, собираясь спорить дальше, он поднял руку:

— Все, я ухожу. Если хочешь пережить ночь, то должна остаться здесь.

Схватив топор, он вышел из квартиры, хлопнув дверью так сильно, что стены задрожали.

— Да... да пошел ты! — закричала я, скидывая подушку с дивана на пол и пиная ее ногами.

Как он посмел! Как будто я не могла сама постоять за себя, даже если бы и находилась в горячей квартире. И что он имел в виду, когда сказал, что я буду отвлекать его? Он думал, я встану у него на пути, задавая вопросы, на которые ответы и так очевидны, и стану наматывать волосы на палец, глядя на него со скучающим выражением лица?

Идиот!

Я бросила телефон на стол. Он упал на блокноты, лежащие на стеклянной столешнице. Бумаги посыпались на пол. Нахмурившись, я опустилась на колени и начала собирать документы по одному листу, складывая их в пачку. Отложив всю кучу в сторону, я заметила на верхней странице распечатку карты из Интернета. Это была схема района богачей, расположенного в восточной части города. На ней красным крестом был помечен один адрес.

Вот это было интересно. Я отложила лист в сторону, чтобы изучить страницу, находящуюся под ним. Там лежал факс, датированный тремя днями раньше, чем Джон Доу напал на меня, посланный организацией «Добровольное Движение Уничтожения Вампиров» Н. Гэлбрейту. В нем содержался только адрес. Тот же самый, который был обозначен на карте.

— А я то думала, что его фамилия Грант, — пробормотала я про себя. И уже собралась взять другой лист, как зазвонил мобильник.

— Нэйт, это я. Я застрял в отделении скорой помощи. Они отвели меня в маленькую палату без занавесок и с тех пор не возвращались. Я думаю, они звонят в полицию.

Я прервала Зигги, когда он остановился, чтобы вдохнуть:

— Натана нет. Далия сожгла мою квартиру. Он пошел проверить там все.

— Вот черт! И оставил тебя одну? — мальчишка явно был удивлен действиями Натана

также, как и я.

— Натан думает, что я не в состоянии защитить себя. — Я взглянула на компьютерный стол, стоящий в углу. — Послушай. После того, как он ушел, пришел факс. От организации «Добровольное Движение Уничтожения Вампиров». Это и есть то «Движение»?

В трубке раздалось проклятие, и, без сомнения, оно было слышно на все отделение скорой помощи.

— Да, это они. Интересно, что им нужно.

— Я не читала, — сказала я, усугубляя свою ложь.

— Вероятно, еще один приказ уничтожить кого-то, — Зигги откашлялся. — Просто прикрепи его к холодильнику. Это первое место, куда Натан направится, вернувшись с боя.

— Спасибо, Зигги, — я закусила губу. — Скажи, а когда именно пришел приказ на Кира?

— Самый первый? Не знаю. На него их уже вышло штук сорок, наверное. Слушай, здесь хотят взять у меня кровь, и им не нравится, что я разговариваю по телефону, так что...

— Нет, последний приказ, — я практически кричала в трубку. — Когда пришел он?

— Зачем тебе? — его тон внезапно стал подозрительным. — Может, тебе стоит спросить Натана, когда он вернется, а мне нужно...

— Зигги, подожди!

Но связь оборвалась. В отчаянии я бросила телефон на пол. «Слишком уж много совпадений», — подумала я, смотря на карту. Три дня. Каковы шансы, что он получил это сообщение за три дня до того, как напал на Кира?

Я перевернула страницу. А вот и ответ. Черным по белому.

Отправитель: Добровольное Движение Уничтожения Вампиров

Получатель: Н. Гэлбрейт

Относительно: Дело № 372-96, ч. 9У

Приказ уничтожить: Саймон Сеймур, также известный, как Саймон Керрик, также известный, как Кир Керрик — за преступления против человечества.

Ну вот.

Я виновато взглянула на дверь, думая, сколько времени Натан будет отсутствовать. Но неужели для меня важно, если он обнаружит, что я немного прогулялась?

Вспомнив, как он свысока обращался ко мне чуть раньше, я поняла, что мне точно безразлично. Это его не касается, и у меня еще было в запасе несколько драгоценных дней, чтобы принять решение относительно «Движения». Я имела право знать правду о своем рождении в качестве живого мертвеца. Как бы Натан ни хотел помочь, не его кровь течет по моим венам.

Болезненное любопытство заполнило все мое тело при мысли о Кире, и я подумала, может, на мое стремление встретиться с ним влияет наша кровная связь? И если так, то защитит ли меня эта связь от еще большего вреда в руках моего создателя?

Не позволяя страху взять верх, я засунула карту в карман, затем позвонила на работу и сказала, что не приду. Когда я повесила трубку, странная пустота охватила меня — осознание того, что могу и не вернуться в больницу. Я отогнала мысли прочь и открыла шкаф.

Хотя в моем распоряжении был весь арсенал оружия, я взяла кол, самый маленький и легкий, чтобы он не выпирал из кармана. Кроме того, я точно знала, что с ним нужно делать. Но заостренную палку тяжелее использовать, к тому же, она не спасет меня от Далии, если

та все еще ждала меня. Натан был охотником на вампиров, а не на ведьм. Я подумала, что могла бы облить ее водой, и чокнутая баба растаяла бы, как ведьма в «Волшебнике из страны Оз»[29]. Если уж до этого дойдет.

Я чуть было не оставила Натану записку, но передумала: решила, что мне нечего написать, что не выглядело бы так, как будто я повернулась к нему спиной в ответ на его помощь. Я не могла смягчить правду.

Насколько бы любезным и внимательным он не был, но все же оставались вопросы, на которые Натан не мог ответить. Именно поэтому я должна взглянуть в лицо своему страху, как в ту ночь в морге.

Я должна встретиться со своим создателем.

1. Пинк Флойд (Pink Floyd) — британская рок-группа. Знаменита своими философскими текстами, акустическими экспериментами, инновациями в оформлении альбомов и грандиозными шоу. Является одной из наиболее успешных групп в рок-музыке — около 70 млн проданных альбомов в США (седьмое место), в мире же было продано около 200 млн. Группа была основана в 1965 году однокурсниками по архитектурному факультету лондонского политехнического института Ричардом Райтом (клавишные, вокал), Роджером Уотерсом (бас-гитара, вокал), Ником Мэйсоном (ударные), и их кембриджским другом Сидом Барреттом (вокал, гитара). В 1968 году к четверке присоединился Дэвид Гилмор, который заменил Барретта после его «отставки». Композиция «Повреждение рассудка» носит оригинальное название «Brain Damage».

2. «Джелло» — фирменное название концентрата желе.

3. Знамя, усыпанное звездами (The Star-Spangled Banner) — национальный гимн Соединённых Штатов Америки. Его текст был взят из поэмы «Оборона Форта Макгенри» написанной в 1814 году Фрэнсисом Скоттом Ки. 3 марта 1931 года резолюцией Конгресса была объявлена национальным гимном.

4. Рэй Харрихаузен (Ray Harryhausen) — один из наиболее известных создателей гигантских монстров Голливуда и легендарный постановщик спецэффектов во множестве фильмов, вошедших в историю кино.

5. Массовое развитие «нью-эйдж» в 1980-е годы.

В 1980-е идеи и мировоззрения Нью-эйдж нашли широкое распространения во многих западных странах, возникло много разнородных течений и групп, от религиозных и сектантских до спортивных и оздоровительных. Обычно ньюэйджевские группы привязываются к одной или нескольким традициям, которые трактуются по-новому и превращаются в широкодоступную технологию.

Вот наиболее популярные элементы, из которых складываются ньюэйджевские течения:

- гимнастика йоги, цигун или тайцзицюань, а также другие виды гимнастик или единоборств, построенные на этой базе или им подражающие. Открылось немало центров восточных единоборств и гимнастики, возглавляемых китайскими мастерами и их учениками;

- методы йогической, китайской или буддийской медитаций, динамическая медитация;

- бесконтактный массаж, рэйки, различные виды целительства;

- мистические группы, чтение мантр, посвящения, духовная иерархия;

- психоделические практики;

•астральные полёты, медиумические погружения, контакты с мистическими существами и инопланетянами;

•бытовая магия, заговоры, заклинания, ритуалы, магические предметы, кристаллы, маятники, гадания;

•новые религии и секты, неоязычество, шаманизм.

6. Дзен — течение в буддизме традиции Ваджраяны, зародившееся в Китае и получившее распространение на Дальнем Востоке (Вьетнам, Китай, Корея, Япония). Дзэн — это способ ощутить свою естественную природу, течение и желания своей души. Стать самим собой, чтобы быть самим собой каждый день — цель усилий.

7. Готика — отречение от общественных вкусов. Готический клуб — в некоторой степени «клуб по интересам», где звучит достаточно тяжёлая музыка. Здесь под «готикой» подразумевается сложившаяся ассоциация с мраком и тьмой.

8. Поляроид — название синтетической пластиковой плёнки, используемой для поляризации света.

9. Бетти Пейдж — знаменитая американская фотомодель, снимавшаяся в 1950–1957 годах в таких стилях, как эротика, фетиш и pin-up. Во второй половине 1950-х поднялась в США до уровня секс-символа и, как считается, стала предтечей сексуальной революции 1960-х.

10. Анахроничный — несовременный, устаревший.

11. Амуниция — совокупность вещей, составляющих снаряжение солдата, кроме мундира, белья и обуви.

12. Меперидин — сильный анальгетик, обладающий также умеренным седативным действием; применяется для снятия умеренной или сильной боли.

Викодин — сильнодействующее наркотическое обезболивающее и противокашлевое лекарство.

13. Местное обезболивание — выключение болевой чувствительности на ограниченном участке тела с помощью химических или физических средств при сохранении сознания больного.

14. «На игле» (англ. Trainspotting) — культовый фильм британского режиссёра Дэни Бойла, снятый по одноимённому роману Ирвина Уэлша. Фильм признан лучшей британской кинокартиной за последние 25 лет. В фильме показывается история четырёх друзей, которых связывает лишь общая зависимость от наркотиков, доводящая каждого по отдельности героя до последней черты.

15. Инъекция — введение лекарств в организм подкожным впрыскиванием.

16. Под словом «сангвинар» (лат. Sanguinarius «кровожадный») понимают вампира, пьющего кровь. Здесь такое название носит книга.

17. Пандора — имя мифической обладательницы волшебного ларца со всеми бедами и надеждой. В древнегреческих мифах это первая женщина. Изготовлена Гефестом по приказу Зевса, смешавшим землю и воду, при участии других богов. Афина дала ей душу, а каждый из прочих по подарку, Зевс дал ей в подарок любопытство.

Пандора стала женой Эпиметея, младшего брата Прометея. От мужа она узнала, что в доме есть ларец, который ни в коем случае нельзя открывать. Если нарушить запрет, весь

мир и его обитателей ждут неисчислимые беды. Поддавшись любопытству, она открыла ларец, и беды обрушились на мир. Когда Пандора закрыла ларец, то на дне его, по воле Зевса, осталась только Надежда.

18. Холестерин — органическое соединение, природный жирный (липофильный) спирт, содержащийся в клеточных мембранах всех животных организмов за исключением безъядерных (прокариот). Нерастворим в воде, растворим в жирах и органических растворителях. Около 80 % холестерина вырабатывается самим организмом (печенью, кишечником, почками, надпочечниками, половыми желёзами), остальные 20 % поступают с пищей.

19. Ботокс — это процедура введения в морщины лица препарата, который снимает на время в них тонус, благодаря чему происходит разглаживание морщин и сильный лифтинг. Срок действия препарата в среднем 6 месяцев, но, в зависимости от индивидуальных особенностей кожи пациента, может составлять от 3 месяцев до года. Действующее вещество: Ботулинический токсин типа А-гемагглютинин комплекс. Под действием «ботокса» наступает ослабление двигательной активности мышц.

20. Рэмбо — персонаж актера Сильвестра Сталлоне. Цикл фильмов рассказывает про ветерана Вьетнамской войны Джона Рэмбо.

21. Емкость с инфузионным раствором закрепляется над больным на высоте 1,0–1,5 метров. С помощью пластмассового наконечника система для внутривенных инфузий крепится в банке с раствором.

22. Феромоны — собирательное название веществ — продуктов внешней секреции, выделяемых некоторыми видами животных и обеспечивающих химическую коммуникацию между особями одного вида.

23. Пинта — единица объёма (вместимости) жидкостей и сыпучих веществ, применяемая в странах, использующих английские меры. В Великобритании 1 П. = 1/8 галлона = 0,568261 дм³. В США жидкая П. равна 1/8 американского галлона = 0,473179 дм³.

24. «Спагетти Ос» — макаронные изделия в форме кружочков.

25. Эмфизема лёгких — заболевание дыхательных путей, характеризующееся патологическим расширением воздушных пространств дистальных бронхиол, которое сопровождается деструктивно-морфологическими изменениями альвеолярных стенок; одна из частых форм хронических неспецифических заболеваний лёгких.

26. Канцероген — он же карциноген — химическое (вещество) или физическое (излучение) воздействие на организм человека или животного, повышающее вероятность возникновения злокачественных новообразований (опухолей).

27. В Англии стишок о Божьей коровке служил в 1559–1662 гг как сравнительно безопасный способ предупреждения католиков о приближении протестантов.

Фермеры же в Англии знают о том, что божья коровка приносит пользу и поэтому, когда поджигали свои поля для очистки в пользу будущего урожая, припевали —

Божья коровка, лети на небо

В твоём доме пожар, твои дети одни

В России есть аналогичный стишок:

Божья коровка,

Лети на небеса,
Принеси молока:
Дома детки сидят,
Молока они хотят.

28. Джеймс Бонд — командер ВМФ Великобритании, также известный как «агент 007» — главный персонаж романов британского писателя Яна Флеминга о вымышленном агенте МІ6. Получил широкую популярность вследствие экранизации романов. Серия фильмов о Джеймсе Бонде именуется «бондианой», которая является одной из самых продолжительных серий фильмов в истории. С 1962 по 2010 год вышло 23 фильма (в среднем один фильм в два года).

Роль Джеймса Бонда сыграли:

Шон Коннери (1962–1967; 1971; 1983)

Джордж Лэзенби (1969)

Роджер Мур (1973–1985)

Тимоти Далтон (1987–1989)

Пирс Броснан (1995–2002)

Дэниэл Крэйг (2006 год — настоящее время)

Барри Нельсон (1954) (неофициально)

Дэвид Найвен (1967) (неофициально)

29. «Волшебник из Страны Оз» — детская книга американского писателя Лаймена Фрэнка Баума, которая вышла в свет в 1900 году. В странах бывшего СССР широко известен пересказ Александра Волкова, «Волшебник Изумрудного города», изданный им под своим именем.

ГЛАВА 6

Джон Доу

День, безусловно, теплым не был: холодный сумеречный воздух сжимал грудь так, что перехватывало дыхание.

Я нашла свое шерстяное пальто в ванной комнате висящим на вешалке для полотенец. Оказалось, Натан вывел с него кровавое пятно. Но даже пальто не согревало меня, пока я шла от квартиры на Уэлси-авеню к дому, расположенному по адресу, указанному на схеме. В том, что ты мертв, есть весьма серьезные недостатки. Например, твое тело всегда приобретает температуру комнаты, какой бы эта температура ни была.

Хотя моя машина все еще стояла у обочины книжного магазина, ключи от нее, вероятней всего, лежали на земле возле донорского дома. Я ни за что не вернулась бы туда. Поэтому предпочла идти пешком.

Мне были знакомы эти шикарные окрестности. Только еще приехав в город, я часто ездила по извилистым улицам и любовалась на современные особняки и сказочные замки. Они выглядели совершенно не к месту на территории почти без единого деревца. Высокие кирпичные стены и навороченные ворота окружали их. Некоторых дома были полностью закрыты от постороннего взгляда оградами с грозными камерами слежения, смотрящими на прохожих своими холодными стеклянными глазами. Подумав о пристанище своей машины, я переключилась на людей, устроившихся в этих домах, и вообразила себя, живущей в одном из них через десять лет. В моих фантазиях всегда вырисовывался красивый, но пока еще «безликий», муж и наши обожаемые, покамест неопределенные, дети.

А вот один из этих домов теперь всегда будет для меня олицетворением дома из фильмов ужасов.

Дом Кира.

Как грозное поместье в эдвардианском стиле[1], он стоял на лужайке, окруженный каменной стеной. Кованые ворота у дороги выглядели так, как будто не открывались веками. Не было ни устройства внутренней связи, ни звонка. Я взялась за железные решетки и толкнула. Петли не скрипнули, но ворота распахнулись, впуская меня.

Никогда за всю свою жизнь я не чувствовала себя настолько незащищенной, как сейчас, пока шла к дому. Чтобы сократить дорогу к нему, была выстрижена дорожка, тянущаяся через весь газон, который светился неестественным зеленым цветом в свете луны. Я была уверена, что в любой момент они могли выпустить собак. Ненавижу этих тварей!

К счастью для меня, казалось, никто не заметил моего присутствия, даже когда я приблизилась к входной двери. С каждым шагом моя уверенность крепла, но только до тех пор, пока я не подошла достаточно близко, чтобы схватиться за дверную ручку.

Дверь была открыта.

Я замерла. Я была уверена, что никто не заметил моего появления. Посмотрев через плечо на широкий простирающийся за моей спиной газон, я поняла, насколько глупым было это предположение. Яркий лунный свет наверняка освещал весь двор подобно прожекторам на стадионе. Не говоря уже о том, что кто-то, вероятно, наблюдал за мной через камеры слежения, установленные над дверным проемом. Я заглушила свой страх и вошла внутрь.

— Эй! Здесь есть кто-нибудь? — позвала я. Мой голос звучал, как у умирающей от страха протагонистки[2] фильма ужасов. — Дверь была открыта.

— Я знаю.

Прежде чем я смогла повернуться и найти источник звука, чьи-то сильные руки обхватили меня. Звук захлопнувшейся двери раздался, как окончательный удар молотка судьбы.

Державший меня не был вампиром. Я не знала, почему была так уверена в этом. Я просто знала. Может, это был запах его крови или волна ощущения всемогущества, которая обрушилась на меня, когда я поняла, что могу легко одолеть его и убежать. Но в холле было достаточно темно, и я не имела понятия, где находилась дверь. Способности исцеляться и обостренные рефлексy — это круто и все такое, но я действительно хотела, чтобы мы обладали ночным видением. Будь проклята такая несправедливость.

— Хозяин не любит грубости, — предупредил меня мужчина.

Мой захватчик толкнул меня с удивительной силой. Я ощутила боль от столкновения с двойной дверью, открывшейся под весом моего тела, и ввалилась в соседнюю комнату.

Вытерев струйку крови, вытекшую из моего носа, я почувствовала отвращение от того, что у меня возникло желание попробовать ее на вкус. Глаза привыкли к темноте, и я увидела, что комната была богато обставлена. Витражные стекла окон тянулись от покрытого позолотой высокого потолка прямо к мраморному полу, на котором, распластавшись, лежала я. На стене была фреска[3]. Я не могла отчетливо видеть изображение, но распознала обнаженные фигуры. Было похоже на то, что я умерла, и меня отправили в ад в стиле барокко[4]. Но я не могла себе представить, что у Сатаны[5] был настолько отвратительный вкус, чтобы повесить шторы из красного бархата.

Шесть одетых во все черное мужчин стояли на страже в комнате. Они располагались по двое у дверей, включая ту, через которую я влетела. Человек, бросивший меня сюда, вошел. Он был одет так же, как остальные охранники.

— Следите за ней, — приказал он двум ближайшим мужчинам, и те кивнули.

Когда швырнувший меня ушел, я поднялась на ноги и сделала несколько шагов вправо. Охранники повернулись и последовали за мной. Я пошла в другом направлении. То же самое. У меня возникло непреодолимое желание станцевать буги-вуги[6] и посмотреть, скопируют ли они и это тоже.

Но дверь открылась, и возникла чья-то темная фигура.

Хотя полоска света, пробивающаяся в комнату, искажала представшее передо мной видение, я могла сказать по запаху, что это была Даляя. Мой рот хранил память о ее крови.

Один из охранников вытянул руку, как если бы хотел помешать ей войти, но она подняла свои руки, и он каким-то необъяснимым образом отступил. Казалось, дрожь страха прошла сквозь всех стражников. Они боялись Далию. Это было также ощутимо, как мощная волна гнева, которую она обрушила на мою голову.

Ведьма медленно пересекла комнату и махнула рукой в темноте.

— Включись! — скомандовала она, и свет залил все помещение.

Я заставила себя стоять на месте, пока она приближалась.

— Хороший трюк. Хотя я предпочитаю пользоваться выключателем, но каждому свое.

— Не могу вспомнить, у кого научилась этому, но это очень удобно, — небрежно заметила Даляя. — Хотя не так полезно, как все остальное.

Она подошла и встала в широкий круг, окружавший меня.

— Значит, ты выжила. А я думала, ты получила урок.

Я пожалала плечами:

— А может, я медленно учусь.

— Неужели? Тогда тебе нужен наглядный пример. — Ведьма еще раз взмахнула рукой и пробормотала какое-то длинное заклинание на языке, который был мне незнаком. Сразу же безжизненное тело Натана появилось на полу. Кровь огромной лужей окружала его.

От этого зрелища у меня перехватило дыхание. Я открыла рот, чтобы закричать, но звук не шел. «Натан не мертв. Это просто трюк, — повторяла я себе. — Не позволяй ей напугать тебя».

Видение исчезло так же быстро, как появилось.

Далия рассмеялась, как ребенок, играющий с новой игрушкой:

— Ты купилась на это. Для врача ты не так уж сообразительна.

Я повернулась к ней и почувствовала, что со мной происходят какие-то изменения. На мгновение я подумала, что увидела страх в ее глазах, но она даже не шелохнулась. Далия не издала ни единого звука, когда я швырнула ее на пол. Я хотела перегрызть ей горло, но не чтобы выпить ее кровь: просто убить. Мысль о том, что она причинила вред единственному человеку, который хотел помочь мне, привела меня в ярость.

Звук громких аплодисментов остановил меня до того, как я смогла нанести смертельный удар. Я посмотрела вверх, и Далия оттолкнула меня ногами с большей силой, чем можно было ожидать от нее.

Кир, собственной персоной, направлялся к нам. Его светлые волосы казались неестественными, доставая почти до пола. Он был одет в кажущуюся старинной парчовую рясу[7] цвета крови. Босые ноги выглядывали из-под подола. К нам приближался монстр, который превратил меня в вампира. Но он не был похож на существо, напавшее на меня. Его лицо выглядело молодым и красивым. Только разные глаза выдавали его истинную натуру. И выражение лица. Он казался взбешенным.

— Если ты не хочешь оказаться следующим блюдом на моем столе, то больше не тронешь ее, — предупредил он Далию своим глубоким, вводящим в транс, голосом.

Но он даже не удостоил ее взглядом, приближаясь ко мне. Каждый его шаг отдавал хищной грацией. Дрожь пробежала по моему телу, когда наши взгляды встретились. Удовлетворенная ухмылка скривила его губы, когда он протянул руку, чтобы поднять меня на ноги.

Далия жалко всхлипнула. Кир повернулся и указал пальцем в ее направлении. Блеснул смертельно острый ноготь, ухоженный до совершенства.

— Убирайся! — закричал он. Ведьма вскочила на ноги и так быстро, как только могла, выбежала из комнаты.

— Неповиновение моих домашних животных — единственная вещь, с которой я не мирюсь, — сказал Кир, обращаясь ко мне и извиняюще пожимая плечами. — Пожалуйста, разреши представиться. Я...

— Мы встречались раньше.

— Разве? — Он изящно выгнул бровь.

С быстротой молнии Кир прижал меня к своей груди. От этого физического контакта я ощутила пожар в венах, но пыталась вести себя абсолютно спокойно, контролировать свое тело. И все же я опасалась, что в любой момент могу начать извиваться в его объятьях, как кошка в период течки. Эта кровная связь, о которой говорил Натан, была и ужасной, и одновременно волнующей.

Никогда до этого я не чувствовала, чтобы мое тело настолько выходило из-под

контроля, никогда не ощущала такого заметного облегчения, как сейчас, в руках моего создателя. Одиночество последних месяцев исчезло, стоило ему только прикоснуться ко мне, как будто, чтобы заполнить сводящую с ума пустоту, все, что мне было нужно, так это просто быть с ним. Он заставил меня ощутить такое странное чувство полноты, что мне стало интересно, смогу ли я стать когда-нибудь по-настоящему счастливой без него и буду ли скучать по своей старой жизни, если никогда больше не покину эту комнату.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Кир прислонился ко мне щекой и вдохнул мой запах.

Я чувствовала, как кровь пульсирует в венах моего создателя, заставляя меня поддаться этим странным ощущениям. И не могу сказать, что хотела бы убежать, если бы возникла такая возможность.

— О, да! Теперь я узнал тебя. — Его голос отдавался низким, внушающим благоговение шепотом в моем ухе. — Ты намного красивее, чем я запомнил.

Он провел руками вверх и вниз по моему телу. Я задрожала. Мои колени подогнулись, и я осела, надеясь на его силу, на то, что он сможет удержать меня.

Сейчас я понимала, почему «Движение» думало о кровных узах в таком ключе. Это лучше, чем любовь, лучше, чем успех. Связь была наивысшим звеном в исполнении всех желаний человека. Я не могла представить, что кто-то захотел бы противостоять ей.

— Как тебя зовут? — Холодное дыхание Кира коснулось моего уха, когда он заговорил.

— Кэрри, — без колебаний ответила я.

— Карты предсказали, что меня ждет какая-то неожиданность. Но я и понятия не имел, что это будет... так возбуждающе. — Он прижался сзади к моему бедру. Его твердый и напряженный член так и вырывался из ряссы. Пальцы Кира коснулись моей ладони, и он сцепил их с моими. Я вырвала свою руку и сразу же ощутила полный контроль над собственным телом. — Мой ангел милосердия. — Я чувствовала, как его язык, на удивление горячий, скользнул по моей щеке. — Ты так вкусно пахнешь.

Внезапно на меня обрушилось воспоминание о демоне, напавшем на меня. Когти, которые разорвали мою плоть. Злые глаза, смотрящие на меня, от чего я съеживалась от страха, не в состоянии защитить себя. Я вырвалась на свободу.

— Отойди от меня!

Хотя он сильно отличался от того существа в обличье вампира, все, что я могла видеть, так это его сходство с Джоном Доу. Посмотрев на меня, Кир скрестил руки на груди:

— В тебе есть огонь. Я получаю большое удовольствие от этого.

По его удовлетворенному извращенному тону я поняла, что это плохо. Кир говорил, как если бы это была забавная игра «бинго»[8], выигрышем в которой стал бы автомобиль.

— Мне это не интересно. Кстати, об огне, поджег квартиры — уж точно не путь к сердцу девушки.

— Да, — нахмурившись, согласился он, сокращая расстояние между нами. — Я считаю, что самый эффективный способ — прямо через грудную клетку.

— Что тебе нужно? — потребовала ответа я.

Обняв за талию, Кир притянул меня ближе к себе:

— Кэрри, это ты пришла ко мне. Кажется, именно тебе что-то нужно.

Он прижался к моей шее и провел губами по шраму. Я закрыла глаза, желая полностью отдаться ощущениям, бросающим в жар кровь в моих венах.

— Мне нужны ответы.

— Но пока что ты не задала ни одного вопроса. — Его зубы слегка прикусили мою кожу. — И на самом деле ты сейчас не хочешь разговаривать.

— Нет, хочу, — настаивала я, пытаюсь отстраниться от него.

Он быстро сжал меня.

— Твое тело говорит совсем другое. Ты хочешь меня. Я чувствую это по запаху.

Я скрипнула зубами:

— Это все кровные узлы. Если бы ты был каким-нибудь другим парнем, я бы уже вломила тебе.

— Если бы ты была какой-нибудь другой женщиной, то была бы уже мертва. — Несмотря на грозные слова, Кир отпустил меня. — Я лег вчера довольно поздно, поэтому еще не завтракал. Присоединишься ко мне?

— А ты ответишь на мои вопросы?

— Это зависит от того, что ты спросишь. Но, да, Кэрри, я дам ответы, к которым ты так яростно стремилась. — Он протянул мне руку.

Я закусила губу, размышляя над предложением. «Был ли это трюк? Ловушка? Но он же не мог знать, что я приду. Кир ведь даже не узнал меня, когда увидел. Поэтому у него просто не было времени, чтобы придумать какой-нибудь хитрый план. В худшем случае, я просто буду чувствовать дискомфорт, разделяя с ним трапезу и пытаюсь бороться с кровными узлами. А в лучшем случае — стану лучше понимать, что же случилось со мной». Я вложила свою руку в его, и Кир повел меня в другую комнату.

Столовая была огромной, но без окон. Она была даже более роскошной, чем тот бальный зал, если такое вообще возможно. Стены были отделаны темными деревянными панелями, и свет исходил лишь от свечей, стоящих в дорогих серебряных канделябрах[9].

Кир выдвинул стул из-за длинного обеденного стола и жестом пригласил меня сесть, а сам устроился по правую сторону от меня, во главе стола.

Достаточно длинный стол, человек на двадцать, был накрыт только на двоих. Хрустальные бокалы заняли место тарелок. Огромных размеров накрытое блюдо стояло в центре. Я никогда не видела посуду таких размеров. Мне стало интересно, с кем он планировал разделить трапезу до того, как появилась я.

— С Далией, — произнес Кир в ответ на мои мысли, изящно разворачивая салфетку и кладя ее на колени. Изысканный хрустальный колокольчик лежал по его левую руку. Он позвонил в него. Меня расстроило, что он так легко мог читать мои мысли.

Кажущийся настоящей особой голубых кровей дворецкий, одетый во все черное, вошел в комнату. За ним следовали двое охранников. Дворецкий подошел к блюду, накрытому серебряной крышкой и заколебался, глядя на меня. Один из охранников что-то произнес. Слуга взглянул на них и снял крышку.

— Ваш завтрак, сэр, — произнес он. На его покрытом морщинами лице отражалось отвращение.

Обнаженное тело молодой женщины лежало на блюде. Она, очевидно, была мертва. Ее пустые глаза невидяще смотрели в потолок. Одна рука безжизненно лежала на груди, а другая была закинута над головой, повторяя форму блюда. Кто-то додумался украсить ее лепестками роз. Женщина была представлена так же эффектно, как «Богиня Ренессанса»[10]. Я ужаснулась. Женщина была мертва, а ее останки использовались в эстетических целях.

И все — лишь бы угодить человеку, сидящему рядом со мной.

Страх, который я чувствовала от его присутствия, всплыл на поверхность, но затем быстро утонул под тяжестью кровных уз. Несмотря на весь вред, который он уже причинил мне, казалось нелепым, что Кир сможет еще раз сделать мне больно. Я поймала себя на желании прикоснуться к нему, отчаянно стремясь к физической связи, но сразу же подавила это чувство.

«Он монстр. Убийца. Ты выше всего этого».

— Спасибо, Кларенс. Это все, — произнес Кир, вежливо кивнув.

Дворецкий и охранники удалились. Кир встал и потянулся к моему бокалу. Он поднял руку мертвой девушки и провел своим когтем, как бритвой, по запястью. Темно-красная кровь полилась из раны. Похоже, девушка умерла недавно.

Он обращался с трупом спокойно, как ни в чем не бывало. Ему представлялось нормальным угощаться мертвым телом. Я прекратила напоминать себе, что должна чувствовать ужас — это все равно ничего не изменит — и сосредоточилась на вопросах, на которые мне нужны были ответы.

Кир наполнил свой бокал и поднес его к носу, вдыхая аромат. Я проигнорировала бокал, приготовленный для меня, но, казалось, моего создателя это не волновало.

— Итак, о чем мы говорили? — спросил он после того, как сел.

— Ты упомянул Далию. Читал мои мысли?

Кир сделал большой глоток, затем промокнул губы салфеткой:

— Конечно. Ты задавалась вопросом, с кем я планировал разделить трапезу, поскольку стол был накрыт на двоих. Далии иногда нравится пить человеческую кровь, и я балую ее этим.

— Она вампир? — Глупый вопрос. Я была уверена, что узнала бы его кровь в ее запахе.

Как я и ожидала, он покачал головой:

— Далия так сладка. Вообще-то, она одна из моих самых любимых домашних животных. Но я никогда не сделаю ее одной из нас. Она, так скажем, не... особенная. Я полагаю, это как раз подходящее слово.

— А я, значит, была особенной?

Я ощутила странную жалость к девушке. Она думала, что я заняла ее место, хотя на самом деле занимать было нечего. Но это не то, что действительно заботило меня.

— Ты можешь постоянно читать мои мысли?

— Если захочу, — ответил он. — И чтобы ответить на твой первый вопрос, да, ты особенная.

— Но это была случайность, — произнесла я, пронзив его жестким взглядом. Я помнила ту ночь или, по крайней мере, большую ее часть. — Ты не давал мне свою кровь. Она попала в меня, когда я ударила тебя осколком, но ты не хотел, чтобы это случилось.

Тяжело вздохнув, Кир откинулся на спинку стула. Он долго изучал меня, прежде чем произнес:

— В тебе течет моя кровь, Кэрри. Даже если я и не намеревался делиться ей, она все равно в твоих жилах. Это делает тебя ценной в моих глазах.

Я взглянула на него:

— Ты напал на меня и оставил умирать. Тогда я не была тебе дорога...

Он поднял руку, чтобы остановить меня:

— Пожалуйста, извини меня, но эти чертовы глаза... они высыхают так быстро.

Кир взял маленький нож и вонзил его в глаз, позаимствованный у кого-то. Тот упал на

стол с мягким чмокающим звуком и сплюснулся. Ужасный образ мертвого санитаря морга возник в моей голове.

Кир наклонился к лицу мертвой девушки и вырезал у нее глаз. Вставив его в свое глазное отверстие, он взял второй глаз трупа и бросил его в свой бокал. Тот опустился на дно, как оливка в мартини.

— У меня было два просто потрясающих глаза, пока я не вернулся в этот город. А теперь приходится искать новые. Но их тяжело найти, к тому же они высыхают, прежде чем ты получаешь от них хоть какую-то пользу.

Любопытство врача взяло верх, отвлекая меня от темы нашего разговора:

— И как это работает?

— Я не знаю. — Он несколько раз моргнул, как будто только что надел новые контактные линзы. Тонкая струйка крови стекала по его щеке. — Предполагаю, что это связано с регенеративными свойствами[11] человеческой крови.

— А это работает с другими частями тела? Конечностями? — Я резко подалась вперед на стуле. — Как насчет зубов?

— Откуда же я знаю? Кэрри, я понимаю твою тягу к знаниям, но есть вопросы, на которые даже проклятый «Сангвинар» не может ответить. — Кир медленно потягивал кровь из бокала. Глаз, находящийся внутри, перекатился и уставился на меня.

Меня начало выворачивать. Кир либо не заметил, либо ему было все равно.

— Слуги подготовят твою комнату, но, боюсь, это случится не раньше рассвета. Ты могла бы сегодня остаться со мной. Уверен, мы бы нашли какое-нибудь интересное занятие, чтобы заполнить скучные дневные часы.

— Эй! Эй! — Я помахала руками перед собой, как будто подавала сигналы самолету. — Я не останусь.

Не то, чтобы это меня не соблазняло. Кровная связь была невероятным афродизиак[12], несмотря на то, что я только что наблюдала, как он смотрел на мертвое тело, как если бы это была курица-гриль. Но я приехала сюда, ища ответы на свои вопросы, а не для того, чтобы провести с ним грязную непонятную ночь.

Выражение лица Кира стало мрачным:

— Ты же сказала, что твоя квартира сгорела. Тебе ведь нужно где-то остановиться.

— А у меня другие варианты. Это ведь ты сделал так, чтобы мне больше некуда было идти?

— При чем здесь я? Если Далия нанесла ущерб твоей собственности, то мне очень жаль. Кажется, само зрелище бушующего огня приносит ей некоторое удовлетворение. Я не могу исправить то, что она натворила. Но я предлагаю тебе место. И развлечения, — он протянул свою руку через стол и погладил мою.

— Это все прекрасно, — я закатила глаза. — Но есть организация, которая захочет убить меня, если я останусь здесь с тобой.

— «Движение»? — Его звучный смех заполнил всю столовую. — Они бы посадили нас всех в клетки и оставили там умирать.

— Видимо, ты невысокого о них мнения, — произнесла я.

— Да. Я долгие годы жаждал иметь своего спутника, но из-за ограничений, введенных проклятым «Движением», не смог уберечь ни одного из своих детей, которых сам создал.

Так значит он не знал о склонности своего любимого домашнего животного к «соревнованиям». Я не могла поверить, что он был настолько глуп. Но если Кир

действительно так одинок, то, может, он прощал все ее преступления. Может, даже спутник-убийца лучше, чем его полное отсутствие.

Кир поднялся на ноги, подошел ко мне и встал сзади, положив свои длинные пальцы на мои плечи:

— Судьба свела нас вместе в этой необыкновенной ситуации. Почему бы не прийти к соглашению, которое будет выгодно для нас обоих? Ты станешь тем напарником, которого я столько ждал, а я научу тебя пользоваться своей властью в полной мере. Властью, которую «Движение» отвергает.

— Что это за власть?

Он улыбнулся, как продавец подержанных машин:

— Власть господствовать, конечно же. Власть над жизнью и смертью. И сила, чтобы использовать ее в свою пользу.

Внезапно на меня нахлынуло страстное желание. Мне нравилось обладать властью Бога, которую, как я считала, приобрела, став врачом. Но иллюзия разлетелась на кусочки в ту ночь, когда Кир разрушил мои представления о смерти и случайно отделил меня от обоих понятий.

— Я думала, что обладаю ей. Моя жизнь оборвалась, когда я лежала на полу морга, истекая кровью, — сказала я, покачав головой. — Почему я должна верить тебе? Я не знаю тебя. Ты ведь можешь еще раз меня убить.

— Да, могу, — наконец произнес мой создатель. — Я не отношусь к тем, кому можно доверять.

Я мельком взглянула на багровое тело, лежащее на столе.

— Серьезно?

Кир опустил на колени возле меня:

— Слушай свое сердце, Кэрри. Я знаю, ты сделаешь правильный выбор.

Выбор. Я могла жить, если поклянусь в верности «Движению» или стану женой Киру. В любом случае, я была бы рабыней. Пленницей. Проституткой.

— Я приняла решение. Наша встреча была случайностью. Мне не суждено быть твоей спутницей или кем-то там, кого ты так долго ждал.

— Скажи мне, доктор, за многими ли своими пациентами ты шла в морг? — спросил Кир с понимающей улыбкой. — Ты последовала за мной. Ты хотела меня.

— Ты был мертв. Это не моя ноша, извини.

Он снова протянул руки, но я увернулась от них.

— Если это то, во что ты веришь, я не могу заставить тебя изменить решение, — произнес он, указывая на дверь. Я встала и направилась к ней, но Кир произнес мне вслед: — Далия полезна. Она до сих пор жива, поскольку развлекает меня. Не потому, что я люблю ее. Да и она не любит меня, — его голос стал тихим и печальным.

— Мне очень жаль, если ты несчастен.

Такой была и я. Я могла чувствовать его отчаяние, боль и гнев. Но также ощущала, что это своего рода хладнокровный способ манипуляции. Он был уверен, что я сдамся.

Кир продолжил, и его горе звучало искренне:

— Я только хочу защитить тебя.

— Я не нуждаюсь в защите, Кир. Мне нужно время, чтобы подумать. — И пошла прочь. — Если я выйду отсюда, охранники остановят меня?

Кир покачал головой:

— Ты вернешься?

Я подумала о Натане и его безоговорочной преданности «Движению». Стану ли я когда-нибудь настолько одержимой их идеями? Восприимчива ли я к такому промыванию мозгов?

— Не знаю. Возможно.

Его печаль в мгновение сменилась на гнев:

— Я твой создатель, Кэрри. Ты принадлежишь мне.

А вот это как раз и есть его истинная натура. Он мог бы заставить меня остановиться.

— Я никому не принадлежу. — Слова придали мне мужества, пока я произносила их. — Я не принадлежу ни своей работе, ни какому-либо человеку, ни «Движению». И я уверена, что черта с два принадлежу тебе. У меня осталось пять дней, чтобы принять решение. Если я захочу вернуться к тебе, то так и сделаю. Но я не дура, Кир. Ты создал меня не потому, что хотел этого. Ты сделал это не из-за любви ко мне. Ты хотел убить меня в морге. И я стала вампиром случайно. Я ничего тебе не должна.

Не обернувшись, я вышла за дверь.

1. Эдвардианский стиль. Король Эдуард VII взошёл на трон после Виктории, пробын принцем Уэльским до 59-летнего возраста — этот рекорд впоследствии побил только принц Чарльз. Отношение ко времени правления Эдуарда VII среди англичан примерно такое же, как к «России, которую мы потеряли» или к Франции в «Прекрасную эпоху». Архитектура же этого времени была представлена, с одной стороны, эдвардианским барокко, неоклассикой и использованием георгианских мотивов, а, с другой стороны, в том, что касалось жилых частных коттеджей, представляла собой развитие викторианских особняков и террасных домов. Однако эдвардианские коттеджи отличались меньшей орнаментальной нагрузкой, большей простотой и использованием более светлых цветов.

2. Протагонистка — женск. к сущ. протагонист. Протагонист — главный герой, главное действующее лицо, актёр, играющий главную роль в трагедии.

3. Фреска — живопись по сырой штукатурке, одна из техник стенных росписей. При высыхании содержащаяся в штукатурке известь образует тонкую прозрачную кальциевую плёнку, делающую фреску долговечной. В настоящее время термином «фреска» могут называть любую стенную живопись, вне зависимости от её техники (а секко, темпера, живопись масляными, акриловыми красками и т. д.).

4. Барокко (итал. *barocco* — «порочный», «распущенный», «склонный к излишествам») — характеристика европейской культуры XVII–XVIII веков, центром которой была Италия. Стиль барокко появился в XVI–XVII веках в итальянских городах: Риме, Мантуе, Венеции, Флоренции. Эпоху барокко принято считать началом триумфального шествия «западной цивилизации». Барокко противостояло классицизму и рационализму.

Также барокко является архитектурным стилем. Для архитектуры барокко характерны пространственный размах, слитность, текучесть сложных, обычно криволинейных форм, богатство лепного декора. Часто встречаются развернутые масштабные колоннады, избыток скульптуры на фасадах и в интерьерах, волноты, большое число раскреповок, лучковые фасады с раскреповкой в середине, рустованные колонны и пилястры.

Хотелось бы отметить сицилийское барокко, как форму барочной архитектуры,

преобладавшей на Сицилии в XVII и XVIII веках. Данный вид представляет собой не только типичные для барокко криволинейные формы, но также содержит всевозможные разновидности улыбающихся масок, путти и особую пышность, благодаря чему Сицилия получила уникальный архитектурный стиль.

Наша обожаемая бетусечка Леночка живет в Сиракузах на Сицилии и каждый день любуется такой красотой.

5. Сатана — в религиозно-мифологических представлениях авраамических религий — иудаизма, христианства и ислама главный противник Бога и небесных сил, высшее олицетворение зла.

В ряде книг Ветхого Завета Сатаной называется ангел, испытывающий веру праведника. В Евангелиях указывается, что Сатана пал с неба. Апостол Павел утверждает, что Сатана способен преображаться в ангела света. В Апокалипсисе Сатана выступает как Дракон и Дьявол — предводитель темных ангелов в битве с архангелом Михаилом.

6. Буги-вуги — это североамериканский танец; возник в 1920-х годах на основе фортепьянного буги-вуги. В Западной Европе распространился после 1945. В наши дни буги-вуги называется европейская версия свинговых танцев, относящаяся к подгруппе таких танцев как LeRoc, Seroc и Jive. Существуют две основные версии — “social”, то есть простой танец для удовольствия, и “acrobatic” — требующий почти спортивной подготовки. Если когда-либо Олимпийская программа будет включать в себя танцы, то в неё войдёт именно соревновательно-акробатическая версия буги-вуги. Хотя изначально буги-вуги был быстрым танцем, на сегодняшний день существует и медленная версия.

7. Ряса — верхнее одеяние, длинная до пят одежда, просторная, с широкими рукавами, тёмного цвета.

8. Бинго — игра, в которой случайным образом выбираются числа, а игроки должны заполнять соответствующие числа на своих карточках. Первый игрок, заполнивший карточку в соответствии с правилами розыгрыша, побеждает.

9. Канделябр — декоративная подставка с разветвлениями для нескольких свечей или ламп

10. «Богиня Ренессанса» — картина Джорджа Шерона. Леди Нада.

11. Регенеративный — восстанавливающий, возобновляющий.

12. Афроизиак — вещества, стимулирующие половое влечение и половую активность. Традиционно к ним относят средства растительного и животного происхождения. В последнее время, под воздействием рекламы различных «повышающих потенцию» препаратов, под словом афроизиак иногда понимают препараты, повышающие половое влечение, что в целом некорректно, так как это слово имеет преимущественно исторический смысл, и потому к афроизиакам могут относиться только «традиционные» продукты.

ГЛАВА 7

23 июня 1924 года

Кир сдержал слово. Охранники не остановили меня, и я покинула дом.

Голова разрывалась от огромного количества нахлынувших эмоций.

Кир пришел в ярость. Пересекая газон, я все еще могла слышать его ужасные крики и звуки разбивающихся предметов в доме.

Печаль снедала мою душу, пока ноги сами несли меня по тротуару. Я не знала, кого на самом деле ожидала найти в Кире. Наставника? Друга? Союзника в борьбе против страшных угроз «Движения», которое требовало, чтобы я либо жила для них, либо не жила вовсе?

Я поняла, что снова зашла в тупик. Кир руководил бы мной так же, как это делало бы «Движение». А я не могла это принять. Всю жизнь мною кто-то помыкал. Сначала отец, который был постоянно занят тем, что планировал мою будущую карьеру. Я удивлялась, как он находил время для собственной жизни.

«Ты моя работа, Кэрри. Мой долг — хорошо устроить тебя».

Как разочаровался бы он во мне сейчас. Но ведь я была такой же, как он, поскольку отодвинула на второй план романтические мечты и предпочла учебу и стремление к совершенству, пока медицина всецело не заполнила мою жизнь, а любые отношения, которые не были связаны с продвижением по карьерной лестнице, казались пустой тратой времени. Я позволила стольким вещам помешать моему собственному счастью! А теперь даже не могла вспомнить, что вообще могло сделать меня счастливой.

Мое тело совсем окоченело, когда я добралась до квартиры Натана. Я не оставила ему записку, но была уверена, что разбросанные бумаги помогли ему понять, куда я пошла. Напряжение сворачивалось в воздухе спиралью как электричество, когда я пересекала улицу. Окна квартиры были темными, но выставленный рекламный щит магазина все еще стоял на тротуаре. Я закрыла нос от неизбежного запаха ладана и направилась вниз по лестнице в книжный магазин.

Однако беспокоиться о мерах предосторожности не требовалось. Воздух был чистым, никакой успокаивающей музыки... Я вошла в комнату и прислонилась к прилавку, а затем услышала приглушенные проклятия и характерный звук упавших на пол книг.

— Нужна помощь? — поинтересовалась я.

За внезапным ударом последовало ругательство. Натан показался из книжных рядов, прижимая руку к макушке.

— Ты вернулась, — решительно произнес он и сморщился, когда пробежался пальцами по волосам.

— Извини. Я должна была кое-что сделать. — Я решила не говорить ему. Если бы он спросил, лгать бы не стала, но добровольно все рассказать — это было самоубийством.

Натан ничего не ответил, а просто снова скрылся за полками и продолжил делать то, чем занимался до меня.

Я последовала за ним. Он сложил книги на их места и направился мимо меня в другой конец магазина, где стал возиться, перебирая карты Таро[1], которые, как я заметила, не нуждались в том, чтобы их нужно было приводить в порядок.

— Так ты собираешься со мной разговаривать или нет? — тихо спросила я, когда он разложил карты веером, как будто они были кучкой журналов, лежащих на журнальном

столике.

— Извини. Я был груб. Как прошел вечер? Хорошо провела время со своим создателем, пока я рылся в твоей сгоревшей квартире? — Сарказм, звучащий в его голосе, был пощечиной. Мое раздражение усилилось.

— Ты сам отправился туда. Я не просила тебя идти. Все, что тебя заботило, так это твоя драгоценная книги!

— Речь не об этой гребаной книге! — Натан ударил кулаком по столу. Колода карт отскочила и упала на пол. — Как долго ты ждала, прежде чем решила поковыряться в моих вещах, чтобы найти его адрес? Ты хоть задавалась вопросом, что собиралась сделать? Нет! После того, что я рассказал тебе, после того, что ты пережила от его рук, ты все же пошла за ним. Безоружная. Он мог убить тебя!

— Но не убил же. Я могу постоять за себя, — произнесла я.

— Ты не знаешь, какой он на самом деле! — крикнул Натан, пока расставлял свечи по порядку.

Я надеялась, он сломает каждую чертову свечку.

— А ты, значит, знаешь?

— Да. — Натан повернулся ко мне, все еще держа в руке несколько оранжевых свечей. — Он способен на то, о чем ты даже представить себе не можешь. То, что даже не захочешь знать.

— Он убийца. Желание убивать — в нашей крови. Это написано даже в долбаной вампирской библии!

— Значит, это в нашей крови пытаться? Калечить? Охотиться на слабых и использовать таких детей, как Зигги? В моих венах течет та же кровь, что у него, но у меня никогда не возникало желания насиловать и убивать шестнадцатилетних девочек.

Я не могла поверить своим ушам. По его словам, Кир, определенно, был чудовищем. За то короткое время, которое я была с ним, я поняла, что он относился к людям как к своим домашним животным, и видела, что он, как ни в чем не бывало,пил кровь трупа, как если бы та была выдержанным французским вином. Но я знала себя, и была уверена, что никогда не увлеклась бы тем, кто способен на такое ужасное злодеяние.

— Он не мог сделать такое.

— Ты в этом уверена? Об этом было написано в последнем приказе. У меня наверху есть газетная вырезка об исчезновении девочки. Кир очень гордился ей. По-видимому, ему приносит наслаждение убивать девочек, пока он насилует их. Он любит смотреть, как они умирают, пока он находится внутри.

Описание столь непристойного процесса заставило мой желудок сжаться. Я прикрыла рот рукой.

— Я не хочу больше ничего слышать.

— Нет. Ты хочешь испытать это на себе. — Натан шумно выдохнул. — Ты идешь напролом и делаешь то, что хочешь.

— Это не то, чего я хочу.

— Эй! Да мне наплевать! Очевидно, что бы я ни сказал, тебе все равно.

Натан повернулся к свечам. Его спокойствие распалило мой растущий гнев:

— И что все это значит?

— Это значит, независимо от моих слов ты будешь делать то, что тебе, черт побери, взбредет в голову.

— А почему я не должна? — Я перетасовала карты, аккуратно сложенные в стопку на столе. — Единственные слова, вылетающие из твоего рта — это «не делай этого, Кэрри», и «это опасно, Кэрри», и «я убью тебя, Кэрри». Но ты никогда не говоришь — почему.

— Тебе достаточно знать основное.

— Ты говоришь прямо как мой проклятый отец, — закричала я, топнув ногой.

Натан издал какой-то раздраженный звук и всплеснул руками:

— О чем ты, черт возьми?

— Если я задаю вопросы, ты отвечаешь уклончиво. Ты не хочешь рассказывать что-либо о своей жизни, но тебе кажется, что я должна слепо верить в то, будто ты лучше знаешь, что для меня нужно. — Я указала на него пальцем: — Откуда мне знать, что ты не такой же опасный, как Кир?

Натан подошел ко мне так близко, что мы соприкоснулись ботинками.

— Поверь мне, прямо сейчас я опаснее всех.

— Ну конечно!

— Да, и я покажу тебе, насколько я опасен.

Я подняла голову, чтобы видеть его глаза:

— Это угроза?

— Тебе виднее.

Его дыхание отдавало холодом на моем лице.

Мы молча смотрели друг на друга. Между нами, как будто балерина на одной ноге, крутилось напряжение. Я не думаю, что была когда-либо более взбешенной.

Он отвернулся. Но ни один из нас не выплеснул свой гнев. Мы находились в центре урагана.

Натан снова посмотрел на меня. Его руки были скрещены на груди.

— Прекрасно. Докажи, что ты можешь постоять за себя.

Я колебалась.

— Что?

— Нападай на меня.

— Ты ведь это не серьезно, — рассмеялась я.

— Черта с два не серьезно! — Он отступил и приготовился к бою. — Я зол на тебя. Ты на меня. Верно?

— Да, но я не собираюсь давать волю бессмысленному гневу и драться с вампиром.

— Ты предпочитаешь, чтобы я был человеком? — Он закатил глаза. — Выплесни свою злость. И тогда сможешь доказать мне, что устоишь в схватке с Киром. Это беспроегрешная ситуация. К тому же, прямо сейчас я действительно надрал бы твою задницу.

— Надрал мою... — у меня челюсть отвисла, и я в гневе даже брызнула слюной: — Да я оставлю на твоей такой отметину!..

Я набросилась на него, не имея определенного плана действий. Мое плечо стукнулось о его верхний срединный разрез[2]. Он упал на спину, а я приземлилась сверху. Катаясь по полу, мы перевернули стол. Карты Таро разлетались во все стороны, пока мы боролись.

Мои развевающиеся волосы и руки-ноги которыми мы размахивали, загораживали обзор. Я, не глядя, нанесла удар. Резкая боль отдала в руку, когда мой кулак столкнулся с его челюстью.

Натан выкрутил мою руку за спиной и повалил меня на пол. Жесткие половицы врезались в пальцы, и я выгнула спину, чтобы уменьшить давление на них. К несчастью,

благодаря этому движению, я прижалась к его груди и почувствовала возбуждение.

Я использовала вторую руку, чтобы дернуть его за волосы, потянув их так сильно, как только могла. Натан схватил меня за запястье и сильно сжал его. Я разомкнула пальцы. Он вытянул мою руку над головой и прижал ее к полу.

Гнев между нами исчез, оставив после себя ссадины и тяжелое дыхание. Я перестала вырываться, а Натан ослабил хватку. Болезненно осознав, насколько близки были наши тела, я посмотрела ему в глаза.

Он прижался ко мне бедрами. Очевидно, не на одну меня такое положение производило впечатление.

— Ты хреново дерешься! — прохрипел Натан. И наклонился. Его рот был в сантиметре от моего. Я закрыла глаза и пыталась совладать со своим телом, которое начало дрожать. Его дыхание дразнило мои губы. Я вздрогнула.

Зазвонил колокольчик, висящий над дверью магазина. Натан вскочил на ноги и использовал книгу с ближайшего стола в качестве щита, чтобы скрыть свое очевидное возбужденное состояние. Я неуклюже поднялась, надеясь, что не выгляжу слишком растрепанной.

У вошедшей клиентки, в возрасте около пятидесяти, были длинные седые волосы. Она понимающе посмотрела на нас своими карими глазами:

— Я невовремя. Приду позже.

Она оглядела перевернутый стол и разбросанные предметы, прежде чем повернулась к двери.

— Нет, нет. — Натан наклонился, чтобы поставить стол на ножки. — Чем я могу вам помочь сегодня, Деб?

Женщина перевела свой взгляд с него на меня. На ее лице было неопределенное выражение. Я кашлянула и улыбнулась, пытаюсь — весьма неудачно — скрыть вину, написанную на моем лице.

В ответ на настоятельную просьбу Натана женщина продиктовала длинный список ингредиентов, которые ей требовались, чтобы сделать приворот. Он указал ей на кладовку с травами, находящуюся в задней части магазина, и обещал подойти через минуту.

— Деб — постоянный клиент, — объяснил Натан извиняющимся тоном. — Ты могла бы пока подняться наверх.

— А как моя квартира? — с надеждой спросила я.

Он уставился на пол.

— Я как раз хотел сказать тебе.

— Ее больше нет, — произнесла я, прочитав ответ в выражении его лица.

Он не мог встретиться со мной взглядом.

— Мне очень жаль, Кэрри.

Я направилась в квартиру Натана. Мысли вертелись в голове. О чем я думала? Я встретила этого мужчину чуть больше недели назад, а сейчас каталась с ним по полу. И это после его большого, непонятного и грубого притворства. Неужели я стала похожей на увядающую южную красавицу[3], которая только и ждала своего мужественного и загадочного Ретта Батлера[4], чтобы тот приехал и забрал ее.

Я бродила, рассеянно подбирая одежду, разбросанную по комнате. Как только грязное белье было сложено, я направилась к журнальному столику, поправила безнадежно раскиданную кучу книг и бумаг.

Не очень приятно, когда тебя обвиняют, что ты суешь нос в чужие дела. Мысли о том, что он сказал там, внизу, заставили мою кровь закипеть, поэтому я собрала грязную посуду, безо всяких церемоний опустила ее в раковину, полную мыльной воды, и хотела помыть, но кружки, в которые обычно наливают кофе, окрасили воду в бледно-розовый цвет. В животе у меня заурчало.

Моя маниакальная уборка квартиры продолжалась. За последние девять дней я стала бездомной, безработной, и на меня охотились. Вероятно, на моем банковском счету было достаточно денег на несколько месяцев аренды какого-нибудь жилья и оплаты коммунальных услуг. Этот вопрос нужно обдумать, поскольку своей квартиры у меня больше не было.

«Интересно, а членам «Добровольного Движения Уничтожения Вампиров» платят зарплату?»

Натан предложил кровь, кров и защиту. Самое меньшее, что я могла сделать, так это привести в порядок это место. Ведь он больше от меня ничего не получит. Мое поведение внизу, возможно, подняло уровень его ожиданий. Я должна была пресечь это на корню.

Перейдя в спальню, я стянула простыни с кровати и бросила их в угол, который оказался его корзиной для грязного белья. Вампир или нет... казалось, мужчины просто не могли убирать за собой.

Боль и печаль захлестнули меня, когда я поняла, что у меня больше не было дома, который можно убирать. Или одежды. Или предметов на каждый день.

Как моя жизнь могла так сильно усложниться? Как же мне выжить, будучи вампиром? И сколько времени прошло с тех пор, как Натан последний раз стряхивал грязь со своего матраса?

Борясь с тугими матрасными пружинами, я взглянула на аквариум, стоящий на прикроватной тумбочке: где-то я прочитала, что у золотой рыбки память равняется трем секундам. Каждые три секунды бедняжка должна сталкиваться с новой и пугающей реальностью. Сейчас я могла выяснить это совершенно точно.

Подняв аквариум, я прижалась щекой к прохладному стеклу и досчитала до трех.

— Сюрприз! — и вздохнула, когда поставила сосуд на место. Казалось, этот оранжевый дружок не особо-то испугался. Он просто продолжал плавать. Прошли еще три секунды. Я боролась с пружинным матрасом, пытаюсь втолкнуть его на место. Задыхаясь и обливаясь потом, опять посмотрела на аквариум. Никакой реакции.

Рыбы были живучими.

Я открыла дверцу шкафа, чтобы поискать чистые простыни, на тот случай, если они у него были. Там висели разнокалиберные пустые вешалки и несколько рубашек, чьи плечики запылились оттого, что их долго не надевали. Три разные теннисные кроссовки, прижатые друг к другу, стояли в углу рядом с высохшим, скукоженным комочком, который напоминал мышь.

Я нашла стопку простыней на самой верхней полке и вытащила ее. Что-то тяжелое и квадратное выскочило вместе с ними и приземлилось мне на ногу. Пробормотав ругательства, я наклонилась, чтобы поднять предмет, причинивший мне боль. Это была маленькая рамка для фотографий. Весомая для своего размера. Снимок, вставленный в нее, был желтым и выцветшим.

Красивая молодая женщина улыбалась с фотографии. Она была одета в простую белую блузку и длинную юбку из тартана[5] и прижимала к груди букет полевых цветов. Рядом с

ней — молодой человек в невзрачном костюме. Пара стояла на каменных ступенях маленькой деревенской церквушки. Я покосилась на мужчину. У него было удивительное сходство с...

Перевернув рамку, я осторожно вытащила фотографию. На ней не было написано никаких имен, только дата. «23 июня 1924 года».

Я уставилась на снимок. Двадцатилетний Натан смотрел на меня.

— Кэрри? Извини, что я так задержался, но ты не поверишь, как долго женщины могут говорить о кошках.

Я вставила фото обратно в рамку, вернула ее на верхнюю полку и захлопнула дверцу шкафа.

— Ого! Квартира выглядит здорово! — крикнул Натан из гостиной с подлинной признательностью в голосе, потом вошел в спальню и засмеялся, когда увидел меня. — Ты и постель меняешь? Я должен буду заплатить за это?

— Я почистила матрас. Только за это двадцать баксов. — Я посмотрела на сумки из магазина, которые он держал в руках. — Или все, что находится в этих фирменных пакетах «Секрет Виктории»[6].

Он расхохотался. Смех был раскатистым, но смущенным. Натан бросил пакеты на кровать.

— Я не знал твоего размера, поэтому если не подойдет, мы сможем вернуть.

Натан подумал обо всем. Там были свитера и футболки нежных нейтральных цветов «Олд Нэйви»[7], джинсы и шелковые трусики, любезно предоставленные «Секретом Виктории».

— Я спас кое-какую твою одежду из огня, но она пропиталась дымом. Я не думаю, что ее можно будет выстирать.

В горле застрял комок.

— Натан, ты не должен был все это делать. Я...

Я не понимала, что плакала, пока мой голос не оборвался. Я не могла произнести ни слова.

— У меня и в мыслях не было так расстраивать тебя. Просто подумал, что ты можешь использовать кое-что из вещей. Он откашлялся и протянул мне пакет. — Если я отдам его, ты обещаешь остановиться?

— Постараюсь, — всхлипнула я. — Когда ты купил все это?

— Когда вернулся домой. Тебя не было, я взбесился, поэтому отправился за покупками.

— Ты пошел по магазинам потому, что сердился на меня? — Я забрала пакет из его рук. — Напомни мне почаще злить тебя.

— У меня есть кое-какие знания относительно женского поведения из прошлой жизни, — усмехнулся он. — Если когда-нибудь поймаешь меня за просмотром «Взгляда»[8], подойди и убей. Я просто понял, что ты можешь вернуться, и хотел заставить тебя чувствовать себя виноватой.

— Не переживай на этот счет, я и так чувствую себя виноватой, — произнесла я, заглядывая в пакет. Он был пластиковым и с логотипом местного продуктового магазина. Я замерла, когда мои пальцы сомкнулись вокруг знакомого предмета. — Натан... что?

Дрожащей рукой я вытащила маленькую фотографию, вставленную в рамку: я и мои родители на выпускном. Когда я последний раз видела ее, она стояла на комод.

— Спасибо.

Придя в ужас от моих вновь наворачивающихся на глаза слез, Натан попятился:

— Эй-эй. Я думал, ты собиралась прекратить это дело.

— Извини. Никто никогда не делал для меня ничего подобного. — Это не было ложью.

Меня учили, что в жизни ничего не дается легко, за все нужно платить. Единственным человеком, от которого я зависела, была я сама. Я снова полезла в пакет. — Это мой... мой диплом?

— Я подумал, ты захочешь сохранить его. По ностальгическим причинам. — Натан пошаркал ботинками по ковру. — Ты знаешь, этот пожар может стать идеальным способом порвать с прежней жизнью. Люди всегда умирают в огне.

Прежняя жизнь. Мой фотоальбом. Мои журналы. Все, что я считала незаменимым, исчезло. Мой отец постоянно говорил, что общество придает много значений прошлому. Мне так хотелось сейчас бросить эти слова ему в лицо: «Мое прошлое — это все, что осталось от тебя. А сейчас его нет, так же как тебя».

— Давай не будем говорить об этом прямо сейчас, ладно? — сказала я, вытирая глаза пальцами. Прежде чем Натан смог запротестовать, мой желудок громко заурчал.

На его лице отразилась озабоченность:

— Когда ты последний раз ела?

Я сжалась, вспомнив мертвую девушку.

— Кир предлагал, но я не смогла... пить. Не так, как это делал он.

Натан сжал зубы, но ничего не сказал и направился на кухню, а я последовала за ним.

— Так ты вернул «Сангвинар»?

Я наблюдала, как он вытащил пластиковый пакет с кровью из холодильника и вылил все содержимое в чайник, стоящий на плите.

Натан покачал головой:

— На это не было времени.

Удивительно, но я наслаждалась металлическим запахом греющейся крови.

— Однако ты нашел время, чтобы найти диплом и фото моих родителей.

Пожав плечами, он наполнил мою кружку и оставил остальное на плите.

— Я действовал согласно приоритетам.

— А почему я оказалась на первом месте? — Натан знал меня всего неделю. — Первостепенной задачей для тебя должна была стать книга.

Он повернулся к раковине и начал с неохотой мыть посуду.

— Книгу можно заменить. Воспоминания нельзя. Я знаю, что если бы сам лишился всех фотографий Зигги, которые храню... Знаешь, когда ему было одиннадцать, я повел его в Диснейуорлд[9]. Мы, конечно же, могли выходить только ночью, но пошли туда в декабре. Тогда солнце рано садилось...

— Я надеюсь, ты не думаешь, что я буду спать с тобой потому, что ты такой хороший, — выпалила я.

Раздался звук бьющейся посуды, и Натан выругался. Когда он вытащил из воды руку, я увидела, что по ней текла кровь. Он перевел взгляд с порезанного пальца на меня. Убийственный взгляд.

— Черт возьми, Кэрри!

Логика заработала, и полноценный страх в моей голове внезапно стал казаться невероятной глупостью. Тем не менее, я продолжила:

— Ну, ты купил мне одежду, спас диплом из горящего здания, пожертвовав своей

драгоценной книгой. Ты кормишь меня... Что еще я должна думать?

— Может, ты должна думать, что я идиот, который делает все это дерьмо для того, кто это совсем не ценит!

Он сунул палец в рот и высосал кровь. Черты его лица причудливо исказились, как в ту ночь, когда мы встретились. Я невольно сжалась, надеясь, что он не заметил.

— Люди никогда не делают ничего для других просто так. Извини, если я обидела тебя, но это факт.

— Да неужели? — он с минуту смотрел на меня с выражением какого-то горького развлечения на лице. — И как ты докатилась до этого?

— Эй, приятель, ты жил на земле дольше, чем я. Ты можешь сам придумать ответ и сделаешь это лучше меня.

Я сделала глоток крови. Натан усмехнулся и повернулся обратно к посуде. После долгого молчания он произнес, не глядя на меня:

— Ты можешь остаться здесь столько, сколько захочешь. Я не против. Но не думай, что я чего-то жду от тебя из-за того, что случилось внизу. Это была просто одна из тех странных вещей, о которых лучше забыть.

— Спасибо, — тихо сказала я. Мне удалось выпить еще крови, не останавливаясь из-за воспоминаний о тех ужасных вещах, которые я видела сегодня, например, чем Кир заменил оливку для коктейля. К несчастью, меня задело высказывание Натана. Я не относилась к горячему тамалу[10] в энчиладе[11], но как он мог забыть то, что почти поцеловал меня? Я не могла не чувствовать себя оскорбленной.

Натан продолжил:

— Я сожалею о том, что сказал. И не должен был драться с тобой. Мы мало знаем друг друга, но то, что я уже узнал о тебе, мне нравится. Я хочу, чтобы ты сделала правильный выбор, поэтому мы не должны становиться врагами.

— Натан, я не такая, как он. Я поняла это сегодня.

— Хорошо, — сказал он, не поднимая глаз.

Я встала рядом, чтобы ему не удалось избежать моего взгляда.

— У него нет ничего, что нужно мне. Мне не интересна такая жизнь, как у него.

Когда Натан посмотрел на меня, казалось, его взгляд пронзал меня насквозь.

— И какая же это жизнь, Кэрри?

— Жизнь без последствий. — Я отвернулась и направилась к кухонному столу, чтобы сесть. — Но это не значит, что я приняла решение: не хочу потратить всю свою жизнь, чтобы посвятить себя какой-то таинственной организации, потому что они думают, что могут решать за меня, жить мне или нет. Единственный человек, властный над моей жизнью, — это я сама.

— Что ж, это достойно уважения. Но все равно ничего не меняет.

Я вздохнула. Он никогда не изменит своего мнения, и мне это было совершенно ясно. Прошло пять дней с тех пор, как мы перестали быть смертельными врагами, и я поняла, что могу положиться на него как на друга. Невероятно раздражительный, прямо-таки грубый друг, но единственный, который был у меня.

Я не хотела думать об этом сегодня.

Натан закончил с посудой, не продолжая разговора. Когда последняя тарелка оказалась в сушилке, он вымыл руки и вытер их полотенцем. Я с робкой улыбкой передала ему свою кружку. На его лице появилось этакое добродушное раздражение, и он опустил ее в пустую

раковину.

— Хочешь выпить? В этот раз по-настоящему.

— Не отказалась бы.

Я последовала за ним в гостиную. Он предложил мне сесть, а потом вытащил с полки большую книгу и открыл ее. Внутри та оказалась полой, страницы были вырезаны, чтобы образовать нишу для блестящей металлической фляжки.

— Я-то думала, ты книжный червь, а ты, оказывается, алкоголик! — Я зевнула. — Так книжный магазин — это просто умело организованное прикрытие для бутлегерских[12] операций?

— Скотч. Тридцатилетней выдержки. Я держу только по-настоящему стоящие вещи. — Натан протянул мне фляжку и жестом предложил выпить. — Зигги держит у себя ликер и тайком заменяет им воду, которую пьет. Он думает, я этого не замечаю.

Я осторожно сделала глоток. Напиток был не слишком терпкий и согрел меня так же, как кровь, которую я пила до того.

Мои мысли вернулись к таинственной женщине на фотографии. Очевидно, это был свадебный снимок. Но Натан не носил кольцо. У него даже не было светлой линии от него. «Глупая мысль», — отругала я себя. Натан же не мог выходить на солнце.

Должен же быть какой-то способ затронуть эту тему. Какой-нибудь невинный вопрос, который я могла задать, чтобы побудить его рассказать всю историю.

Он сел на диван рядом со мной. Его бедро касалось моего. Я не отодвинулась. Он тоже.

— Тебе когда-нибудь было одиноко?

Такой вопрос казался мне самым лучшим способом начать разговор. Но также это было глубоко личным, если судить по выражению лица Натана. Он взял фляжку и сделал затяжной глоток.

— Нет. У меня есть Зигги, а когда его нет, я рад побыть в одиночестве.

— Я имею в виду, приносит ли бессмертие одиночество? — я потянулась к фляжке, решив, что убить привкус во рту, оставленный спиртным, можно еще одним глотком.

— Ну, после первого десятилетия, или около того, кажется, время летит незаметно. Я должен признать, что становится скучно. И да, думаю, одиноко. Особенно, когда я читаю о ком-то, кто справил свое сто восьмое день рождения. Это наводит на мысль, что на самом деле я старый, очень старый. Я просто внешне остаюсь молодым, — он усмехнулся и посмотрел на меня. — Я понятно объяснил?

— Вполне, — заверила я его. — Хотя, может, мне и тяжело вникнуть, поскольку я немного навеселе.

Он грустно улыбнулся.

— Трудно поверить, что в один прекрасный день я останусь единственным человеком, который будет помнить, какая жизнь была в то время. Конечно, люди сохраняют в памяти основные вещи. Они запишут их в учебники истории. Но только я буду помнить, сколько стоили яйца и молоко в 1953 году, каков на вкус ежевичный джем миссис Кэмпбелл или то, что миссис Кэмпбелл вообще когда-то жила.

Я не имела понятия, насколько стар был мой создатель. Как вытерпел Кир столько лет одиночества? Стало ли это причиной, по которой он так отчаянно искал себе спутника? Мое сердце стало разрываться при этой мысли. Меня удивило появление столь нежных чувств.

— Наверное, именно поэтому ты хочешь найти кого-то, кто был бы рядом, когда люди, которых ты любишь, умирают.

— Я думаю — да, — кивнул Натан. — Но я уже долгое время ничего подобного не чувствовал. Может, потому что Зигги еще так молод, и я понимаю, что еще есть много времени, прежде чем придется задуматься об этом.

По его тону я могла сказать, что подобралась близко к основной части своего разговора:

— А где ты жил?

— Да везде. — Он сделал еще один глоток скотча. — Я родился в Шотландии, жил там до... — На мгновение его голос замер. — Я отправился в Бразилию в 1937 году. Именно там я и был обращен.

— О! — Я не знала, что ответить.

— Оттуда я перебрался в Лондон, затем в Канаду, а когда прекратилась война...

— Ты уклонялся от военной службы? — прервала я.

— Нет. — Он выгнул бровь, посмотрев на меня. — Вторая Мировая Война. В конечном счете, я попал сюда.

— Ты много переезжал.

Я подумала о том, придется ли мне столько путешествовать. Эта мысль не особо-то привлекала.

— Вот так все и случилось, — вздохнул Натан. — Если ты долго живешь на одном месте и не стареешь, люди начинают что-то подозревать. Поверь мне, это реальная заноза в заднице — получать новое свидетельство о рождении и карточку социального страхования.

Подражая ему, я произнесла, жалобно растягивая слова:

— Особенно, когда ты, очевидно, не из этих мест.

Он усмехнулся, а затем съимитировал акцент жителей Среднего Запада:

— Я не знаю, о ком ты говоришь. Я родился в Гэри, штат Индиана, в 1971 году.

— Серьезно? И как тебе удалось сделать это?

Натан откинулся назад, положив свои длинные руки позади меня на спинку дивана.

— Это не трудно, особенно в таком городке, как этот. Повсюду столько нелегалов, а у них много связей, чтобы изготовить фальшивые документы. Все можно сделать по Интернету. И как только получаешь свидетельство о рождении и карточку медицинского страхования, идешь в Министерство иностранных дел и говоришь: «Я бы хотел подать заявление на получение водительских прав».

Он закончил свое объяснение смешным звонким смехом, характерным для людей Среднего Запада.

— Не делай так, — я нахмурилась.

— Как? — он приподнял руку.

— С таким акцентом. Мне нравится твой естественный голос.

Натан посмотрел на меня так, как будто в первый раз увидел. Он изучал мое лицо, ничем не выдавая того, что происходило в его голове.

— Сегодня там, в книжном магазине... если бы я поцеловал тебя, ты бы позволила? — Его голос стал глубже, чем обычно, и немного более грубым от выпитого алкоголя.

У меня пересохло во рту. Я глотнула еще немного скотча, но это не помогло.

— Не знаю.

— А ты позволишь сейчас?

Слабый возглас вырвался из моего горла.

Он воспринял это, как отказ:

— Никаких продолжений. Просто поцелуй.

Я кивнула.

Его губы были мягкими, но холодными. Он осторожно коснулся ими моих губ. Бабочки размером с бомбардировщик В-52[13] замахали крыльшками у меня в груди. Я закрыла глаза и почувствовала головокружение или от выпитого скотча, или от запаха Натана, который окружал меня. Возможно, и от того, и от другого.

Под натиском его губ мой рот приоткрылся. Кончик языка скользнул по моим губам. Я обняла Натана, положив руку ему на затылок и перебирая мягкие волосы. Возбуждение заставляло сжиматься мой живот каждый раз, когда я делала вдох.

Без каких-либо предупреждений Натан отстранился. Я открыла глаза и увидела, что он покачнулся и упал на пол.

Далия смотрела на его неподвижное тело: выражение удивления сменилось довольной улыбкой. Она пожала своими покатыми плечами:

— Думаю, сойдет.

Прежде чем я успела спросить ее, что она имела в виду, ведьма хлопнула в ладоши и исчезла.

1. Карты Таро — система символов, колода из 78 карт, появившаяся в Средневековье в XIV–XVI веке, в наши дни используется преимущественно для гадания. Изображения на картах Таро имеют сложное истолкование с точки зрения астрологии, оккультизма и алхимии, поэтому традиционно Таро связывается с «тайным знанием» и считается загадочным.

2. Верхний срединный разрез идет по белой линии живота с обходом пупка слева.

3. Термин «южная красавица» (от французского слова Белль, "красивый") является описательным типом молодой девушки из высшего класса старого американского юга.

4. Ретт Батлер — мужчина, пренебрегавший порядками общества, мечта любой девушки — красавец и богач. Репутация оставляет желать лучшего, однако это необычайно умный, мудрый, понимающий и ценящий душевную красоту людей, умеющий любить. Ретт Батлер — настоящая любовь Скарлетт. Это человек, который никогда её не предавал. Человек, который любил её до умопомрачения и понимал как никто другой. Но вместе с тем он прекрасно осознавал, что показать Скарлетт её власть над собой, значит навсегда потерять шанс покорить её сердце.

5. Тартан — ткань в крупную симметричную клетку, полученная за счет чередования узких и широких полос. Тартан — популярный материал для изготовления одежды во всем мире.

6. «Секрет Виктории» — это крупнейшая мировая торговая сеть, занимающаяся торговлей женским бельем, одеждой для дома, обувью и косметикой, как через фирменные магазины, так и по почте, через фирменные каталоги.

7. «Олд Нэйви» — является одним из брендов, принадлежащих известной во всем мире корпорации «Геп», который создает одежду для всей семьи. Одежда «Олд Нэйви» недорогая, но при этом стильная и качественная.

8. «Взгляд» ("The View") — американское ток-шоу, транслируемое по каналу ABC. Создатели — Барбара Уолтерс и Билл Гедди, которые одновременно являются продюсерами сериала. Дебют произошёл в 1997 году, и с тех пор ток-шоу показывается по всему миру.

9. Диснейворлд (англ. Disney World) официальное название — «Всемирный центр отдыха Уолта Диснея» — самый большой по площади и самый посещаемый центр развлечений в мире, покрывающий площадь в 100 км. В его составе: четыре тематических парка, два аквапарка, 24 тематических отеля, многочисленные магазины, кафе, рестораны и места развлечений. Принадлежит компании Walt Disney Parks and Resorts — подразделению компании The Walt Disney Company. Расположен к юго-западу от города Орlando в штате Флорида, США

10. Тамал — древнее мексиканское блюдо. Рубленную острую свинину, индейку или курицу складывают на просаленные кукурузные зерна, покрывают слоем шелухи от кукурузного початка и варят на пару. Тамал — горячая закуска. К мясу можно добавлять маслины или мелкую рыбешку.

11. Энчилада — традиционное блюдо мексиканской кухни. Энчилада представляет собой тонкую лепёшку (тортилью) из кукурузной муки, в которую завернута начинка.

12. Бутлегер (подпольный торговец, контрабандист) — подпольный торговец спиртным во время сухого закона в США в 1920-1930-е годы. В широком смысле слова — торговец всякими контрабандными товарами, но чаще всего самогонными спиртными напитками или подержанными автомобилями.

13. Стратегический бомбардировщик B-52 предназначен для выполнения боевых задач с применением ядерного и неядерного вооружения, нанесении массированных ударов по малоразмерным целям. Свою длинную жизнь B-52 начал в 1948 г.

ГЛАВА 8

Сделка

Я опустилась на колени рядом с телом лежащего без сознания Натана и перевернула его на спину. Он дышал, но едва слышно.

— Открой глаза! — заорала я ему в лицо. Я надеялась, что хотя Далия и сотворила какое-то заклинание, его действие рано или поздно прекратится. — Натан, открой свои чертовы глаза! — его веки чуть поднялись, и на губах появилась слабая улыбка. Я облегченно вздохнула.

— Марианна? — прошептал он. Его глаза снова закрылись, и тело обмякло. Как будто кто-то щелкнул выключателем. Мое облегчение немедленно превратилось в ужас. Я снова и снова звала Натана по имени, но он не отвечал.

Оглядывая безумными глазами комнату, я заметила мобильник на столе. Зигги.

У меня тряслись руки, когда я нажимала на кнопку быстрого набора. Номер Зигги оказался единственным в списке. После того, как ему на пейджер был послан вызов, мне оставалось только ждать.

За всю жизнь я никогда не чувствовала такой беспомощности. Я пыталась призвать объективность и спокойствие, которые появлялись у меня при работе с пациентами, но не могла. Не тогда, когда осматриваемый пациент был близким мне человеком.

Я сидела рядом с Натаном, не в состоянии помочь ему ничем, кроме своего присутствия. Дышал ли он? Не посинело ли его лицо? Я проверяла его пульс по часам на телефоне, когда раздался звонок Зигги.

— Что? — услышала я бесцеремонное приветствие, нажав на кнопку ответа.

— Это Кэрри. Я у тебя, — я посмотрела на бесчувственное тело рядом с собой, не зная, как сообщить плохие новости. — Слушай, ты где?

— Как раз уйду из больницы. Очень хорошо, что я не был смертельно ранен. Я мог бы раз шесть умереть, пока они наконец-то соизволили помочь мне. Что тебе надо?

— Натан ранен, — я решила, что если сделаю это быстро, как тогда, когда сдирают лейкопластырь, будет проще. — Далия вроде как появилась здесь из ниоткуда и вырубил его, а потом снова исчезла.

— Дерьмо! — Зигги крикнул так громко, что мне пришлось отодвинуть телефон от уха.

Я могла лишь представить взгляды, бросаемые на него, когда он стоял в отделении скорой помощи, ругаясь во всю силу своих легких.

— Успокойся. Ты можешь приехать сюда, быстро?

В ответ раздался гудок. Я выругалась и бросила телефон на пол. Если бы Зигги оставался на связи, он смог бы сказать мне, как помочь Натану. Теперь же я могла лишь ждать его. Снова.

Я не хотела просто сидеть здесь и смотреть, как умирает Натан, но, кажется, у меня не было особого выбора. Его дыхание становилось все более поверхностным, его грудь содрогалась при каждом вздохе. Я не слишком следила за своим дыханием, но, кажется, оно тоже внезапно стало замедляться. На самом деле, воздуха в маленькой квартире становилось все меньше.

Из-за дыма.

— Что у нее за любовь к пожарам? — прохрипела я и, вскочив на ноги, схватила Натана

под руки и попыталась тащить его. Натан не включил недостаток кислорода в список потенциальных причин смерти вампиров, так что я предполагала, что вдыхание дыма не убьет нас. Но даже с возрастающей вампирской силой у меня не было надежды стащить его с лестницы, если бы я не смогла дышать. Если только не сбросить его, но так он сломает шею в результате падения.

Я искала спасение от едкого дыма и, наконец, решила спрятаться в ванной. В крошечной комнате без окон имелся вытяжной вентилятор, так что я щелкнула выключателем и подсунула мокрое полотенце под дверь. Это не позволяло дыму проникнуть внутрь, но если Зигги не поторопится, мы с Натаном сгорим заживо.

Едва эта мысль пронеслась у меня в голове, я услышала, как распахнулась входная дверь.

— Мы здесь, — крикнула я, слишком поздно поняв, что тяжелые шаги, раздавшиеся за дверью, могли принадлежать пожарному, а не Зигги. Хотя я была бы не против помощи, мне не удавалось придумать какую-нибудь убедительную ложь, чтобы удержать Натана подальше от машины скорой помощи. Даже если он продержится до больницы, сомневаюсь, что они смогут помочь ему. И в итоге он окажется в морге, как и Джон Доу, только более мертвый.

К счастью, это Зигги кричал за дверью, задыхаясь от дыма.

— Вы, ребята, м-м, пристойно одеты?

— Конечно, — отрезала я. — Он без сознания.

Зигги, кашляя, распахнул дверь, натянув ворот футболки на нос.

— Это гребаная сучка-пироманьячка подожгла магазин. Я обогнал пожарные машины, но они приближаются. Нам нужно вытащить его.

— Осталось всего пара часов до рассвета. Куда мы пойдём?

Зигги нагнулся и подхватил Натана подмышки.

— Мой фургон. Бери его за ноги.

Я подчинилась, и мы потащились к двери: Натан болтался между нами как скакалка.

Зигги закашлялся, уткнувшись в свое плечо.

— Это напоминает мне сцену в «Возвращении джедая» [1], где Эвоки [2] взяли в плен Хана, Люка [3] и Ч'уи [4] и привязали их к этим большим палкам.

— Экономь кислород. Я не смогу тащить вас обоих.

Ночной воздух был ледяным. В голове всплыла фраза «слишком холодно для снега». Я поскользнулась на тротуаре и чувствительно ударилась о кирпичную стену здания. Зигги опустил Натана на землю и открыл заднюю дверь фургона.

Я заглянула через металлическую ограду, чтобы посмотреть на книжный магазин. Стекло в двери оказалось разбито, и зловонный дым валил наружу. В моей голове проносились мысли о том, что здание полностью сгорит, и нам некуда будет пойти, чтобы переждать дневной свет. У нас не было времени собрать вещи Натана. Его золотую рыбку. Его свадебную фотографию.

Я подумала о том, как Натан спас мой диплом и фотографию моих родителей, когда горела моя квартира. Они тоже до сих пор были наверху. Но сирены приближающихся пожарных машин прогнали все мысли о ненужном героизме.

— Держи его за спину, — поторопил меня Зигги, поднимая Натана за плечи. На счет три мы забросили его в фургон и захлопнули дверь.

— Пристегнись или получишь штраф, — напомнил мне парень, указывая на пристяжной ремень, пока я забиралась на пассажирское место.

Когда пожарные машины появились из-за угла, Зигги завел мотор и направил фургон по

улице со скоростью, которая не привлекала внимание.

— Что она сделала с ним? — спросил он, тыкая большим пальцем по направлению тяжелой брезентовой занавеси, отделяющей заднюю часть фургона.

— Я не знаю. Он просто вырубился. Бум! — я в отчаянии подняла руки.

— Не понимаю, — Зигги с подозрением посмотрел на меня. — Появление Далии в своей гостиной Нэйт бы не пропустил.

Я поерзала на сиденье:

— Он был занят.

— А-а, — у мальчишки, по крайней мере, хватило совести не потянуться назад, чтобы хлопнуть своей пятерней по неподвижной ладони Натана.

— Ну, что нам теперь делать? — спросила я, со страхом глядя на светлеющее небо. — Мы можем вылечить его?

— Нет, если мы не поймем, что она сделала с ним, — Зигги смотрел на дорогу. — Ты не знаешь, где найти Далию?

Я знала. За занавесью Натан застонал от боли. Я закрыла глаза.

— Поверни направо на следующем перекрестке. — Мы почти без помех отыскиали путь к поместью Кира. Ворота из кованого железа оказались закрыты. — Высади меня здесь.

— Тот парень, о котором я думаю, живет тут? — спросил Зигги, остановив фургон в парке. — Хочешь, чтобы я подождал?

Я открыла тяжелую дверь и ступила на бордюр.

— Да, если я не вернусь до восхода солнца, уезжай в какое-нибудь безопасное место.

— Зачем? Он же не сможет выйти и достать меня... или что-то такое.

Бросив взгляд на лужайку, я увидела пятерых телохранителей Кира, выстроившихся около дверей.

— Нет, но у него есть эти парни.

— Да твою-то мать! — у Зигги отвисла челюсть, когда он увидел их сквозь лобовое стекло. — Ты ведь не собираешься на самом деле пойти туда, а?

— Надо, — нарочито смело сказала я, хотя чувствовала себя далеко не так. Когда я отвернулась от фургона, мной овладела странная потребность еще раз посмотреть на Натана. Я прогнала ее.

Из этого ничего не выйдет. Толкнув железные ворота, я направилась к подъездной дорожке. Охранники не двигались, позволяя мне приблизиться. Но, подходя к ним, я приготовилась.

Два идиота направились ко мне. Я стояла неподвижно, пока они не оказались на расстоянии достаточном, чтобы схватить меня.

Я не думала. Я просто двигалась.

Бросившись вперед, я изо всех сил ударила правой рукой в нос первому охраннику. За тошнотворным хрустом хлынул поток крови, которая, когда человек согнулся пополам, полилась ему на губы. Пока охранник сжимал свое лицо, я со всей силы ударила его коленом в промежность. Он взвыл в агонии и свалился на землю.

Второй попытался схватить меня сзади. Его руки сомкнулись на моих, и я бросила его вперед через голову. Потом стала выкручивать ему руки в противоположном направлении, пока не услышала треск костей. У меня не было времени перегруппироваться, прежде чем приблизился третий охранник. Я упала вниз и, описав ногами широкую дугу, сделала подсечку. Как только он свалился на траву, я выкрутила его ноги и выдернула колени из

суставов.

Два других охранника замерли в шоке. Запах крови из ран первого, кто попался мне под руку, обжег мои ноздри. Мое лицо трансформировалось, и я зарычала на них:

— Или подойдите ко мне, чтобы я могла убить вас, или приведите Кира!

Но мое требование оказалось излишним. Кир сам появился в дверях, аплодируя.

— Прекрасно, — сказал он как гордый отец. — Немного предсказуемо. Крови не достаточно, но в целом отличный дебют. Не могу дождаться того момента, когда увижу, каким ты станешь убийцей, — он подошел к двум оставшимся целыми телохранителям, а потом направился к тем трем, которые лежали стеной на лужайке. Появились еще двое, чтобы помочь раненым вернуться внутрь.

— Ненавижу разочаровывать тебя, но я здесь не для того, чтобы получить твое одобрение, — сказала я, пока мое лицо возвращалось к нормальному виду. — Я ищу Далию.

— Я предполагал, что сегодня снова увижу тебя. Прощу, заходи, — Кир указал на дверь, и я осторожно последовала за ним.

В коридоре стояла непроглядная темнота. Я могла лишь следовать за шлепаньем его босых ног по мраморному полу.

Я чувствовала себя вдохновленной дракой снаружи, странные фантазии о резне мелькали в моей голове. Я поняла, что если бы сейчас напала первой, то могла бы убить Кира, прежде чем он понял бы, что случилось. Неслышно ступая, я подошла ближе.

— На твоём месте я бы не стал делать этого.

Его слова потрясли меня:

— Делать что?

Его смех наполнил темноту, и дрожь пробежала у меня по позвоночнику.

— Ты только что серьезно ранила трех моих работников. Я уверен, ты считаешь себя настоящим героем, но они были людьми. Драка с вампиром — совершенно иное дело, и, уверяю тебя, я выиграю. — Он повернулся и, хотя в комнате не было видимого источника света, его глаза засверкали. — Но могу обещать тебе, ты получишь удовольствие.

Идиотка. Конечно, он читал мои мысли благодаря узам крови. Учитывая, какой возбужденной я была, он, вероятно, мог почувствовать мой адреналин через весь город.

Я услышала лязг металла о металл и скрип открывающейся двери. Свет полился сквозь широкие двойные двери, и мы вошли в помещение, которое оказалось кабинетом.

В массивном каменном очаге горел огонь, а пол был застлан персидским ковром [5]. Кир прошел по комнате и зажег пару ламп Тиффани [6], дернув за их цепочки.

— Прямо арт-деко [7].

— Рад, что тебе это нравится, — он улыбнулся. — Пожалуйста, присаживайся.

Я устроилась на кожаной кушетке у огня.

— Я не сказала, что мне нравится.

Кир засмеялся и сел рядом со мной. Слишком близко. Дружелюбно обняв меня одной рукой за плечи, он погладил мою шею своими длинными ногтями, проведя ими по шраму. Мой пульс ускорился, но не от страха.

Соберись, Кэрри. Ты смогла сопротивляться ему прежде. Будь настороже.

— Разве тебе не нравится этот ковер? — спросил он, указывая на богато украшенное покрытие под нашими ногами. — Когда они ткут это, то всегда намеренно допускают ошибку. Знаешь почему? — Я не ответила. — Потому что только Аллах может сделать все идеально, — Кир мягко вздохнул. — Я изучаю этот ковер снова и снова, но так и не могу

найти дефект.

— С какой целью?

— Этот ковер напоминает мне тебя. Ты была бы совершенством, если бы не один незначительный дефект, — он пощекотал мое ухо длинным когтем, и я задрожала.

— Какой же?

Он наклонился, его холодное дыхание коснулось моего уха.

— Твоя человечность, — отодвинувшись назад, Кир сложил пальцы перед грудью. — Ты подумала еще раз над моим предложением?

— Да, — я не лгала.

— И?

— И я все еще не решила. Но я не собираюсь отказываться от своей человечности, даже если выберу тебя.

— Почему нет?

— Потому что это неправильно. Убивать ради удовольствия неправильно, — я пронзила его ледяным взглядом. — Я слышала, что ты сделал с той маленькой девочкой.

— С которой? — он подмигнул мне. — Я тут подумал, позаботилась ли ты о том, чтобы поискать других представителей нашего вида и спросить их, что они думают о твоём отстаивающем идеалы «Движении»? Грядет война. Ты на самом деле думаешь, что находишься на стороне победителя?

— Я не собираюсь быть на стороне тех, кого возбуждают убийства. Это все, что имеет для меня значение.

Его лицо стало серьезным:

— Кэрри ты делаешь из себя мученицу, тогда как я могу сделать тебя королевой.

Его печаль казалась настоящей. Выражения его глаз оказалось достаточно, чтобы заставить меня пообещать, что подумаю еще раз. Я стерла кровавую слезу с его щеки, и его губ коснулась улыбка.

— Останься со мной Кэрри, — прошептал он, уткнувшись в мою ладонь.

Я быстро убрала руку от его лица. Мои пальцы горели от нашего соприкосновения, и я содрогнулась от злости.

— Я здесь из-за Далии.

— Какого черта ты хочешь от Далии? Помимо того прискорбного инцидента с пожаром, за который она была серьезно наказана, все, что она делала, она делала по моему приказу. Если хочешь наказать кого-то, тогда, пожалуйста, наказывай меня, — озорная улыбка осветила лицо моего создателя.

Я не доставила ему удовольствия своей реакцией.

— Ты послал Далию убить меня.

Гнев исказил его лицо.

— Что?

— Прости, я что, заикаюсь? Она пыталась убить меня. И я это не оценила.

Кир нахмурился сильнее, на этот раз от замешательства.

— Если бы она пыталась убить тебя, ты бы сейчас была мертва. Далия очень хорошо умеет это делать.

— Ну что ж, она промахнулась, — я встала и подошла к большим окнам до пола. Шторы еще не были задернуты, будто он не беспокоился о том, что скоро наступит день. Я никогда на самом деле не наблюдала за восходом солнца, так что у меня не было представлений о

том, как долго тот длится. Или, что более важно, начиная с какого момента, он может убить меня. Я должна была вернуться обратно к Натану.

— А-а, ты встретила мистера... как он сейчас себя называет? Гранта?

Я выругалась про себя. Я не собиралась думать о нем в присутствии Кира. Лгать не было смысла.

— Да.

— И я полагаю, он сказал тебе о наших прошлых... приключениях? — Кир пытался сдержать свою злость, пока говорил, но я все же почувствовала ее из-за уз крови. — Неудивительно, что у тебя эта... склонность к человечности.

Я держалась спокойно, несмотря на множество эмоций, захвативших мое сознание.

— Он сказал мне, что его послали убить тебя. Он сказал мне, что у тебя такая же кровь.

— Так и есть, я не создавал его, но я был там, когда мой создатель обратил его. Однако нас с трудом можно назвать братьями, — Кир встал и зашагал по комнате. — Итак, Нолен мертв? Я рад слышать это, даже если и не сам убил его.

Нолен?

— Он не мертв. Но мне нужна Далия, чтобы исправить то, что она сделала с ним.

Кир рассмеялся, как будто я сказала что-то остроумное. Он вытащил две сигары из коробки красного дерева и протянул одну мне. Я отказалась.

— Я хочу, чтобы он умер, Кэрри. Какого черта я бы стал помогать ему?

— Потому что это правильно, — мой ответ прозвучал неубедительно даже для моих ушей.

— Но, Кэрри, разве не ты только что обвиняла меня в убийствах ради удовольствия? — он зажег сигару и сделал несколько затяжек.

Я попыталась сдержать рвоту, когда тошнотворный сладкий дым наполнил мои ноздри.

— Измени мое мнение. Отдай мне Далию.

Кир направился ко мне. Я поняла, что он собирался сделать и напряглась.

Он вытянул руку слишком быстро, чтобы я могла отступить. Его сигара упала на бесценный ковер. Одна рука обвилась вокруг моей талии, и он крепко прижал меня к груди. Затем дернул меня за волосы, резко оттягивая мою голову назад.

— Я хочу кое-что прояснить между нами, так чтобы не было дальнейших недоразумений. Мне наплевать на твое мнение обо мне. В конце концов, в твоих венах моя кровь. Я владею тобой.

— Нет! — инстинкты приказывали мне освободиться, но я не хотела показывать, что боюсь его.

Он наклонился вперед, уткнувшись губами в мое горло. Сигара все еще горела у наших ног. Это дало мне возможность сконцентрироваться на чем-то другом, кроме ощущения его языка на моей коже.

— Твой ковер сейчас загорится.

Я отступила назад, и, к моему удивлению, он отпустил меня. Я не знала, хватило бы у меня сил бороться с ним. Не глядя на сигару, Кир затоптал ее босой ногой.

С трудом сглотнув, я посмотрела ему в глаза.

— Если ты позволишь Натану умереть, «Движение» пошлет кого-нибудь еще, кого-нибудь более сильного. Они будут преследовать тебя как свора гончих псов. А я не хочу, чтобы это случилось.

— Правда? — зловещая радость озарила его лицо. Это совсем не успокоило мои нервы.

— Правда, — внезапно мой рот пересох от понимания того, что я имела в виду именно то, что сказала. — Ты мой создатель.

Он просто пожал плечами:

— Ну, я не могу позволить, чтобы Нолен охотился за мной. Ты видела, что он натворил в последний раз. А мне не нравится драться. Это так грубо. Ты можешь придумать что-нибудь, что бы заставило меня захотеть пойти на такой ужасный риск?

Конечно, я могла. Я просто не хотела предлагать ему это.

— Просто скажи это, Кир.

Он прикрыл глаза, как будто смаковал восхитительное блюдо:

— Мне нравится, как ты произносишь мое имя. Это как музыка.

— У меня нет времени, просто скажи это! — моя горячность испугала меня.

— Ты не ценишь драматизм, — он щелкнул языком. — Хорошо. Пообещай, что вернешься ко мне, чтобы остаться, и я помогу твоему драгоценному Натану.

Я протянула руку, пытаясь казаться спокойной. Вместо того чтобы пожать ее, он поднес мои пальцы ко рту и поцеловал кончик каждого. Я почувствовала опаляющий жар, охвативший мою руку, как будто он сунул ее в огонь.

— Решено, — Кир подошел к дверям и распахнул их. — Далия! — его яростный крик эхом пронесся по темному коридору. Через секунду комната за одной из дверей наполнилась светом.

— Ты хотел меня? — услышала я ее мурлыканье, заглушившее стук каблуков по мраморному полу. Потом она завопила.

Крепко схватив рукой ее рыжие кудри, Кир втолкнул Далию в комнату. Она была одета так же как в ту ночь, когда я встретила ее, в тесную черную футболку и длинную юбку. Единственным отличием, которое я заметила сейчас, оказался избыток драгоценностей: колец и ожерелий, украшенных серебряными пентаграммами. Кир бросил ведьму на пол, и она поползла прочь, когда он пнул ее.

В иной ситуации я бы отвернулась при виде такой жестокости, но было трудно чувствовать к ней жалость, после всего что она сделала. Особенно с тех пор, как она собиралась убить меня.

Ведьма не молила о милосердии, когда мой создатель снова схватил ее и дернул за волосы, обнажая горло. Его лицо изменилось, он обнажил клыки.

Далия не отпрянула, но это сделала я. Лицо Кира вызвало воспоминания о стекле, вонзающемся в мой череп, скользких лужицах из человеческих органов под моими коленями и чувстве беспомощности в хватке убийцы. Я зажала рот, чтобы заглушить стон.

Взгляд Кира быстро скользнул по моему лицу. На его гротескной физиономии появились какие-то эмоции, полагаю, это было сожаление. Ему не нравилось то, что он испугал меня.

Он отпустил Далию и позволил своему лицу принять нормальный вид.

— Ты пыталась убить ее!

Теперь ведьма заныла, как будто знала, что ее ложь будет бесполезной:

— О-о, я так раскаиваюсь.

— Тебе жаль? Тебе повезло, что все так хорошо обернулось для меня, ты, сопливая сука. Иначе я отдал бы тебя «Клыкам», когда они приедут, — говоря это, Кир обходил вокруг нее.

— Нет! — она потянулась к нему, вцепившись в его ногу. — Я убила того парня из книжного магазина ради тебя! Ты должен быть счастлив.

Он отшатнулся от ее прикосновения, как будто она была прокаженной.

— Тебе не разрешается убивать тех, кого ты хочешь. Как ты можешь ожидать, что я обращаю тебя, если у тебя нет самоконтроля?

Ее лицо побледнело:

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? Я сделаю все, что угодно. Просто скажи, чего ты хочешь от меня!

Кир качнулся на пятках, притворяясь, что раздумывает:

— Есть ли способ исправить то, что ты сделала с ним? Что для этого надо?

— Противоядие, — сказала Далия, вытирая нос рукавом.

— И где мне найти это противоядие? — терпеливо спросил мой создатель.

Слезы засверкали на лице ведьмы.

— В моей комнате.

— Почему бы тогда тебе не пойти и не принести его? — он отослал ее так легко, как будто велел ребенку пойти и поиграть.

— Спасибо, — прошептала я, когда она ушла.

— Это не подарок, Кэрри. Не обманывайся.

— Это не подарок, но это благородный поступок. Даже если ты получишь награду за него, — я смотрела на Кира, пытаюсь заставить его почувствовать истинный вес моих слов.

Он подошел ко мне и обхватил мое лицо ладонью:

— Бедная маленькая девочка. Большой Плохой Волк перехитрил тебя?

Я попыталась отвернуться, но он сжал мой подбородок и склонился к моему лицу. Я открыла рот под натиском его губ. Казалось, кровь, струящаяся в моих венах, стала одновременно обжигающе горячей и пронзительно холодной. Его возбуждение подпитывало мое собственное. Его острые когти царапали мне спину под футболкой, следуя по линии моего позвоночника. Я не могла насытиться ощущением его языка на моем, его дыханием на моих губах.

Кир отстранился, оставив меня задыхающейся и покрасневшей, тогда как он выглядел так спокойно, будто просто побывал у стоматолога. Но когда он поднял руку, чтобы откинуть назад прядь своих длинных, почти белых волос, его пальцы дрожали.

— Полагаю, это все, чего ты хочешь, Кэрри. Но когда тебе нужна была помощь, ты не позвала «Движение». Я не был последним выходом. Я был выбором.

Мое тело затряслось от жестокой правды его слов.

Мы смотрели друг на друга во враждебном молчании, пока не пришла Далия. Она прочистила горло, стоя в дверях, и бросила на меня убийственный взгляд:

— Я принесла твое гребаное противоядие.

Кир протянул руку, чтобы взять пузырек, и она почти швырнула его ему. Он чмокнул ее в щеку и отвернулся:

— Теперь будь хорошей девочкой и перенеси свои вещи в комнату для прислуги. Кэрри понадобится гостевой номер.

Я ожидала взрыва, но она просто смотрела на Кира. Полное осознание того, что я узурпировала ее место, еще не пришло к ней. Я не хотела оказаться рядом, когда Далия наконец поймет это.

Вернувшись ко мне, Кир вложил флакончик в мою ладонь. Я мрачно смотрела на пузырек. Это была цена моей свободы. Я могла бы бросить его на пол и никогда не возвращаться.

— Но ты не сделаешь этого, — Кир понимающе изогнул бровь, прочитав мои мысли. — Твое слово значит очень много. Ты принесешь это Нолену, увидишь, как он поправится, и вернешься ко мне завтра ночью после заката.

— Откуда мне знать, что это не принесет ему еще большего вреда, — крикнула я Далии. Не думаю, что она видела меня, хотя смотрела прямо в мою сторону.

— Не принесет, — Кир снова завладел моим вниманием. — Она знает, что произойдет, если она солгала.

Тут Далия сломалась, ее плечи затряслись от беззвучных рыданий, когда она закрыла лицо одной рукой. Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь плакал так грациозно, а в своей жизни я повидала много слез. Но Кир, казалось, даже не заметил. Он поцеловал меня в лоб и подтолкнул к двери.

— Теперь иди, солнце скоро встанет.

Он не последовал за мной. Я заколебалась, проходя мимо ведьмы. Я не знала, предложить ли ей слова утешения или посыпать соль на ее раны, но, посмотрев в ее полные ненависти глаза, я продолжила свой путь.

Коридор озарился светом, когда лампочки затрещали и стали разлетаться на мелкие осколки от силы злости Далии.

— На закате, — крикнул мне Кир. — Не заставляй меня приходить за тобой.

1) Звёздные войны. Эпизод VI: Возвращение джедая — приключенческий фантастический фильм 1983 года, третий фильм оригинальной саги Звёздных войн и шестой, заключительный в хронологическом ряду «Звёздных войн».

Фильм повествует о событиях спустя приблизительно один год после эпизода V. Люк Скайуокер и члены Союза повстанцев направляются на Татуин, чтобы спасти их друга Хана Соло из плена властителя контрабандистов Джаббы Хатта. Империя готовится сокрушить Восстание более мощной Звездой Смерти, в то время как флот мятежников предпринимает массивную атаку на космическую станцию. Люк Скайуокер противостоит своему отцу, Дарту Вейдеру, в поединке перед злым Императором Палпатином.

2) Эво́ки — вымышленный инопланетный народ из вселенной Star Wars. Обитают на планете Эндор.

Упомянуты в следующих фильмах:

«Эвоки (мультсериал)»

«Приключения эвоков»

«Эвоки: Битва за Эндор»

«Звёздные войны: Эпизод VI — Возвращение джедая»

Они были на планете Эндор в шестом эпизоде и похожи на маленьких медведей и они живут на деревьях. Оружие у них примитивное (копья, палки, камни, луки), однако они прекрасные тактики. В шестом эпизоде они скидывали брёвна под ноги АТ-СТ и делали ловушки из тех же брёвен. Кроме этого, у них есть дельтапланы и катапульты.

3) Люк Скайуо́кер (англ. Luke Skywalker) — персонаж киносаги «Звёздные войны», джедай, сын Падме Амидала Наберрие и Энакина Скайуокера. Брат Принцессы Лейи Орган Соло. Его сыграл Марк Хэмилл.

Родился после развала Старой Республики. После того, как его отец обратился на тёмную сторону Силы, мать умерла, а сестра была удочерена Сенатором Бэйлом Органой и увезена на Альдеран, Люк воспитывался дядей и тётёй на пустынной планете Татуин. Вскоре дядю и тётю убили имперские штурмовики, в следствии чего Люк примыкает к Альянсу Повстанцев, и становится значимой фигурой в ходе Галактической Гражданской Войны, а также возродил орден джедаев.

4) Чубакка, он же Ч'уи (англ. Chewbacca, Chewey) (ок. 200 до я. б. — ок. 25 п. я. б.) — персонаж киносаги «Звёздные войны». Чубакка — путешественник из племени вуки, механик на космическом корабле Хана Соло «Тысячелетний Сокол». Сын Аттичиткука, муж Маллатобук и отец Лумпаваррампа.

Важную роль Чубакка сыграл в действии четвёртого, пятого и шестого эпизодов в качестве напарника Хана Соло, в третьем эпизоде он был одним из вуки (вторым был воин Тарфул), присутствовавших при нападении клонов на магистра Йоду.

В фильмах Джорджа Лукаса роль Чубакки исполнил Питер Мейхью, бывший санитар который является самым высоким голливудским актёром. Рост Питера — 222 см. При этом он очень худой, что также поспособствовало выбору Питера на данную роль. Рост актёра в костюме Чубакки составлял около 229 см благодаря надеваемым ступням и голове.

5) Персия — страна, история которой насчитывает несколько тысячелетий. Из сказок нашего детства мы узнаем о караванах верблюдов, плывущих по пустыням, о всемогущих падишахах и вечно юных гуриях, о благоухающей красоте садов персидских владык, и, конечно, об удивительно ярких персидских коврах. Название "персидский ковер" сохранилось за коврами, созданными в современном Иране, территории, входившей в состав древней Персии.

В Коране сказано, что мир был сотворен Аллахом за шесть дней. Сначала в бесконечности пустой Вселенной возникли семь небес и зажглись светила, а потом под ними прекрасным ковром была расстелена земля, придавленная для прочности горами. Ковер, таким образом, ассоциируется на Востоке с мини-моделью земного рая. Без него немислим ни один дом, а уровень благосостояния человека определялся количеством и качеством ковров в его жилище. Та семья, которая не могла позволить себе устелить пол собственного дома достойными коврами, выглядела жалко в глазах соседей.

История древней Персии неразрывно связана с историей восточного ковра. Искусство ковроделия передавалось от поколения к поколению и считалось самой дорогой семейной ценностью. Изначально ковры ткали на дому, для личного пользования или в подарок. Только в III веке н. э. в мастерских и мануфактурах Персии началось производство ковров на продажу. Проследить историю персидского ковра — значит проследить путь развития одной из величайших в мире цивилизаций.

Многие историки сходятся на том, что изобретателями ковра были безымянные кочевники Центральной Азии. Ковер для кочевника был незаменимым предметом интерьера — он защищал от холода и сырости, мог служить входной дверью шатра, или его полом.

Персы умели ткать ковры еще 2400–2500 лет назад. Именно так учеными оценивается возраст первого сохранившегося до наших дней восточного ковра. Он был найден на Алтае советскими учеными в археологической экспедиции под руководством Руденко и Грязнова. Благодаря вечной мерзлоте содержимое усыпальниц Пазырыкских курганов хранилось в течение тысячелетий. Одной из находок Пазырыка оказался ковер иранской работы, ставший

настоящей сенсацией. Эта находка свидетельствует об уникальном факте: спустя столетия классическая техника ручного плетения ковров не претерпела никаких изменений.

История сохранила для нас рассказ об одном из первых шедевров персидских мастеров — "Весеннем ковре" царя Хосрова I, сплетенном в VI веке в честь победы персов над римлянами и завоевания Аравийского полуострова. "Весенний ковер" был, без сомнения, самый дорогой ковром в истории. Это в то время имело и политическое значение — такой ковер был символом власти и мощи, а его красота символизировала божественное происхождение царя. Размеры ковра были поистине гигантскими: 122 метра в длину, 30 метров в ширину, а весил он несколько тонн. Но самое потрясающее — узор этого ковра. Земля была вышита нитями из золота, вода — прозрачными драгоценными камнями. Цветы и плоды на деревьях были также из самоцветов. Предания повествуют, что когда расстилали этот ковер, весенний воздух проносился по залу. Но в середине седьмого века Персию захватили арабы, и "Весенний ковер" не пережил нашествия: завоеватели разрезали его и увезли из захваченной столицы по частям.

6) Луис Комфорт Тиффани (1848–1933) — знаменитый декоратор американской «золотой эпохи». Он обладал даром предвидения и был одним из самых оригинальных и творческих дизайнеров того периода. В числе первых в Америке Тиффани обратился к элегантному и изящному стилю модерн, который процветал в Европе в конце XIX — начале XX века. Кроме того, он известен как первый индустриальный дизайнер, совмещавший в своих многочисленных творениях художественную отточенность формы и функциональность. Тиффани был экспериментатором, одержимым стремлением к совершенству и собственным «крестовым походом» за новой эстетикой, которая смогла бы наилучшим образом отразить американский стиль жизни. Тиффани сконструировал множество разнообразных видов ламп и абажуров — от простых до вычурных, от неброских до роскошных. Были светильники в форме конуса и шара, настольные и напольные лампы, люстры. Некоторые модели люстр Тиффани называл «висящими букетами». Как бы то ни было, коллекционеры в наши дни разыскивают и скупают за огромные деньги именно эти «цветочные» лампы с их неповторимыми, изукрашенными орнаментом бронзовыми основаниями, иногда включающими в себя прекрасную мозаику. Тиффани использовал в качестве «моделей» для ламп самые разные цветы: герань, магнолию, мак, ломонос, молочай, водяные лилии, желтый нарцисс, тюльпаны, пеоны, настурции, бегонию, гортензию, ракичник, розы, яблочный и вишневый цвет, глицинию. Он также брал за образец бамбуковые листья и винную лозу, а кроме того — экзотические фрукты, такие как ананас. Некоторые модели абажуров, например «Елизаветинский», «Сокровище империи», «Венецианский» и «Русский», стилизованы под различные исторические эпохи.

7) Ар-деко́, варианты: ар деко, арт деко, арт-деко (фр. art déco букв. «декоративное искусство», из Exposition Internationale des Arts Décoratifs et Industriels Modernes — «Международная выставка современных декоративных и промышленных искусств» 1925 г., Париж) — течение в декоративном искусстве первой половины XX века, проявившееся в архитектуре, моде и живописи. Представляло собой синтез модерна и неоклассицизма. Отличительные черты — строгая закономерность, этнические геометрические узоры, роскошь, шик, дорогие, современные материалы (слоновая кость, крокодиловая кожа, алюминий, редкие породы дерева, серебро). В США, Нидерландах, Франции и некоторых

других странах ар-деко постепенно эволюционировал в сторону функционализма.

ГЛАВА 9

Противоядие

Я покинула дом, в то время как из электрических приборов в коридоре извергался водопад искр. В этот раз я бежала по лужайке, но только чтобы отвоевать нам немного времени. Не зная, как Натан отреагирует на противоядие, я хотела привезти его в безопасное место, прежде чем средство начнет действовать.

Зигги покинул место водителя, наверное, чтобы позаботиться о Натане. Я постучала в заднюю дверь и отскочила, когда та распахнулась. Зигги пригнулся около тела Натана, нацелив деревянный кол прямо мне в сердце.

Узнав меня, он бросил оружие.

— Прости. Расслабляться нельзя ну никак.

— Все в порядке, — проворчала я, забираясь в фургон и закрывая за собой двери. — Как он?

— Жив, но и только. Что ты обнаружила?

Я показала ему противоядие, искрящееся грязно-голубым светом в стеклянном пузырьке.

— Садись за руль, я волью это ему в горло и, надеюсь, оно не сработает, пока мы не вернемся обратно в квартиру.

— Что ты имеешь в виду? — Зигги откинул брезентовый занавес и пробрался за руль.

— Просто я не имею представления о том, что оно сделает с ним.

Когда мотор чихнул и заработал, я осторожно пробралась вперед, к голове Натана, но тут меня швырнуло к нему на грудь, когда фургон накренился, наехав на обочину.

Этот контакт оказался неожиданным и пугающим. Даже бесчувственный, без уз крови, связывающих нас, Натан все еще привлекал меня. Несмотря на то, что он лгал о том, кем был. Или на то, что не сказал мне о вампирской связи с моим создателем. Я напомнила себе, чем пожертвовала ради его благополучия.

Открыв пузырек, я вылила содержимое в его полуоткрытый рот. «Надеюсь, что у противоядия ужасный вкус», — подумала я, недовольно нахмурившись. Затем откинулась на стенку кузова и стала ждать. Почему я сделала это? Когда я собралась помочь ему, то чувствовала, будто делаю это для друга. А когда обнаружила, что едва знаю его, то все же не стала останавливаться.

Я не хотела признавать тот факт, что Кир мог оказаться прав. С проблемой Натана... или Нолена... можно было обратиться к «Движению», но моим первым побуждением было бежать к моему создателю.

Встав на колени рядом с Натаном, я пощупала его пульс. Ничего. Ни дыхания. Ни рефлексов.

Потерпев поражение, я легла рядом с ним, больше по необходимости, чем ради близости. Мое тело болело от усталости. Мои чувства были в полном беспорядке. Единственный человек, с которым, как я думала, нахожусь в безопасности, ну, может, не совсем в безопасности, но все же в большей, чем с другими, не являлся тем, кем я его считала. То, что он был мертв, делало ситуацию еще хуже. Слезы катились по моим щекам. Я пыталась плакать так, чтобы Зигги не услышал меня.

Потом... как будто произошло чудо: Натан застонал и пробормотал что-то, что звучало

как «отвали», отмахнувшись от меня. Давясь и кашляя, он выплюнул остатки противоядия на свою футболку. Но и проглотил достаточно. И был жив.

Я села, растерянно смотря на него.

— Я думала, ты мертв!

— Хотел бы я, чтобы так и было, — сказал он, когда, наконец, смог говорить. Затем приподнялся на локтях и сжал голову. — Что случилось?

— Мы... — я остановилась, — м-м-м, последнее ты что помнишь? — Его ответная ухмылка заставила мое лицо загореться. — Ну, ты внезапно отключился.

— Как я мог сделать что-то настолько глупое? — Натан потер виски.

— Это не ты, это Далия.

Он шлепнулся обратно на золотисто-красное ворсистое покрытие и закрыл глаза.

— Мы в фургоне?

— Да, нам пришлось вытащить тебя из здания. Там было что-то типа... — я замолчала, не зная как сказать, что источник его средств к существованию сгорел.

— Гребаный пожар, — подсказал Зигги с переднего сиденья. — О, Боже, как же я рад, что ты проснулся.

Грозный сигнал какой-то машины привлек его внимание обратно к дороге, когда фургон сильно вильнул. Я вцепилась пальцами в грязный ковер. Это оказалась единственная вещь, за которую можно было держаться.

— Зигги! Смотри на дорогу! — велел Натан, хотя его голос все еще был немного слаб. Потом повернулся обратно ко мне. — Здание сгорело?

Я неловко поерзала:

— Может быть, нет. Когда мы уезжали, как раз появились пожарные машины.

— Великолепно. Просто великолепно, — он закрыл лицо руками, и я увидела, как под футболкой задрожали твердые мускулы его живота. Я действительно надеялась, что он не плачет. Но в следующее мгновение у него вырвался безумный смех.

— Что смешного?

Он воспринял эту новость слишком хорошо.

— Ничего, ничего, — Натан потер щеки руками, растягивая покрытую щетиной кожу. — Знаешь, примерно месяц назад в моей жизни все было абсолютно нормально. Понадобился всего лишь один факс из «Движения», и я снова по уши в дерьме, — Натан вздохнул. — Итак, Далия напала на меня. Она никогда не делала этого прежде.

— Она пыталась заслужить одобрение Кира, — пояснила я ему.

— Ладно, народ, — позвал Зигги, когда фургон со скрипом остановился. — Солнце как раз встает. Советую вам бежать как проклятым.

Через секунду задняя дверь распахнулась. Тусклый утренний свет обжег мои глаза. Натан отпрянул.

— Возьми ключи! — крикнул Зигги.

Я схватила их и выскочила наружу.

К моему величайшему облегчению здание все еще стояло. Пламя было погашено, покрытые сажей пожарные толклись около своего автомобиля.

Две полицейские машины с вращающимися мигалками загородили тротуар. Казалось, книжному магазину нанесен значительный ущерб. Молодой нагловатый офицер полиции с важным видом прохаживался рядом, когда заметил нас.

— Немного опоздали, не правда ли?

Прежде чем я смогла ответить, Зигги вышел из задней части фургона: Натан, тяжело опираясь на его плечо.

— Ух! Нам нужно втащить его наверх, пока он снова не начал блевать. О, Боже!.. что случилось с книжным магазином? Мы живем прямо над ним.

Я увидела, как Натан свесил голову набок как будто был пьян. Коп нахмурился:

— Здесь был пожар, но нам удалось потушить его. Ваш друг придет в себя?

Его вопрос адресовался мне. Слишком усталая, чтобы лгать, я открыла и закрыла рот, издав несколько нечленораздельных звуков. Настойчивый взгляд Зигги прожигал мой затылок. Он, должно быть, передал какой-то импульс в мой мозг, чтобы я снова могла говорить, потому что слова начали изливаться из меня:

— Все будет в порядке. Я знаю. Я врач.

— А-атлично, — офицер полез в карман своего пальто и вытащил блокнот. Очевидно, я пока никуда не пойду. — Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Кожа на задней части моей шеи начала вздываться волдырями от солнечного света. Я услышала, как Натан начал издавать звуки, как будто его сейчас вырвет. Я повернулась, и Зигги встряхнул своего друга, толкая его ко мне.

— Твоя очередь разбираться с блевотиной. Я останусь и поговорю с офицером. Если понадобится тебя о чем-то спросить, я приведу его наверх, — Зигги широко улыбнулся полицейскому. — Вас это устроит?

Натан снова застонал на этот раз более убедительно, и коп отошел.

— Хорошо, уведите его, прежде чем мне придется арестовать его за нарушение порядка в нетрезвом состоянии. Наверху безопасно. Пожарная бригада расчистила завалы в здании. Квартиру тоже привели в порядок.

Натан неуклюже повис на моем плече, и мы заспешили к двери. Как только она была закрыта, Натан кинулся вверх по лестнице и направился напрямик в ванную. Очевидно, он был актером, работающим по системе Станиславского [1].

— Святые небеса, — присвистнув, сказала я, когда он обхватил руками унитаз и начал блевать. Я сдернула полотенце с вешалки и смочила его под краном.

— Какая мерзость, — опустившись на колени рядом с ним, я прижала компресс ко лбу, обхватив рукой его дрожащую спину. — Не борись с ней.

— Тебе надо было стать няней, а не доктором, — прохрипел он. Его тело содрогалось от озноба, который неминуемо следует за рвотой. — Или мамой.

Я громко рассмеялась:

— Да. Я не уверена, что была предназначена для этого.

— Ты не хотела иметь детей? — Он не сказал это обвиняющим тоном, как мог бы сделать кто-то, кто в это время толкает детскую коляску, например. Мне всегда приходилось объяснять, почему у меня нет желания иметь детей. Я собиралась сказать ему это, когда он снова заговорил: — В любом случае, это вопрос, который не имеет значения, поскольку теперь ты не можешь сделать это.

Ледяная боль пронзила мою грудь, остановив дыхание. Я встала и оперлась на раковину:

— Что?

Его лицо стало зеленее, чем это было возможно, но я знала, что это не имело ничего общего с действием лекарства.

— Прости. Я думал, ты знала.

— Нет, я не знала. Все... все в порядке, — я махнула рукой, надеясь, что выгляжу достаточно циничной. — Я никогда на самом деле не думала об этом. Никогда не планировала быть мамой. Да и, вероятно, не очень хорошо справлялась бы с этим.

Но сейчас, когда у меня не было выбора, я оплакивала потерю этой возможности. «Ты смешна, Кэрри».

— Я думаю, ты была бы прекрасной мамой, — его слова звучали измученно, но, возможно, лишь из-за сильной тошноты.

— Да, конечно. Скажи это моему последнему бойфренду.

Натан сел, оперевшись на стену, чтобы не упасть. Капельки пота усеивали его кожу, но он уже не выглядел таким бледным, как несколько секунд назад. Пристальным взглядом он исследовал мое лицо.

— Почему ты так говоришь?

Отвернувшись, чтобы снова намочить полотенце, я пожала плечами. Не нужно было упоминать Эрика. Хотя мы расстались девять месяцев назад, рана внезапно оказалась невероятно свежей.

К своему удивлению, я начала рассказывать всю глупую историю.

— Потому что он ругал меня за то, что я не была бы достаточно хорошей мамой для его предполагаемых детей, — несмотря на болезненную правду этих слов, я все же смогла сдержать смехок. — По существу, он, казалось, был убежден, что мы закончим медицинский колледж, я останусь дома и буду печь пироги, пока он будет делать карьеру. Он решил, что купит дом рядом с Бостоном. Я сказала, что приеду туда после интернатуры, и он предъявил мне ультиматум. Когда я сообщила ему, что все же собираюсь закончить интернатуру, он ответил, что это к лучшему. Он хотел детей и не мог представить меня хорошей матерью. Вот так.

Я смотрела на свои руки, на занавеску в душе, на вешалку для полотенец, куда угодно, лишь бы избежать взгляда на лицо Натана. Но он молчал слишком долго, и мне пришлось снова посмотреть на него. Вампир не опустил глаз.

— Он идиот, — Натан произнес эти слова так, как будто на самом деле так думал. И его глаза говорили, что это правда.

Я и забыла, как это, когда тебя ценит другой человек. Это было прекрасно, даже если мне было не совсем понятно, что вызвало такую эмоциональную реакцию у Натана. И все же я не привыкла к такому чувству. Я откашлялась:

— А ты когда-нибудь хотел детей?

Он не ответил сразу же. Но когда сделал это, его слова были аккуратно взвешены, как будто он подсчитывал, сколько может мне рассказать, не выдав слишком много.

— Да, хотел. Но мне также не было предназначено иметь своих детей.

— Жалко, — прошептала я. За маской вымученной жизнерадостности его глаза были пустыми и усталыми, и мука, которую я увидела в них, заставила мое сердце заболеть.

Так же быстро, как я заметила его внутреннюю печаль, та исчезла за гранитной стеной самоконтроля Натана.

— Не жалею меня. У меня есть Зигги. Я всегда хотел сына.

В первый раз он высказал свои истинные чувства по отношению к парнишке. Взгляд на лицо Натана сказал мне, что он не привык раскрывать так много. Плохо контролируемая паника, скользнувшая по его чертам в следующее мгновение, точно объяснила мне почему. Я узнала это выражение, потому что слишком часто видела его в зеркале на своем лице.

Натан на самом деле верил, что если он заботится о ком-то, того обязательно отнимут. Я отвернулась. К сожалению, мой взгляд наткнулся прямо на заблеваный унитаз.

— Если бы я не знала, что ты вампир, я бы сказала, что у тебя кровотечение верхних отделов желудочно-кишечного тракта. Но, предположу, что это был твой обед.

Натан встал, все еще немного шатаясь, и прополоскал рот над раковиной, прежде чем ответить:

— Когда я пил это, вкус было неплох. Обычно несвежая кровь похожа на жидкость для снятия лака.

— Ты слышал о жидкости для снятия лака? Разве ее выпускали в тридцатых? — я закрыла крышку унитаза и спустила воду. Я не собиралась говорить ему о противоядии, или о том, как получила его.

— Конечно, выпускали. И у меня была подружка в восьмидесятых. Это было примерно двадцать лет назад, но эту химическую вонь забыть нельзя, — внезапно, защищаясь, заявил он.

— Это все же не объясняет, откуда ты знаешь, какова она на вкус. Но думаю, ты прав, ты, должно быть, отравился кровью. Подожди полчасика, прежде чем выпьешь что-нибудь еще, чтобы убедиться, что ты не срыгнешь все назад.

Натан засмеялся.

— Срыгну? Это что, специальный термин? — он посмотрел на себя в зеркало, и, прежде чем я поняла, что он собирается делать, сорвал футболку через голову. — Чем она меня ударила?

— Заклинание или что-то подобное, — я знала, мне следовало осмотреть его глазами врача, но это было трудно сделать, потому что он был таким... полуодетым. Мои пальцы чесались от желания потрогать чеканные изгибы его груди. Я прочистила горло и отвела взгляд. — Так мне кажется.

— Что бы это ни было, оно не оставило следа, — Натан повернул голову и изогнулся, чтобы осмотреть свою спину в зеркало. У меня пересох рот, когда мышцы его корпуса задвигались под кожей.

В гостиной дверь в квартиру открылась и захлопнулась, за этим последовали тяжелые удары солдатских ботинок по полу.

— Ну что, ребята, вы занимаетесь этим, да?

Натан раздраженно вздохнул:

— Зигги, где твои манеры!

Парень показался в дверях, темные синяки окружали его глаза.

— Я собирался отдать тебе это, — он вручил Натану карточку с эмблемой полицейского герба, напечатанной рядом с именем и телефонным номером. — Коп сказал, что книги и товары превратились в хлам. И они хотят, чтобы владелец здания связался с ними, потому что, кажется, они не могут найти его.

— Владелец? — я перевела взгляд с Зигги на Натана. — Я думала, ты владелец здания.

— Так и есть, — Натан засунул карточку в карман джинсов. — Позвоню им позже.

Зигги широко зевнул.

— Я собираюсь поспать. У меня завтра серьезный тест, и я не хочу сегодня снова разбираться с каким-нибудь вампирским дерьмом, понятно?

— Понятно, — с усмешкой ответил Натан. — Но позже вечером мне понадобится твоя помощь в магазине, чтобы поискать, что мы еще можем спасти.

— Хорошо, — Зигги бросил на меня быстрый понимающий взгляд. — Сейчас ты чувствуешь себя нормально, Нэйт?

— Да, я, должно быть, выпил несвежую кровь и получил небольшое пищевое отравление.

С хмурым выражением Зигги посмотрел на меня:

— Да, наверное так и есть. Я имею в виду, ничего другого и быть не могло.

Но он не упомянул путешествие в жилище Кира. И это давало мне надежду, что у него хватит ума не говорить ничего. Когда я пошла к Киру, он думал, что я сделала так по своей воле. Я заставила его поверить в это.

Зигги пожелал нам спокойной ночи и отправился в свою комнату. Как только его дверь закрылась, тут же на полную мощность заревела рок-музыка.

— Когда у него подобное настроение, я просто оставляю его одного, — Натан зевнул и побрел в свою спальню. Может, в этом была виновата нагота его торса, но когда он плавно скользил вперед, то двигался точно НЦЭшный [2] вариант гамельнского крысолова [3].

Он открыл шкаф и вытащил футболку. «Серая, как и его глаза», — подумала я, наблюдая, как он натягивает ее через голову. Нет, мне не следовало бы помнить его глаза или другие части его тела в придачу.

За исключением его бьющегося сердца. Я могла найти некоторое утешение в том, что добавила еще одну спасенную жизнь на свой счет.

Я пыталась не думать о цене, которую заплачу за это.

— Натан, кто такой Нолен Гэлбрейт?

Он провел рукой по волосам, приглаживая пряди, которые растрепались из-за футболки:

— Это был я. На самом деле, надо сказать, это, должно быть, был я. Где ты услышала это имя?

— Оно стояло на факсе из «Движения». И Кир зовет тебя так, — я положила руки на бедра. — Он сказал, что не создавал тебя.

Криво улыбнувшись мне, Натан сел на край кровати:

— Зачем все эти вопросы?

Затем, что я только что продала свою жизнь за твою.

— Ты сказал мне, что твое имя Натан Грант, и ты сказал мне, что Кир твой создатель. Почему ты солгал?

— Я не лгал, — он залез в задний карман и достал свой бумажник. — Смотри.

Его водительские права, помимо того что на них была преступно хорошая фотография, подтверждали имя Натан Грант.

— Мне приходится изменять свою личность каждые двадцать лет, помнишь? Мне нравится думать, что я могу дождаться сорока лет, прежде чем снова буду вынужден уехать, — он забрал свой бумажник и бросил его на столик.

Я с раздражением покачала головой:

— А как же Кир? Ты сказал, что в твоих венах течет та же кровь, что и в моих. Но он сказал, что не создавал тебя.

— Не создавал. Наша кровь связана, потому что тот вампир, который создал Кира, создал и меня, — Натан откашлялся, — обычно я не говорю об этом.

— Что ж, сделай исключение, — отрезала я и тут же пожалела об этом. — Прости. Я просто на самом деле устала, и это все еще сводит меня с ума. Когда-нибудь это станет не

таким странным?

Он улыбнулся.

— Для меня не стало до сих пор. Может быть, тебе повезет, — он, должно быть, понял, что сказал это, не подумав, тогда же, когда и я, потому что неуютная тишина повисла между нами, пока мы оба старались не смотреть на кровать.

Натан потянулся и зевнул, чтобы избежать зрительного контакта.

— Эй, о том, что произошло ночью, когда мы...

— Забудь об этом, — быстро сказала я. И знала, что так и сделаю. Не было причины цепляться за воспоминания, когда завтра к этому часу мы будем врагами.

Мне показалось, что я увидела разочарование в его глазах, но он прогнал его неестественным смехом:

— Да, вероятно, это к лучшему. Нас просто захватило мгновение, и все начало выходить из-под контроля.

— Точно, — согласилась я. — Это абсолютно неважно.

— Ну что ж. Думаю, мне надо порыться в страховых бумагах на магазин. Ты хочешь посмотреть телек или что-то еще?

— Нет, я на самом деле очень устала. — Взгляд скользнул по кровати: — Хочешь, я займу софу сегодня ночью?

Он ткнул в меня пальцем:

— Сегодня днем, Кэрри. Переходи на вампирское время. Но нет, я еще посижу немного и не хочу беспокоить тебя. Завтра мы лучше обдумаем, как нам устраиваться для сна.

— Завтра, — сказала я, внезапно окаменев.

С заботливым выражением на лице он потянулся и сжал мою руку:

— Ты в порядке?

— Да, все нормально, я просто устала, — это была не ложь. Но когда мы пожелали друг другу доброй ночи, и он оставил меня одну в спальне, я не смогла заснуть. Вместо этого оглядела комнату в поисках ручки и бумаги. На полу, между кроватью и стеной, я нашла альбом для рисования с чертежным карандашом, вставленным в пружинный переплет. Сойдет.

Я открыла обложку и замерла. На первой странице оказался неправдоподобно красивый, похожий на фотографию рисунок спящего ребенка. На полях четким мужским почерком, который резко контрастировал с искусными линиями картины, было написано: «Зигги, одиннадцать лет».

Переверачивая страницы, я обнаружила целый ряд похожих рисунков. На большинстве из них был изображен Зигги в разных стадиях своего взросления, спящий. Несмотря на то, что я мало знала Зигги, я поняла, что он бывал неподвижен достаточно долго, чтобы сделать набросок, только когда спал. Несколько портретов бодрствующего Зигги сопровождалось фотографиями, прикрепленными к ним. Я перелистнула последнюю страницу, надеясь найти чистый лист. При виде последнего рисунка кровь застыла у меня в жилах.

Я как будто смотрела на фотографию той ночи, когда мы впервые встретились. Он, очевидно, нарисовал это по памяти, так как пальто, которое я надела тогда, было длиной до бедер, а не до колен, а мои волосы были забраны, а не завивались мягко вокруг плеч. Но это точно была я.

Я была польщена, но не могла перестать удивляться, какой извращенец тратит свое время, мечтая при луне о ком-то, кого он знает меньше двух недель.

Но, с другой стороны, какой извращенец продает свою свободу за жизнь того, кого знает меньше двух недель.

Задрожав, я вырвала страницу и сложила ее, чтобы засунуть в карман джинсов. «Что-то, чтобы вспоминать Натана», — оправдывалась я перед собой. Затем вырвала чистый лист и начала писать.

Первое письмо оказалось легче, чем я ожидала. Мое заявление об увольнении из больницы было простым, профессиональным, и поскольку было написано от руки карандашом на альбомном листе, возможно, оно окажется последним гвоздем в гробу моей медицинской карьеры.

Но это действительно не имело значения. Натан был прав. В конечном итоге, люди заметят, что я не старею. В отличие от Натана, я вряд ли когда-нибудь смогу дождаться сорокалетнего возраста. Судя по тому, как часто требовали мои документы при покупке пива, я едва ли могла дождаться двадцати одного. Мне пришлось бы заново заканчивать колледж и медицинскую школу каждые десять лет, чтобы просто оставаться врачом. Это было бы адом, только еще хуже.

Я подсуну это письмо под дверь офиса доктора Фуллера, прежде чем отправлюсь к Киру завтра ночью.

Я вырвала еще один лист и начала более трудное прощание.

Натан,

Я не стану притворяться, что мы когда-нибудь снова увидимся, по крайней мере, друзьями. Я решила, что для меня лучше быть с моим создателем. Пожалуйста, знай, что хотя я желаю тебе только самого лучшего, я понимаю, что ты должен делать свою работу для «Движения». Я не буду считать это личным, если ты попытаешься преследовать меня в связи с этим заданием, но предупреждаю, я буду бороться с тобой до последнего вздоха. Никто не может решать — жить мне или умереть. Если ты когда-нибудь хоть немного считал меня другом, ты забудешь о моем существовании.

Кэрри.

1) Система Станиславского — теория сценического искусства, метода актёрской техники. Была разработана русским режиссёром, актёром, педагогом и театральным деятелем Константином Сергеевичем Станиславским в период с 1900 по 1910 гг. В системе впервые решается проблема сознательного постижения творческого процесса создания роли, определяет пути перевоплощения актёра в образ. Целью является достижение полной психологической достоверности актёрских работ.

В основе лежит разделение актёрской игры на три технологии: ремесло, представление и переживание.

Ремесло по Станиславскому основано на пользовании готовых штампов, по которым зритель может однозначно понять, какие эмоции имеет в виду актёр.

Искусство представления основано на том, что в процессе длительных репетиций актёр испытывает подлинные переживания, которые автоматически создают форму проявления этих переживаний, но на самом спектакле актёр эти чувства не испытывает, а только воспроизводит форму, готовый внешний рисунок роли.

Искусство переживания — актёр в процессе игры испытывает подлинные переживания, и это рождает жизнь образа на сцене.

2) Система рейтингов Американской киноассоциации (англ. MPAA film rating system) — принятая в США система оценки содержания фильма, введённая Американской киноассоциацией (MPAA). В зависимости от полученной оценки, зрительская аудитория картины может быть ограничена за счёт исключения из неё детей и подростков. Рейтинг Американской киноассоциации играет важную роль в прокатной судьбе фильма.

Рейтинг NC-17 (ранее X) — лица, не достигшие 17 лет, на фильм не допускаются. Данный рейтинг показывает, что оценочная комиссия полагает, что по мнению большинства родителей фильм явно для взрослых, и детей до 17 лет нельзя допускать до просмотра. Фильм может содержать явные сексуальные сцены, множество сексуально-ориентированной лексики, или сцен чрезмерного насилия. Обозначение NC-17, однако, не показывает, что данный фильм является непристойным или порнографическим.

3) Крысолов — герой немецкого фольклора; спас город от нашествия крыс, заманив их в реку, играя при этом на флейте, а впоследствии, повздорив с жителями Гамельна таким же манером увел из города всех детей

Как бы сильно я ни старалась не думать о том, что собиралась сделать, успокоить свои мысли так, чтобы уснуть, не могла. Вместо этого я сложила всю одежду в сумку и ждала, уставившись на будильник Натана, как заключенный камеры смертников. Скоро пробьет мой час.

Какое-то время я слышала, как Натан возился в гостиной. Хотя он и утверждал, что будет сильно занят, просматривая договоры страхования, те звуки, которые я улавливала, были похожи на треск попкорна в микроволновке и музыку «Лед Зеппелин»[1]. Он дважды ставил альбом «Дома Святых»[2], прежде чем я наконец-то услышала, как скрипнули пружины дивана, и Натан завалился спать.

Зигги ушел около восьми часов. Услышав, что он вернулся как раз в полдень, я открыла дверь спальни, чтобы показать ему, что не сплю.

Долго мне ждать не пришлось. Его невысокая фигура появилась в дверях. Он вертел большое кольцо в форме черепа на своем указательном пальце и избегал смотреть на меня.

— Так ты уезжаешь?

— Да. — Я села на краешек кровати, которая в настоящее время испытывала незнакомое удовольствие от того, что наконец-то познакомилась с чистыми простынями. — Не хочу злоупотреблять вашим гостеприимством.

— Ты заключила сделку с Киром. — Зигги произнес это как утверждение. Парень был умен.

— Я буду благодарна, если ты ничего не скажешь Натану. Ему об этом знать не нужно.

— Значит, я должен солгать Нэйту, поскольку ты недавно для меня сделала... что? — потребовал ответа Зигги.

— Я прошу тебя как друга. Я не хочу причинять ему боль.

— А ты собираешься причинить ее? — спросил он и повернулся, чтобы посмотреть в гостиную, одновременно вытаскивая деревянный кол из заднего кармана. — Нэйт мне как отец. Он заботится обо мне с тех пор, как мне исполнилось девять. У меня нет причин не убивать тебя, если ты угрожаешь его жизни.

— Я не угрожаю его жизни. Я просто не хочу, чтобы он отправился за мной. Кир убьет его.

— Ну да, — рассмеялся Зигги. — И ты не пытаешься спасти свою собственную задницу единственным способом, который знаешь? Какого хрена тебе надо?

Мне так хотелось забыть все, что случилось, и поспать. Я хотела проснуться и помочь им отчистить «ловцов снов»[3], закоптившихся после случившегося пожара. Все, что угодно, лишь бы не возвращаться в дом Кира. Я провела бы в этой квартирке вечность.

Я протянула Зигги письмо:

— Передай ему это, когда пройдет достаточно времени с момента моего ухода.

Он не стал читать его, как я и предполагала.

— Прекрасно. Что-нибудь еще?

Посмотрев, как Зигги опустил записку в карман, я закрыла глаза. В горле внезапно пересохло.

— Нет.

— Ты ему нравишься. Это причинит ему сильную боль.

Тихо произнесенные слова должны были удивить меня. Но, обнаружив рисунок Натана, я и сама пришла к такому выводу.

— Я знаю.

— Но все равно уходишь. — В голосе Зигги звучала холодная решимость: — Послушай, я не думаю, что это разобьет ему сердце или что-то подобное. Но если уж зашла речь, то все время, пока я жил с ним, он никогда не проявлял к кому-нибудь такого интереса, как к тебе.

— Это очень мило. — Как бы я хотела, чтобы он понял меня. Я никогда не идеализировала романтическую любовь, будучи подростком, но, может, Зигги делал это. Согласно его точке зрения, вероятность отношений с Натаном должна была стать причиной, которая могла заставить меня остановиться. — Натан мне очень помог, но я думаю о нем только как о друге. Я много размышляла обо всем. Это правильный выбор.

— Он пятнадцать лет стремился к тому, чтобы хоть как-то устроиться в жизни. Знает тебя всего неделю и опять вернулся к тому, с чего начал. И ты уходишь к плохому парню. Это несправедливо.

— Зигги, это была сделка. Чтобы получить противоядие и спасти Натана, я должна была заключить сделку.

Смысл моих слов дошел до Зигги, и он посмотрел на меня так, как будто я дала ему пощечину.

— Зачем ты сделала это?

Я пожала плечами:

— Я врач. И должна спасать жизни и помогать людям... А также я нужна Киру. — Как мне хотелось взять эти слова обратно. Не потому, что Зигги их услышал, а потому, что, произнеся их, я признала правду. — Натан не должен знать об этом.

— Ты что, спятила? — Лицо мальчишки засветилось от облегчения. — Все, что тебе нужно, так это просто рассказать ему. Он позаботится обо всем.

— Нет! — произнесла я слишком громко и услышала, как Натан беспокойно пошевелился на диване. Я объяснила более тихим голосом: — Если Кир убьет его, то что хорошего принесет соглашение, которое мы заключили? Я все равно обязана буду отправиться к нему, а Натан будет мертв. Все станет напрасным.

— Тогда зачем ты мне все это рассказываешь?

— Думаю, потому что... — я закусила губу, — не хочу, чтобы вы оба ненавидели меня.

— Если ты собираешься быть с Киром... — Зигги замолчал и недоверчиво покачал головой. — Если ты станешь такой же, как он, Нэйт точно тебя возненавидит. Но я не позволю ему уж слишком грубо отзываться о тебе.

— Это все, о чем я прошу, — улыбнувшись, пробормотала я.

На лице Зигги появилась глубокая печаль. Я почувствовала, что мое сердце разлетелось на куски как тело, рухнувшее на тротуар с сорокового этажа.

— Я не отдам письмо до рассвета. В этом случае, даже если он захочет сделать что-то опрометчивое, у него будет время, чтобы остыть.

— Хорошая мысль. — Я дотронулась до руки Зигги, и он не вырвал ее. — Спасибо.

Казалось, его смутил этот жест, и он быстро отдернул руку:

— Если мы встретимся в темном переулке, сделай одолжение, не ешь меня, ладно?

— Договорились.

Я легла и наконец-то заснула. А когда проснулась, в квартире было темно и пусто.

Время идти.

Взяв сумку, полную одежды, с засунутыми между свитерами дипломом и фотографией моих родителей, я убедилась, что захватила с собой письмо доктору Фуллеру, и начала спускаться на улицу.

На тротуаре я остановилась прямо у перил лестницы, ведущей в подвал, поскольку слышала тяжелые вздохи Натана, раздававшиеся изнутри:

— Ты посчитал, сколько свечей расплавилось в эту пахнущую розами массу?

— Двадцать, — ответил ему Зигги.

Возникла долгая пауза, прежде чем Натан ответил:

— Хорошо... не так уж плохо.

Я сделала глубокий вдох, чтобы уменьшить боль в груди, возникшую из-за того, что уходила. Они справятся и без меня. Я ведь только вошла в их жизни. Вряд ли прошло достаточно времени, чтобы возникла привязанность. Но у меня до этого никогда не было такого сильного желания иметь семью, ощутить тепло и комфорт. Воспитание, которое я получила от чуждых эмоциям родителей, практически полностью искоренило любые представления о семейной любви, которая могла быть у меня. Но с Натаном и Зигги, пусть лишь на мгновение, я почувствовала, что принадлежу кому-то.

Боль была сильнее, чем я ожидала.

* * *

Оставив письмо в больнице, я вскоре поняла, что стою прямо перед воротами особняка Кира. Через несколько часов мой бывший босс будет думать, что я отправилась на Восточное Побережье[4]. По крайней мере, мое имя не появится в списке пропавших без вести.

Два вооруженных охранника приближались ко мне, бормоча что-то в свои гарнитуры[5]. Когда прислужники Кира подошли к воротам, я сделала шаг назад.

— Доктор Кэрри Эймс? — спросил меня один из них.

Я кивнула. Они не предложили понести мои вещи. Охранник, обратившийся ко мне, указал большим пальцем в направлении дома:

— Кир ждет.

Другой охранник шагнул вперед и открыл ворота. Я заметила, что его руки тряслись.

Когда я дошла до входной двери, та сразу же открылась. Но вместо Кира появилась какая-то пара, полностью одетая в кожу. Пихнув меня, они прошли мимо и спустились по ступенькам. Я уловила звуки громкой музыки, раздающиеся из дома.

Более страшные на вид вампиры заполнили весь холл. Некоторые из них развалились на диване, стоящем в центре комнаты: я видела их вампирские рожи. Некоторые играли в кости в углу. Но все они, одетые, как банда мотоциклистов, казалось, были пьяны.

Перед дверью в кабинет Кира стоял телохранитель. По сравнению с байкерами[6] одетый во все черное охранник выглядел как бойскаут[7]. Я напрямик направилась к нему.

— Кир здесь? — спросила его я, перевешивая сумку на другое плечо.

— Я отведу к нему.

Услышав позади себя голос, я обернулась и столкнулась лицом к лицу с Далией. Мое лицо начало трансформироваться, клыки обнажились.

— Ты умрешь, прежде чем успеешь притронуться ко мне, — ведьма щелкнула пальцами,

и охранник, стоящий у двери, отступил.

Рычание вырвалось из моего горла: животный и голодный звук:

— Я намного быстрее, чем ты думаешь.

Она сладко улыбнулась:

— Что ж ты медлила, когда я убивала твоего дружка вчера ночью.

И тут я набросилась на нее. Далия подняла руки, чтобы произнести заклинание, но я полоснула по ним внезапно появившимися у меня когтями. Капли ее крови брызнули на мраморный пол.

Вампиры-байкеры прекратили свой кутеж[8]. Я подумала, что их привлекла кровь, но они не смотрели на нас. Они уставились на что-то позади нас.

Кир стоял в дверях кабинета, одетый в пышный, подбитый мехом халат до пола. Его волосы были заплетены в две платиновые косы, свисавшие за спиной. Он улыбнулся байкерам.

— Джентльмены, — заглушил он ругательства Далии. — Я надеюсь, вы наслаждаетесь весельем.

Несколько вампиров подняли свои банки с пивом и издали радостный возглас.

Когда они вернулись к своим занятиям, Кир схватил Далию за волосы и потащил в кабинет. Он жестом указал охраннику, и тот взял меня за руку и втолкнул вслед за ними.

Когда дверь закрылась, Кир швырнул Далию на пол:

— Как же поступить с провинившимся домашним животным? Особенно с тем, который получил слишком много предупреждений.

— Кир, это не моя вина, — Далия вытерла нос окровавленным запястьем. — Она...

Он ударил ее по лицу. От резкого звука я содрогнулась. Наклонившись, Кир схватил ее за подбородок и вывернул голову под жутко неудобным углом, чтобы ведьма смотрела на него снизу вверх.

— Как ты назвала меня?

Слезы покатались по ее щекам, смешиваясь с кровью, испачкавшей лицо, и слоем макияжа.

— Я прошу прощения. Это больше не повторится, — Далия сделала ударение на последнем слове, — Хозяин.

Он оттолкнул ее от себя и потер ладони друг о друга, как будто коснулся чего-то грязного и неприятного, потом сделал знак охраннику:

— Свяжите ее и запирайте в комнате.

Когда охранник повел Далию прочь, Кир повернулся ко мне. Он оглядел меня, и досада на его лице сменилось радостью.

Съеживаясь под его пылким взглядом, я нервно засмеялась:

— Надеюсь, ты не ждешь, что я буду называть тебя хозяином, поскольку будешь сильно разочарован.

Подойдя сзади, он положил свои руки мне на плечи. Я чувствовала на них запах Далии.

— Ты можешь быть удивлена, Кэрри, но я могу заставить тебя делать такие вещи, которые ты никогда даже не представляла.

«Это все кровные узы, — напомнила я себе, когда от волны удовольствия у меня подогнулись колени. — Он не имеет над тобой никакой власти». Я сжала кулаки так, что ногти впились в кожу.

Кир прижал меня ближе к себе, засовывая руки под мою рубашку. Его кожа была

теплой, как будто он только что поел.

— Я ведь прав?

Иллюзорное желание, которое овладело мной, сменилось горячей электрической дрожью, когда его пальцы проникли под чашечки моего бюстгалтера. Кир усмехнулся в ответ на мой тихий стон:

— Я не пользуюсь нашей связью сейчас, Кэрри.

Я отстранилась, хотя мое тело требовало продолжения.

— Давай проясним кое-что. Я пришла сюда, чтобы выполнить свое обещание. А твои прикосновения и тому прочее не были частью нашего соглашения.

— Бьюсь об заклад, я смогу изменить твое мнение в ближайшее время, — вновь усмехнувшись, произнес он. — А пока позволь мне показать тебе дом.

Я поправила сумку, висящую на плече.

— Я могу распорядиться, чтобы твои вещи доставили к тебе в комнату, — сказал Кир.

— Предпочитаю держать их при себе.

— Как тебе будет угодно, — голос был вежливым, но Кир, очевидно, не любил, когда кто-то перечил ему.

Проходя по холлу, мы привлекли несколько любопытных взглядов. Он даже не обратил внимания на группу вампиров, когда наклонился, чтобы прошептать мне на ухо:

— «Клыки», — объяснил он, — Байкерский клуб Невады. У них проблемы с «Движением», и они попросили убежище у меня. А теперь диван в холле весь провонял... Чем балуется сейчас молодежь? Марихуаной[9]?

— Да, уже как пятьдесят лет. — Я принялась. — Запах напоминает мне колледж. Ты когда-нибудь ее пробовал?

Его глубокий сильный смех отразился эхом от блестящего мраморного пола.

— Кэрри, неужели я похож на того, у кого есть такая отвратительная привычка — баловаться сигареткой? Я предпочитаю более изысканные дурманящие вещества.

Мы вошли в коридор. Длинные окна отбрасывали на пол серебряные квадраты лунного света. Сквозь темноту я увидела картину, висящую на стене, на которой была изображена мрачная фигура обезглавленного трупа.

— Это Гойя[10]?

Хотя его персонажи зачастую были окровавленными, сами работы художника высоко ценились. А в таком доме, как этот, с его декадентской[11] обстановкой и круглосуточной охраной, я предположила, что мой создатель мог оказаться еще кровожаднее Гойи.

Подумав о том, что Натан, вероятно, сейчас рвет и мечет в своем обгоревшем магазине, я сразу же пожалела об этой мысли.

— А ты знаешь толк в искусстве, доктор. Очень хорошо, — Кир грустно вздохнул. — Это всего лишь копия. Оригинал висит в Прадо[12], несмотря на мои многочисленные попытки купить его.

— Это действительно хорошая копия.

Я протянула руку, чтобы потрогать полотно, но Кир с виноватой улыбкой схватил меня за запястье:

— Пожалуйста, не прикасайся к нему. Несколько лет назад у меня жило домашнее животное с исключительным талантом. Вакханальная[13] оргия в моей спальне тоже его рук дело. — Большой палец Кира погладил мою почти просвечивающуюся сквозь манжет кожу, вызывая дрожь по всей руке. — Хочешь узнать, что может последовать за этим?

Я одернула руку:

— Давай не будем сейчас испытывать судьбу.

Он усмехнулся и взял меня под руку:

— Сюда.

В конце коридора находились большие двойные двери. Они вели в бальный зал, который мне удалось увидеть в свой первый визит, хотя мы вошли с другой стороны. Комнату превратили в импровизированный гараж с рядами мотоциклов, припаркованных на простынях, чтобы защитить пол. Кир с отвращением рассматривал этих железных коней.

— Никогда не понимал необъяснимое влечение людей к таким средствам передвижения.

— Ты всегда ездил с шоферами? — спросила я, пробегаясь пальцами по хромированному баку мотоцикла.

— Не совсем. Я родился за шестьсот лет до появления современного автомобиля.

— Шестьсот лет... — я шумно сглотнула. — Так ты жил в эпоху рыцарей, доспехов и всего прочего дерьма?

— Да, Кэрри. И всего прочего дерьма.

Я заметила, что он закатил глаза, но больше ничего не ответил, а вместо этого повел меня дальше.

В столовой была сделана перестановка, чтобы можно было вместить большее количество людей. Она напомнила мне большой зал из средневекового фильма. Я последовала за своим создателем на кухню, где стояли огромные промышленные печи. Блестящие кастрюли и сковородки висели на стене. Единственным человеком в комнате был пожилой дворецкий, который, не отрываясь, наблюдал за нами, когда мы вошли.

— Как ты можешь позволить себе все это? — спросила я, пока мы шли через комнату.

— Добрый вечер, Кларенс, — мимоходом сказал Кир, как будто не заметил очевидной враждебности дворецкого. Затем повернулся ко мне и ответил: — В свое время я убил много состоятельных людей и мудро вложил их добро. Твоя спальня располагается в крыле для семьи, конечно же, — уточнил он, когда мы поднимались по черной лестнице. — Но мы сначала пройдем мимо комнат, в которых живут слуги, поэтому ты будешь знать, где это находится.

Часть дома, предназначенная для слуг, представляла собой два узких коридора со множеством маленьких комнатушек, забитых до отказа. Некоторые члены клуба «Клыки» бродили взад и вперед. Я слышала топот их ног.

— Через пару недель они отправятся в Канаду, — прошептал Кир. Натянутая улыбка появилась на его лице в знак приветствия своих гостей. Он проговорил сквозь стиснутые зубы: — Не могу сказать, что буду сожалеть, если они исчезнут.

— Зачем тогда ты позволил им остаться? — спросила я, когда мы прошли мимо некоторых из них.

— Они против «Движения», — он пожал плечами. — Я против «Движения». Мы должны держаться вместе. Когда «Движение» падет, а оно падет, я буду удерживать лидирующие позиции. Поэтому сейчас смазываю колеса, чтобы в дальнейшем ехалось легко.

Второй коридор охранялся стражниками, вооруженными деревянными кольями. Я думала, мы пройдем мимо них так же, как перед обслуживающим персоналом, не замечая, но Кир остановился:

— Джентльмены, это доктор Эймс. Я предоставляю ей полную власть над всем скотом.

В любое время. Пожалуйста, передайте это остальным.

— Да, сэр, — в унисон ответили охранники и отошли в сторону, чтобы впустить нас.

— Скот? — Мне не нравилось это слово.

— Домашние животные, если предпочитаешь. Это люди, которые живут здесь. Я и мои гости пьем их кровь.

Двери большинства комнат, мимо которых мы прошли, были закрыты. А те, которые были нараспашку, представляли взору пустые помещения. В каждой комнате стояли две маленькие кровати, а между ними — тумбочка. Темные квадраты выделялись на блеклых обоях, как будто плакаты или другие украшения раньше висели на этих местах, но недавно были сняты.

Дверь открылась, и вышла тощая бледная девушка с темными кругами под глазами. Она нервно улыбнулась Киру, но продолжала смотреть на меня, пока говорила:

— Здравствуйте, хозяин.

— Сегодня приятный вечер, Эми, не так ли? — Он потянулся к ней, взял за подбородок и повернул ее голову в сторону. На бледной коже виднелись темные отметины от клыков.

— Кэми. — Голос девушки стал едва слышен, когда его пальцы сомкнулись на ее шее.

— Ах, да, Кэми. Извини. За последнее время я услышал столько новых имен, — сказал Кир больше для меня, чем для нее. — Кэми, дорогая, сколько времени пошло с тех пор, как я посылал за тобой?

— Неделя. — Она посмотрела на свои руки. — Вам что-то не понравилось?

Я хотела провалиться под пол, стать невидимой, чтобы избежать ее от смущения, вызванного подобным разговором. Но ей, казалось, было безразлично, что я находилась рядом.

— Нет, нет. Просто я был ужасно занят... другими вещами.

Произнося эти слова, Кир осторожно сцепил свои пальцы с моими, показывая мне свои воспоминания.

Мои видения приобрели очертания, и я посмотрела на испуганное лицо Кэми глазами Кира. Она изо всех сил старалась не плакать, пока он двигался в ней. Мой желудок сжался при мысли о ее молодом, едва созревшем теле под ним. Я вырвала руку.

Освободившись от мыслей Кира, я вернулась в настоящее и увидела появляющуюся на лице Кэми робкую улыбку.

— Сегодня?

— А ты не будешь чувствовать себя ущемленной? — спросил меня Кир с печальной улыбкой на лице. Внезапно его голос вторгся в мою голову: «Если ты откажешь мне, я возьму ее к себе в постель сегодня утром, и она не доживет до следующего заката».

Девушка посмотрела на меня с чем-то похожим на ревность и отчаяние. Я не сомневалась, что Кир воплотит свою угрозу. Я наклонилась ближе к нему, стараясь совладеть с собой.

— Сегодня моя первая ночь здесь. Может, лучше проведешь ее со мной? — Сдерживаясь изо всех сил, я добавила про себя: «Мудак».

Низкий смех вырвался из его горла, и он нарочито беспомощно развел руками:

— Извини, Кэми, доктор выразила свое желание. Возможно, ты найдешь себе компанию с одним из моих гостей.

— Они причинят мне боль? — девушка еще сильнее побледнела.

— Конечно же, нет. Я бы не позволил. — Он погладил ее по голове: — Беги. Я должен

показать доктору Эймс оставшуюся часть особняка.

Мы покинули коридор и вошли в маленькую гостиную. Я взглянула на перила в углу и поняла, что мы находимся прямо над холлом. Я слышала радостные крики «Клык», раздающиеся снизу.

— Ты извращенец! — выпалила я, как только дверь за нами закрылась. — Она всего лишь подросток.

— Ей пятнадцать. Она только на год младше моей первой жены.

— Сейчас не Темные века[14] — Я просто кипела от ярости. — Ты не можешь устраивать беспредел.

— Я нахожу все запретное привлекательным.

— Привлекательным? — Я подумала о тех воспоминаниях, которые Кир показал мне. Например, как костяшки пальцев Эми становились совсем белыми, когда она хваталась за простыни. — Как насчет ее родителей? Семьи? Они где-то там, ищут ее, а ты планируешь убить девушку?

— Она беглянка, Кэрри. Почти все мои домашние животные такие. Но если они не подходят тебе, я могу предложить несколько своих охранников, но при условии, что ты будешь сдержанной.

— Я не собираюсь убивать ради крови. Мне нужны доноры, которые готовы к этому.

— Скот тоже готов, — произнес Кир, указывая в направлении, откуда мы только что пришли.

— Готов умереть?

Кир кивнул:

— Они готовы терпеть неудобства ради того, что я им даю. Я убиваю их, в конце концов, но не сразу: в течение нескольких дней, может, даже недель. Они знают, кому принадлежат. Знают, что нужны кому-то. Ты же понимаешь, насколько это ценно.

Я понимала. Еще будучи ребенком, я старалась быть самой лучшей, самой умной и самой совершенной в надежде, что родители обратят на меня внимание. Я смаковала каждое слово похвалы от них, как торт с кремовыми розочками на день рождения. Я знала, чего искала бедная Кэми. Она продавала свое тело за любовь или, по крайней мере, за тень от нее. Девушка никогда не поймет разницу.

Я была благодарна за то, что не встретила никого, похожего на Кира, когда мне было пятнадцать лет. Я стала бы легкой добычей. Я все еще была легкой добычей. Почувствовав, что Кир проникает в мои мысли, я сбросила когтистую руку, которая покоилась на моей:

— Прекрати.

Мы снова двинулись, направляясь к многочисленной охране, которая сторожила, как я предположила, его комнату... и мою. Я остановилась и просто смотрела, пока он не понял, что я не следую за ним.

— Я не собираюсь спать с тобой. И согласилась провести с тобой день, лишь бы ты не убил ее.

— Знаю. Я тоже не буду спать с тобой. Не сегодня. Позволь мне показать твою комнату.

Коридор был значительно шире, чем те, в крыле для прислуги, хотя вел всего лишь в две комнаты. В самом конце, у двойной двери, стояли другие охранники, но мы остановились у входа в другую спальню.

— Вот мы и на месте, — сказал Кир, наклонившись ко мне ближе, чем того требовала необходимость, чтобы повернуть ручку. Пройдя мимо него и стараясь не касаться его тела, я

вошла в комнату.

Апартаменты были больше, чем вся квартира Натана. Комната была обставлена мебелью эдвардианской эпохи[15].

В камине огромных размеров потрескивал огонь.

— Если тебе не нравится декор, его можно сменить.

Кир медленно прошелся по комнате. Вкус Далии в некоторой степени совпадал с моим, хотя я не могла переварить столько голубого. У меня возник нелепый порыв поблагодарить моего создателя, но я сдержала себя.

— Это была комната Далии?

Он поднял что-то похожее на музыкальную шкатулку Фаберже[16], стоящую на окне, и нахмурился:

— Да. Какое-то время.

Я поставила сумку на пол, сняла пальто и повесила его на спинку дивана.

— Зачем ты выгнал ее отсюда?

— Честно? Мне не нравится, когда она находится слишком близко. Ревнивая ведьма следит за каждым моим шагом. Как будто я снова женился. — Он завел механизм шкатулки, и заиграла незнакомая музыка. — Позволь мне показать тебе кое-что.

Кир подошел к небольшому комоду, стоящему в углу, и слегка потянул за один из ящичков. Тут же весь комод с легкостью отъехал в сторону.

— Проход ведет в мои покои. — Я уставилась на отверстие в стене, как будто там лежал динамит с зажженным запалом. — Я предпочитаю иметь беспрепятственный доступ к тебе. — Кир закрыл секретный проход. — Но думаю, ты понимаешь, почему я хочу держать Далию подальше отсюда, к тому же под усиленной охраной.

Если бы я была на его месте, то предпочла бы отправить ее в другую страну.

— Она думает, ты собираешься обратить ее.

— Далия обладает такими способностями, которые я никогда ни у кого ранее не встречал. — Он задумался: — Но я боюсь той силы, которая появится у нее, если я превращу ее в вампира.

Я саркастично фыркнула:

— Потому что ты такой правильный.

— Потому что я реалист.

— А разве ты не смог бы контролировать ее, используя кровную связь? — Я скрестила руки на груди. — Имею в виду, раз ты уж так умело это делаешь.

— Ты совершенство. — Кривая улыбка появилась на его лице. — Увы, Далия обладает большей силой, чем я. И я не собираюсь обращать ее, чтобы она руководила мной.

— Ну, я рада узнать, что ты еще не совсем безжалостный психопат.

— То, что ты воспринимаешь как зло, на самом деле, является признанием своей истинной сущности, — Кир театрально вздохнул. — Я делаю только то, для чего создан. Но это не значит, что я хотел бы полностью, как какой-то сумасшедший, править всем миром и привести человечество к гибели.

— А она может?

— Все может быть. Это и является причиной, по которой я бодрствую в течение дня. — С выражением дикого голода на лице Кир приблизился ко мне. — Но, кажется, сейчас у меня появилась более важная причина для бессонных дней.

Он протянул руку, и я задрожала, одновременно желая, чтобы он прикоснулся ко мне, и

проклиная себя за это. Когда он опустил свою руку, я отвернулась, чтобы скрыть смущение.

— У меня есть подарки для тебя. В спальне.

Последним местом, где мне хотелось бы оказаться с ним, была комната с удобной горизонтальной поверхностью, но я направилась следом за Киром. Проходя через дверной проем, я заметила, что в замке не было ключа, а замочная скважина была запаена. У меня не было способа закрыться от Кира, если он решит соблазнить меня в середине дня. «А разве ты хочешь спрятаться от него?» Какой бы омерзительной я не считала его склонность к девочкам, только достигшим половой зрелости, мое отвращение не ослабило силу уз крови. Я уверяла себя, что это всего лишь одна из сторон моей теперешней сущности: просто я должна научиться игнорировать это. Но у меня не было намерений претворять в жизнь его порочные фантазии.

Кровать была огромной, больше любой другой, на которой я когда-либо спала. Ее покрывало толстое синее одеяло с кружевными краями. Гора подушек лежала у изголовья, а полностью задернутый балдахин почти доставал до высокого потолка.

— Это похоже на сказку, — произнесла я, прикасаясь пальцами к мягкому покрывалу. Было трудно представить Далию в ее чулках в сетку и жирной подводкой на глазах, свернувшейся в комочек и спящей здесь.

Кир закрыл за собой дверь и прислонился к ней:

— Рад, что тебе понравилось. Конечно, я надеюсь, что ты не будешь проводить здесь много времени. Загляни в шкаф.

Большой шкаф из красного дерева был уже заполнен одеждой. Богатые ткани различных цветов, которые я даже не представляла, что когда-нибудь одену, заполнили все пространство. А открыв ящички, я увидела целый набор драгоценностей от «Тиффани»[17]. Я чуть не задохнулась от удивления и была настолько загипнотизирована сверкающими штучками, что не заметила, как Кир подошел сзади, пока он не обхватил меня за талию. Я так испугалась, что подпрыгнула. Кир потянулся к подвеске с большим грушевидным изумрудным кулоном.

— У меня никогда не было... столько ликвидных средств[18], - прохрипела я, когда он поднес ожерелье к моей шее.

Смеясь, Кир откинул мои волосы в сторону:

— Все в этом доме твое.

Он скрепил застежку, а затем расправил цепочку на рубашке.

Я отстранилась и тут же потянулась, чтобы снять безделушку.

— До тех пор, пока я послушная, не так ли?

— В точку, — Кир посмотрел на меня расчетливым взглядом. — Но я не думаю, что мне придется принуждать тебя.

Холодок пробежал по моей спине.

— И почему ты так думаешь? Потому, что даришь мне дорогие вещи?

— Я хочу, чтобы мы стали ближе друг к другу. Ты умная женщина, Кэрри. Ты скоро поймешь, что отвергать свою истинную сущность бесполезно. И когда это случится, я буду рядом. — Он повернулся к двери. — Я уверен, что ты устала. Поэтому оставлю тебя, чтобы ты могла устроиться.

«Значит, он больше не станет тревожить меня сегодня».

— А что с Кэми?

На лице Кира появилось удивление. Он уже забыл ее имя. Только после того, как я стала

раздраженно постукивать ногой, он понял, кого я имела в виду:

— Ах, да. Девушка. Думаю, что я тоже отдохну. Однако, если ты пожелаешь присоединиться ко мне после...

— Не думаю, что такое может случиться.

Я бросила ожерелье обратно в ящик и захлопнула шкаф.

— Конечно же, не думаешь, но ты знаешь, где найти меня.

Стоя в дверном проеме, я наблюдала, как мой создатель покидает комнату через секретный ход. Когда тот закрылся, безжалостная волна вожделения накрыла меня. Я стиснула зубы и закрыла глаза.

«Боже, помоги мне, — умоляла я, хотя до этого никогда не удосуживалась обращаться к нему. — Если ты не поможешь мне, в моих грехах будешь виноват ты, мои грехи обрушатся на твою голову.

1. Лед Зеппелин (Led Zeppelin) — британская рок-группа, образовавшаяся в сентябре 1968 года в Лондоне, Англия, и признанная одной из самых успешных, новаторских и влиятельных в современной истории. Создав собственное звучание (для которого были характерны утяжелённый гитарный драйв, оглушающее звучание ритм-секции и пронзительный вокал), Led Zeppelin стали одной из ведущих групп хард-рока, сыграли основополагающую роль в становлении хэви метал, свободно интерпретируя фолк- и блюз-классику и обогащая стиль элементами других музыкальных жанров (рокабилли, рэгги, соул, фанка, кантри). Именно Led Zeppelin (согласно Allmusic), отказавшись от выпуска синглов, заложили основу понятия «альбомный рок».

2. «Дома Святых»(Houses Of The Holy) — одна из песен группы Лед Зеппелин(Led Zeppelin). А также такое же название носит их пятый студийный альбом, выпущенный 28 марта 1973 года лейблом Atlantic Records.

3. Ловец снов — индейский талисман, защищает спящего от злых духов. Плохие сны запутываются в паутине, а хорошие проскальзывают сквозь отверстие в середине. Представляет собой паутину из суровых ниток и оленьих жил, натянутых на круг из ивовой ветви; также на нитке вплетают несколько перьев. Вешают над изголовьем спящего. Такой амулет можно сделать своими руками или купить в сувенирной лавке.

4. Восточное побережье Соединённых Штатов Америки (также Восточное Побережье или Восточное Взморье) — историко-географический регион США, охватывающий восточные штаты, имеющие выход к Атлантическому океану, от границы с Канадой на севере до полуострова Флорида на юге. Низменности вдоль берегов океана и его многочисленных заливов и эстуариев рек постепенно сужаются при движении на север. С запада регион ограничивают горы Аппалачи.

5. Гарнитура — устройство, состоящее из микрофона и переключателя "приём-передача" (тангенты), подключаемое к радиостанции при помощи кабеля с разъёмом. В некоторых моделях гарнитур есть дополнительные элементы управления. Например, кнопки переключения каналов станции.

"hands free" скрытого ношения с прозрачным звуководом.

6. Байкеры— любители и поклонники мотоциклов. В отличие от обычных мотоциклистов, у байкеров мотоцикл является частью образа жизни и души. Характерным также является объединение с единомышленниками на основе этого образа жизни.

7. Скаутское движение— всемирное юношеское движение, занимающиеся физическим, духовным и умственным развитием молодых людей так, чтобы молодёжь могла занять конструктивное место в обществе. Это достигается неформальным образованием с акцентом на практические действия на открытом воздухе, называемым скаутским методом. Скаутская организация добровольна, аполитична, независима.

Слово скаут переводится с английского как разведчик. Поэтому скаутинг также иногда называется “разведчеством”. Международные и междугородние скаутские слёты проводятся раз в 3–4 года и носят название «Джамбори». Аналог советского пионерского движения.

8. Кутеж — разгульная попойка, обильное угощение.

9. Марихуана — психотропное вещество, полученное из разновидности конопли, которая содержит наибольшее количество психоактивных веществ (каннабиноидов). В природе существует приблизительно 60 каннабиноидов, самый действенный из которых — дельта-9-тетрагидроканнабинол.

10. Франсiско Хосé де Гóйя-и-Лусьéнтес — испанский художник и гравёр, один из первых и наиболее ярких мастеров изобразительного искусства эпохи романтизма.

11. Декадентский — (от франц. decadent — упадочный) — направление в искусстве к. XIX — н. XX вв, характеризующееся приверженностью к неклассической эстетике утончённым эстетизмом, индивидуализмом, имморализмом.

12. Мадридский музей Прадо — один из крупнейших и значимых музеев европейского изобразительного искусства. Здание музея представляет собой выдающийся образец позднего испанского классицизма.

13. Вакханалия — так называли римляне оргические и мистические празднества в честь бога Вакха (Диониса), пришедшие с Востока и распространившиеся сначала по югу Италии и Этрурии, а ко II в. до н. э. — по всей Италии и в Риме.

14. Тёмные века — период в европейской истории VI, VII и VIII веков. Характерной чертой этого времени называют отставание западного региона от Византии, мусульманского мира и Китая.

15. Короткий период с начала XX века до Первой Мировой войны получил название «эдвардианской эпохи» от имени Эдуарда VII (годы правления 1910–1914 гг.), сына королевы Виктории, вступившего на трон в возрасте пятидесяти девяти лет.

На эдвардианскую эру оказали влияние сразу несколько стилей, причем за короткий промежуток времени. Сначала был возврат к элегантности и простоте классицизма. Ар нуво, которое считается первым современным стилем этой эпохи, искал вдохновение в мире природы, используя растительные мотивы и органические формы.

Цвета стен в эдвардианскую эпоху были приглушенными, но светлыми, позаимствованными из природы: оттенки желтого, синего, зеленого. Отделка панелями канула в лету: максимум, что вешали на стены — это картины, а сами стены красили в

универсальные тона и оттеняли их деревянными плинтусами на несколько тонов светлее или темнее. Потолки красились в не совсем белые, с примесями, цвета и имели совсем простые по форме карнизы.

Эдвардианские полы делались из полированного паркета и сверху прикрывались коврами. Это что касается столовых, спален и гостиных. На кухнях, в ваннах, кладовках пол был совсем другой — из разноцветной узорной плитки в перемешку с белой.

16. Пётр Карл Густавович Фаберже́ — российский ювелир, основатель семейной фирмы и династии мастеров ювелирного искусства. Является создателем всемирно известных яиц Фаберже, которые высоко ценятся у коллекционеров всего мира.

Шкатулки Фаберже

17. Тиффани (Tiffany & Co.) — ювелирная компания, основанная в 1837 г. Чарльзом Льюисом Тиффани и Джоном Ф. Янгом. Первый магазин был открыт в Манхэттене под названием Tiffany, Young and Ellis, но был переименован в 1853 году, когда Чарльз Тиффани перенял руководство. С тех пор магазины Tiffany & Co. были открыты во многих странах мира. Фирменный голубой цвет, присутствующий в корпоративном стиле компании, является зарегистрированной торговой маркой.

18. Ликвидные средства — денежные средства и активы, которые могут быть легко превращены в наличные денежные

ГЛАВА 11

Бессонный день, тяжелая ночь

Хотя оставалось еще несколько часов до того, как взойдет солнце, усталость заставила меня лечь в огромную постель. Я оставила лампу, стоящую на прикроватной тумбочке, включенной, поскольку немного опасалась находиться одной в такой громадной спальне.

«Но тебе не обязательно быть одной». Эта мысль не могла быть моей. Я села и стала вглядываться в темные углы комнаты, чтобы посмотреть, не вернулся ли Кир. Но в помещении я находилась одна, и как бы ни было неприятно признавать, устроиться под боком у моего создателя привлекало меня больше, чем перспектива провести ночь одной в этой великолепной кровати.

Это, должно быть, кровные узы. Кир охотился на слабых и беспомощных. Между нами не было бы такой сильной связи, если бы он был кем угодно, но только не моим творцом.

Однако, даже я не верила в это. Я чувствовала возбуждение, представляя, как мои клыки впиваются в теплую человеческую шею. Я помнила это горячее, пьянящее чувство, которое испытала, когда кровь текла в мой рот из пульсирующей вены. Это ненасыщаемое удовольствие могло вызвать привыкание. Я укусила однажды и хотела сделать это снова. Кир предложил мне то, чего я так жаждала.

Меня тянуло к нему, поскольку темная сторона моей природы хотела сдаться и сделать меня такой же, как он. Хищницей, без угрызений совести и человечности, которые могли бы помешать исполнению моих низменных желаний.

Ужасный крик разорвал тишину ночи. Я как раз подбежала к окну, чтобы увидеть полуголую девушку, бежавшую через газон к темному лабиринту живой изгороди. Четверо «клыков» следовало за беглянкой.

На ее бледное тело попала полоска света, и я сразу же узнала девушку. Кэми.

— Не оглядывайся, — прошептала я, всем сердцем желая, чтобы она успела добраться до лабиринта. Она могла спрятаться там, может даже не выходить оттуда до восхода солнца, пока не почувствует себя в безопасности.

Но я знала, что мои переживания бессмысленны. В отделении скорой помощи я много раз видела таких, как она. Люди, которые подвергались насилию, боялись просить о помощи. Я была уверена, что, даже сумев избежать смерти, Кэми проскользнет обратно в дом, и смерть снова будет гоняться за ней.

Вампиры нагоняли девушку. Та посмотрела через плечо и снова закричала при виде своих преследователей. Стекло моего окна приглушало звук, и я была рада этому: мне бы не хотелось слышать весь ужас в ее пронзительном крике.

То, что она оглянулась, стало роковой ошибкой. Девушка запуталась в собственных ногах и рухнула на землю. Все четыре вампира упали на нее. И Кэми перестала кричать.

Им потребовалось несколько секунд, чтобы закончить с ней. Когда они разошлись, я увидела тело девушки... или то, что от него осталось. Вампиры разорвали ее на части и продолжали поедать, пока одни только органы не остались внутри расчлененного трупа. То, что секунду назад было Кэми, выглядело как тряпичная кукла, из которой вытащили все набивку.

Я отвернулась от окна. Меня всю трясло. Сердце бешено стучало, а мое тяжелое напряженное дыхание жгло легкие. Но моя реакция не была вызвана ужасом или

отвращением к тому, что я увидела. Мне просто понравилось это.

Я хотела быть вместе с теми вампирами. Я хотела чувствовать ее плоть, разрывающуюся под моими клыками. Я хотела рвать ее кожу и сухожилия зубами.

Теперь я, доктор Кэрри Эймс, давшая клятву Гиппократу[1] перед большой аудиторией, поклявшаяся никому никогда не причинять вреда, а спасти людей от смерти, хотела убить.

Почувствовав боль в желудке, я заставила себя не смотреть на ужасную сцену и задернула шторы.

Я вернулась в постель, но сон не шел. Будучи первобытным и острым, мой голод сильно мучил меня. Осознание того, что я просто могла спуститься в холл и выбрать себе любого молодого человека, жаждущего, чтобы именно на него пал мой выбор, ухудшало ситуацию в десятки раз. Дрожа и потев от испытываемых страданий, я решила остаться там, где была. «Я попрошу о крови... о кружке крови после захода солнца».

Но это казалось бесконечно долгим.

Пока я лежала, то через стену слышала, как несколько раз открывалась потайная дверь в соседней комнате. И каждый раз я резко вскакивала, вслушиваясь в шаги. Но они всегда отступали назад, так и не дойдя до двери спальни.

Измученная, я заснула прямо перед закатом и проспала всего лишь час, прежде чем снова послышались шаги.

Решив поймать с поличным Кира, бродящего возле моей комнаты, я надела халат и направилась к двери. Дом и так был довольно ужасен, даже если мой создатель и не ходил где-то рядом. Я была удивлена, обнаружив, что не Кир шумел в моих апартаментах, а дворецкий. Он делал свою работу: открывал шторы и разжигал огонь в камине. Я не догадывалась, что он видел, как я вышла из спальни, пока мужчина не заговорил:

— Даже не думай об этом, иначе я засуну твою демоническую задницу в этот камин быстрее, чем ты поймешь, что произошло.

Я медленно приблизилась к нему, не сомневаясь, что дворецкий имел в виду именно то, что сказал.

— Я не из таких вампиров.

«Если ты повторишь это много раз, то, возможно, сама согласишься в это».

— Ну конечно! Надо полагать, ты хорошая девчонка, верно? Ты уж извини, но то, как с нами поступают здесь, научило нас не доверять вам. — Дворецкий отвернул воротник смокинга в сторону и показал множество неровных, келоидных рубцов[2] на своем горле. — Укусить меня один раз — позор вам, укусить меня дважды — позор уже мне!

Я села на краешек твердого стула и потерла глаза:

— Это хороший персональный девиз. А еще одним может стать: «Не работай на вампиров».

Человек выпрямился и повернулся, чтобы посмотреть на меня. Его темные глаза блестели в свете огня, и мне пришло в голову: то, что я увидела в них, должно быть было проявлением его чувства юмора.

— Указание на будущее — большинство вампиров не разговаривают с подобными мне. Просто представь, что я невидим.

— Извини. Я здесь новенькая.

Внезапно открылся секретный проход, и Кир вошел без стука. Я поднялась на ноги, как будто он был королевским величеством. Я не знаю, почему сделала это.

Кир был одет в шелковый халат, довольно свободно завязанный на талии, что заставило

меня почувствовать себя жутко неловко. Мышцы торса были твердыми и четко прорисованными. Просто идеальное тело, за исключением большого шрама, который спускался от ключицы к животу.

Травма, подобная этой, стала бы смертельной шестьсот лет назад. Скорее всего, Кир был еще человеком, когда получил ее, поскольку вампиры могли исцеляться. Я дотронулась до шрама на моей шее. Вероятно, Кир получил свою травму до того, как полностью превратился в вампира.

Он потянулся и зевнул, как человек, который мог позволить себе роскошь спать столько, сколько захочет. Его распущенные волосы подметали пол, когда он двигался.

— Отдохнула и теперь готова провести со мной ночь?

Я покачала головой:

— Кто-то весь день бродил по моей комнате.

— Кларенс, я надеюсь, ты извинишься за то, что разбудил Кэрри, — дал указание Кир.

— Я не думаю, что это был Кларенс.

Как какой-то волшебный джин, дворецкий тут же исчез, стоило только упомянуть его имя. Я слышала, как дверь в мои апартаменты тихо закрылась.

— Я приходил, чтобы проверить, все ли в порядке. — Кир обошел вокруг меня и быстрым движением занял мой стул, вытолкнув меня с него, но сразу же прижал к своему телу, посадив к себе на колени. Я вскрикнула от удивления, когда почувствовала его ледяную кожу через свою одежду, и попыталась прикрыть халатом свои голые ноги. Развалившись на нем так, как я, трудно было сохранять пристойный вид. Кир воспользовался положением и просунул руку между слегка приоткрытыми полами халата. — Я чувствовал твою боль при виде сцены в саду. И твое возбуждение.

Я сглотнула, когда его пальцы стали ласкать мое бедро:

— Так ты видел это?

— Это было захватывающе, не так ли? — Его пальцы медленно продвигались к моей футболке. — Они такие вульгарные создания, но мне нравится, как они едят. Их подход к делу.

— Это особенность их характера. — Я оттолкнула его руку, поднялась на ноги и повернулась к нему лицом: — Это ты сказал им сделать это? Чтобы я могла увидеть?

То, что я встала, оказалось неверным шагом. Мои движения поспособствовали тому, что пояс на его халате развязался, и его тело обнажилось. Кир не пошевелился, чтобы запахнуть халат. Я пыталась смотреть куда угодно, но только не на него, но плотское любопытство взяло верх. Не то, чтобы я хотела увидеть его безмерно радостное лицо. Но Кир, казалось, был в восторге от моего смущения.

— Ох, извини за то, что заставляю тебя чувствовать себя некомфортно.

— Ты забыл, что я врач... Или была, — добавила я, удивляясь появившемуся у меня из-за этих слов чувству вины. — Я видела много обнаженных тел и раньше. Они все начинают казаться одинаковыми спустя какое-то время.

— Правда? — Кир встал и подошел слишком близко ко мне.

— Так это ты приказал им убить Кэми или нет?

Его запугивания больше не будут оказывать на меня воздействие. По крайней мере, я на это надеялась.

— Ты выглядишь такой серьезной, ты знаешь об этом? — произнес он. — Нет, я не устраивал этот маленький спектакль. Я скорее против, чтобы такое происходило снаружи. А

также ее крики, вероятно, услышали соседи. Я нахожу полицейские расследования слишком утомительным занятием, хотя питаю особую любовь к наручникам.

Я закатила глаза:

— Ты говоришь избитыми фразами, подобное я уже слышала.

— Не мог устоять. — Кир медленно обошел вокруг меня, постукивая своим указательным пальцем по губам. — Что-то изменилось в тебе. Я чувствую это.

— Я просто немного голодна, — призналась я. — Но мне не интересны человеческие жертвоприношения. Мог бы ты пригласить одного из своих домашних животных, чтобы он сдал кровь?

Кир остановился позади меня и положил свои руки мне на плечи. Прежде чем я успела остановить его, он дернул за мой халат и стянул его с меня. Пояс развязался, и я осталась стоять перед ним в одной только темно-голубой футболке, которую надела на ночь. Той, которую Натан одолжил мне.

Наклонившись к моей шее, Кир принялся к воротнику.

— Вот в чем проблема. — Он резко развернул меня, схватившись за плечи так, что на коже могли появиться синяки, которые, конечно же, в считанные секунды заживут. — Иди и сними ее, а потом отдай Кларенсу, чтобы он уничтожил ее. А также захвати то, другое, что ты прихватила с собой как воспоминание о нем.

Хотя я старалась держаться, но все равно вздрогнула от боли в руках.

— И что произойдет, если я не подчинюсь твоей воле?

Зарычав от гнева, Кир оттолкнул меня. Я приземлилась на один из жестких, изящно вышитых стульев: от силы моего падения он отъехал назад.

Кир склонился надо мной, опираясь на полированные деревянные подлокотники:

— Не испытывай моего терпения, и тогда мне не придется показывать силу моей воли.

Впервые я почувствовала себя слабой и уязвимой рядом с ним. Я знала, что он не убьет меня. Он слишком любил свои трофеи. Но это едва утешило меня, когда я вспомнила, через какое количество пыток мог пройти вампир.

Я почти было извинилась, но как только посмотрела в его холодные, отличающиеся друг от друга глаза, не увидела ничего, что могло заставить его простить меня.

Отпихнув от себя стул, Кир направился к потайному ходу. Его распахнутый халат развеивался позади него.

— А что насчет моего завтрака? — окликнула я его, обретя небольшую смелость после победы в конкурсе «кто кого пересмотрит».

— Я велю Кларенсу принести его, — проворчал Кир. — Но после этого тебе лучше научиться пить кровь непосредственно из человека, как настоящий вампир. Твое поведение — это мое отражение, и я не хочу, чтобы кто-либо говорил, что моя кровь слаба.

После того, как он ушел, я направилась в спальню переодеться. Учитывая то, насколько он был зол, я не думала, что сегодня ночью еще увижу Кира, но не хотела рисковать. Я оделась в одежду, которую нашла в шкафу, а не ту, которую купил мне Натан. Черная водолазка и свободные брюки больше всего подходили к моему стилю — футболкам и джинсам.

Кларенс принес мой завтрак — все еще теплый графин крови в сопровождении свежих фруктов — выглядевший как континентальный завтрак[3], показываемый в низкопробных фильмах. Я попыталась завести непринужденный разговор с дворецким, но тот ограничивался коротким вежливым ответом, которого непосредственно требовал вопрос. В

конце концов, я сдалась и закончила свой завтрак в одиночестве.

Осмелившись выйти из своей комнаты, я обнаружила, что «Клыки» разошлись в полную силу. Любопытство привело меня в бальный зал, где я увидела еще один ряд байков[4]. Это говорило о том, что прибыли еще вампиры. Я ожидала от них каких-то неприятностей, но ничего не случилось. Напротив, бандиты приветствовали меня с пугающей вежливостью. Мне даже подумалось, что они начнут кланяться и преклонять передо мной колени.

Единственным человеком, который пренебрежительно относился ко мне, была Даля. Я увидела ее, развалившейся на диване в гостиной и листающей какой-то журнал. Она издала непонятный звук, когда я проходила мимо нее, по-видимому, желая привлечь мое внимание. Когда я проигнорировала ее, она убрала свои волосы с плеча, демонстрируя мне свежие раны от укуса. Потом громко зевнула и потянулась.

— Как же я устала. Да и почему бы мне не устать? Я не ложилась весь день. — Она хихикнула и скрестила ноги. Ее короткая юбчонка задралась, выставляя напоказ белое бедро. Отметины от клыков также отчетливо были видны и здесь.

— Ты думаешь, что заставляешь меня чувствовать ревность? — По какой-то безумной причине я действительно ее ощущала, но лучше съем колючий кактус, нежели признаюсь ей в этом.

— Нет, — Даля пожалала плечами. — Мне просто жаль тебя. Ты здесь всего первый день, а он посылает за кем-то другим, с кем бы хотел провести время. Печально, правда?

— Есть более печальные вещи. — Я упала рядом с ней на диван и взяла один из журналов, лежащих в стопке около нее. — О! Горячие модные тенденции этой весны!

Краем глаза я увидела, как она поднимает руку.

Я проговорила снисходительным тоном:

— На твоём месте я бы не стала этого делать. Он убьёт тебя, если ты причинишь мне вред.

— Да какая разница, — Даля насмешливо фыркнула. — Он все равно считает тебя жалкой.

Даже усомнившись в правдивости ее слов, я вспомнила злость Кира, которую видела немного ранее. Я бросила журнал и повернулась, чтобы посмотреть ей в лицо.

— Более жалкая, чем поклонница вампиров, цепляющаяся за последнюю ниточку своей надежды?

В этот раз Даля не попала на удочку:

— Если бы я была на твоём месте, то старалась бы не раздражать его. Он может превратить твою жизнь в ад.

— Я не думаю, что у меня получится так вести себя, — и более тихим голосом добавила: — Только если это не означает, что я такая же, как он.

С фырканьем, выражающим очевидное презрение, Даля обратила все свое внимание на страницу лучших фасонов джинсов на любую фигуру.

— Правда? А какой он?

— Что ты имеешь в виду? — Осознав, что у нас с Далией завязался разговор, я ощутила странное чувство, но ведьму, похоже, это не волновало.

— Какой он? — повторила она. — Я имею в виду, что у тебя, наверное, было время, чтобы узнать его получше.

Упс! А она точно подметила. Я не знала Кира. По крайней мере, не так, как она. Я попыталась представить себя на ее месте. Она, несомненно, была привязана к моему

создателю, раз осталась после всего того насилия, которое пережила от него.

Я прокашлялась:

— Я имела в виду зло. Я не хочу быть такой же.

Даля закатила глаза, не заботясь о том, чтобы скрыть свое явное раздражение:

— Возьми на заметку: не все делится на добро и зло.

— Я не разделяю этих взглядов.

Она отложила журнал в сторону и повернулась ко мне, положив ногу на диван и приняв непристойную вызывающую позу.

— Ладненько. Давай представим, что прошелся торнадо и разрушил, скажем, половину города. Это плохо? — Я не была уверена, что она хотела сказать, приведя такой пример, но кивнула в знак согласия. — Если исходить из твоего высказывания, раз торнадо сделал что-то плохое, значит это зло.

— Я бы не назвала торнадо злом. Нет.

— И почему же? — спросила Даля таким тоном, как если бы уже знала, каким будет мой ответ.

— Потому что это просто торнадо. Часть природы.

— Так же как и вампиры. Они тоже часть природы. — Казалось, ее не слишком радовало доказывать свою точку зрения, растрачивая драгоценные секунды своей жизни, чтобы учить меня. — Некоторые вещи нельзя отнести ни к добру, ни к злу. Некоторые вещи просто... — с этими словами Даля просто встала и собрала свои журналы. — А сейчас, если ты извинишь меня, я бы предпочла, чтобы мне вогнали гвоздь в глаз, нежели сидеть и рассюсюкиваться тут с тобой.

— Да пошла ты... — пробормотала я себе под нос, когда Даля стала подниматься по ступенькам.

Нам точно не суждено стать лучшими подружками, но, по крайней мере, она поговорила со мной, не пытаясь убить. И, чтобы быть совсем честной, если уж она предпочла бы вогнать гвоздь в глаз, нежели быть вежливой со мной, то мне это было только на руку.

Я взглянула на журнал, лежащий у меня на коленях, тот, который Даля не удосужилась забрать. Глянцевые журналы обычно не привлекали меня, но одновременно с этим мне обычно не хватало времени на них. Я открыла статью о бактериальной опасности загаров в солярии и завершила свое охваченное ужасом сознание, что она основана на медицинских исследованиях.

Я прочитала всего один абзац, когда дверь в кабинет распахнулась, и послышались напряженные мужские голоса, которые сталкивались друг с другом, как удары о металл. Кир плавно вошел в комнату, одетый в облегающие кожаные штаны и белую рубашку с пышной пеной кружав, растянутую до пояса. Его длинные волосы были зачесаны назад, и он нес фехтовальную рапиру[5]. Чтобы полностью завершить образ не хватало только повязки на глазу и попугая на плече. Я попыталась не рассмеяться, когда эта картинка возникла у меня в голове.

Вытерев кровавый пот со своего лба, Кир бросил рапиру охраннику, следовавшему за ним. Я притворилась, что была слишком сильно увлечена журналом, чтобы заметить их появление.

Устало выдохнув, Кир сел рядом со мной, а затем снял черные кожаные перчатки с пальцев.

— Добрый вечер, Кэрри.

— Эй, приятель! Отправляешься в плавание? — Я все еще помнила о смене тона его голоса чуть ранее сегодняшним вечером и не могла не уколоть его. Такой уж был у меня характер.

Он обнял меня. Жест настолько знакомый и сильный, что я приложила большие усилия, чтобы отстраниться.

— Я немного поупражнялся отклонять нападение. Роджер — прекрасный фехтовальщик. Не правда ли, Роджер?

Охранник резко кивнул:

— Роберт, сэр. И да, сэр.

Я не вступила в разговор, а перевернула еще несколько листов, просматривая журнал.

Кир наклонился ближе ко мне под предлогом интересной статьи, которую он якобы стал читать через мое плечо.

— А отсюда интересный вид. Я никогда не любил женщин, которые наносят слишком большое количество макияжа на глаза, но он, несомненно, чудесно смотрелся бы на тебе.

— Я запомню на тот случай, если захочу произвести на тебя впечатление.

Несмотря на все мои усилия, я чувствовала, как мое тело реагирует на притяжение, вызванное нашей кровной связью. Все в нем казалось привлекательным, конечно, не считая его пиратской рубашки. Он чудесно пах. Особенно когда прижимался ко мне. Потом я подумала о нем вместе с Далией. Один только Бог знает, что он делал с ней весь сегодняшний день, периодически ускользая от нее, чтобы, как он выразился, «проверить, все ли в порядке у меня». Меня не могла ранить его неверность, но я удивилась тому, что ожидала от него преданности.

Я перевернула еще одну страницу, надеясь скрыть свои эмоции за сарказмом:

— Звонил Капитан Крюк[б]. Он требует, чтобы ему вернули его рубашку.

Кир поднял брови:

— Ты злишься на меня.

Не было смысла отрицать это. Он мог чувствовать через нашу кровную связь.

— Вообще-то, да. Злюсь.

— Из-за нашей ссоры? — Кир снова положил руку мне на плечо, крепко прижав к себе, когда я попыталась вырваться. — Все пары ссорятся. Не о чем беспокоиться.

— Пары? Я помню, что в последний раз, когда проверяла это, у меня никого не было.

Он улыбнулся и стал закручивать прядь моих волос вокруг своего указательного пальца.

— Тогда почему тебя расстроило то, что я провел время с Далией?

Я фыркнула:

— Это что, так очевидно?

— Не трудно догадаться. Твоя ревность так и рвется наружу. — Кир положил руку на мое колено. — Ты знаешь о той роли, которую здесь играет Далия.

— Роль полировщицы головок?

— Довольно грубый способ выразить это. Но да. Не нужно переживать, что она сможет занять твое место. Ты моя кровь.

— Как я могу не переживать? Она твоя любимица.

Я оттолкнула его и встала.

Кир осмотрел меня с ног до головы, не пытаясь скрыть свой похотливый взгляд. Была ли на мне водолазка или нет — я все равно ощущала себя голой и в отчаянии закрыла лицо

руками.

— Не важно. Ты все равно не поймешь. Я ненавижу это чувство. А ты даже не слушаешь.

— Я слушаю, — настаивал он.

— Нет, — произнесла я, проводя рукой по волосам. — Я просто дура. Меня с рождения учили бороться, но Далия находит самое худшее во мне. Но ты не можешь помочь.

— Мне очень жаль, что ты чувствуешь такое. Позволь мне компенсировать твои страдания, — предложил Кир, поднявшись, чтобы усадить меня обратно на диван.

— Как? — Я ожидала, что он посадит меня к себе на колени, но он устроился на приличном расстоянии от меня.

— Позволь мне ухаживать за тобой. Дай мне шанс показать тебе, насколько ты дорога мне. — Кир стал постукивать пальцами по подлокотнику дивана. — Как насчет обеда? Мы сможем лучше узнать друг друга.

— Я помню наш последний ужин. Мне не очень-то хочется опять проводить вскрытие трупа.

— Никаких трупов, — улыбнувшись, заверил он меня. — Для врача ты ужасно брезглива.

— Дело не в брезгливости. А в том, что во мне осталась доля человечности.

Каждую минуту, которую я проводила с Киrom, мой гнев испарялся как кадры, исчезающие с фотопленки, попавшей под солнечные лучи. Я попыталась найти причины, чтобы рассердиться на него, но это было трудно сделать, когда он находился так близко ко мне.

— А Далия разве не станет ревновать?

— Я не думаю, что она единственная, кто будет ревновать. — Кир поднял руку, взял меня за подбородок и повернул мою голову к себе лицом. — Далия — это мимолетное отвлечение. А ты у меня навсегда.

Навсегда. В первый раз, с тех пор, как я заключила сделку, чтобы спасти жизнь Натану, я осознала последствия своего обещания. Сколько я проживу? Киру удалось прожить более шестисот лет. Я боролась со злодеем, жившим внутри меня всего одну ночь, а уже выбилась из сил.

Возможно, поражение неизбежно.

Очень нежно Кир прижался холодными губами к моему рту. Я не сопротивлялась. Не потому, что у меня не осталось силы воли, а потому, что кровные узы манипулировали моим телом. Я поцеловала его в ответ, желая доказать ему и себе, что он не вызывает во мне никаких чувств. Что я все держу под контролем.

Но это сработало не совсем так, как я ожидала. Обвив руками его шею, я позволила ему притянуть меня ближе к себе. И ощутила его удивление, но когда Кир отстранился, то сразу же улыбнулся, как будто выиграл большое сражение:

— Вот видишь, это не так уж страшно.

Нет. Это не было страшно.

Кир наклонился, чтобы еще раз поцеловать меня, но забытый всеми охранник кашлянул. Досада появилась на лице моего создателя, но он тут же скрыл ее за улыбкой. Кир поднялся и расправил рубашку:

— Роджер? Так что ты сказал насчет следующего поединка?

— Роберт, сэр. Я почту за честь.

Охранник бросил ему рапиру. Кир поймал ее и изящно встал в оборонительную позу.

— Ужин будет подан в пять утра. В моих покоях, — предупредил он. — Пожалуйста, не опаздывай. С этими словами он и охранник развернулись и вышли из комнаты.

Я закрыла глаза. Слишком легко было винить кровные узы в моей покорности. Я не могла лгать самой себе. В нем существовал какой-то магнетизм, который не имел ничего общего с тем, что он был вампиром. Несмотря на то, насколько ужасно повел себя Кир сегодня утром, на какое-то мгновение он заставил меня поверить, что заботится обо мне как о нечто более ценном, нежели о своей собственности.

Это была его самая опасная тактика, которую он использовал в сегодняшней битве.

1. Клятва Гиппократов — врачебная клятва, выражающая основополагающие морально-этические принципы поведения врача, а также общеупотребительное название клятвы, приносимой каждым, кто собирается стать медиком.

Текст клятвы в переводе на русский.

Клянусь Аполлоном-врачом, Асклепием, Гигиеей и Панакеей и всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу и письменное обязательство: считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями, делиться с ним своими недостатками и в случае надобности помогать ему в его нуждах; его потомство считать своими братьями, и это искусство, если они захотят его изучать, преподавать им безвозмездно и без всякого договора; наставления, устные уроки и всё остальное в учении сообщать своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам, связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никому другому.

Я направляю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости. Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же я не вручу никакой женщине абортивного пессария. Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство. Я ни в коем случае не буду делать сечения у страдающих каменной болезнью, предоставив это людям, занимающимся этим делом. В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далёк от всякого намеренного, несправедливого и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами.

Что бы при лечении — а также и без лечения — я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной. Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена, преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому.

2. Келоидные рубцы — это резко усиленная реакция тканей организма на травму, и неблагоприятные условия заживления раны.

3. Континентальный завтрак — прием пищи, основанный на средиземноморских традициях приготовления легкого завтрака. Эта легкая пища предназначена для насыщения до обеденного времени.

4. Байк — это мотоцикл.

5. Фехтовальная рапира — спортивное колющее оружие, состоит из стального эластичного клинка и эфеса (защитной чашеобразной гарды и рукоятки).

Клинок прямоугольного переменного сечения, пропорционально уменьшающегося к вершине, на которой имеется наконечник диаметром 6 мм. Длина рапиры не свыше 110 см (клинка не свыше 90 см), диаметр гарды не более 120 мм, глубина гарды до 55 мм, длина рукояти с гайкой не более 220 мм по российским правилам и не более 232 мм — по международным. Масса не свыше 500 г.

6. Капитан Крюк — персонаж одноименного фильма, который представляет собой вольное продолжение романа «Питер Пэн» Дж. М. Барр

ГЛАВА 12

Подарок

Приближалось назначенное время, а я бродила по спальне, так и не решив, что надеть. Было бы хорошо иметь здесь пояс целомудрия[1], но его, к сожалению, не включили в мой гардероб.

Отсутствие музыки в нашем крыле дома, которое поначалу понравилось мне, начало сводить с ума. Меня не особо радовало предположение, что «Клыки» сидели в холле и слушали радио, но с каждым часом я осознавала всю привлекательность этой идеи. Я смогу договориться о том, чтобы мне в комнату поставили телевизор, если правильно использую свои возможности. После изматывающей ночи, которую я провела, мысль позаниматься проституцией, лишь бы получить за это кабельное телевидение, не казалась такой уж плохой, как должна была бы.

Я почти остановилась на прямой черной юбке и свитере с высоким воротом, как послышался стук в дверь. Прежде чем я успела открыть ее, вошел Кларенс. Он принес большой черный полиэтиленовый пакет, который просто бросил на кровать.

— Что это? — окликнула его я, когда он уже собрался выйти из комнаты.

— Почитай карточку.

Это был единственный ответ, который я услышала, прежде чем дверь в мою спальню закрылась с другой стороны.

— Спасибо за помощь, — пробормотала я, вглядываясь в пакет. На нем сверху лежал маленький конверт. Я вытащила из него карточку и прочитала текст, написанный аккуратным почерком: «Надеюсь, тебе понравится платье. Меня очень порадует, если ты наденешь его сегодня вечером. Кларенс придет за тобой в пять часов».

Собравшись с силами, поскольку опасалась того, что могла там обнаружить, я открыла пакет. Платье было совсем не таким, каким я ожидала его увидеть, хотя мои предположения не были столь уж конкретными. Приподняв длинный атласный рукав красного цвета, я признала, что у Кира отличный вкус.

В большинстве случаев я чувствовала себя глупо, если одевалась подобным образом, но мне понравилось то, что я увидела, когда скользнула в платье и посмотрела в зеркало. Этот цвет оттенял мои светлые волосы, и хотя моя кожа была бледной, с тех пор как я стала вампиром, сейчас это не казалось таким очевидным из-за столь изысканного оттенка.

Обычно я не любила вещи на показ, поэтому не надевала ничего подобного со дня выпускного в колледже. Сам мой вид в чем-то другом, нежели в джинсах или белом халате, притягивал мой взгляд к зеркалу. Я выбрала пару бриллиантовых сережек из ящичка в шкафу и распустила волосы, расчесывая их, пока они не стали спадать мягкими волнами на плечи. Я выглядела также хорошо, как телевизионные звезды, и позволила себе вообразить, что предоставила Киру привилегию, согласившись сюда приехать.

Сейчас я смотрелась как модель, которую можно было нарисовать. Но, как только эта мысль возникла в моей голове, я сразу же пожалела об этом. После ссоры из-за футболки я позаботилась о том, чтобы тщательно спрятать рисунок Натана, но чувствовала себя так, как будто похоронила старого друга. Мне было интересно, что сейчас делал Натан. Скучал ли он по мне. Или просто ждал своего часа, когда у него появится возможность убить меня.

Я приказала себе не думать о таких грустных вещах. Что бы ни началось между мной и

Натаном, это уже позади. Я могла продолжать цепляться за прошлое или попытаться стать счастливой в новой жизни.

Посмотрев в зеркало, я едва узнала себя. В прошлой жизни я была одинокой и несчастной, жила ради своей карьеры, но мое сердце не участвовало в этом. Я не имела понятия, кем была или какие строила планы. Но сейчас у меня появилась возможность. Я не могла упустить свой шанс.

* * *

Кларенс вошел в гостиную с пятым ударом, отсчитывающим пять часов. Лицо дворецкого было мрачным, когда он вел меня по коридору. Мы остановились перед большими двойными дверями и подождали, пока они не открылись изнутри.

Апартаменты Кира были намного больше, чем мои. Потолок в гостиной хвастался своими фресками, которые изображали херувимов[2], смотрящих вниз с озаряемого солнцем неба. Это был разительный контраст в сравнении с мраморными статуями обнаженных женщин в объятиях крылатых демонов, которые стояли по бокам камина.

Кир сидел за небольшим столом в центре комнаты, на котором не было никаких трупов, как он и обещал. Перед ним стояли два бокала для шампанского и большой графин, наполненный кровью. Когда я вошла, он поднялся на ноги.

— Ты только взгляни на себя! — Его глаза блеснули от истинного удовольствия. — Ты все красивее и красивее с каждым разом, когда я вижу тебя.

— Ты сам выглядишь замечательно. — Это был не пустой комплимент, хотя любая одежда казалась бы потрясающей после той пиратской рубашки. Кир был одет в простого покроя черные брюки и такого же цвета рубашку на пуговицах, а его волосы были собраны сзади в хвост. Он выглядел на удивление по-современному. И я поняла, что мне было легко представить его каким-то другим человеком, а не тем, который посеял столько хаоса в моей жизни.

«Может, мне именно это и нужно сделать: жить, не признавая очевидного. Но я уже долгое время поступаю именно так».

Я кашлянула:

— Рада, что ты предпочел не кожаные штаны.

Было понятно, что Кир расценил мои слова как оскорбление:

— Не понял. Кожа сейчас в моде.

— В 1997 году. — Я села на стул, который Кларенс выдвинул для меня, а потом раскрыл салфетку и положил мне на колени. — И я должна признаться, что не в восторге от твоих переодеваний в старинные костюмы. — Кир проигнорировал мои слова и наполнил мой бокал кровью. Она слегка заискрилась. — Дай-ка догадаться. Яд? — Я сделала небольшой глоток и позволила жидкости окутать весь язык, смакуя вкус.

— Шампанское. Можешь считать, что это «кровавая мимоза»[3]. — Он рассмеялся над своей шуткой, а затем продолжил: — Я подумал, что у нас сегодня особый повод отпраздновать.

Кир наполнил свой бокал и сделал большой глоток. Я недоверчиво взглянула на него.

— И что конкретно мы празднуем?

На его лице появилась похотливая улыбка:

— Твое грехопадение.

— Попридержи коней, приятель. Я еще не сделала ничего дурного.

Я по опыту знала, что он попытается соблазнить меня, взывая к монстру, живущему во мне. А также чувствовала, что сейчас более податлива, чем когда он раньше искушал меня. Но об этом ему было совсем не обязательно знать. Хотя, вероятно, он уже обо всем догадался.

Кир сделал еще один глоток, но его глаза не отрывались от меня:

— Мне очень нравится это платье. Ты должна почаще его надевать.

— Ну, не знаю. — Я разгладила ладонью ткань. — Возможно, когда выдастся подходящий случай. Оно не относится к тем вещам, которые можно носить каждый день.

— А почему бы и нет?

Я рассмеялась, но потом поняла, что он говорил серьезно.

— Я и так чувствую себя слишком разодетой.

— Никто и слова против не скажет. — Капля искрящейся жидкости свисала с кончика его пальца, когда он сел на свой стул. — Это подобает твоему положению.

Я ощутила, как во мне поднимается раздражение.

— Мое положение! Это потому, что ты сказал, что можешь сделать меня королевой, ведь так?

— Я не могу сделать тебя королевой. Это была неправда. Но принцессой — да. — В его словах не было ни намека на шутку. — Ты ведь читала «Сангвинар»?

— Я прочла только половину. Мой экземпляр книги уничтожил пожар.

— Жаль. Так если я раньше упоминал имя Джейкоба Сеймура, то ты не понимала, о ком я говорил? — Кир пристально вглядывался в мое лицо, ожидая реакции на его слова.

Он ничего не увидел.

— Я о нем ничего не слышала. А что? Он важная шишка?

— Да. Можно сказать и так. Он был моим отцом. — Я не знала, как стоило реагировать на это, поэтому ждала, чтобы он продолжил. — В жизни мой отец не был влиятельным человеком. Он был уже пожилым, пережил двух жен и имел десять взрослых детей, когда его обратили. Мы были крепостными крестьянами[4]. Обработывали землю, принадлежащую богатому господину, и отдавали большую часть нашего дохода королю.

— В Англии? — Я сделала глоток из бокала, наслаждаясь легким головокружением, вызванным шампанским и свежей кровью, содержащейся в нем.

Кир кивнул.

— Вампир, обративший моего отца, сделал это с одним условием — что он будет пользоваться всей властью, данной ему создателем, только чтобы стать сильнее и победить всех, кто не подчинится ему. Мой отец понял это в буквальном смысле. Сначала он убил знатную семью, за которой мы были закреплены. Потом он убил своего создателя и выпил его кровь. Одного за другим он разыскал вампиров, существующих на земле: самых старых, самых сильных, самых страшных. Мой отец убил их всех. Он выпил кровь этих вампиров, забрав себе их силу. А затем из своих семи оставшихся в живых сыновей он выбрал одного — самого беспощадного и расчетливого. И обратил его. — Кир выпрямился на своем стуле. На его лице отражалась гордость. — И пока мой брат спал в свой первый день после превращения, я убил его и забрал его кровь. — Кир замолчал на мгновение, его лоб покрылся морщинами, как будто он пытался что-то вспомнить. — Я пронзил его грудь колом и взял горсть оставшегося от него праха, чтобы показать отцу, что сделал. Показать, что заслужил

место, в котором мне было отказано.

Мое сердце бешено стучало. Я потянулась к бокалу и осушила его наполовину, прежде чем смогла произнести:

— Почему ты рассказываешь мне это сейчас?

— Потому, что к настоящему моменту мой отец убил самых старых и известных вампиров. Он лидер нашего рода. — Хотя Кир говорил со всей серьезностью, он также быстро пожал плечами. — Во мне течет его кровь, а моя кровь течет в тебе. Мы члены королевской семьи, Кэрри.

Я беспомощно огляделась, когда ощутила дрожь, проходящую через узы крови. «Так это была отцовская любовь?»

— Поэтому, исходя из вышесказанного, я хочу сказать, что у тебя есть веские причины надевать это платье.

— Посмотрим, — выдохнула я.

В моей голове возникла новая, пугающая мысль. Что, если Кир не тот, за кого себя выдает, а просто пешка в руках своего отца? Сколько зла он принес другим, исходя из своих личных соображений? Он стал вампиром очень давно, поэтому, возможно, сейчас не мог вспомнить, что значит быть свободным от кровных уз.

Наклонив голову, Кир рассматривал меня с довольной улыбкой человека, оценивающего приз, который почти получил.

— Боже, как ты прекрасна.

Его сентиментальность была слишком искренней, чтобы я могла чувствовать себя комфортно.

— Зачем ты говоришь это?

— Я говорю то, что думаю, — ответил он, пожав плечами.

— Уловка, чтобы обезоружить меня? — усмехнулась я его словам.

Кир дал знак дворецкому и тот подошел, чтобы убрать со стола. Все еще чувствуя голод, я с неохотой протянула ему свой бокал.

— Мы закончили?

Кир встал и направился ко мне, чтобы взять мою руку.

— Нет, это была просто закуска. Основное блюдо впереди.

Он подошел ко мне сзади и закрыл мои глаза руками. Я чувствовала так близко к себе его, его тело, касающееся моей спины, когда он выводил меня из комнаты, что в моих нервных окончаниях разгорался огонь.

— Куда мы идем? — спросила я, как если бы не знала ответа.

— Теперь можно смотреть, — прошептал Кир и убрал свои руки.

Огромных размеров кровать, стоящая на небольшом возвышении, занимала большую часть комнаты. Изысканные шторы из ткани кремового цвета с вышивкой из самых что ни на есть настоящих золотых нитей свисали с деревянного основания балдахина. В центре кровати лежал юноша — связанный, с кляпом во рту и без рубашки.

Хотя его волосы были чистыми и причесанными, а одет он был в брюки вместо джинсов, я сразу же узнала парня.

Зигги.

— Это подарок для тебя. — Кир подошел к кровати и протянул мне руку.

«Не показывай эмоций! — я настоятельно призывала себя, воздвигая кирпичную стену, чтобы защитить свои мысли от Кира. — Притворись, что ты просто не знаешь его.

Представь, что никогда не встречалась с ним. Просто не делай ничего, что могло бы навредить ему».

Но моя паника передалась и Киру через нашу кровную связь. С озабоченным лицом он направился ко мне:

— Он совершенно безвреден.

Глаза Зигги были широко открыты, а зрачки расширены. Но парень не двигался. Я подошла ближе:

— Что с ним?

— Он под действием наркотиков. — Кир сел на край кровати и жестом пригласил меня устроиться рядом с ним. — Они, как правило, борются за свою жизнь изо всех сил, а я хотел, чтобы сегодня было все идеально.

Я осторожно приблизилась, пытаюсь скрыть все свои мысли от моего создателя, пока сама отчаянно молила о том, чтобы Зигги не показал никаких признаков, что узнал меня.

Возможно ли такое, что Кир просто не знал, кем был этот парень? Не позлорадствовать — это на него было не похоже, особенно после того, как он повел себя сегодня утром. Но для Зигги не было никакого смысла приходить самому в этот особняк.

— Кто он? — Мой голос стал хриплым. Я горячо молилась, чтобы Кир не знал ответа.

К моему огромному облегчению он зевнул и поднял руку, чтобы развязать волосы.

— Не знаю. Какой-то беглец. Он появился здесь несколько часов назад. Не правда ли, он потрясающий?

Вчера я бы точно с этим не согласилась, но вымытый и лишенный всякого пирсинга и разных металлических украшений, Зигги напоминал эталон мужской красоты эпохи Возрождения.

Немного поколебавшись, я все-таки присела на постель.

— А почему он здесь?

— Чтобы ты могла поесть, дорогая моя, — рассеянно ответил Кир, расстегнув пуговицы на манжетах и закатав рукава.

— Но он в сознании.

У меня во рту пересохло, пока я наблюдала, как Кир справляется с пуговицами на рубашке.

— В том-то и дело. Нет никакого удовольствия пить кровь из жертвы, которая не чувствует этого. Но тебе лучше поторопиться. Паралитическое действие наркотика скоро пройдет.

Я нахмурилась. Наркотики, обладающие подобным действием, опасны. Зигги мог умереть от удушья, если они окажут влияние на его легкие. Притворившись, что захотела погладить его грудь, я оценила, как поднимается и опускается его грудная клетка под моей рукой. Дыхание Зигги было затрудненным, но стабильным.

— Он не может быть слишком парализованным, раз дышит.

Кир протянул руку ко мне через тело Зигги и стал рисовать пальцем линию на моей руке, направляясь по плечу прямо к шее. Он притянул меня к себе. Я встала на колени и коснулась его гладкой холодной кожи на груди под распахнутой рубашкой.

Я чувствовала как кровь Зигги, находящегося между нами, течет все быстрее и быстрее по венам. Я вспомнила насыщенный вкус его крови, и мой желудок заурчал. И во мне ожил еще один голод, который постоянно усиливался, когда Кир откинул волосы с моей шеи. Он прижался своим ртом к моему горлу, слегка касаясь зубами кожи.

— Мне нужно было укусить тебя в ту ночь, — хриплым голосом проговорил он. Его рука направилась к моей груди. — Разорвать твою свежую плоть зубами и испить из тебя, а не убегать как трус. Если бы я только мог заглушить твои крики, то у меня появилось бы время.

Я застонала и запрокинула голову, чтобы дать ему полный доступ к шее. Воспоминания его нападения нахлынули на меня. Какие-то были его, а какие-то мои собственные. Но сейчас они не были ужасны. Сейчас, когда я увидела его руку, схватившую меня за волосы, я смотрела на себя, стоявшую на коленях и молившуюся — «а я разве молилась?» — у его ног. Зрелище казалось трогательным и эротичным.

Я вспомнила, как он управлял мной посредством нашей кровной связи. Но мне было все равно. Это было не то, что случилось со мной. А то, что я хотела, чтобы случилось.

Зигги застонал у наших коленей. Продвинувшись ко мне, Кир помог мне устроиться на кровати так, чтобы я легла рядом с парнем. Положив руку мне на талию, мой создатель наклонился к моему уху и прошептал:

— Пей, Кэрри.

Боже, как же мне хотелось этого! Но ведь это Зигги.

— Если я поступлю так, это убьет парня?

Очевидно, сказав смысл моего вопроса, Кир усмехнулся:

— Давай. Забери его жизнь, если хочешь. Или оставь его в живых, а потом мы еще поиграем с ним. Как тебе будет угодно.

Когда я заколебалась, он протянул руку к горлу Зигги, показывая свой смертельно острый ноготь.

— Мне сделать надрез для тебя?

Через узы крови я почувствовала его нетерпение, его ноги беспокойно терлись о мои. Если бы он только знал, кем был Зигги... Если бы знал, почему я не могла пить из него кровь...

Нет. Я не могла сделать это. Все, что мне нужно, так это просто показать Киру, что я хочу этого. Даже несколько капель послужат доказательством. И он не причинит вреда ни мне, ни Зигги.

Да. Я могла сделать это. Чтобы сохранить Зигги жизнь, я могла причинить ему вред.

Я провела языком по моим клыкам, поняв, что даже не почувствовала своей трансформации. Все стало естественным. Я наклонилась ближе к горлу Зигги.

Да... — прошептал Кир мне в ухо. Он собрал ткань моего платья в кулак, поднимая ее все выше и выше, пока я не ощутила его ладонь на своем голом бедре.

Сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться, я укусила. Я ожидала, что мышцы шеи Зигги напрягутся, но не последовало никакой реакции.

Когда кровь коснулась моего языка, я закричала, испытав самый сильный оргазм за всю свою жизнь. Ощущения были настолько ошеломляющими, что мне потребовалось время, чтобы понять, что это были не мои чувства. Это были воспоминания Зигги, текущие в меня вместе с его кровью. Его глаза открылись, и я увидела в них, как он рухнул на свою кровать, на потертый матрас, получив огромное удовлетворение.

Послышался щелчок, а затем открылась дверь. Зигги перекатился на спину. Умиротворение, наступившее после оргазма, сменилось паникой. Ошеломленный Натан, покрытый слоем грязи и копоты, стоял в дверном проеме. Его затуманенные усталостью глаза вспыхнули пламенем от внезапного шока и гнева.

«Ну и что, что парнишка мастурбировал», — подумала я, немного удивившись реакции Натана. Но потом увидела в комнате еще одного человека, юношу одного с Зигги возраста, находящегося на краю кровати. Он резко схватил помятую простыню, обернул ее вокруг тела и быстро попытался объяснить свое присутствие, а потом собрал свою одежду и вылетел из комнаты, пробежав мимо Натана.

Я почувствовала стыд Зигги, но одновременно и странное облегчение о того, что его обнаружили. И ощутила его смущение от осознания того, что теперь это видела и я.

«Я не знал, что он поднимался по лестнице, — его мысли звучали в моей голове. — Я не знал, что он так рассердится. Я должен был сказать ему. Я хочу домой».

Я резко отстранилась от Зигги, зажав пальцами рану на его шее, чтобы остановить кровотечение. Не увидев сочащейся между пальцами крови, я убрала руку. Метки от клыков аккуратно затянулись, но шрамы остались.

— Что случилось? — Кир сел и попытался обнять меня, чтобы успокоить.

Я оттолкнула его.

— Я не могу сделать это.

Его лицо исказилось от гнева, но он быстро скрыл свои эмоции:

— Почему?

Дрожа, я попыталась опустить подол платья.

— Я слышу его мысли. Я чувствую его эмоции.

— О! И это все? — Со смехом, звучащим скорее как знак снисходительности, нежели утешения, он притянул меня к себе. — Дорогая, так это самая лучшая часть.

— Мне не понравилось это.

Я немного напряглась, проверяя силу его хватки. Его руки обвили меня достаточно крепко, чтобы предотвратить мой побег. Он коснулся языком моего уха, и я почувствовала, как возвращается позабытое желание.

— Тише, тише, дорогая. Для первого раза ты отлично справилась. — Рука Кира легла на мое колено и стала продвигаться в поисках подола перекошенного платья. — Ночь только началась. Есть еще столько интересных вещей, которыми мы могли бы заняться.

Прикосновение его холодной руки, отделенной от моей плоти только тоненьким материалом трусиков, заставило мою грудь сжаться. Я раздвинула для него ноги и обвила рукой его шею.

Но, услышав еще один тихий стон Зигги, я вернулась в реальность:

— Подожди. Подожди.

— Теперь что не так? — В этот раз его раздражение было очевидным. Кир свесил ноги с кровати и встал, сняв свою рубашку одним резким движением. — Нужно зажечь ароматические свечи или включить Барри Уайта[5]? Может, повесить зеркало на потолке?

— Не сердись, — произнесла я расстроенным голосом, готовая вот-вот расплакаться. Я убеждала себя, что всего лишь нервы стали причиной такой реакции. — Это просто... немного ново для меня.

Глубоко вздохнув, он расстегнул и снял пояс, а затем бросил его на пол, после чего отпихнул от себя ногой.

— Я знаю это. А также знаю, что становлюсь нетерпеливым подростком. Но я хочу тебя, Кэрри. Я не привык ждать.

— Я устала, — призналась я, не беспокоясь о том, расстроят ли его мои слова или нет. — Позволь мне сегодня поспать. А завтра мы с тобой... ну, ты знаешь...

Кир улыбнулся:

— Полагаю, что смогу подождать еще один день.

Закусив губу, я взглянула на Зигги, все еще неподвижно лежащего на кровати.

— Но ты должен сделать кое-что для меня.

Я ожидала, что его оскорбят мои слова, возможно, даже приведут в ярость, но он казался приятно удивленным.

— Ты хочешь заключить со мной сделку? Прекрасно. Какую цену я должен заплатить, чтобы купить ночь греха с тобой, моя принцесса?

Как бы я хотела, чтобы он не называл меня так, но сейчас было не время спорить. Я указала на Зигги:

— Я хочу оставить его себе.

Кир выгнул брови:

— Оставить?

— В качестве домашнего животного. Он был моей первой жертвой. Хочу оставить его себе как сувенир на память.

Я задержала дыхание, ожидая ответа. Спустя достаточно долгое время Кир, наконец, произнес:

— Не вижу в этом ничего плохого. Ты тоже можешь иметь свой трофей.

— Спасибо. — Я опустила глаза и позволила Киру поцеловать меня в лоб, как бы скрепляя печатью наше соглашение. Направившись к двери, я услышала шуршание матраса, прогнувшегося под его весом.

Я повернулась и увидела, как Кир растянулся рядом с парнем, проводя своим когтем по его бицепсу.

— Мы заключили соглашение, — осторожно произнесла я.

— Не волнуйся, Кэрри, — рассмеялся Кир. — Я не убью его. Он в хороших руках.

Мне не хотелось спрашивать, что же собирались сделать эти руки. Я не могла уберечь Зигги от тех извращенных вещей, которые планировал мой создатель. Я верила, что Кир не убьет его. И на данный момент это было все, что меня волновало.

Я направилась к двери, но еще раз оглянулась. Глаза Зигги умоляюще сосредоточились на мне.

Но я могла лишь уйти и закрыть за собой дверь.

1. Пояс целомудрия — устройство, механически предотвращающее половой акт. Некоторые пояса верности препятствуют также мастурбации.

2. Херувимы — упоминаемые в Библии крылатые небесные существа. В библейском представлении о небесных существах, вместе с серафимами они являются самыми близкими к Божеству. В христианстве представляют второй, следующий после серафимов, ангельский чин.

3. «Мимоза» — алкогольный коктейль, представляющий из себя смесь шампанского и свежего апельсинового сока. Алкогольной основой коктейля является игристое вино.

4. Крепостное право — совокупность юридических норм феодального государства, закреплявших наиболее полную и суровую форму крестьянской зависимости. Включало запрет крестьянам уходить со своих земельных наделов (то есть прикрепление крестьян к земле или «крепость» крестьян земле; беглые подлежали принудительному возврату),

наследственное подчинение административной и судебной власти определённого феодала, лишение крестьян права отчуждать земельные наделы и приобретать недвижимость, иногда — возможность для феодала отчуждать крестьян без земли.

5. Барри Уайт — американский певец в стиле ритм-энд-блюз, пик популярности которого пришёлся на 1974 год, когда к вершине Billboard Hot 100 устремились его романтические хиты «Never, Never Gonna Give You Up»(Никогда-никогда не откажусь от тебя) и «You're the First, the Last, My Everything»(Ты первая, последняя, мое все). Последняя из этих песен возглавляла также британские чарты.

ГЛАВА 13

Откровения и взаимные упрёки

Вернувшись в свою комнату, я едва ли не сорвала с себя одежду. Мои пальцы тряслись, а грудь разрывалась от рыданий, которые я пыталась сдержать.

Что Зигги делает здесь? У него произошло грубое столкновение с Натаном, но это не объясняло, почему он пришел сюда. Когда он знал, кто живет здесь. Если только не...

Но он не мог прибежать ко мне.

Я надела халат и дернула за бархатный шнурок колокольчика, чтобы вызвать Кларенса. Тот появился через минуту, выглядя таким же суровым и подавленным как обычно.

— Разве ты никогда не спишь? — спросила я, когда он учтиво кивнул мне.

Лицо дворецкого было лишено даже намека на малейшее чувство юмора.

— Вам что-то нужно?

Я встала так величественно, как только смогла в этом халате.

— Да. Хозяин... — я споткнулась на этом слове, — ...у него в спальне гость. Я бы хотела, чтобы вы сообщили мне, когда он... закончит. И привели молодого джентльмена сюда.

— Простите, мэм, — Кларенс покачал головой. — Я не связываюсь с домашними животными.

— Он не животное, — отрезала я. — Он — друг. Если сам не хочешь делать это, прикажи охранникам доставить его ко мне.

Мне показалось, что я увидела искру восхищения в его глазах, но он не улыбнулся.

— Да, мэм. Вы желаете что-то еще?

— Бумагу и ручку. Чистые простыни. И медицинские инструменты, все, что у вас имеются. Марля, дезинфицирующие средства, чистые полотенца...

— Полагаю, — дворецкий перебил меня, — я смогу найти пригодную для вас аптечку первой помощи в доме охраны.

Я не знала, как должным образом отпустить его.

— Тогда сделай это. Прямо сейчас.

После ухода Кларенса я направилась в ванную и спускала воду до тех пор, пока она не стала настолько горячей, насколько только это было возможно. Взяв полотенце с вешалки, я засунула его под струю, затем поспешила в гостиную, протерла деревянные ручки и изогнутую спинку антикварной софы, несколько раз возвращаясь к раковине, когда ткань становилась холодной. Я повторила эту процедуру и с краями мраморного стола, затем накрыла его чистым полотенцем. Оно не был стерильным, но сделать это было необходимо.

Кларенс вернулся, и я чуть не сбила его с ног, забирая аптечку, которую он принес. Я попросила его оставить сложенные простыни на софе. Он удивил меня, аккуратно расправив их, искусно подоткнув уголки вокруг сиденья странной формы.

Я откинула задвижку холодильника для пива, в котором находились необходимые мне припасы. Сев, я осмотрела содержимое. Там были все виды шовных материалов, лейкопластырь, бинты, ампулы с наркотиками и даже хирургические инструменты в герметичных санитарных упаковках.

— Это то, что он дает охранникам?

— Он не хочет, чтобы они ходили в больницу. А то возникнет слишком много

вопросов, — ответил Кларенс.

Я резко вскинула голову:

— А что если они умрут?

— Тогда кому-то из охранников придется похоронить их.

Я выглянула в окно. Небо начало розоветь.

— А что с животными?

— Их здесь не хоронят. Охранников закапывают за их домом. Он находится за лабиринтом. Животные отправляются в подвал. Это моя работа.

— Подвал? В доме? — я представила груды тел, гниющих под нами. Это заставило мою кожу покрыться мурашками.

— В бочках. Я заполняю их цементом, и каждую неделю охранники едут к озеру и топят их, — ответил он.

— Как банда гангстеров. — Если озеро Мичиган когда-нибудь высохнет, я готова поспорить, что они найдут пять сотен таких бочек. И деревянные ящики, и, возможно, обувь, прекрасно сохранившуюся в кусках бетона. — Что ж, благодарю тебя, Кларенс. Это было поучительно.

— Я присмотрю за вашим молодым человеком, — вот и все, что он сказал, а затем ушел.

Взяв бумагу и ручку, которые он принес, я пошла в свою спальню. Я не знала, как собиралась доставить письмо Натану, или, хотя бы, что должна была написать. «Эй, не будь так суров к своему блудному сыну-гею», — звучало недостаточно убедительно. А «Приди в себя, ты, большой, глупый недоросль», — было более агрессивным, чем мне хотелось.

Застонав от разочарования, я подошла к окну. Скоро мне придется закрыть шторы от солнечного света, но в эти бледные предрассветные часы мой взгляд упал на кое-что, чего я не заметила раньше. Небольшой пролом в покрытой плющом каменной стене, которая окружала поместье. Ворота. Там не было охранников.

Мне хотелось сбежать по лестнице и немедленно проверить это, но сгореть в пламени казалось мне не лучшим способом начать день. Я задернула шторы и вернулась к своему письму.

«Натан,

Зигги со мной. Жди меня у ворот в боковой стене после захода солнца. Не опаздывай. Я не смогу встретиться с тобой, после того как проснется Кир.

Кэрри.»

Наступил рассвет, но я не могла спать. Пока не узнаю, что Зигги выжил. В конечном счете, истощение взяло верх, я задремала на одном из кресел в гостиной. Было около девяти, когда я проснулась от звука тяжелых шагов, доносящихся из-за двери. Зигги бессильно повис на хрупких плечах Кларенса, пока пожилой мужчина почти что заносил его в комнату.

— Помогите мне, — проскрипел дворецкий, и я поспешила к нему. Зигги застонал, опираясь на меня, и я почувствовала его наготу под простыней, в которую он был завернут. Уложив его на кушетку, я увидела свежие укусы, которые покрывали почти каждый дюйм его кожи.

И узнала тот, который нанесла сама. Мой желудок сжался.

— Мэм, — сказал Кларенс, холодно кланяясь и передавая мне комок ткани. Это оказались позаимствованные штаны Зигги. Со сложенной запиской наверху.

Я перевела взгляд от синевато-бордового отпечатка руки, который шел вокруг шеи Зигги к блестящей белой бумаге и выхватила одежду вместе с запиской из рук Кларенса. Трясаясь

от злости, развернула письмо.

«Я лишь сказал, что не убью его. Наслаждайся остатками».

Я смяла записку в кулаке.

— Кларенс, если бы мне нужно было послать что-то кому-то, ты бы сделал это?

— Зависит от того, что именно, — он оглядел серое тело Зигги, как будто подсчитывая в уме его вес.

— Нет, не его. Он будет в порядке, — я не могла попросить дворецкого рискнуть своей жизнью, освобождая Зигги, так же как не могла просто вернуть ребенка на улицу. Я отдам его только одному единственному человеку. — Мне нужно, чтобы ты доставил письмо.

Кларенс не проявил большого желания помочь мне.

— Вы можете попросить Хозяина. У него есть посыльные.

— Нет. Кир не должен узнать об этом, — почти не думая, я пригладила влажную прядь волос Зигги. Его взгляд скользнул по моему лицу, а губы слегка шевельнулись, но я не могла сказать, перестал ли действовать наркотик. Дали ли ему еще одну дозу?

Я хотела бы суметь улыбнуться, как-то обнадежить его, но не могла. И повернулась обратно к Кларенсу.

— Пожалуйста. Я хочу известить отца этого мальчика. Я хочу вытащить его отсюда.

Тело Зигги содрогнулась. «Великолепно, — подумала я, — у него аллергия на то, что дал ему Кир, и у него начинается припадок». К моему облегчению, последующие судороги были намного слабее: признак того, что его мышцы медленно возвращаются к действию после паралича.

— Давайте ваше письмо, — сказал Кларенс с некоторой неохотой. — И скажите адрес.

— 1320, Уэлси-авеню, — сказала я, сдерживая слезы облегчения. — Записка здесь на столе. Хочешь, чтобы я написала номер?

— Нет, мэм. 1320, Уэлси-авеню. Желаете что-то еще?

Клятва верности, подобную которой рыцари приносили Артуру [1] во всех этих фильмах о Камелоте [2], пришлась бы кстати, но я сомневалась, что получу такую от Кларенса. Единственная гарантия, которая у меня была, это тот факт, что он ненавидел Кира и не стал бы из кожи вон лезть, чтобы осчастливить хозяина.

Кларенс кивнул, как будто прочитал мои мысли и согласился с ними, затем ушел без единого слова. После его ухода я опустилась на колени рядом с Зигги.

Глаза парнишки изучали мое лицо, а его губы слабо двигались. Я положила руку ему на грудь, надеясь, что прикосновение успокоит его.

— Зигги, я думаю, что наркотики, которые он дал тебе, уже не действуют. Он дал тебе еще одну дозу? Моргни один раз, если да.

С очевидным усилием, его глаза на мгновение закрылись, затем снова открылись.

— У тебя есть следы укусов, думаю, их нужно почистить. Могу я осмотреть тебя?

Двойное моргание и злой взгляд.

Я вздохнула:

— Прости, что укусила тебя. Я действительно сожалею. Но я не могла позволить Киру узнать, кто ты. Он бы убил тебя. Ты знаешь, что я бы не сделала это при других обстоятельствах.

Двойное моргание.

— Зигги, прошу тебя. Я не хочу, чтобы в раны попала инфекция, которую я могу легко предотвратить.

После долгого колебания он моргнул один раз.

Я пошла в ванную и тщательно вымыла руки. Затем с бережностью, к которой я прибегала при работе со случаями сексуального насилия в отделении скорой помощи, начала осмотр.

— Я собираюсь снять эту простынь с тебя, но заменю ее, так что ты не будешь полностью неприкрытым. Прямо сейчас я просто оцениваю серьезность повреждений.

И некоторые были очень серьезны. Длинные, но довольно мелкие порезы покрывали грудь Зигги. Отвратительные пурпурные синяки темнели на его коже, а следы от когтей показывали, где Кир схватил парня за плечи. Наклонившись ниже, я увидела на внутренней поверхности его бедер следы укусов, нанесенных не клыками, а тупыми человеческими зубами. Я отвернулась.

Когда я посмотрела обратно, то увидела, как из глаз Зигги скатилась слеза. Он не смотрел на меня.

Несколько часов назад он наслаждался тем, что выглядело как какой-то потрясающий секс. Затем он убежал из единственного дома, который знал, только чтобы прийти сюда, где его изнасиловал и унизил Кир. И я.

Я промыла укусы и царапины и наложила на самые серьезные из них квадратики марли.

— Ты ранен... где-то еще?

Он моргнул два раза и едва слышно прохрипел:

— Нет.

Я отправилась вымыть руки и взять одеяло со своей кровати. Вернувшись, укутала Зигги, затем обессилено опустилась в кресло. Он снова заговорил, в этот раз его голос звучал с бтльшей силой:

— Спасибо.

Я услышала чувства в его словах и постаралась, чтобы мой ответ звучал обыденно:

— Все в порядке. Если тебе нужно что-то еще, просто дай мне знать.

— Хорошо бы аспирин. У меня все болит, — он сглотнул и вздрогнул.

Я поискала в аптечке и нашла пузырек ацетоминофена [3]:

— Это подойдет. Не хотелось бы разжижать твою кровь, со всеми этими... ранами.

Я не смогла сказать «укусами». Я растолкла таблетки, чтобы они легче проскользнули в горло, наполнила водой бумажный стакан и, скользнув рукой парнишке под голову, помогла ему проглотить таблетки.

— Почему ты пришел сюда?

Зигги немного поперхнулся водой, и от этого его голос стал грубее. Теперь он звучал как у мужчины, а не как у мальчика, напавшего на меня в книжном магазине:

— Ты видела, что случилось. Он вышвырнул меня.

— Это не объясняет, почему ты пришел сюда. Ты знал, кто живет здесь.

— Я знал, что ты живешь здесь, — его рука дернулась в попытке вытереть слезы, но он все еще не мог контролировать свои конечности. — Я думал, ты позволишь мне остаться. Я не знал, что ты собираешься питаться мной и позволить ему сделать то, что он сделал со мной, — последние слова Зигги произнес пристыженным шепотом и закрыл глаза. — Я люблю парадоксы, но не когда они случаются со мной.

Он чувствовал, что был наказан. Мне хотелось зарыдать из-за него, захваченного в тюрьму ненависти к самому себе, но сейчас не это ему было нужно. Он бы отшатнулся от моей жалости и отвернулся от меня. И у него не осталось бы друзей.

— Ты не заслужил этого.

— Ну да. Это твое мнение, — горько рассмеялся он, и слезы снова бесшумно покатались из его глаз, увлажняя волосы на висках.

— Это не мнение. Это факт, — строго сказала я. — Ты не заслужил того, что он сделал с тобой.

Мальчишка отвернулся. Я почти физически ощущала стыд, исходящий от него.

Тихо откашлявшись, я решила сменить тему:

— Зигги, когда ты пришел сюда, ты говорил кому-нибудь, что знаешь меня?

— Да. Охранникам у двери. Я сказал им, что ищу врача, что познакомился с тобой в больнице, — он всхлипнул. — Не беспокойся, я не упомянул «Движение». Я подумал, что тогда они, скорее всего, убьют меня.

От злости я вскочила на ноги:

— Вернусь через минуту.

Распахнув тайную дверь достаточной силой, чтобы разнести ее в щепки, я ворвалась в комнату Кира. Два охранника стояли у дверей в его спальню, но они отошли и даже открыли дверь, чтобы впустить меня.

Обнаженный Кир растянулся поперек кровати, простыни и одеяла смятой грудой валялись на полу. Ткань под ним была забрызгана кровью, а он похрапывал в глубоком удовлетворенном сне.

Я могла бы убить его прямо сейчас, и он даже не узнал бы об этом. Такая мысль пришла мне в голову, прежде чем я смогла защитить свой разум от него, и я напряглась, ожидая реакции. Его дыхание прервалось, но он не проснулся.

Собираясь разбудить его, я подошла к кровати, но его рука вдруг взлетела и обхватила мое запястье. Он притянул меня вниз и прижал своим телом к кровати.

— Так ты достаточно сумасшедшая, чтобы убить меня? — прошептал Кир мне в шею. — Тебе нужно было принести оружие, потому что, могу гарантировать, ты не сможешь сделать этого голыми руками.

Я не стала бороться.

— Как ты мог сделать с ним такое?

— Как ты могла солгать мне? — он до боли сжал мои волосы, оттягивая мою голову назад. — «Кто он?» — спросила ты, как будто не имела ни малейшего представления о том, что он пришел, спрашивая о тебе. Как будто я достаточно глуп, чтобы не заметить, что ты оборвала узы крови, становясь такой закрытой для меня, что было очевидно: ты скрываешь что-то. Кто для тебя этот мужчина, Кэрри?

Мне хотелось плюнуть ему в лицо:

— Он не мужчина. Он почти ребенок. И он мой друг. Он искал место, где бы остаться.

— И я должен просто открывать свой дом для каждого изгоя, который желает появиться здесь? — Кир скатился с меня, и я открыто проигнорировала его наготу.

— Ты так и делаешь для своих животных. — Он возбудился, лежа на мне, и я сжала зубы, борясь с моим восприятием этих его чувств из-за нашей невидимой связи. — Почему для него должно быть по-другому?

— Это не так, — мой создатель взял хрустальный колокольчик, который лежал на прикроватной тумбочке, и резко позвонил. Дверь открылась, и два часовых вошли в комнату. Кир указал на постельные принадлежности на полу, и стражники молча начали распутывать их.

Кир откинулся на подушки, донельзя бесстыдный в своей наготе.

— Я просто делал то, чтобы сделал бы с любимым из моих животных. Я взял то, что хотел от него, а в ответ он получил то, что хотел от меня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Охранники накрыли нас одеялами, и Кир притянул меня в свои объятия.

Хотя я все еще злилась, было так приятно ощущать его прикосновение, что я не стала сопротивляться и положила голову ему на грудь:

— Пообещай, что не будешь снова делать этого с ним.

Я чувствовала его дыхание на своих волосах:

— Хорошо. Я не буду трогать его против его воли. Но я не буду обещать, что не попытаюсь сломить эту волю. С ним было очень весело.

— Не хочу слышать об этом, — отрезала я.

Кир засмеялся и погладил обнаженную кожу в вырезе моего халата.

— В любом случае ты была бы разочарована. Я не рассказываю о своих любовных связях.

Я начала подниматься:

— Пойду проверю его. Он сильно избит. Хотя ты уже знаешь об этом.

— Останься, — это была не просьба. — Эй, ты, — позвал он одного из охранников. — Черт, я забыл твое имя.

— Томас, сэр, — быстро ответил охранник.

Кир кивнул:

— Томас. Пойди и проверь молодого человека в комнате Кэрри. Он сегодня на твоём попечении.

Когда охранник отправился выполнять приказ своего хозяина, я крикнула ему вслед:

— Если он пожалуется на качество твоей заботы, я сама убью тебя. Понял?

Томас даже не вздрогнул, услышав эту угрозу, но через кровные узы я почувствовала гордость Кира:

— Очень хорошо, Кэрри. Если бы я не знал тебя лучше, то сказал бы, что ты наслаждаешься своей ролью хозяйки дома.

Его рука скользнула вокруг моей талии, и он сжал через халат мою ягодицу. Я оттолкнула его руку:

— Даже не думай, что ты можешь что-то получить. Никогда.

Он переместил свою руку и прижал меня ближе:

— Ты действительно думаешь, что я мог бы сделать это после того, сколько энергии я потратил на твоего друга?

— Я сказала, что не хочу слышать об этом.

— Спи, принцесса, — он мягко рассмеялся. — Я просто хочу чувствовать тебя рядом с собой. Там, где твое место.

Его слова звучали как смертный приговор.

Хотя был почти полдень, я не могла спать. Я слушала, как замедляется дыхание моего создателя, и как возвращается его мягкое посапывание. Приподнявшись на локте, я стала изучать Кира.

Он не мог быть очень взрослым, когда его обратили. Максимум двадцать пять. Во сне его лицо было спокойным и лишенным морщин, не отмеченным изменчивыми эмоциями, которые руководили им во время бодрствования. Его кожа, хоть и бледная, туго обтягивала

тело, закаленное годами физического труда. Из того немногого, что я знала о времени, когда он родился, я догадалась, что он тяжело трудился, будучи человеком.

Этот мужчина — твой создатель. Кровь этого мужчины течет через твое сердце. Я прижалась поцелуем к его губам. Неважно, как сильно я старалась ненавидеть его — что-то мешало этим попыткам. Узы крови? Или мое собственное, сумасшедшее влечение к нему, которое возрастало, несмотря на его жестокость и безнравственность?

Когда я была рядом с ним, я хотела его. Когда он был вне поля моего зрения, я ненавидела его. Если бы только я могла отделить свои истинные эмоции от тех, которыми руководили кровные узы, то бы знала, что именно чувствую. Может быть, тогда я могла бы ощутить не только обжигающее присутствие его крови в своих венах, но и свою собственную.

Одной рукой он прижимал меня к себе, как будто боялся, что я убегу. Другая лежала у него на груди. Я потянулась к этой руке, удивительно изящной, несмотря на смертельно длинные ногти, которые венчали кончик каждого пальца. Я вспомнила то, что Натан сказал об изменениях в вампирах со временем. Если я проживу достаточно долго, чем я стану?

Подняв его руку, я подумала, что же я увижу, если соединю наши руки так, как он делал раньше. Если его защита слабела во сне, смогу ли я выбрать направление видений?

Переплетя свои пальцы с его, я закрыла глаза.

Прежде чем стремительный поток захлестнул меня, его тело заметалось рядом с моим, как будто он был во власти кошмара. Затем мое зрение затуманилось красным, и в моей груди взорвалась невообразимая боль. Я открыла рот, или, скорее, Кир открыл рот и закричал в агонии, разрывающей его израненное горло.

— Отец!

— Не двигайся, мальчик. Твой брат не вел себя так!

Когда Кир открыл глаза, лицо обладателя безжалостного голоса, усмехаясь, смотрело на меня. Хотя его кожа подверглась действию времени и покрылась морщинами от тяжелой жизни, у него было поразительное сходство с моим создателем. Кровь запятнала переднюю часть его рубашки и концы длинных белых волос. Его руки были в груди Кира, обшаривая, дергая, разрывая.

За одну головокружительную секунду видение изменилось. Лицо передо мной превратилось в лицо молодой женщины, ее тело было обмякшим, глаза раскрытыми, но невидящими. В груди Кира вновь появилась обжигающая боль. Он не мог дышать, не мог двигаться.

Не мог молиться.

Смех отца отдавался эхом в его ушах. Крик Кира был грубым, его голос охрип от криков о милосердии. Оглушительный рев вытолкнул меня из видения, я села, задыхаясь, и в это же время Кир восстал ото сна.

Его черты исказились от гнева:

— Насмотрелась?

Я поняла, что Кир ушел, а его место занял безжалостный Джон Доу. Я съежилась и почувствовала стыд от этого движения.

— Мне нужно было знать... — у меня не было представления о том, как закончить предложение. «Мне нужно было знать, что на самом деле я чувствую к тебе, и я подумала, что могу получить ключ, немного покопавшись в твоей голове». Это не сделало бы меня уязвимой для его манипуляций или чего-то подобного. Мой взгляд заметался по комнате, в

конце концов остановавшись на шраме, который разделял его грудь. — Я хотела увидеть, как ты получил шрам.

Неверный ответ. Он схватил меня за плечи и выбросил из кровати. Я ударилась о пол и, чувствуя боль, стала отползать. Мягкий ковер царапал как бритва, которой будто резали мою кожу.

— Убирайся! — Кир соскочил с кровати и схватил халат, раздраженно засовывая руки в рукава.

Я встала, потирая мои ставшие чувствительными от удара колени:

— Не сходи с ума. Это не то, что...

— Ты слышала меня? Я велел тебе убираться.

Создатель заметался по комнате, как зверь в клетке. Я подумала, что он ударит меня, но каждый раз, когда Кир поднимал руки, они, будто разочарованно, сжимались в кулаки, и он опускал их обратно. В конечном итоге он сдался и бросился к двери, позвав двух охранников, которые заблокировали дверь, после того, как он прошел.

— Я буду в кабинете. Следите, чтобы меня не беспокоили.

Изнемогая от физической боли и его отношения, я оттолкнула одного из охранников.

— Не беспокойтесь, идти за ним не собираюсь, — отрезала я, когда они запротестовали. И сказала правду. Солнце сядет через несколько часов, и я должна буду встретиться с Натаном. Мне нужно быть сильной.

Потому что я не знала, что Натан сделает со мной, когда меня увидит.

1) Король Артур (англ. и валл. Arthur, ирл. Artur) — легендарный вождь бриттов V–VI века, разгромивший завоевателей-саксов; центральный герой британского эпоса и многочисленных рыцарских романов. До сих пор историки не нашли доказательств исторического существования Артура, хотя многие допускают существование его исторического прототипа.

2) Камелот (англ. Camelot) — легендарный рыцарский замок короля Артура, в котором находился его Круглый стол и собирались рыцари и где он провёл большую часть своей жизни. Его точное местоположение сейчас неизвестно. Согласно исследованиям историка Кристофера Гидлоу (Christopher Gidlow), располагался в амфитеатре города Честер в графстве Чешир на западе Англии

Согласно легенде, Камелот правил Британией, Ирландией и Бретанью (Франция) до саксонского завоевания. В Камелоте Артур создал блестящий двор, который привлёк к себе самых известных рыцарей Европы, которые и стали рыцарями Круглого стола. Камелот был начальным пунктом поисков Священного Грааля.

3) Ацетаминофен — ненаркотический анальгетик.

ГЛАВА 14

Тягостная встреча друзей

Охранник, которому приказали присматривать за Зигги, заснул на своем посту. Я спокойно отослала его назад и взяла с постели одеяло, чтобы укрыть парнишку.

Усталость проникла в меня во всю, от мозга до костей, и я застонала, когда увидела время на часах, стоявших на каминной полке. У меня осталось всего несколько часов, чтобы поспать, прежде чем я должна была встретиться с Натаном. Но сон не шел. Я ворочалась в постели, будучи не в состоянии совладать с собственными нервами. Кир все еще не спал. Я могла чувствовать его гнев и раздражение, но не принимала это близко к сердцу. По какой бы причине он не был рассержен, это имело мало отношения ко мне, а больше к тому, что происходило в видении.

Я проснулась разбитой из-за того, что почти не поспала. Но мне все же удалось встать и тихо одеться, чтобы не потревожить Зигги. Проходя по гостиной, я остановилась, чтобы проверить его состояние. Он больше не выглядел подростком. Жестокость Кира стерла с его лица последние следы детства. Если эта мысль вызвала боль в моем сердце, я могла только догадываться, что будет чувствовать Натан. Я приняла верное решение, не рассказав ему о том, как позабавился Кир.

По большей части в особняке все спали. В моей голове ясно возникла мысль, что это место вряд ли можно назвать пристанищем тех, «кто рано ложится и рано встает». Несколько охранников бродили по дому, подготавливая комнаты для временных жильцов, которые скоро обоснуются в них.

Бросив испуганный взгляд на дверь кабинета, я вышла украдкой через черный вход. Свежевыпавший слой снега покрывал газон. Я старалась не думать о том, что покрытый кристалликами льда лабиринт живой изгороди напоминал мне фильм «Сияние»[1]. Я и так была достаточно напугана, даже если мне не угрожал Джек Николсон[2], который мог выпрыгнуть из него.

Мысленно я попыталась дотянуться до Кира, надеясь, что сумею послать ему невинное сообщение «просто вышла прогуляться», но натолкнулась на непробиваемую стену, выстроенную им. Кир игнорировал меня.

На какое-то мгновение такое пренебрежение меня задело. Но потом возобладал здравый смысл, и я вспомнила, что сама не хотела, чтобы Кир обращал внимание на то, что я делала. Мне и так было о чем беспокоиться, даже не размышляя о том, что мой создатель порвет меня в клочья из-за моего предательства, когда я вернусь. Не говоря уже о том, что Натан мог и не получить моего послания. А даже если и получил, то решил не приходить сюда. К тому же, если меня поймут, то мне крышка. Я даже не могла солгать полицейскому, почему припарковала автомобиль в неполюженном месте. Что если Кларенс продал меня? Он ведь не любил вампиров. Почему я должна была ожидать, что он поможет мне?

Я старалась идти как можно ближе к стене забора и пока шла, ожидала, что каждый мой шаг станет последним, прежде чем меня обнаружат. Мое появившееся беспокойство переросло в полноценный страх к тому моменту, как я достигла ворот. Прикрытие исчезло, когда внезапно закончилась кирпичная стена, и я ахнула, испугавшись.

С другой стороны железной решетки на звук неожиданно возник Натан. Я как-то не задумывалась о том, какой будет моя реакция, когда увижу его. Думаю, я ожидала, что мне

придется либо умолять его сохранить мне жизнь, либо бороться с ним, поэтому я не была готова, когда увидела озабоченность на его лице и то, что он резко схватился за решетку, как если бы был заключенным, сидящим в тюремной камере.

— Где он? С ним все в порядке? — спросил он, глядя мимо меня на газон.

— С ним все хорошо, — заверила я его. — Он просто устал. У него была тяжелая ночь.

Челюсти Натана были сжаты, и он говорил, почти не двигая ими:

— Клянусь тебе, Кэрри, если с ним что-то случится...

— Эй! — прервала его я. — Ты что, действительно думаешь, что это я причинила ему вред?

— Да, я так думаю.

Мне задела его слова, очень сильно.

— Ты ничего не знаешь обо мне.

Я отвернулась и пошла прочь, но вспомнила о Зигги и о причине, по которой хотела встретиться с Натаном. Прежде чем я успела повернуться, он окликнул меня, и боль, звучащая в его голосе, задела меня за живое.

— Пожалуйста, я сделаю все, что захочешь, только вытащи его оттуда. — Натан просунул руки сквозь решетку и тянулся ко мне так, как будто хотел вернуть меня назад. — Если что-то случится с ним, Кэрри... я даже не знаю, что я сделаю.

Устало вздохнув, я направилась обратно к воротам.

— Ничего с ним не случится. Я позаботилась об этом.

Не ожидая моего разрешения, мой взгляд устремился к темным окнам спальни Кира. Я вспомнила свое обещание лечь с ним в постель на рассвете, и неожиданная дрожь желания пробежала по спине. Я повернулась к Натану, надеясь, что он не заметил моих терзаний.

— Проблема в том, что это место похоже на Форт Нокс[3]. Я не знаю, как нам удастся вытащить его оттуда. — Натан пристально смотрел на особняк, потирая свои руки так, как если бы пытался согреть их. — Ты ведь мертв. Разве они не должны быть холодными?

Он так и не оторвал взгляд от здания с его неясными очертаниями.

— Я думаю.

— Скажи мне вот что. — Пока я наблюдала за тем, как он изучал дом, то поняла, что хочу прикоснуться к нему. Не из-за сексуального влечения, хотя и знала, что один из нас до сих пор чувствует его. То была ностальгия по дому. Увидев Натана, я ощутила, что меня как будто насильно отправили в долгое путешествие по незнакомой стране. — Почему ты выгнал его? — тихо спросила я, и взгляд Натана резко метнулся ко мне.

— Я не выгонял его. Он ушел.

— Он сказал, что ты выгнал его.

— Я вспылел. Немного покричал. Ну, может, много покричал. Но не выгонял его. — Голос Натана был хриплым из-за испытываемых им эмоций. — И я чертовски уверен, что никогда не отпустил бы его, если бы знал, что он отправится сюда.

— Мне очень жаль, что ты все узнал при таких обстоятельствах. Я уверена, что это не легко. — Но что бы я ни сказала, это никак не могло успокоить Натана. — Он боится, что ты ненавидишь его.

— Правда?

Я положила руки на бедра.

— На случай, если ты не заметил, он был очень смущен, когда ты застукал его. И все, что он получил от тебя, так это осуждение и гнев.

На мгновение мне показалось, что мои слова пробили брешь в его дубовом черепе. Но затем он покачал головой, выругался и сделал шаг назад.

— Зачем я вообще разговариваю с тобой? Мне стоило метнуть кол в твою грудь через решетку после того, как ты сбежала таким образом.

Я почти уже забыла свое письмо.

— Зигги передал тебе мое послание?

— Да, — его голос был холодным и безразличным.

— И?

Я обхватила пальцами холодный металл решетки, надеясь, что он коснется моей руки. Это было глупо.

— Что, черт возьми, ты хочешь, чтобы я сказал, Кэрри? Ты сама сделала выбор.

— Тогда зачем ты разговариваешь со мной?

Он сильно сжал руками решетку и резко оттолкнулся от нее. Затем снова ударил по ней и выругался. Я испуганно взглянула в сторону дома, ожидая в любой момент увидеть охранников, спешащих сюда через газон. Но Натан продолжал выплескивать свою ярость. Наконец, в последний раз нанеся удар ногой по кирпичной стене, он устало отодвинулся от нее. Я восприняла его реакцию как ответ на мои слова.

— Ты закончил? — Натан, прихрамывая, подошел к воротам и кивнул. — Прекрасно. Так почему ты разговариваешь со мной? — Я произнесла свой вопрос более тихим голосом, чем раньше.

— Потому что ты — единственный способ вытащить Зигги оттуда. — Когда я не ответила, он залез в свой задний карман: — Послушай, давай заключим сделку.

— Мне не нужны деньги, — быстро произнесла я.

Натан мрачно улыбнулся.

— Да, я вижу, твой приятель отлично устроился тут.

— Он не мой приятель. — Я взяла сложенный листок бумаги, который Натан протянул через решетку. — Что это?

— Информация, которой я плачу тебе за Зигги. Делай с ней все, что хочешь.

Я изучила то, что было у меня в руках.

— Натан, это стратегические планы.

— Делай с ними все, что хочешь, — повторил он. — Но если бы я был на твоём месте, то не находился бы здесь тринадцатого.

— Тринадцатого января? — я поморщилась, глядя на страницу.

Натан фыркнул:

— А разве он ничего тебе не рассказал?

— Нет. На самом деле, на это не было времени.

— Бьюсь об заклад, не было, — грустно засмеялся Натан.

— Не поэтому. — Я не могла встретиться с ним глазами. — Мы еще не... Пока не...

— Да мне все равно, — он пожал плечами. — Посмотри на эти планы. Там ты можешь узнать о своем создателе то, что тебе нужно. И подумай, как вытащить Зигги оттуда. И как я смогу связаться с тобой, если потребуется.

— Не знаю. Может, через Кларенса. Он выходит отсюда каждый день. За продуктами. — Я надеялась, что дворецкий сможет передать послания, если его попросят. Он, конечно же, помог мне в этот раз, коль Натан появился, но мы точно не стали друзьями.

— Это мужчина, который принес твое сообщение? Тот, который живет здесь и работает

на Кира? — Натан недоверчиво посмотрел на меня. — Как насчет того что, если я захочу поговорить с тобой, то просто приду сюда после заката. Пусть у тебя войдет в привычку выходить сюда каждый день и проверять.

— Если я смогу выйти.

Это было своего рода согласие.

Натан развернулся, как если бы собирался уйти. Я почти выдохнула его имя. Мой голос, сорвавшись с губ, звучал отчаянно, почти жалостно. Я хотела рассказать ему, почему стояла сейчас по эту сторону забора. Я хотела, чтобы он узнал, что единственная причина, по которой он жив, — из-за выбора, который был мною сделан.

Вместо этого я просто смотрела на него, поражаясь своей внезапной реакции. Мой рот был открыт, но не издавал ни единого звука. Натан оглянулся и посмотрел на меня. Выражение его лица было трудно распознать — будто какая-то едва заметная война разгоралась в глубине его глаз.

— Береги его, Кэрри. — Затем Натан отвернулся и быстро пошел прочь.

Я направилась обратно к дому, заочневшая из-за низкой температуры на улице и напряженности нашей холодной встречи. Даже рассказав о том, что сделала, я не добилась бы ничего. Натан бросился бы в бой, как если бы я была какой-то принцессой, запертой в башне злым волшебником. Я оказалась бы в неловком положении, объясняя, что эта девица еще не решила, стоит ли ее вообще спасать.

Что касается злого волшебника, то он пронесся мимо принцессы, не говоря ни слова, когда они встретились в коридоре за пределами своих спален.

— Доброе утро, солнце, — произнесла я, приветствуя Зигги, едва закрыв за собой дверь.

Зигги уже не спал, когда я вошла в свою гостиную. Одетый в брюки, которые я видела на нем прошлой ночью, он склонился над тарелкой каши и с жадностью поглощал ее, а Кларенс наблюдал за ним.

— Привет. Ты видела Нэйта? — Голос Зигги казался веселым, хотя я могла чувствовать в нем нотки отчаяния и надежды.

Я бросила настороженный взгляд на Кларенса. Было непредусмотрительно со стороны Зигги свободно разговаривать в присутствии человека, которого мы едва знали.

— Д-Да.

Нахмурившись, Зигги указал пальцем на дворецкого:

— Не беспокойся о нем. Он знает, как хранить секреты, не так ли, Кларенс?

— Я буду нем как рыба, — подтвердил тот, хотя я все еще чувствовала себя немного тревожно по той причине, что он все знал.

— Слышала, что он сказал? — Зигги приподнял над мраморной столешницей тарелку, и Кларенс воспользовался случаем и вытер конденсат, образовавшийся в месте, где она стояла.

Я тщательно подбирала слова:

— Он хочет, чтобы ты вернулся домой.

Зигги положил ложку молочной каши себе в рот и взглянул на поднос с графином, который Кларенс поставил на стол.

— Он все еще злится на меня?

— Натан и не злился на тебя, — я устроилась на диван рядом с ним. — Он любит тебя.

Так же незаметно, как призрак, Кларенс наполнил стакан кровью и всунул его в мою руку. Я поблагодарила его, но все мое внимание было приковано к Зигги:

— Ты хочешь домой?

— Хм... Остаться здесь с сумасшедшим, питающим склонность к садизму вампиром или отправиться домой... — он замолчал на некоторое мгновение, — к холодному, эмоционально непробиваемому вампиру, который взбесится, если я когда-нибудь приведу домой другого парня.

— Я не думаю, что он так поступит. Он был просто удивлен. И у меня есть странное ощущение, что его не радует то, что ты просто уже вырос. Он поступил бы точно также, если бы застал тебя с девушкой. — По крайней мере, я надеялась на это. Другое поколение сейчас или нет, но времена меняются, и Натан должен приспособливаться. Ему не следует проявлять чрезмерную опеку.

Зигги произнес с ложным энтузиазмом:

— Прекрасно. И когда я уезжаю?

Кларенс тихо кашлянул:

— Это не так-то просто.

Зигги и я молча уставились на дворецкого. Откуда он мог знать детали нашего с Натаном разговора? Неужели здесь есть шпионы?

Как будто почувствовав мое недоверие, Кларенс покачал головой:

— Но, может, вам не нужна помощь старика.

Он двинулся, чтобы собрать тарелки со стола, но Зигги остановил его, положив руку ему на плечо.

— Что ты знаешь?

Кларенс бросил на меня холодный взгляд.

— Что? Ты хочешь, чтобы я ушла? — Я возмущенно сложила руки на груди. — Знаешь ли, это моя комната.

— Я не хочу, чтобы ты уходила, — объяснил Кларенс несколько снисходительным тоном. — Я хочу, чтобы ты перестала вести себя так, как будто я тут же кинусь докладывать о тебе.

— Извини, но как я могу доверять тому, кто все это время работает на Кира? Ты у него на побегушках, — заметила я.

Казалось, некоторое мгновение Кларенс прокручивал мои слова в своей голове.

— Я немного доверяю тебе, хотя ты и вампир.

Учитывая его отношение ко всем вампирам, это было смелым заявлением. Вытащив из кармана планы, которые дал мне Натан, я жестом попросила Кларенса подойти ближе.

— По-видимому, тринадцатого января здесь замышляется какая-то бойня.

Внезапно я осознала, что была настолько увлечена новой вампирской жизнью, что не заметила, как пришло и ушло Рождество. Я предположила, что это спасло меня от столь печального праздника: не могла представить себя, водящей хоровод вокруг ёлочки и слушающей песни Бинга Кросби[4] вместе с Киром и его бандой.

Проглотив комок одиночества, застрявший в горле, я заставила свое лицо принять мужественное выражение.

— Я не знаю ни о каких планируемых атаках, но тринадцатое января — это Новый год для вампиров.

— Новый год для вампиров? — Вопрос Зигги совпал с моим собственным.

Кларенс кивнул. Его лицо стало более серьезным, и я подумала, что вряд ли он притворяется.

— Каждый проклятый год. И они устраивают грандиозную отвратительную вечеринку.

— И что происходит на ней?

— Много людей умирает. — Кларенс взял пустую тарелку из-под каши и поставил ее на тележку на колесиках. — Все домашние животные, за исключением двух, войдут в список меню. А двое оставшихся будут почетными гостями Кира.

— Это звучит не слишком плохо, — вставил Зигги хриплым голосом.

— Ты говоришь так, как будто был его почетным гостем раньше, — произнесла я. Его лицо потемнело. — Кларенс, как Кир выбирает этих гостей?

— Я не знаю. Он просто дает мне список. Меня не приглашают на празднование. Но я знаю, что только один из них возвращается. Он обращает их в вампиров. Иногда он делает это, когда у него просто хорошее настроение. Но я не уверен, что происходит с другим гостем. И если бы я был на твоём месте, то вытащил бы паренька отсюда до этого дня.

У меня было много вопросов, но Кларенс, очевидно, превысил свою норму разговоров на один день. Что ж, я получу ответы от Кира.

* * *

Кир или забыл запереть дверь, или ожидал, что его кто-то побеспокоит, но когда я вошла к нему в кабинет, выражение его лица было убийственным.

— Тебя сюда не приглашали, — прорычал он, бросив на меня резкий взгляд, оторвавшись от книги, которая лежала у него на коленях.

Я осмотрела нехарактерный для него внешний вид, заметив на глазу черную повязку.

— Где ж она была, когда ты вчера так отчаянно в ней нуждался?

Раздраженно вздохнув, Кир закрыл книгу:

— К твоему сведению, я надел ее, поскольку не забрал глаз у твоего дружка, и у меня сейчас нет никаких сил искать ему замену.

— Слишком устал даже для меня? — Сквозь меня попеременно пробежали волны то разочарования, то облегчения.

— Нет, но я быстро устаю от тебя. Есть ли причина для твоего визита? — Кир сложил руки на коленях.

— Да. У меня вопрос.

— Ты уверена, что хочешь именно спросить? Может, лучше предпочтешь поковыряться в моей голове, когда я завтра буду спать?

— Ты все еще расстроен из-за этого? — Я медленно подошла к нему и, убрав книгу с коленей, устроилась там, где она лежала. — Если бы я знала, что это приведет тебя в такую ярость, то никогда не поступила бы так.

— И почему я должен напрягаться, чтобы поверить тебе? — Но Кир все равно улыбнулся и притянул меня ближе к себе. Его кожа казалась холоднее, чем обычно.

Я выпрямилась.

— Ты не ел.

Только тогда я заметила темные круги у него под глазами и усталость, появившуюся на его лице. Он был слабым, и меня это обеспокоило.

Пожав плечами более театрально, чем беззаботно, он притянул меня, чтобы я оперлась спиной о его грудь.

— Я был не в настроении.

— Из-за меня? — Вопрос прозвучал прежде, чем мое сознание успело дать на него согласие.

Кира, похоже, это застало врасплох. Может, если бы он чувствовал себя лучше, то солгал бы мне, но он устало кивнул.

— В моем прошлом есть вещи... от которых у меня пропадает аппетит, когда я думаю о них.

Он прижался к моей шее, как будто искал утешение. Я не могла отказать ему в этом. Я гладила Кира по волосам и пыталась успокоить свое бешеное сердцебиение. Наши прикосновения были эмоционально более интимными, чем в любой другой раз, когда он прижимался ко мне. Внезапно я не смогла вспомнить, почему злилась на него.

Я чувствовала, что имею право прикоснуться к нему подобным образом. Я ощущала, что кто-то, наконец-то, нуждается во мне. Не потому, что я могла спасти чью-то жизнь. Не потому, что собиралась выполнить какое-то данное родителям обещание. Кир нуждался во мне потому, что это была я.

— Ты хотела что-то спросить у меня, — его слова звучали сонно.

«Разве?» Этот вопрос лениво проник в мое сознание.

— Точно. Что происходит в Новый год для вампиров?

Кир издал низкий смешок:

— Где ты услышала о нем?

— Да везде.

К моему облегчению, Кир больше не задавал вопросов.

— Этому празднику положил начало мой отец. Тебе понравится, если ты позволишь себе наслаждаться.

Кир мягко сдвинул меня со своих коленей и встал, а затем направился к переговорному устройству, висящему рядом с дверью.

— Пошлите за Кларенсом. Скажите ему, что я передумал насчет завтрака.

Устройство затрещало, и послышалось:

— Да, сэр.

Кир улыбнулся мне, но было понятно, что он потратил очень много сил, чтобы добраться до двери. Я сделала шаг, чтобы помочь ему, но он остановил меня.

— Так ты хочешь побольше узнать о Новом годе?

Я хотела, но его слабость беспокоила меня.

— Ты ведь пил кровь Зигги? Почему ты с таким трудом двигаешься?

— Я недостаточно выпил. Не хотел злить тебя, — произнес Кир, опираясь на массивный деревянный подлокотник дивана. — Когда ты станешь старше, то поймешь, что требуется поглощать больше крови, чтобы поддерживать свое существование. Жить становится труднее, если приходится день или два обходиться без крови.

Я стала расспрашивать уже как врач:

— И если не есть, то можно умереть?

— Не сразу. — Он опустил на диван и похлопал по сиденью рядом с собой. — Но это становится неудобным через некоторое время.

Я присоединилась к нему, бесцеремонно усевшись рядом.

— Сколько дней уже прошло с тех пор, как ты полноценно ел?

— В последний раз я напился досыта в ночь нашей первой встречи. — Он поцеловал меня в лоб. — Но с тех пор меня постоянно что-то отвлекало.

Кир не ел сегодня из-за того, что я узнала, без спросу поковырвавшись в его мозгу. Чтобы смягчить свою вину, я сменила тему:

— Ты собирался рассказать мне о Новом годе.

— Ах да. Стоящая тема, на самом деле. Ты помнишь, что я говорил о своем отце? — Я кивнула. Как я могла забыть такое? Казалось, Кир черпал силы в разговорах о своем отце. — Хотя он является вампиром не намного дольше, чем я, кровь сильных и могучих вампиров, которую он выпил, похоже, ускорила его... изменения. Вроде это подходящее слово.

— Метаболизм?[5]- помогла ему я.

— Да, именно. В течение пятидесяти лет после превращения он должен был выпивать кровь двух, а то и трех тел за ночь. Было трудно держать в секрете его новое состояние. Мы переезжали из деревни в деревню, но подозрения следовали за нами повсюду. Отец выяснил, что если пьет кровь вампира, то голод дольше не приходит к нему. На какое-то время все стало проще. Я обращал людей, а отец пил их кровь. Мы оставляли в них достаточно крови, чтобы они могли протянуть какое-то время, но не предполагали, что они выживут. Мы не ожидали, что некоторые из них проживут столько, сколько они прожили.

Внезапно без стука вошел Кларенс, но Кир остановил его:

— Кэрри, не будешь ли ты так добра?

Я наполнила стакан из графина, который Кларенс протянул мне, а затем вернулась на диван.

— Если твой отец продолжал создавать вампиров, к сегодняшнему дню их должно было бы быть слишком много. Что остановило его?

Кир не ответил, пока не выпил свой первый стакан и не передал его Кларенсу, чтобы тот снова наполнил его.

— Страх, я полагаю. Мой отец всегда был храбрым, но не глупым. Я думаю, он знал, что однажды одно из его детищ сделает с ним то же самое, что он сделал с собственным создателем. И сейчас мой отец пьет кровь только раз в год. В остальное же время он находится в состоянии... зимней спячки, что ли. Придет день, когда он снова будет ходить по земле, но до тех пор я обслуживаю его в наш Новый год.

— Снова ходить по земле? Что это значит? — Вся эта информация ошеломила меня. — А где он находится?

С понимающей улыбкой Кир помахал указательным пальцем передо мной:

— А это строго охраняемая тайна. В настоящее время все, что нам нужно делать, так это заботиться о том, чтобы отец ел каждый год.

— Кир, но это бессмысленно. Ты слабеешь после нескольких дней без крови. Если метаболизм твоего отца так сильно ускорился, как он может выживать, если питается только один раз в году?

— О! Он не просто пьет их кровь, — в глазах Кира вспыхнула знакомая мне жестокость. От крови, которую проглотил мой создатель, его щеки покраснели. — Он забирает всю их сущность. Кэрри, мой отец — это вампир, которого боятся остальные вампиры. Мой отец — Пожиратель Душ.

1. «Сияние» (англ. The Shining) — триллер/фильм ужасов Стэнли Кубрика, снятый в 1980 году по мотивам одноимённого романа Стивена Кинга.

В фильме есть сцена, в которой главный герой Джек Торренс гонится за своим сыном, но тот, убегая, приводит его в сад-лабиринт, находящийся на территории отеля. Джек теряет

ориентацию в пространстве и в исступлении пытается отыскать сына и, так и не выйдя из лабиринта, умирает от холода.

2. В фильме «Сияние» роль Джека Торренса играет Джек Николсон.

3. Форт Нокс — военная база США, находится почти в центре военного городка Форт-Нокс в 30 милях к юго-западу от Луисвилла, штат Кентукки и занимает площадь в 44000 га (440 кв. км). В настоящее время принадлежит американской армии и используется в качестве школы танкистов.

Также на территории военной базы расположено хранилище золотых запасов США, где находится 4176 тонн (4603 американских тонн) золота в слитках (147,4 млн тройских унций). Оно занимает второе место в Соединенных Штатах, уступая лишь Федеральному резервному банку Нью-Йорка, хранящему около 5000 тонн золота многих иностранных государств, центральных банков и официальных международных организаций.

Золотое хранилище по праву считается одним из самых защищённых в мире. Его стены состоят из гранита, покрытого слоем бетона, а вход защищает дверь весом в 20 тонн, для того чтобы её открыть необходимо знать код, который разделён на части между несколькими людьми, полностью его никто не знает. На случай нападения предусмотрена автономная система жизнеобеспечения, включающая в себя запасы продовольствия, воды и электростанцию. Поэтому в нём хранились многие ценные вещи, так во время Второй Мировой войны королевские регалии Англии и Великая хартия вольностей.

4. Гарри Лиллис «Бинг» Кросби — американский певец и актёр, один из самых успешных исполнителей в мире (в США у Кросби 41 песня занимала 1-е место). Зачинатель и мастер эстрадно-джазовой крунерской манеры пения. Известен как исполнитель многих «вечнозеленых» джазовых шлягеров и хитов в стилях свинг и диксиленд.

5. Метаболизм или обмен веществ — набор химических реакций, которые возникают в живом организме для поддержания жизни. Эти процессы позволяют организмам расти и размножаться, сохранять свои структуры и отвечать на воздействия окружающей среды.

ГЛАВА 15

Исполнение обязательств

Слова Кира потрясли меня до глубины души. Как только я убедилась, что он полностью оправился от своего недомогания, то оставила его одного, чтобы он мог дочитать свою книгу или доделать то, чем он, черт его побери, был занят, пока находился в кабинете один.

Пожиратель Душ. Хотя я раньше не слышала этого имени, оно посеяло страх в моем сердце.

Кир кратко изложил мне суть празднования Нового года. Они выбрали именно тринадцатое января из-за близости этой даты ко «Дню невест» — древнему празднику кельтов, проводимому в честь ухаживания молодого сына Бога за богиней-девственницей.

— Его отмечали в знак ее невинности, — самодовольно сказал Кир. — А суть торжества по поводу Нового года состоит в том, чтобы выбрать человека с чистой душой и обратить его. Когда мой отец убивает его, кроме пустой загробной жизни на облаках среди звучания арф его душе некуда идти. Отец собирает такие души. Они поддерживают его жизнь в течение целого года.

На что похоже — быть запертой в теле другого человека? Я молилась о том, чтобы никогда не узнать это. Вот и появился еще один стимул оставаться с Киром в хороших отношениях. Не то, чтобы не ругаться с ним было затруднительно после восхода солнца, если учитывать его энтузиазм предыдущей ночи. Я попыталась держать под контролем свои гормоны, пока рассвет неминуемо приближался, но у меня ничего не вышло.

Пробило шесть утра, когда я, наконец, собралась с силами, чтобы пойти к своему создателю. Я ощущала его всеми фибрами души, поэтому была уверена, что найду Кира в спальне. Время от времени волна предвкушения пробегала через нашу кровную связь, вызывая дрожь в моем теле. Но я не могла сказать: та возникала от моего желания или его.

Я не переодевалась и не наносила никакого макияжа: не хотела показаться ему слишком нетерпеливой. Когда он снимет с меня всю одежду, внешняя невозмутимость останется единственной моей защитой.

Комната Кира отличалась сегодня по сравнению с тем, как выглядела вчера. В гостиной было темно и прохладно. В камине даже не горел огонь. Кира нигде не было видно, но дверь в его спальню была слегка приоткрыта, и оттуда лился свет мерцающих свечей.

Если бы у меня еще остались какие-то иллюзии относительно того, с какой целью я находилась здесь, это меня немедленно привело в чувство. Но все же легкое соблазнение было бы приятно. Кому бы понравилось знать наверняка о том, что должно было неизбежно случиться?

Мое сердце бешено колотилось из-за тревоги или ожидания — не знаю. Я пошире открыла дверь.

Кровать под балдахином, мебель светлого кремового оттенка и декоративные кованые элементы остались теми же. Я с облегчением отметила, что на кровати не было никаких тяжелых и неподвижных тел. Постель была расправлена, а слегка откинута одеяла цвета слоновой кости было усыпано черными лепестками роз. Очевидно, сегодняшняя ночь была организована специально для меня.

Я чувствовала бы себя более уверенно, если бы Кир обратил на меня внимание, когда я вошла.

Мой создатель сидел за небольшим письменным столом, одетый в черный шелковый халат и с собранными в хвост волосами. Он полностью сосредоточился на чем-то. Кир был всецело поглощен своим занятием, и мне пришлось кашлянуть, чтобы привлечь его внимание.

Он не приподнял головы, но я услышала улыбку в его голосе.

— Я присоединюсь к тебе через минуту, Кэрри. Устраивайся поудобнее.

— Ты говоришь так, как будто мы собираемся обсуждать покупку дома. — Неужели мой голос стал напряженным и нервным, и надломился, когда вырвался из горла?

— В некотором смысле, все способствует заключению сделки. Неужели это не стоит жизни твоего маленького дружка?

Через кровную связь я ощущала его неподдельное возбуждение. Я не чувствовала нежности, только темную порочную похоть. Сила его желания должна была испугать меня, но она заставила мой страх исчезнуть, а в теле оставила дрожь.

Я смотрела на его руку, держащую лист бумаги, и вдруг заметила, что она дрожала. И поняла, что Кир тоже пытался совладать с собой. Полная враждебности, я вызвала в воображении яркую картину: я обнажена, стою на четвереньках, а он входит в меня сзади, запрыгивая голову от наслаждения.

Когда мои фантазии материализовались в его голове, Кир присвистнул и резко выпрямился. Я услышала, как он сделал несколько глубоких вдохов, прежде чем встал.

— У тебя очень творческое воображение, Кэрри.

С беспощадной улыбкой готовящегося к атаке хищника, он двинулся ко мне. В свете горящих свечей было видно, как его халат, обычно приоткрытый на груди, прилегал к телу как вторая кожа.

— Может, так будет намного интереснее?

Наступила темнота, а затем в мой мозг вторглось ясное видение. Девушка не более шестнадцати лет лежала в центре огромной кровати. Мои руки прижимали ее к постели, и она в ужасе кричала, когда мои клыки впивались в ее шею. Кир схватился за ее метающиеся во все стороны ноги и раздвинул их, а затем вошел в нее, как только последняя искра жизни потухла в ее глазах.

Я затрясла головой, чтобы избавиться от видения, и сразу же увидела, как гнев исказил красивое лицо моего создателя.

— Никогда не забывай, с кем имеешь дело, — предупредил меня Кир, прижав мое тело к себе так, чтобы я могла почувствовать его возбуждение через тонкий шелковый халат. — Я способен на такие вещи, которые ты даже представить себе не можешь.

Его зловещее настроение испарилось также быстро, как появилось. Поцеловав меня в щеку, Кир сделал шаг назад и принялся рассматривать меня. Он нахмурился, когда его взгляд упал на мои джинсы и футболку.

— Я надеялся, ты наденешь что-то более... подходящее. Разве я ничего не купил тебе для такого случая?

На самом деле — купил. В шкафу было множество неприличной одежды, включая форму ученицы католической школы, которую я с отвращением запихнула обратно в ящик.

Я пожала плечами:

— Подумала, что не останусь долго в одежде.

Его губы изогнулись в усмешке в ответ на мою прямоту:

— Ты очень проницательна.

Он указал на каминную полку. Так же, как и в гостиной, в камине не горел огонь.

— Может, хочешь что-нибудь выпить?

Я взглянула на жидкость зеленого цвета в хрустальном графине и покачала головой.

Наши кровные узы и так сильно опьяняли. А сегодня мне нужна была ясная голова.

— Нет. Я просто предпочла бы...

— Покончить со всем? — Кир произнес те слова, на которые я не решилась.

Он провел ногтем по моей шее, а затем сделал то же самое языком. Возникшие ощущения посылали волны желания, которые бежали вниз по моему телу. Я почувствовала, что становлюсь мокрой. Ни один живущий на земле человек никогда не вызывал такого отклика у меня. Я не смогла сдержать стон.

Его язык дразнил мочку моего уха, а дыхание возбуждало и так увлажненную плоть. Кир прошептал:

— Кэрри, какая же ты загадочная женщина. В обед ты была ласковой и заботливой, а сейчас сдерживаешь себя.

Он сделал шаг назад и обхватил меня за затылок, повернув мою голову так, чтобы я посмотрела ему в глаза. Его отсутствующий глаз все еще был скрыт за повязкой, но другой пристально смотрел на меня.

— Кто я для тебя, Кэрри?

Хотя прикосновение было нежным, я ощутила истинные намерения моего создателя. Кир хотел сломить меня, сделать такой же бесстыдно отдающейся похоти, как Далия и другие самодовольные домашние животные, живущие в его гареме.

И судя по тому, что я испытала раньше, он был мастером своего дела. Я сглотнула:

— Ты мой создатель.

— И только? — В его голосе чувствовалась печаль, но я не ответила. Кир больше не спрашивал.

Он поднял футболку и провел ногтем по моему животу. Мое дыхание участилось. Но затем Кир отвернулся и произнес:

— Раздевайся и ложись в постель.

Я обхватила себя за живот, потому что все еще ощущала там его холодные руки. Кир направился к кровати, так и не взглянув на меня. Он сбросил свой халат, обнажив тело, такое белое и крепкое, что, казалось, оно было высечено из мрамора.

У меня во рту пересохло при мысли о нем, находящимся сверху и входящим в меня. Я хотела обвинить наши кровные узы в этой новой волне желания, но не смогла. Я хотела его.

Может, это и была его первая победа, но, глядя на Кира, на то, как перекачивались его мышцы, натягивая кожу, я задалась вопросом, почему хотела противостоять ему. У меня ничего не осталось вне стен этого дома. Я не могла вернуться в больницу. У меня не было ни друзей, ни квартиры, ни семьи. Почему я должна убегать от того, кто по-настоящему хотел меня?

Я стянула футболку через голову и освободилась от джинсов, а затем ступила на подножие кровати и подползла к нему, оставшись в одном лишь черном атласном бюстгальтере и трусиках. Голод вспыхнул в глазах Кира, и он откинул одеяло в сторону, приглашая меня лечь.

Льняные простыни были свежими и прохладными, а также казались слишком настоящими, касаясь моей кожи. Я хотела сделать что-то запрещенное, полностью подчиниться тому, что, как я знала, было неправильным.

«Но это не то, что бы ты выбрала. Это все кровные узы».

Как легко я могла лгать себе. Я находилась под контролем так же, как Калифорния[1] зависела от Коннектикута[2]. Даже то, как мои волосы касались спины, возбуждало меня.

Кир притянул меня к себе. Его обнаженное тело стало немного теплее от нахлынувшего желания.

— Ты выглядишь даже лучше, чем я представлял, — он почти застонал, когда провел рукой по моей спине и ягодицам.

У меня мурашки побежали по коже.

— И как, ты думал, я выгляжу?

Кир круговыми движениями начал водить пальцем по моей и так покрывшейся мурашками коже.

— Не знаю. Может, более сильной и мужественной. Ты всегда скрываешься за своей мужеподобной одеждой.

Я прильнула к нему. Мои груди готовы были выпрыгнуть из бюстгалтера, когда прижались к его груди. Он опустил голову и провел языком по моей плоти, находящейся под атласной тканью.

— Но не сегодня.

Снимая ляпочки с моих плеч, Кир слегка наклонился, обнажая столь чувствительную часть моего тела и оставляя ее холоду этой комнаты. Его глаза потемнели, когда он потянулся к застегке бюстгалтера и расстегнул ее.

Я ничего не хотела так сильно, как натянуть одеяло до подбородка и скрыться от этого серьезного оценивающего взгляда, но Кир сдвинул бюстгалтер в сторону, и теперь ничего не препятствовало ему любоваться открывшимся видом.

Он ничего не сказал, да и я не была уверена, что именно хотела услышать. Кир долгое время осматривал меня, пока я не поняла, что сейчас закричу, чтобы снять то напряжение, которое заполняло комнату.

Медленно, не спеша, он провел своим острым ногтем от впадины моего горла к трусикам. Я бесстыдно выгнула бедра, и Кир подсунул ноготь под ткань трусиков, разрезав ее. Затем взялся за две половинки кружева и полностью сорвал единственную оставшуюся на моем теле одежду.

— Ты знаешь, сколько времени прошло с тех пор, как я был с кем-то подобным мне? — прошептал он, опустив голову и слегка укусив меня за живот.

Мне не особенно хотелось знать о его прошлых завоеваниях, но я все равно спросила:

— Сколько?

— Больше полувека. — Он раздвинул мои ноги и неторопливо провел кончиком ногтя по внутренней стороне моего бедра. — Секс с людьми не идет ни в какое сравнение.

Резким движением руки Кир сделал небольшой надрез чуть выше моего колена. Я вскрикнула от боли, но затем застонала, когда он поднял мою ногу и прижался ртом к крови, которая хлынула в том месте.

Когда он отстранился, кровь была размазана по его губам. Кир наклонился, чтобы поцеловать меня, и я неистово стала слизывать ее с его губ. Как странно, что некоторое время назад я боялась столь пьянящей жидкости. Теперь я ни о чем другом просто не могла думать.

— Ты на вкус такая же, как я помню, — пробормотал он возле моей щеки. Его рука скользила по моему бедру, продвигаясь все глубже, и он сделал еще один надрез, на этот раз

более глубокий.

Я ощутила жжение в теле, когда он склонился к новой ране. Его волосы касались меня в самом интимном месте, безжалостно дразня.

Это было не то, что я ожидала. На самом деле, раньше секс мне не очень-то и нравился. Это была естественная вещь в отношениях между мужчиной и женщиной, но я никогда не ощущала, что нуждаюсь в ней. Не так, как сейчас. Я чувствовала, что умру, если он оставит меня одну или, по крайней мере, стану цепляться за его ноги, хныча и умоляя о продолжении. Он хотел соблазнить меня, хотел, чтобы я наслаждалась каждым моментом. Я осознала, что мне приятно чувствовать его ледяные губы на моей коже. Опасные руки Кира гладили мои ноги. Его твердое тело находилось рядом с моим.

Он сделал надрезик в чувствительном месте — впадинке между бедром и туловищем — и "случайно" коснулся щекой моего лобка, когда повернулся, чтобы слизать кровь. Мои ноги дернулись и обхватили его за голову.

— Неужели тебе действительно это приятно? — спросил Кир с притворным удивлением.

Я закрыла глаза, не желая видеть его довольное лицо, когда произнесла:

— Да.

Он ущипнул меня за подбородок.

— Скажи мне, что ты хочешь.

С все еще закрытыми глазами я прошептала:

— Я хочу тебя.

— Не секс, Кэрри. Скажи, что хочешь именно меня.

От этих слов я резко открыла глаза. На его лице отражалось чистое непритворное желание. Он спрашивал, желаю ли я его. Он просил меня любить его.

Киру было нужно, чтобы я ответила «да». Я расстроилась, увидев в его глазах отчаянный страх быть отвергнутым. Но часть меня, все еще не подверженная кровным узам, удерживала меня. Это была частичка моей души, которую еще никто не затронул. Я не собиралась отказываться от нее.

— Извини, Кир.

Я подумала, что он оттолкнет меня, положит конец нашей встрече. Но вместо этого он сильнее сосредоточился на том, что делал, целуя меня с большей страстью, чем раньше. Казалось, его руки с угрожающими и острыми, как бритва, ногтями бродили повсюду и доставляли удовольствие своими нежными прикосновениями.

Он скользил языком по моему телу, направляясь вниз, пока не достиг горячего и гладкого входа, который искал. Раздвинув складочки большим пальцем, он вдунул нежный и холодный воздух в мою дрожащую плоть. Я попыталась приподнять бедра, но он прижал меня к постели. Прежде чем я успела возразить, он оказался сверху, надавливая твердым, длинным членом между моих ног. Схватив меня за волосы, Кир дернул мою голову назад.

— Скажи, что любишь меня.

Я молчала, опасаясь того, к чему может привести ярость, отражающаяся на его лице.

— Пропал голос? — Он пролез двумя пальцами между нашими телами и грубо ввел их в меня. Я вскрикнула от боли, когда его острые ногти рассекли мою чувствительную плоть. Но он закрыл мне рот другой рукой.

— Но кричать ты можешь и довольно легко.

Также внезапно, как его прикосновения стали полными насилия, Кир наполнил их

нежностью. Его пальцы, все еще находящиеся глубоко во мне, больше не причиняли боли. Они гладили, стремясь заставить забыть ту боль, которую причинили. Их мягкие подушечки массировали круговыми движениями, все глубже погружаясь в сверхчувствительное место. Это почему-то не приходило на ум другим мужчинам, с которыми я раньше спала. Я слегка прикусила руку, которая все еще прикрывала мой рот.

Мне следовало бороться с ним, защищать себя. Но я не могла. Его возбуждение усиливало мое собственное. Он убрал руку с моего рта, чтобы слышать мои стоны удовольствия.

Когда Кир вытащил свои пальцы из меня, я увидела на них кровь, смешанную с моей влагой. Он поднес пальцы к своим губам и стал облизывать их, продолжая пристально смотреть мне в глаза.

«Скажи ему остановиться», — кричал мой здравый смысл, а неподвластное мне тело жаждало, желало и умоляло о продолжении, поэтому я поняла, что не смогу произнести этих слов. Когда Кир безжалостно вошел в меня, я закричала в благодарной агонии.

На его лице отражалось кощунственное^[3] восхищение, когда он двинул своими бедрами, входя в меня глубже. Я чувствовала внутри себя его твердый и холодный, как стекло, член. Мои нервные окончания не выдерживали его мощи.

— Укуси, — выдохнул он, приближая шею к моему рту.

Я покачала головой, пытаюсь вернуть контроль над своим телом, который потеряла. Он ударил меня по лицу, и я вздрогнула от боли.

— Сделай это!

Я открыла рот, пытаюсь заставить свое лицо измениться, но клыки не появлялись. Он разочарованно зарычал, и, чтобы избежать еще одного удара, я сильно укусила его шею тупыми человеческими зубами.

Он вскрикнул от потрясения. Не удивительно. Я чувствовала его боль в собственном горле, и это не было приятно. Новая волна вождления пробежала по моим венам, обжигая их.

— Пей!

Как только первые капли крови упали на мои губы, я испытала оргазм. Мое тело забило в конвульсиях, и я обхватила ногами его спину. Мой рот замер, оставшись открытым, в бездыханном удовольствии, пока кровь моего создателя стекала на мой язык.

Затем я ощутила, что мчусь куда-то вперед, и, хотя я боролась с этим, мои глаза открылись, и я снова находилась в теле Кира, глядя в его прошлое.

Изображения были бессвязными. Они мерцали, как сломанный проектор: одни и те же кадры появлялись снова и снова. Один за другим они встали на свои места, и странное головокружительное ощущение усилилось.

Кир сидел за длинным столом в столовой, освещаемой горящими свечами. Воздух был горячим и спертым, и темный дым от сигарет делал все, что видели его глаза, размытым. Он не сидел во главе стола, а находился среди богато одетых мужчин и женщин.

Кир повернул голову, чтобы посмотреть на женщину, сидящую рядом с ним. За ней расположился мужчина в военной форме, которая определенно была не американской.

Послышался глубокий голос, со странным акцентом, который заставил всех замолчать:

— Дамы и господа, прежде чем сюда придут наши почетные гости, позвольте поблагодарить всех за то, что пришли сюда.

Кир посмотрел в том направлении, откуда шел звук. Высокий, худощавый мужчина

стоял во главе стола. Его седые волосы были заплетены в косы, которые свисали перед ним до пола. Хотя говоривший был намного слабее и худее, чем прежде, прямой нос и жесткие глаза подтверждали одно: это отец Кира.

Пожиратель Душ.

Когда взгляд старого вампира упал на своего сына, в его глазах отразилось что-то напоминающее любовь, но он быстро переместился на остальных гостей.

— Я также хочу напомнить вам правила. Только один из наших почетных гостей станет вашим блюдом. — Он засмеялся своей шутке, и остальные присутствующие сделали то же самое в знак вежливости. — А другой — для меня. По определенным признакам вы сами поймете, кто есть кто.

Внимание Кира переместилось на большие двойные двери в конце столовой. Двое слуг распахнули их. В деревянном проеме стояли Натан и женщина, которую я видела на фотографии. Натан выглядел почти так же, как сейчас, за исключением волос, которые были короче, и здорового бронзового загара.

У женщины, стоявшей рядом с ним, была красивая внешность, присущая молодости, которую я заметила еще на фотографии. Но ее щеки впали, и ясно виднелись темные круги под глазами. Она опиралась на руку Натана, чтобы устоять на ногах.

Кир взглянул на кулон, который висел на ее шее. Это был золотой дракон, обвивающий необыкновенно крупный бриллиант.

За ними закрылись двери, но не послышалось никакого зловещего звука.

— Приятного аппетита, — злобно произнес старик.

Лица всех сидящих за столом трансформировались. Эти изменения ужасом отразились на лицах Натана и ослабевшей женщины. Натан встал перед ней, загородив ее собой, но гости вечеринки налетели на них, повалив на пол.

Кир оставался на своем месте и встал только тогда, когда отец коснулся рукой его плеча.

— Однажды все это закончится, — прошептал Пожиратель Душ ему на ухо.

— Да, отец, — ответил Кир. Я чувствовала, что в его горле пересохло. — Однажды мы будем править.

И потом Кир направился к Натану.

Я хотела появиться там в той или иной форме, чтобы ударить Пожирателя Душ и остановить то, что он планировал сделать. Но я знала, что все это не происходило сейчас, а было частью прошлого. Неизменного.

Боль в моей голове была настолько сильной, что готова была разорваться на части. Мое видение начало исчезать, но я ясно слышала крики Натана, его боль и ужас, когда ко мне стали возвращаться собственные чувства. Я увидела переплетенные конечности, искромсанные тела в ярком свете, как будто земля пожирала их. Реки крови текли в моей голове.

Я вернулась назад в свое тело. Кир застонал, когда излился в меня. Его сперма была ледяной.

Мне стало дурно. Я изо всех сил оттолкнула его от себя и перекатилась на край кровати. Кровь, его и моя, запачкала всю простыню. Я сильно зажмурилась, чтобы оттолкнуть от себя видения.

— Кто твой отец?

Простыни позади меня зашуршали. Я предположила, что Кир тоже сел.

— Я уже рассказывал тебе.

— Но ты не рассказал мне самого главного. — Я не была уверена, откуда исходил холод, пробежавший вверх по моей спине: от тела Кира или сквозняка в комнате. — Что значит «однажды он будет править»?

Кир тяжело вздохнул и упал на подушки.

— Это все очень сложно. Я лучше посплю, чем буду говорить об этом.

— Иногда в жизни приходится делать то, что не хочется. — Я села так, чтобы видеть его лицо. — Почему бы просто не рассказать мне?

Кир, очевидно, не обрадовался моему посткоитальному[4] разговору, но я не собиралась отступать. Какое-то время он обдумывал то, что я сказала, как если бы пытался проверить, шутила я или нет, а затем еще раз раздраженно вздохнул.

— Ну, если ты так хочешь знать.

— Хочу. — Я подтянула колени к груди, внезапно осознав, насколько уязвимой была в данный момент.

— Многие годы мой отец искал способ вернуть себе власть. Это очень секретно, и даже я не посвящен в различные ритуалы старинных свитков, которые он изучал. — В голосе Кира звучали нотки горечи.

— А как он достал их? Находиться в сознании всего один день в году не кажется достаточным временем, чтобы рыскать по библиотекам.

Кир издал обиженный смешок:

— У него есть помощник, который по большей части читает за него. Я не знаю, кто он, но отец уверял, что ему можно доверять.

Я не собиралась углубляться в читальный зал его отца, поэтому произнесла:

— Ты сказал, что твой отец был крестьянином, прежде чем стал вампиром. Какой же властью он обладал, раз хочет вернуть ее?

— На самом деле, он не совсем ей обладал. Это власть, которую, как он верит, сможет получить. Она как бы заперта, ожидая его. Ему просто нужно найти ключ. — Изящно пожав плечами, Кир оперся на один локоть, и порочная улыбка изогнула его губы. Он потянулся и нежно погладил мою руку. — Но мы можем обсудить это позже.

Я злобно оттолкнула его руку.

— Мы можем обсудить это прямо сейчас. Что именно собирается сделать Пожиратель Душ? — Но я зашла слишком далеко. Непринужденная беседа между мной и Киrom сразу же закончилась, как будто кто-то соорудил дамбу на пути потока слов.

Он откинулся на подушки и закрыл глаза.

— Я устал. Если ты собираешься беспокоить меня своими непрекращающимися вопросами, то тебе лучше уйти.

— Я никуда не уйду! — Я осознала, насколько резко звучал мой голос, но мне было все равно. — Расскажи мне, что происходит.

— Ты хочешь знать, что планирует мой отец? — Кир сел и наклонился ко мне. Его лицо находилось в дюйме[5] от моего. — Когда придет время, все станет на свое место: Пожиратель Душ поднимется в качестве самого могущественного вампира, который когда-либо жил на земле. Люди превратятся в скот — пищу для моего отца. А любой вампир, который выступит против него, будет уничтожен. Он станет властителем мира, и все изменится.

Фанатизм, с которым Кир произнес эти слова, заставил меня окаменеть от страха. Когда

я смогла говорить, из моего сжатого горла еле вырывался шепот:

— Ты ведь не станешь помогать ему в этом?

— Кэрри, ты знала, какой я, когда еще в первый раз вошла сюда через парадную дверь. — Кир выглядел почти оскорбленным. — Ты не можешь ненавидеть меня за это.

— Нет, — согласилась я. — Это было бы нечестно. — Я встала и сдернула с постели простыню, которая лежала поверх других, и дрожащими руками обернула ее вокруг себя. — Но вся жизнь — сплошная несправедливость. И прямо сейчас ты мне очень не нравишься.

Кир не пытался меня остановить, когда я медленно вышла из комнаты.

1. Калифорния — штат США, расположенный на западном побережье страны, на берегу Тихого Океана.

2. Коннектикут — штат на северо-востоке США, входящий в регион Новая Англия.

3. Кошунственный — неуважительный, непочтительный, оскорбительный по отношению к тому, что достойно уважения.

4. Посткоитальный — после интимных отношений

5. 1 дюйм = 2,54 см

ГЛАВА 16

Хорошо продуманные планы

В последующие дни Кир даже не разговаривал со мной. Я не знаю, что послужило тому причиной: отсутствие свободного времени из-за подготовки праздника — ставшее привычным оправдание моего создателя — или я просто задела его чувства. Это не должно было волновать меня, но я почему-то прониклась сочувствием к переживаниям Кира. Мое сердце говорило одно, а разум — совершенно противоположное.

Первые несколько дней он посылал за Далией, чтобы та делила с ним постель. Ведьма гордо расхаживала по особняку, демонстрируя свои шрамы, но никогда не заговаривала со мной. Я не была уверена, являлось ли это благословением или проклятием, но, казалось, все в доме знали, что я персона нон-грата[1] для хозяина, поэтому вели себя соответственно. Дни были одинокими и скучными. Неприятно осознавать, что придется жить так целые столетия.

С наступлением темноты Кир покидал особняк в сопровождении своих телохранителей, а иногда и Далии. Я не знала, куда они ходили и что делали. Но убеждала себя, что мне безразлично это, несмотря на то, что мне до смерти хотелось выйти отсюда. У меня возникла бы прекрасная возможность встретиться с Натаном, поскольку он сюда не приходил. Я глубоко спрятала свои чувства. Натан был не тем, кого нужно было защищать.

Но что меня беспокоило больше всего, так это внезапный интерес Кира к Зигги. Он сдержал слово и больше не причинял парню физического вреда, но после нескольких визитов юноши в покои моего создателя, казалось, Зигги начал искренне восхищаться им.

— Док, не переживай, у нас с ним не свидания или что-то подобное, — сказал Зигги, когда однажды на кухне я загнала его в угол. Он ковырялся в большом холодильнике, забитом человеческой едой, и помечал маркером «Шарпи»[2] разнообразные продукты. Я не стала говорить ему, что здесь домашние животные не жили слишком долго.

Я прислонилась к холодильнику.

— Знаю, но Далия хочет убить тебя. Ты что, и дальше будешь вести себя так, как будто тебе здесь все нравится?

Зигги пожал плечами:

— Он мог бы быть вполне приятным парнем, если бы не являлся злым вампиром. Важно одно: если я собираюсь выжить, учитывая то, что здесь планируется, мне нужны друзья в высших эшелонах власти.

«Было ли здесь что-то еще, важнее, чем наступающий Новый год?»

— Не держи меня в неведении. Что же он планирует?

— Новогодний вечер, — произнес Кларенс, выходя из-за холодильника.

Я даже не догадывалась, что дворецкий был здесь, и вздрогнула от его внезапного появления.

— Об этом я знаю. Но меня не посвящают в дела уже несколько недель. Просветите меня.

Кларенс, даже не взглянув в мою сторону, бросил на столешницу большой кусок льда. Старик больше не смотрел на меня косо, но все же между нами оставалась какое-то неприятие, больше из-за того, что я была вампиром. Однако он продолжал передавать сообщения Натану, когда это было возможно, и перестал вести себя как чопорный

дворецкий, поэтому теперь воздерживался от обращения ко мне «мэм» через слово.

— Какого черта ты делаешь, пацан? — рявкнул Кларенс. Зигги застенчиво улыбнулся и через плечо бросил ему банку содовой. Старик поймал ее своими проворными руками и хлопнул по ней. — Да от этого твои зубы сгниют в твоей тупой башке.

— Я не доживу до этого момента, — ответил Зигги, помечая еще одну знаком «Z».

Мой желудок сжался. Я никогда не верила в истории, ходившие по медицинскому колледжу, о пациентах, которые знали, что умрут и спокойно рассказывали об этом каждому. Поэтому не хотела, чтобы Зигги делал такие прогнозы.

— Не говори так, — проворчала я, а потом решила проверить, слушал ли Кир меня через наши кровные узы. Все, что я почувствовала, так это смутную, окутанную запахом спиртного дымку, прежде чем связь между нами полностью оборвалась. Осознание того, что он легко мог игнорировать наши узы, вызвало боль одиночества у меня внутри. Но если мой создатель теперь недосыгаем, то я, по крайней мере, могла поговорить о предстоящем событии без опасения, что он прочитает мои мысли. — Раз уж Кир будет отсутствовать еще несколько часов, расскажите, что будет происходить на празднестве.

Кларенс вздохнул и закатил глаза:

— То же самое, что каждый год. Много человеческих жертв и боли. Все в таком духе.

— Человеческие жертвы? Ты имеешь в виду людей из списка? — Я надеялась, что именно это.

Дворецкий мрачно кивнул и вытер руки о фартук.

— Их и несколько других, которых он заманит сюда из пригородов. Хозяин не может взять всех из местных, поскольку это вызовет подозрения.

Я покачала головой. Как бы я хотела, чтобы Натан притащил сюда свою задницу.

Каждую ночь под предлогом «подышать свежим воздухом» я бродила по газону, часто подходя к воротам, и проверяла, не пришел ли Натан. Если бы я была обычным человеком, то посчитала бы длительные прогулки хорошими кардиоупражнениями. Но сейчас моей единственной заботой о сердце стало то, как не допустить попадания в него большого кола. Но Натан все не приходил. А так как Новый год был все ближе и ближе, мои нервы становились все натянутей и натянутей.

— Не беспокойся о парнишке, — лениво растягивая слова, проговорил Кларенс. — Он в хороших отношениях с хозяином, поэтому не числится в списке меню.

Дворецкий бросил мне лист бумаги через стол, и я схватила его.

На нем были написаны имена. Почти каждый из домашних животных Кира находился в списке, за исключением двоих.

— Нет Зигги и Далии.

— Скажи, ведь не так уж и плохо кентоваться с боссом, в конце концов, — произнес Зигги, когда засунул кусок сыра в карман своих мешковатых черных джинсов.

Меня порадовала бы мысль, что Далию выберут в качестве обеда для Пожирателя Душ, но я подумала, что вряд ли у нее «чистая душа».

Вошли двое охранников, и я отошла от Зигги.

— Извини, док, — сказал один из них мне, а затем повернулся к парнишке: — Хозяин хочет видеть тебя.

— Долг зовет, — произнес Зигги с извиняющейся улыбкой. — Приятель, нам придется по пути зайти в мою комнату. Я возьму книгу, которую хотел почитать Си (прим. переводчика: С [Си] — первая буква в имени «Кир» [Cyrgus]), — сообщил он охранникам,

когда они пошли следом за ним.

— Си? — Я вытащила из-под стола один из стульев и опустилась на него.

Кларенс продолжал резцом и молотком спокойно работать над куском льда, но усмехнулся в ответ на мое удивление:

— Ты все еще собираешься спасти его, даже если он увел у тебя мужика?

— Он не уводил у меня мужика, — я сделала потрясенное лицо, надеясь сбить старика с толку. Но я знала, что это не поможет. — Я просто не могу понять, почему Зигги проявляет к Киру такой интерес, и это после всего, что тот с ним сделал.

— Хозяин умеет вызывать к себе расположение тех, кому причинил вред. Посмотри на себя. Он разрушил твою жизнь, но ты все равно пришла к нему, — дворецкий вернулся к своему занятию и снова стал откалывать от куска льда небольшие кусочки.

— Это совсем другое. Кровные узы. Ты не поймешь, поскольку не являешься вампиром. Но кровные узы на самом деле заставляют тебя видеть все иначе.

В знак согласия Кларенс приподнял свою голову, а затем опустил ее.

— Ты права. Я ничего не знаю о кровных узах. Но я точно знаю, что тебя бы здесь не было, если бы ты сама не хотела этого. Ты не похожа на других. Однако, если ты говоришь себе, что тебя в этом дерьме держит какая-то магическая связь, я не собираюсь спорить с тобой.

Его слова задели меня за живое. Он был прав. Да, существовали кровные узы. Но я находилась здесь не по этой причине. Конечно же, в обмен на жизнь Натана я дала Киру обещание, что вернусь, но почему я не позвонила в «Движение» или не попросила о помощи Зигги? Я была Персефоной[3], которая с удовольствием ела зерна граната, но винила во всем большого и плохого Аида[4]. Я знала, что делала, когда связала себя обязательствами с преисподней. Я примирилась со своим положением здесь и сейчас хотела жить той жизнью, которую Кир предложил мне, но боялась, что Зигги займет мое место из-за усилившегося интереса моего создателя к пареньку.

Неприятно, когда твой маленький воздушный замок рухнет.

* * *

Следующей ночью Натан ждал у ворот.

— Как Зигги? — спросил он, когда я подошла достаточно близко, чтобы слышать его.

— Он в порядке. И тебе тоже добрый вечер.

Я притоптывала ногами, чтобы хоть как-то согреться. Снег шел весь день, поэтому глубина покрова была такой большой, что сапоги проваливались в снег по щиколотку. Руки Натана, на которых не было перчаток, казались совсем посиневшими, когда он взялся ими за железную решетку.

— Он в списке?

— Нет.

Я думала, на его лице отразится облегчение, но вместо этого он произнес голосом полным страха:

— Скажи мне, что он не...

— Почетный гость? Я не знаю, кого из них предпочтут. — Я посмотрела на свои ноги. — Но я знаю, как ты был обращен.

Мышцы на его челюсти дернулись.

— Он рассказал тебе?

— Я сама видела это. — Не знаю почему, но я ощущала потребность рассказать Натану обо всем. — Я пила кровь... его кровь. И увидела все.

Хотя Натан старался не показывать своих эмоций, но я была уверена, что он испытывал скорее страх, нежели отвращение. Может, он боялся, что я не стану помогать ему. Или того, что оставлю Зигги на съедение волкам.

— Это все в прошлом, — Натан прокашлялся. — Я просто не хочу, чтобы то же самое случилось с Зигги. А кто другой?

— Далия.

— Далия и Зигги. И им нужно будет выбрать того, у кого «чистая душа»? Это будет непростое решение. — Натан отвернулся, но я успела заметить боль в его глазах. — «Клыки» тоже останутся на вечеринку?

— Они должны были уехать еще неделю назад. Но я думаю, так как они находятся сейчас здесь, Кир просто вынужден будет пригласить их на празднование. А что произойдет?

— Он, вероятно, пригласит их.

Я взглянула на Натана:

— Ты знаешь, что я имела в виду. Когда ты и твои приятели явитесь, что случится тогда?

— Мы ворвемся внутрь, я заберу Зигги, а они убьют всех вампиров.

Его жесткий взгляд добавил: «Включая тебя».

Мое сердце болезненно сжалось в груди. Неужели он действительно был так зол на меня? Я думала, мы стали в некотором роде друзьями.

«Это было до того, как ты ушла».

Я кашлянула:

— Звучит угрожающе.

— Так и будет. — Но он не стал давать никаких гарантий моей безопасности.

— Может, проще вытащить его оттуда до празднования? Я могла бы привести его сюда и помочь ему перелезть через забор. Даже прямо сейчас.

— Это приходило мне на ум, — с горечью ответил Натан. — Но мне не позволено делать то, что может поставить под угрозу всю миссию. «Движение» отдает приказы. Они уверены, что Кир усилит охрану особняка, если что-то нарушится в планируемом обряде так близко ко дню его осуществления.

— Обряде? Ты говоришь так, как будто это таинственный религиозный культ.

Мои слова, по крайней мере, вызвали у него улыбку, но она быстро померкла.

— Меня поставили главным над несколькими парнями из «Движения». Местный сленг берет свое.

— Именно поэтому ты так долго не приходил? — Мой голос звучал ревниво, как у избалованного ребенка, чей товарищ по игровой площадке подружился с соседними детишками. Это чувство проникло в мой голос само по себе.

Натан не обратил внимания на мои эмоции:

— Извини, но ты больше не являешься приоритетом для меня.

Больше. Эти слова задели меня. Не потому, что изменились его чувства ко мне, а потому, что он подтвердил, насколько я была для него важна одно время.

Лучше уж злиться на Натана, чем сожалеть о потерянной дружбе.

— Так значит, ты явишься сюда в ночь празднования и убьешь меня, верно?

— Не я, — он покачал головой. — Я найду Зигги и вытащу его оттуда. Другие парни.

Нам было приказано убить любого вампира, не являющегося членом «Движения».

— Но ты же не станешь рассказывать им обо мне? — Я ненавидела свой страх, звучащий в голосе. — Я заботилась о Зигги. Это должно хоть что-то значить!

— Значило заблаговременное предупреждение, которое я тебе дал, — прорычал он. — Ты поставила не на ту команду. Немного поздно сейчас отступить назад.

— Знаешь что! Я пришла сюда не потому, что хотела этого! — крикнула я.

— О чем ты говоришь?

Я не хотела рассказывать ему, но понимала, что в этот раз мне не удастся избежать ответа. Какая-то невменяемая часть меня требовала правды, как жестоко это не показалось бы. И, учитывая то, что у меня есть все шансы умереть в субботу, я не слишком много теряла.

— Это была сделка, подонок! Твоя жизнь за мою!

Он отпустил ворота и сделал шаг назад. Я видела в его глазах, что он не хотел верить мне.

— Нет.

Я не собиралась смягчать удар.

— Я не смогла сама снять заклятие Далии и пошла просить о помощи Кира. Это то, что он потребовал взамен.

Натан пробежался рукой по своим темным волосам, взъерошивая пряди.

— Я не верю тебе.

— Прекрасно. Не верь. — Я слишком устала, чтобы убеждать его в правдивости своих слов. — Зигги расскажет тебе все. Он привез меня сюда за противоядием. И он также расскажет, что я сделала, чтобы спасти его.

Чтобы я ни сказала, пытаюсь изменить его мнение, Натан чувствовал себя ослом, которым, как я думала, он и являлся.

— Почему ты не рассказала мне?

— Потому, что это было то, что я должна была сделать. Я не хотела, чтобы ты умер, и не хотела, чтобы тебя убили, когда ты бы явился сюда, спасая меня. — Я увидела раскаяние на его лице, поэтому не могла не смягчить удар. — К тому же, мне нужен был шанс узнать моего создателя получше. Есть причина, по которой он стал таким, каким является сейчас.

Я подумала о шраме, который отец оставил Киру, и боли, которую он ощущал. Но все же Кир хотел угодить Пожирателю Душ. Мог ли он быть хорошим человеком, прежде чем его отец соблазнил его обещаниями богатства и власти? Но в то же время он убил собственного брата, пока тот спал.

Натан тяжело выдохнул и почесал затылок. Я хотела столько всего сказать, но не знала, с чего начать. Несмотря на то, что я пострадала от насилия Кира, ненавидеть его у меня не получалось. И, конечно, не хотела, чтобы он умер. А также частичка меня отчаянно желала, чтобы он снова занялся со мной сексом.

Да... С того дня прошло уже несколько одиноких недель.

Но, несмотря на то, что я чувствовала к своему создателю, я не хотела, чтобы Натан ушел, пока мы не расставили все точки над «i». Возможно, то ощущение, которое на первый взгляд показалось мне похотью, было на самом деле более глубокой связью, чем я хотела признавать. Это напугало меня больше, чем перспектива надвигающейся смерти.

Наконец, Натан произнес:

— Я был в некотором роде идиотом.

— В некотором роде? Но, может, это мне нужно было довериться тебе? Я имею в виду, что если бы я сказала, что заключила сделку с Киром и теперь должна отправиться жить к нему, ты бы оценил это, верно? Ты бы не бросился спасать меня? — В ответ на мои слова Натан сардонически[5] выгнул брови. — Вот именно поэтому я ничего не сказала.

С каждой проходящей секундой я все больше и больше понимала, как сильно все это время скучала по Натану, но одновременно с этим так же сильно опасалась, что сделала неверный выбор, согласившись жить с Киром. Между мной и мужчиной, стоящим передо мной, не существовало никаких кровных уз, которые могли бы вселить в меня ложные чувства. Неужели это значило, что они сильнее, чем то, что я ощущала к Киру?

Как в замедленной съемке Натан протянул свою руку через ворота, и я потянулась ему навстречу. Когда наши пальцы соприкоснулись, сквозь меня пробежало какое-то необычное чувство, отличающееся от тех, которые я испытывала к Киру из-за нашей кровной связи. В этих ощущениях не было темноты. Натан поглаживал мою ладонь, а затем наши пальцы переплелись, и мы просто какое-то время стояли и пристально смотрели друг на друга.

— Кэрри, ты хочешь уйти отсюда?

Я опустила голову.

— Правда?

— Правда! — Натан тихо засмеялся. — Я могу вытащить тебя отсюда вместе с Зигги.

Я обернулась и взглянула на дом. В окнах Кира горел свет.

— Я хочу уйти, но...

— Но связь тянет тебя назад, — Натан сжал мою руку.

Слеза упала с моих ресниц прямо ему на ладонь и почти мгновенно превратилась в кусочек льда от холода его кожи. Почему я плакала? Я хотела убежать отсюда, ведь так?

— Я не знаю, достаточно ли сильна, чтобы уйти от него, Натан. — Я не могла встретиться с ним взглядом. — Когда он далеко от меня, я не скучаю по нему. Но когда он рядом... чувствую, что нужна ему. Возможно, для тебя все это не имеет значения, но мне приятно осознавать, что я кому-то нужна.

— В этом есть смысл. Иначе, зачем еще ты решила бы стать врачом?

Слова Натана вернули меня в воспоминания, в которых я сидела рядом с доктором Фуллером в холодной раздевалке для медперсонала. Голос моего начальника колокольным звоном раздавался в моей голове: «Почему ты хочешь быть врачом?»

Я думала, что мне нужна была власть. Сейчас у меня появилась такая власть, но я не хотела пользоваться ею. Неужели Натан прав? Что я стала врачом не из-за какого-то бесчувственного стремления руководить, а желания быть необходимой и полезной совершенно незнакомым мне людям? Неужели я чувствую себя полноценным человеком только когда знаю, что кто-то нуждается во мне?

Самым обидным в моем откровении было то, что кто-то понял это раньше меня самой. Я, должно быть, самая наивная двадцативосьмилетняя женщина в мире.

— Кэрри, с тобой все в порядке?

Я взглянула на Натана:

— Я хочу уйти.

Он наклонил голову. Неуверенность отражалась на его лице.

— Ты имеешь в виду это?

Мысль о том, чтобы оставить такие вещи, как убежище и регулярное питание, должна было напугать меня. Но я не боялась. Когда умерли мои родители, я выжила одна. Единственной разницей было то, что сейчас я хотела быть сиротой.

— Да, — наконец ответила я. — Ты бы тоже убежал отсюда сломя голову, если бы увидел, какие здесь шторы.

Все еще держа мою руку, Натан подошел ближе к воротам и притянул меня к себе. Объятия были неловкими и причинявшими мне боль. Когда он отстранился, легкий румянец появился на его лице.

Значит, вампиры тоже краснеют.

— Слушай, план такой, — произнес он, предварительно прокашлявшись. — Когда мы явимся сюда, прячься. И что бы ты ни делала, не дерись ни с кем. Лучше будь поближе к Зигги. Они не тронут его. И, ради Бога, держись подальше от Кира. Он главная цель.

— Просто не делать глупостей. — После того видения я знала, что у Натана есть свои счета. Поэтому хорошо, что он не знал о том, что Кир сделал с Зигги.

— Я думаю, уже слишком поздно для этого. — То, как настороженно взгляд Натана бродил по моему лицу, придало оттенок тревоги его словам. Но в следующий момент напряженность исчезла. Натан порылся в своем кармане и достал оттуда крошечную бутылочку: — Возьми ее.

Даже не подумав, я засунула ту в свой бюстгальтер, чтобы получше спрятать.

— Что это?

— Святая вода.

Я быстро начала рыться в лифчике, чтобы вытащить ее оттуда.

— Бог мой! Ты мог хотя бы предупредить меня!

— Извини, — он засмеялся. — Я же не думал, что ты засунешь ее в такое место.

— Что мне делать с этим? — спросила я, как только достала пузырек.

— Будь осторожна. Вода может оставить сильный ожог. Но ты сможешь использовать ее, чтобы защитить себя, когда это будет необходимо.

Надеясь хоть немного успокоить его, я покачала головой:

— Мне это не потребуется. Уже долгое время он вообще не обращает на меня никакого внимания. — Осознав, что мой голос звучал тоскливо, я быстро добавила: — Не то, чтобы меня это волновало.

— Тебя волнует это, — тихо произнес Натан. — Именно поэтому он не заслуживает тебя.

— Натан... — начала говорить я, но он перебил меня.

— Мне нужно идти. Помни о том, что я сказал, и еще раз просмотрю планы, которые я дал тебе. Увидимся в субботу. — Он повернулся, сделал несколько шагов, но затем остановился и произнес не оборачиваясь: — Спасибо за то, что спасла мне жизнь.

Я достаточно хорошо его знала, чтобы понять, что когда Натан волновался, его акцент становился сильнее. Поэтому было практически невозможно разобрать его следующие слова:

— И, может, когда мы вытащим тебя и Зигги оттуда, ты расскажешь мне, понравился ли тебе рисунок.

Вернувшись в свою комнату, я вытащила свой портрет из тайника. После вечеринки мне придется сказать Натану, что на нем больше не изображена я. Потому что женщина на рисунке — совершенно другой человек. С ней еще ничего не случилось.

Но в скором времени должно было многое произойти.

* * *

Все, что должно было случиться со мной, оказалось перенести намного труднее, чем я ожидала. Кир находился в ужасном настроении, постоянно беспокоясь о предстоящем празднестве и гостях, которые, казалось, поселились у него навсегда. Основная часть моего плана состояла в том, чтобы помочь Зигги. Но успех зависел от того, смогу ли я управлять Киром. Однако было трудно манипулировать тем, кто даже не разговаривает с тобой. Суббота приближалась как неминуемая смерть. Я все больше отчаивалась, но не только потому, что мой план мог провалиться.

Как бы нечестно и неправильно это могло показаться, но я хотела провести свой последний день с Киром. Это было как предсмертное желание. Но, учитывая то, насколько умело он мог читать мои мысли, Кир либо был слишком занят, чтобы раскрыть мой обман, либо ждал подходящего случая, чтобы наказать меня в более удобное для себя время. По каким-то причинам мне не хотелось это выяснять. Но я даже предпочла бы рискнуть возможностью быть разоблаченной, лишь бы провести с ним несколько часов даже после того, как он заставил меня почувствовать себя такой... использованной.

В конце концов, я решила, что если хочу снова войти в милость Кира, то должна буду сделать первый шаг. В пятницу ночью я отправилась в его постель без приглашения, надев белую шелковую ночную сорочку, которую нашла у себя в шкафу, с бешено колотящимся сердцем, которое, казалось, готово было вырваться из груди. Охранников, стоящих у дверей покоев Кира, я смерила ледяным взглядом.

Когда я вошла в комнату моего создателя, то ожидала увидеть его вместе с Далией. Но он растянулся поперек кровати рядом с худенькой светловолосой девушкой. Она лежала спиной ко мне, а ее рука обнимала его за талию. Кир взглянул на меня голубыми глазами, разными, но похожими по цвету, и улыбнулся как человек, который только что узнал, что ему на обед будет подано его самое любимое блюдо.

— Надеюсь, я не отвлекла вас, — произнесла я, удивляясь своему странно сексуальному голосу. Должно быть, во всем виноваты мое нижнее белье, духи или макияж, но я действительно вошла в роль.

Кир резко оттолкнул от себя девушку. Но вместо того, чтобы вскочить на ноги и выбежать из комнаты, она просто как тряпичная кукла скатилась с постели. Ее голова была неестественно вывернута на сломанной шее. Я заметила, что у девушки не было одного глаза.

Я почти развернулась, чтобы уйти.

«Нет. Делай то, зачем пришла сюда».

Я, не поворачивая головы, позвала охранников. Как только они вошли в открытую дверь, я указала на мертвую девушку и старалась не показывать своего потрясения, когда они уносили ее прочь.

— Зрители здесь не нужны.

— В любом случае, она была скучной. Постоянно ныла, что хочет домой. — Кир взмахнул рукой. — Чем я заслужил столь приятный визит?

Я медленно подошла к нему, лаская руками через шелковую ткань свой живот, груди,

кожу над ключицей.

— Я скучала по тебе.

В его глазах отразилось подозрение.

— Я думал, что очень сильно не нравлюсь тебе. Это же были твои слова, ты помнишь?

— Может, ты и не нравишься мне. Я ведь могу прийти сюда просто ради секса.

Мое тело задрожало от этой мысли. Я взглянула на возбужденный член Кира и поняла, что мой создатель также голоден, как и я, несмотря на свою предыдущую встречу.

— Я хочу намного больше.

Я подошла к краю кровати, игнорируя кровь на ковре возле моих ног.

— Может быть, и я.

Кир улыбнулся, показывая кончики клыков, которые еще не втянулись обратно с момента его кормления. Облик вампира моего создателя казался более опасным в сравнении с его обычным лицом.

— Неужели есть то, что я могу дать тебе?

Я притворилась, что не понимаю, о чем он.

— Не знаю. Возможно.

— Все имеет свою цену, Кэрри.

Кир сел, свесив ноги с кровати. Глубоко вздохнув, я одной рукой приподняла свою сорочку чуть выше колен, а другой толкнула его на постель. Подняв шелковую ткань до пояса, я оседлала Кира и ввела его возбужденный член в себя.

Кир застонал, и я ахнула, когда полностью опустилась на его холодный пенис. Затем приподняла свои бедра, позволив члену почти до конца выйти наружу, и подставила горло ко рту моего создателя.

С ним произошли страшные изменения, как только он впился в мою шею. Я заставила себя сосредоточиться на моих ощущениях — на том, как он находится внутри меня, как кружится моя голова — чтобы Кир не почувствовал истинную причину, по которой я пришла сюда.

Или боль, которая внезапно пронзила мое сердце.

Сегодня мы вместе последний раз. Я не знаю, почему это беспокоило меня так сильно. Я списывала все чувства, которые испытывала к нему, на кровные узы. Но, может, они тут ни при чем. Может, он на самом деле волновал меня. Но я уже приняла решение. Пообещала Натану. А также мой долг — защитить Зигги. Сейчас не время думать о возможных ошибках. Если я, в конце концов, буду скорбеть о Кире, то это будет лишь мое бремя.

Я приподнялась на коленях так, чтобы только головка его члена находился внутри меня. Кир напрягся, пытаясь снова полностью погрузиться в мое тело, но я переместилась в сторону, разорвав наше соитие. Он прекратил настаивать.

— Ты пытаешься спрятаться от меня, — прошептал Кир, проводя языком по шраму, который оставил на моей шее. — Но ты недостаточно сильна. Я вижу, что ты хочешь. Скажи мне сама.

Мои руки тряслись, когда я убирала волосы с его лба. Был ли это трюк? Что на самом деле он видел?

— Я хочу сама выбрать того, кто достанется Пожирателю Душ.

Услышав мои слова, Кир замер на некоторое время, и я подумала, что он откажет мне. Или того хуже: раскроет мой обман и убьет меня на месте.

Обняв меня своими сильными руками и перевернув на спину, мой создатель резким

движением полностью вошел в меня. Одним безжалостным толчком.

Полагаю, я должна была чувствовать себя конченной шлюхой в данный момент, но облегчение было настолько огромным, что я почти рассмеялась. Запрокинув голову, я полностью отдалась ощущениям, которые испытывала от прикосновений рук моего создателя и его члена, находящегося внутри меня, а когда наступил оргазм, закричала так громко, что, несомненно, разбудила весь дом.

Кир кончил вскоре после меня, рухнув на мое тело с улыбкой на лице.

— Субботняя ночь надолго запомнится, — прохрипел он возле моей щеки.

Из уголка глаза у меня выкатилась слеза.

Ты даже не представляешь — как.

1. Персона нон грата — нежелательная персона, нежелательное лицо.

2. «Шарпи» — товарный знак канцелярских маркеров различного назначения, в том числе с нестираемыми или несмываемыми составами, производства компании "Санфорд"

3. Персефона — богиня плодородия и царства мёртвых, дочь Деметры и Зевса, супруга Аида (Плутона), который похитил её и унёс в своё царство.

4. Аид у греков (или Гадес) — в древнегреческой мифологии бог подземного царства мёртвых и название самого царства мёртвых.

Аид и Персефона

Аид похищает Персефону.

Мрачный Аид хотя находился постоянно в своих подземных владениях, поднимался наверх только по делам или же когда не мог побороть в себе очередное любовное увлечение. Аид царствовал вместе с супругой Персефой (Дочерью Зевса и Деметры), которук похитил, когда она собирала на лугу цветы. Похищая Персефону, он появился на упряжке из четырёх лошадей. Миф этот у Гомера не упоминается и локализовался в различных местах древнего мира, особенно в Элевсине и острове Сицилия, где, как считалось, и произошло похищение.

Мать Персефоны Деметра, богиня плодородия земли, в горестных поисках дочери забыла о своих обязанностях, и землю охватил голод. Зевс приказал возвратить Персефону матери. Однако Аид заставил её проглотить несколько зёрен граната, и дочь Деметры уже не могла окончательно покинуть подземное царство; она только часть года проводит с матерью на земле, а остальное время царствует в подземном мире. Зевс решил, что Персефона две трети года будет проводить на земле с матерью и одну треть — с Аидом.

5. Сардонически — злобно-насмешливо, язвительно.

ГЛАВА 17

С НОВЫМ ГОДОМ!

Когда я проснулась следующей ночью, Кир ушел. Я свернулась клубком на освобожденном им месте, ожидая тепла, но не нашла его. Конечно. Вампир. Какое тепло от тела? Я села, посмеиваясь над своей глупостью, но мое хорошее настроение исчезло при виде Далии, прислонившейся к закрытой двери.

— Что ты тут делаешь? — я натянула простыни на грудь и ощупью стала искать ночную рубашку в постельном белье.

Лицо Далии ничего не выражало, и она не смотрела мне в глаза.

— Ты любишь его?

Я понятия не имела, что ответить, чтобы не вызвать у нее ярость. Но надеялась, что правда придется ей по вкусу.

— Нет.

— Тогда почему ты все еще здесь? — ведьма постукивала ногой по двери в медленном, размеренном ритме.

— Не могу уйти.

— Я бы хотела, чтобы ты могла, — Далия рассмеялась. Не тем сумасшедшим смехом, который я слышала прежде, а сухим, горьким, усталым смешком. — Я бы хотела, чтобы я могла.

— Ты можешь, — я почувствовала себя немного виноватой из-за того, что лгала ей. Меньше чем через двадцать четыре часа я планировала скормить ее Пожирателю Душ. Я укрепила свое решение, вспоминая, как она ударила меня ножом в живот, сожгла мою квартиру, напала на Натана. И тот факт, что это она, по сути, оказалась причиной, по которой я застряла здесь.

Далия посмотрела мне прямо в глаза:

— Тебе известен Стокгольмский синдром?

Да. Я кивнула:

— Когда жертва, находящаяся в заложниках, начинает испытывать привязанность к своему тюремщику.

— Ты, вероятно, думаешь, что именно это здесь и происходит, так? — она провела рукой по спутанным кудрям.

— Может быть, — тихо ответила я, дотягиваясь до халата Кира, лежащего на краю кровати.

Взгляд ведьмы опустился к черному шелку в моих руках, и ее глаза сузились, когда я накинула халат на плечи. Но она не отошла от двери и не прекратила свое ритмичное постукивание.

— Ты ни хрена не знаешь о том, почему я здесь.

— Далия, — начала я, облизнув пересохшие губы. Мне надо было поесть и поскорей. Ее пухлая шея начинала выглядеть слишком аппетитно на мой вкус. — Ты влюблена в Кира?

— Я не знала, что он вампир. Раньше, — она прижала ладонь ко лбу, пока слезы струились по ее лицу. — Он говорил, что любит меня.

Завязав халат, я поспешно встала с кровати и подошла к Далии. Я не знала, что еще могу сделать, кроме как встать рядом с ней и предложить плечо, на котором она могла выплакать

свою боль.

— Кир, возможно, любил... любит тебя.

— Он был очарован мной, моей силой, — Далия шмыгнула носом. — А теперь я заперта здесь.

— Он боится тебя, — выпалила я. На ее лице застыло выражение безнадежности, и это разбило мне сердце. Я сочувствовала Далии, даже не смотря на то, что она мне сильно не нравилась. — Он боится твоей силы. Вот почему он не обращает тебя.

— Знаю, — отрезала ведьма. — Но это мне не помогает.

— А могло бы. Сегодня ночью здесь будет сотня вампиров. Если бы ты смогла найти хотя бы одного, который обратил бы тебя, то могла бы убежать от Кира.

Мысль о Далии с неограниченной силой возникла в моей голове на полсекунды позже. Но слова уже были сказаны, и я не могла забрать их обратно. К моему облегчению, та покачала головой, и ее прежняя язвительность вернулась.

— Ну да. Потому что это так легко — заставить вампира создать потомка.

Я не смогла удержаться от сарказма:

— Для меня так и было.

В ту же секунду мою щеку обжег удар. Глаза ведьмы сверкали от ярости. Далия повернулась кругом и махнула рукой в воздухе, как будто хотела убить муху. Дверь отлетела назад, почти слетев с петель, и Далия вышла в темный коридор.

Дрожа, я плотнее завернулась в халат Кира. Я не могла избавиться от чувства, что либо только что совершила невероятный акт милосердия, либо сделала огромную ошибку.

Субботняя ночь ознаменовалась суетой, поднятой напыщенными геями, которые занимались организацией праздников, и смущенными подростками, которые думали, что их пригласили на отвязную вечеринку. Первых тихо провели вокруг боковой стены поместья, чтобы они подготавливали вечеринку в саду при почти минусовой температуре, а последних завлекли в дом обещаниями алкоголя и наркотиков. Зигги и я стояли на балконе в фойе и наблюдали, как охранники гуртом ведут несчастных жертв к подвалу.

— Итак, я по существу конченный человек, ты мне это хочешь сказать? — Зигги надел аккуратно отглаженную рубашку и слаксы, стильный черный галстук был повязан вокруг его шеи. Даже сменив свой гардероб, парень выглядел асоциальным и немного пугающим. Но не для того, кто хорошо знал его. Я почти видела слово «страх», написанное у него на лбу.

Я надеялась, Зигги не обладал моей острой проницательностью. Я бы не казалась ему такой убедительной, если бы он мог понять, что мои внутренности трясутся, как голые ветки на зимнем ветру.

— Ты не конченный человек. Выбирать, кого возьмет Пожиратель Душ, буду я. Кир возьмет Далию, а потом бросит тебя толпе. Все очень просто.

— Ну да, — протянул Зигги. — Брошенный на милость сотни вампиров. И все же я почему-то пропустил ту часть, где говорилось о том, что я не конченный человек.

— Ты знаешь, как драться. И к тому времени сюда прибудет Натан. Не волнуйся об этом. Я не волнуюсь. — Я волновалась, но не намеревалась показывать ему это.

— А что насчет секретной службы там внизу? — Зигги указал на охранников под нами. — Нэйт и его парни не смогут тронуть их. Они — люди.

— Значит, их будет легче подчинить, — заметила я. — Кроме того, сегодня их здесь не так уж много, только необходимое для защиты количество.

Так Кларенс сказал мне перед тем, как ранее, этим вечером, отправился в домик

охраны. Чем меньше людей, тем меньше вероятность возникновения непорядков из-за кормления. Большую часть охранников уже отпустили. Особняк теперь охранялся лишь основным составом команды, который получает надбавку за опасные условия работы.

Казалось немного странным, что Кир оставил вечеринку такой незащищенной. Конечно, здесь присутствовала собственная команда безопасности Пожирателя Душ. Они, несомненно, были достаточно устрашающими, так что Кир чувствовал себя спокойно, доверив им охрану дома, полного противников «Движения», в самую знаменитую ночь года.

И это еще один факт, о котором Зигги не надо было волноваться.

— Теперь возвращайся в комнату, прежде чем кто-нибудь по ошибке примет тебя за крупный рогатый скот.

Глаза парнишки застыли на стаде в холле.

— Думаешь, кто-нибудь будет скучать по этим детям?

— Полагаю, Кир каждый год меняет место проведения вечеринки. Он сказал, что не может долго оставаться на одном месте, не вызывая подозрений. — Затем печаль в словах Зигги заставила меня осознать, что он имел в виду не только подростков внизу. — Натан скучает по тебе. Он любит тебя.

— Ну да. Догадываюсь, сегодня мы выясним это, так? — скорчив гримасу, он оттолкнулся от перил и направился по коридору.

Я хотела последовать за ним, зайти в свою комнату, запереть дверь и заснуть там, где упаду. Я провела день с подушкой на голове, пытаюсь заглушить звук проклятий и криков Кира, доносящихся из его комнаты, где он сходил с ума от любой ерунды, начиная с установки украшений на столы, пока я не начала нервничать из-за этой вечеринки также, как он.

Если Кир думал, что сейчас все идет плохо, то мне не терпелось увидеть, как он отреагирует, когда появятся незваные гости.

Нельзя было предсказать, как развернутся события. Всего через несколько часов я могла оказаться в безопасности, вдалеке от этого дома и всех искушений, которые были внутри. Или я могла умереть. Зигги мог умереть. Кир мог умереть. Черт, мы все могли умереть в одно и то же время от какого-нибудь непредвиденного происшествия. Я ничего не исключала.

Желая отвлечься от этих мрачных размышлений, да и потому что начали прибывать гости, я отправилась в свою комнату, чтобы надеть новое платье, которое для этого случая купил мне Кир. Когда Кларенс доставил этот предмет одежды, все мои плохие предчувствия по поводу этой ночи стали еще хуже. Это оказалось длинное, черно-красное бальное платье с тонкими бретельками и многоярусной юбкой из тюля. Я быстро закрыла чехол и уверила себя, что оно не так уж и плохо.

Я ошибалась. На самом деле, при повторном осмотре оно оказалось еще хуже.

— Я буду выглядеть как балерина из ада, — громко пожаловалась я, поднимая блестящий корсаж.

Не стоит упоминать тот факт, что бегать... черт, даже стоять... в туфлях, которые Кир купил к платью, было бы невозможно.

Нахмурившись, я достала негодную обувь из коробки. Натянула открытые кожаные туфли-пуанты на ноги и обвила темно-красными ленточками лодыжки. Туфли были бы удобными, если бы не высокие шпильки, которые гарантировали, что стоять мне на носочках.

Покачиваясь, я проковыляла в гостиную, где Зигги с выражением истинного неверия на лице встал, как настоящий джентльмен,

— Ты выглядишь по-настоящему классно.

— Спасибо, — я смущенно поправила прическу, чтобы удостовериться, что длинные, светлые пряди остались во французской косе, куда я их забрала. — Чувствую себя клоуном.

— Ты выглядишь как эротическая мечта мальчика-гота. Черт, я бы пошел с тобой, если бы ты предложила мне.

На секунду его озорная улыбка так напомнила мне Натана, что показалось невероятным, что между ними не было кровного родства.

— Буду считать это комплиментом. И я пас.

Послышался тихий стук в дверь. Я дала разрешение войти, ожидая увидеть Кларенса. Вместо этого дверь открыл один из охранников.

— Хозяин хочет видеть вас в холле, чтобы вы могли поприветствовать его отца.

Я вытерла внезапно вспотевшие ладони о юбку.

— Пожиратель Душ здесь?

— Хозяин Сеймур в пути, — предупреждающим тоном поправил меня мужчина.

— Ладно, — ответила я с каменным лицом. — Спущусь через минуту.

Дверь закрылась, но я знала, что охранник ждет снаружи. Я подошла к Зигги.

— Когда они приведут тебя на вечеринку, держись ко мне поближе, потому что...

— Потому что я — твоя страховка. Знаю, знаю, — он глубоко вздохнул. — Ты не собираешься передумать в последнюю минуту и позволить им съесть меня, ведь так?

— Я не планирую этого, — мое сердце было как кусок свинца в груди, и я импульсивно потянулась к парнишке, чтобы обнять его.

Спина Зигги напряглась под моими руками, его дыхание вырывалось толчками. Маленький мальчик, который все еще жил где-то глубоко у него внутри, оценил мою поддержку. Но я не стала подавать ему пустых надежд. Я не имела понятия, что случится, и не стала притворяться.

— Мне надо идти вниз.

Я не позволила себе оглянуться, выходя за дверь. Охранник ждал, чтобы сопроводить меня, как будто я сама не знала, куда идти. Он шел быстро и не предложил мне руку, так что я старалась изо всех сил не переломать ноги.

С трудом спускаясь по лестнице, я мельком увидела гостей, которые собрались в холле. Вампиры разных возрастов возбужденно болтали между собой. Везде, куда ни глянь, были дорогие меха и экзотические украшения. Даже «Клыки», казалось, приделались по этому случаю, хотя они, вероятно, все равно будут выкинуты на стоянку для грузовиков за нарушение дресс-кода.

Кир стоял перед главным входом. Я не могла видеть его лицо, но чувствовала его волнение от предстоящего воссоединения с отцом и грызущий страх, что что-то окажется не на высоте, что что-то пойдет не так. С уверенным видом я протолкалась через толпу. Не будет ничего хорошего, если я позволю моему создателю почувствовать собственное беспокойство, и все приготовления Натана пойдут прахом уже в одиннадцать часов.

Покачнувшись на своих шпильках, я упала на стройного вампира с лысой головой. Два маленьких рога торчали из его лба, а тонкие черные усы подрагивали от раздражения. Он выглядел как мультяшный дьявол с упаковки «Ред Хотс».

— Простите, — сказала я, пытаюсь выпрямиться и не пялиться на него.

Когда я, наконец, добралась до Кира, он обвил рукой мою талию, притянул ближе и поцеловал в щеку.

— Ты выглядишь прелестно.

— Спасибо. Но, может, в следующий раз ты позволишь мне самой выбрать обувь. — Я смущенным взглядом окинула вампиров вокруг нас: — Кто все эти люди?

Он пренебрежительно махнул рукой.

— Друзья отца, мои друзья. Союзники, знакомые. «Клыки».

Я улыбнулась, услышав отвращение в его голосе.

— Ах, но они нарядились в свои выходные костюмы. Они все вампиры?

— Да, но некоторые из них метисы.

— Метисы? — я оглянулась на мужчину с рогами. — Смешанные с кем-то еще?

— Ммм. У вампира, с которым ты только что столкнулась, в роду имеются демоны. Также здесь есть несколько вервольфов, — он наморщил нос. — Будь осторожна рядом с ними, они вполне могут трахнуть твою ногу.

— Вервольфы? — я помнила, что Натан говорил мне что-то такое. — Ты имеешь в виду оборотней?

Кир шикнул на меня.

— Помесь оборотней с вампирами. Но это название не политкорректно. Вервольфы делают огромные шаги, чтобы стать хоть частично цивилизованными, и они предпочитают, чтобы их не смешивали с меньшими братьями-волками. Боже мой, эти создания все еще живут в лесах, бегая стаями. Кто захочет, чтобы его причисляли к их роду?

Охранник вышел вперед.

— Сэр? Они подъезжают.

Кир сделал глубокий вдох и повернулся ко мне.

— Ты готова?

Я была не уверена, к чему должна быть готова, но кивнула. Когда охранники открыли двери, мы с Киrom вышли, и он все еще крепко прижимал меня к себе.

Ночной воздух, коснувшийся нас на верхней ступеньке, был холодным. В лунном свете я увидела, что ворота в конце подъездной дорожки открыты. В них въехал длинный седан, за которым следовал катафалк. Еще один седан завершал автоколонну. Они подъехали к стоянке в начале дорожки, катафалк остановился у главного входа.

Восемь мужчин одинакового роста, вида и в одинаковых черных костюмах вышли из машин. Из катафалка появился шофер. Он церемонно открыл заднюю дверь, открывая нашему взору сверкающий бронзовый гроб.

Кир выпрямился рядом со мной. Я подумала, что увидела слезу на его щеке, но это могла быть капля крови из его испортившегося замененного глаза. Мой создатель смахнул ее дрожащей рукой.

Мужчины подняли гроб на плечи и понесли его к дому. Кир повернулся и увлек меня обратно внутрь дома. Я посмотрела через плечо и увидела, что носильщики гроба следуют за нами.

Толпа расступилась и позволила процессии пройти. Я видела, как некоторые из вампиров склоняли головы, когда мы проходили мимо. Те, кто не делали этого, смотрели или с интересом, или со скукой, а «Клыки» отсалютовали пивными бутылками нашему странному каравану, идущему через холл.

Охранники открыли двери в кабинет. Мебель внутри была убрана, чтобы освободить

место для большого помоста, окруженного изящными украшениями из белых и черных гвоздик. Мужчины, несущие гроб, прошли мимо нас и осторожно положили его на место.

— Благодарю вас, джентльмены, — тихо сказал Кир. — Мои охранники позаботятся о том, чтобы вас накормили.

Двери закрылись, оставляя нас наедине с Пожирателем Душ. Кир опустился на колени рядом с гробом и с благоговением положил руки на бронзовую крышку. Он склонил голову, его волосы упали вперед, закрывая лицо. Он прижался губами к поверхности крышки, и я услышала его шепот:

— Добро пожаловать домой, отец.

Я почувствовала себя виноватой за то, что наблюдала за этой беседой. Кир был уязвим, а я стояла здесь, как будто не собиралась воткнуть нож ему в спину.

Мой создатель поднялся, повернулся ко мне и протянул руку, приглашая меня подойти ближе.

— Кэрри, познакомься с моим отцом.

Отвратительные бабочки запорхали в моем животе. Я опустилась на колени рядом с гробом, как это делал Кир, и провела дрожащей рукой по крышке.

Никогда в своей жизни я не чувствовала такой сильной ненависти. Она исходила из гроба под моими пальцами и клубилась вокруг меня, как завитки алого дыма. Мои руки задрожали, когда я попыталась убрать их. Я могла слышать лишь предсмертные крики. Когда я закрыла глаза, боль и мука окружили меня. Клыки и когти, разрывающие плоть. Кровь, льющаяся из разорванных артерий. Я открыла рот, чтобы закричать, а когда не смогла издать ни звука, поняла, что вообще не могу двинуть губами.

Когда тайная сила освободила меня, я рывком убрала руки. На лбу выступил пот.

Стоящий рядом со мной Кир, казалось, ничего не заметил. Он ласково поглаживал гладкий металл гроба, будто за гипнотизированный его сверкающей поверхностью.

— Отец, это Кэрри. Мой потомок и твоя новая дочь. Надеюсь, ты считаешь ее достойной твоей крови.

Что-то говорило мне, что мой новоиспеченный свекор не думал, что я соответствую его ожиданиям. Я прикусила губу и молча взмолилась, чтобы Кир не заметил, что я почувствовала, и не убил меня прямо здесь. Но что бы он ни испытывал, касаясь гроба отца, выражение безмятежного удовольствия на его лице не изменилось.

— Я бы хотел провести немного времени наедине с отцом. Ты проследишь за оставшимися приготовлениями к ужину?

Я медленно кивнула, не отводя глаз от гроба. Я была совершенно уверена, что не заслужу расположения папочки, просто убедившись, что салфетки сложены должным образом, но это было лучше, чем стать свидетелем воссоединения этой ужасной семьи.

— Конечно. Без проблем.

Немного послонявшись по комнатам, я внимательней присмотрелась к участникам вечеринки. Было забавно пытаться определить, кто из них вампир, кто мог быть оборотнем, и сколько денег они потратили на свои наряды.

Гости бродили по холлу и столовой, потягивая коктейли с кровью и болтая о политике и искусстве. Ряд стульев стоял вдоль одной из стен столовой, и к ним были прикованы несколько домашних животных, которым не повезло. Они висели в бессознательном состоянии, а голодные вампиры пили кровь из дыр на их шеях. Животных, которые уже умерли, бесцеремонно отбрасывали в кучу в углу, а охранники втаскивали упирающуюся

замену.

«Клыки» уже оккупировали сад. Некоторые развалились в изящных креслах, арендованных для этого события, и взгромоздили тяжелые ботинки на безукоризненно чистые скатерти. Другие вытащили выдающуюся стереосистему и включили на полную катушку хеви-металл, чтобы заглушить скрипичный квартет, играющий на террасе. Я подумала, что мне стоило бы напомнить им о манерах, но потом решила не делать этого. Мне хотелось увидеть лицо Кира, когда он узнает, что его изысканная вечеринка в саду превратилась в бал металлистов.

К одиннадцати сорока пяти стало казаться, что все вампиры нашей планеты втиснулись в этот парк. По крайней мере, все злые вампиры. Кир вышел в фойе без пяти час и поприветствовал собравшихся. Затем охранники сопроводили всех в сад. Я была прямо позади них, когда Кир остановил меня.

— Подожди, — он кивнул единственному оставшемуся охраннику, который пробормотал что-то в свою рацию. — Ты хотела получить право выбора. Я не буду противиться этому.

Мой создатель положил что-то твердое и тяжелое мне в руку. Разжав пальцы, я задохнулась. На моей ладони был кулон в виде дракона, но бриллиант был заменен огромным рубином.

— Тебе нравится? Я подумал, что пришло время перемен, — Кир прижался губами к моей щеке. — Ты даже не представляешь, как много значит для меня то, что ты рядом со мной сегодня.

Два охранника сопровождали Далию и Зигги, спускающихся по лестнице. Ведьма выглядела торжествующей и уверенной в себе. Парнишка казался испуганным.

— Привет, — прошептала я, слабо улыбнувшись ему.

Кир вышел вперед, чтобы изучить пару.

— Далия, ты выглядишь прекрасно, как всегда.

Она послала мне самодовольную улыбку, затем повернулась обратно, чтобы полюбоваться Киром. Тот подошел к Зигги, чья элегантная внешность явно впечатлила моего создателя.

— Нервничаешь?

Зигги покачал головой.

— Хорошо, — продолжил Кир. — Для этого нет причин, — он несколько мгновений вышагивал взад-вперед перед ними. — Как вы знаете, каждый год мне приходится делать сложный выбор. Из всех моих животных двое должны выжить этой ночью, чтобы сделать наше торжество законченным. И все же только один может занять почетное место на нашем празднике. До нынешнего момента я сам должен был решать, кому достанется эта честь.

— До нынешнего момента? — глаза Далии расширились.

— Не перебивай мужчину, когда тот говорит, — язвительно заметил Зигги. Я бросила на него предостерегающий взгляд.

Кир остановился.

— Как я сказал, до нынешнего момента я должен был сам решать, кому достанется эта честь. В этом году я могу насладиться, глядя, как мой потомок исполняет эту обязанность. Кэрри?

Я вышла вперед и без колебаний указала на Далию:

— Она.

Кир поднял бровь:

— Интересный выбор.

— Почему ты так говоришь?

Но он уже забрал кулон из моей руки. Далия завизжала и хлопала в ладоши, затем наклонилась вперед, поднимая волосы. Кир застегнул цепочку вокруг ее шеи и отошел.

— Хозяин, первое блюдо готово.

При звуке голоса охранника Кир повернулся ко мне.

— Мы ведь не хотим заставлять наших гостей ждать, — он протянул руку, и я взяла ее, бросив обнадеживающий взгляд на Зигги. Кир направился вперед, Далия была так поглощена своим новым призом, что никто из них не заметил, как я беззвучно прошептала парнишке: «Будь рядом».

Мы вышли на террасу в круг оваций. Охранник не дал Зигги и Далии появиться вместе с нами. Стеклопанная дверь хлопнула, оставляя их внутри.

— Дамы и господа, — начал Кир, и его голос прорвался сквозь взволнованный гул. — Благодарю вас за то, что пришли. Возможность разделить эту ночь с такими хорошими друзьями согревает мое сердце.

За этими словами последовали вежливые аплодисменты. Я старалась не осматривать стены сада в поисках признаков «Движения». Время уже почти наступило. Натан обещал, что они придут ночью.

Кавалерия не появилась. Даже во время скучной речи Кира о важности традиций и надвигающейся угрозе вымирания.

Господи, как будто он собирался участвовать в выборах.

Наконец, он закончил какими-то приторными банальностями о старой и новой дружбе, хлопнул в ладоши и дал сигнал охранникам, ждущим за французскими окнами.

— Как вы знаете, наши почетные гости появятся через минуту. Пожалуйста, помните, что один из них предназначен для Пожирателя Душ, а другой — наше традиционное первое блюдо.

Далия и Зигги присоединились к нам на террасе. Когда я посмотрела на сияющее лицо ведьмы, меня пронзило чувство вины. Она думала, ее выбрали для великой чести. Судьба, на которую я обрекла ее, будет хуже, чем смерть, когда Джейкоб Сеймур уничтожит ее душу.

Кир махнул Далии, чтобы она вышла вперед. Я ждала, что он погрузит клыки в ее шею, чтобы начать процесс и быстро обратиться для Пожирателя Душ.

Два охранника вышли вперед и схватили Зигги за руки. Я полагала, что они готовятся бросить его в толпу.

Натан, где же ты?

Я почувствовала тошноту, когда увидела, как Кир схватил Далию за волосы.

— Дамы и господа, приятного аппетита!

И он сбросил ведьму с террасы.

ГЛАВА 18

Пожиратель Душ

Замешательство отразилось на лице ведьмы, когда перед ней внезапно выросли вампиры и схватили ее. Далия боролась с их жадными, цепкими руками, не отрывая от нас пристального взгляда.

— Кир? Что происходит?

Мое собственное запаниковавшее сознание эхом повторило ее вопрос.

— Это то, чего ты хотела! — Кир зарычал на меня, прежде чем наброситься на Зигги.

— Я думала, ты скормишь ее своему отцу! — Я схватила моего создателя за руку, но у меня не хватило сил удержать его, когда он отвернулся от меня.

— Черта с два! — Зигги боролся с охранниками, и ему на самом деле удалось пробиться через их ряды. Он упал на твердый каменный пол и стал пятиться назад на четвереньках, как испуганный краб.

Но не смог далеко уйти.

— Нет! — закричала я, когда Кир налетел на него. Раздался отвратительный хруст, когда клыки рвали мышцы и вены. Мучительные крики Зигги заполнили все помещение. Предсмертный хрип вырвался из его горла, заглушенный звуком булькающей во рту крови.

Мне нужно было найти что-то — все, что угодно — чтобы использовать в качестве оружия. Крики Зигги стали тише, а потом и вовсе прекратились, и его тело обмякло на руках Кира.

Далия чувствовала себя намного лучше. Она выкрикнула какое-то заклинание, и вампиров отбросило от нее мощной волной. Не оборачиваясь, ведьма побежала к лабиринту. «Клыки» бросились за ней с громкими воплями, а потом исчезли за темной стеной живой изгороди. Нападавшие на Далию, которых она сбила с ног, начали что-то удивленно бормотать и оглядываться по сторонам.

Кир поднялся на ноги и оставил Зигги без сознания там, где он лежал. Я с отвращением наблюдала, как мой создатель вытер ручьи стекавшей с подбородка крови и поднял руки. Грубый голос и страшное лицо вампира делали его еще большим злом, чем это вообще было возможно.

— Дамы и господа, наслаждайтесь охотой!

Позади нас распахнулись двери, и обезумевшая толпа людей стала заполнять террасу. Они бежали, спасая свои жизни, и затоптали бы Зигги, если бы я не бросилась на колени и, склонившись над ним, не прикрыла собой его израненное тело.

— Зигги, ты слышишь меня? — Я притянула мальчишку к себе и прижала руку к ране на его шее. Кровь должна была бы фонтаном бить из его истерзанного горла, если бы она там осталась. Он открыл глаза, но они тут же закрылись, когда его тело оказалось целиком в моих объятиях.

Большинство домашних животных бежало прямо к лабиринту, подгоняемое сбившимися в кучу и преследовавшими их вампирами. Несколько человек выбилось их общей группы, но были пойманы, когда пытались вскарабкаться на стену из растений.

Кир долгое время просто наблюдал. Что-то похожее на гордость отражалось на его лице. Затем он повернулся к нам и поднял свою руку.

— Мне обратить его или ты хочешь сделать это?

— Нет! — я снова закричала, пытаясь спрятать Зигги, наклонившись над ним, но мой ответ поглотил шум от возникшего столпотворения. — Я сделала ошибку. Я хотела, чтобы жил он.

— Ну, это не так уж плохо, верно? — бесстрастно спросил Кир. — Послушай, мы дадим тебе еще одну возможность.

Слезы катились по моим щекам, оставляя жгучую боль на холодной коже.

— Все случилось совсем не так, как должно было.

— О чем ты говоришь? — Кир нахмурился.

Мой создатель заподозрил что-то. Из-за криков и разрушений вокруг нас я позволила своей защите пасть. Моя вина и ужас проникли в нашу кровную связь.

Но внезапно раздался грохот, заглушающий окружающий нас шум. Равномерные глухие звуки крутящихся и разрезающих воздух винтов. Я часто слышала их в больнице, когда жертв каких-либо происшествий доставляли на вертолетах.

Но медицинский вертолет не имел ничего общего со своими опустившимися ниже уровня деревьев сородичами: обтекаемой формы, черными и явно военными. Завороженная крутящимися лезвиями, я пристально смотрела на небо. Мое сердце наполнилось смесью страха и надежды. Спасение пришло, но слишком поздно для Зигги.

Или для меня, если уж на то пошло. Никто не мог обеспечить мою безопасность, кроме Натана. Я обхватила Зигги за грудь и встала, приподняв его. Он застонал, и кровь потоком хлынула на мои руки. Парнишка так долго не протянет.

Кир что-то повелительно закричал своим охранникам. Новые вопли послышались из лабиринта живой изгороди — осязаемый ужас пойманных в ловушку вампиров, которые один за другим осознавали, что случилось. Прожекторы, расположенные на вертолете, включились и загорелись ультрафиолетовым лучами, освещая газон искусственным солнечным светом.

От жара и ослепительного блеска моя кожа зашипела. Но воздействия этих лучей было недостаточно, чтобы убить меня, потому что мы находились на затененном крыльце. Другим не так повезло. Несколько вампиров, появившихся из лабиринта, вспыхнули пламенем и сгорели заживо, прежде чем успели добежать до террасы. Лишь некоторые добрались до дома, отпихнув нас, когда пробегали мимо, чтобы побыстрее скрыться за стеклянными дверями.

Длинные веревки упали с обеих сторон каждого вертолета, и темные фигуры начали спускаться на газон.

Прибыли убийцы.

Два десятка боевиков, облаченные с ног до головы во все черное, соскочили на землю. Их головы были покрыты капюшонами, а глаза защищали темные защитные очки. Кожаные перчатки и сапоги облегли их руки и ноги. Ни единого сантиметра голого тела не было видно.

Они хорошо подготовились. Вампиры, которые не сгорели, в одно мгновение были проткнуты кольями. Некоторым снесли головы длинными острыми ножами.

Зрелище ужасное! Обезглавленные тела вспыхивали огнем. Кожа и мышцы осыпались хлопьями и превращались в угольки, горящие на ветру, создаваемом крутящимися винтами вертолета. И на какое-то мгновение все, что оставалось от тел вампиров, внезапно озарялось синим пламенем там, где, вероятно, находилось сердце, прежде чем ребра не превращались в прах, который оседал на газоне.

Кир пронесся мимо меня. Правая сторона его лица была обожжена.

— Я разберусь с тобой позже! Беги!

Но я не могла оставить Зигги умирать одного. Я двинулась к двери, изо всех сил таща его за собой, в то время как мой создатель трусливо убежал, беспокоясь лишь о собственной безопасности.

Убийцы выстроились в линию смерти на газоне. Тонкая струйка дыма исходила от головы одного из них. Он поднял рацию ко рту и прокричал, чтобы выключили свет прожекторов.

Я осмотрела газон в поисках хоть какого-то знака присутствия Натана. Как я могла найти его, если они все одеты одинаково? Один из них указал в моем направлении, когда я подобралась к двери.

— Не троньте его! — закричала я, опуская Зигги на мраморный пол в холле. Я склонилась над ним, прикрывая его своим телом, и сморщилась, услышав хрипы в его груди. — Он человек. Не трогайте его!

Не говоря ни единого слова, убийца наклонился и приподнял ноги Зигги, а потом рывкнул на остальных ворвавшихся в холл:

— Прочешите весь периметр, переверните дом с ног на голову. Макс, Эми, принесите фонари. И ради Бога, давайте найдем Пожирателя Душ. Кэрри, возьми его за плечи!

Это был Натан.

До конца не осознавая происходящего, я схватила Зигги под мышки и, увидев, что двери были открыты, кивнула Натану в направлении кабинета. Там было темно, но мои глаза приспособились через какое-то время, и я смогла провести Натана в дальний угол, подальше от двери. Он опустил Зигги на пол и снял капюшон, чтобы осмотреть рану.

— Она очень серьезна! — тихо произнесла я. — Даже если мы доставим его в отделение скорой помощи прямо сейчас...

— Замолчи! — крикнул Натан, сжимая Зигги в своих объятиях. — С ним все будет в порядке. Правда, сынок?

Голова Зигги слегка повернулась, и он подавился кровью, пытаясь что-то сказать. Мы смогли понять только два слова. Одним было «дом». Вторым — «отец».

— Да, мы поедem домой, — прошептал Натан, убирая волосы со лба паренька. — Папочка приехал за тобой. И мы поедem домой.

Я прикрыла рот, чтобы сдержать рыдания, неудержимо рвущиеся из горла. Снаружи, за дверью, разгорелась нешуточная война. Никто не знал, что в этой комнате отец держал на руках своего умирающего сына.

Никто, кроме нас... и Пожирателя Душ.

Я забыла о его присутствии. Даже проходя мимо гроба, когда мы вошли в комнату, я не задумалась о нем ни на секунду. Но сейчас страх сковал меня. Мой взгляд упал на гроб. Он был пуст, а крышка сорвана с петель.

— Натан...

Я поняла, что помощи ждать не следует, как только увидела, как он, прижав Зигги к груди, отрешенно покачивался из стороны в сторону на твердом полу. Зрелище этого причиняло мне настоящую боль. Мне пришлось отвернуться.

Пожиратель Душ находился где-то в доме.

Тут я вспомнила о пузырьке со святой водой, который Натан дал мне, и который я засунула в свой бюстгальтер, когда одевалась на вечеринку. Я вытащила флакон оттуда в тот

момент, когда повернулась дверная ручка.

— Натан!

Он вскочил на ноги рядом со мной. На его лице не отражалось никаких эмоций.

— Зигги мертв!

— Мне так жаль, — прошептала я. — Я могу что-нибудь...

— На это сейчас действительно нет времени. — Натан встал передо мной. — Что бы ни вошло в эту дверь, беги со всех ног!

— Что?

Но тут двери распахнулись. Кир стоял в проеме. Ярость еще больше обезобразила его обожженное лицо.

— Я должен был догадаться! — прошипел он. Единственный глаз перемещался с меня на Натана.

Тот шагнул вперед.

— Саймон Сеймур, сын Джейкоба Сеймура, согласно приказу «Добровольного Движения Уничтожения Вампиров» тебе вменяются в вину преступные деяния против человечества, ты обвиняешься в создании новых вампиров и пособничестве злодеяниям твоего отца, Пожирателя Душ. Не говоря уже о его собственных преступлениях. Что ты скажешь в свое оправдание?

Жестокая улыбка скривила губы Кира.

— Я никогда не оправдываюсь. Я не такой жалкий щенок, как ты.

Натан не сдвинулся с места, когда Кир подошел ближе. Он настороженно наблюдал за моим создателем, как будто был ядовитой змеей, готовящейся нанести удар.

— Милый Нолен. Глупый, как обычно.

Натан сжал кулаки:

— Как ты объяснишь свои преступления?

— А это важно? Я безоружен, чего не скажешь о вас. Вы можете свалить меня с ног, учитывая мое нынешнее состояние. И после точно просчитанной паузы добавил: — Как ты поступил со своей женой.

Тело Натана, и так напряженное до предела, резко дернулось. Я ощутила желание убить Натана, когда его руки сомкнулись на горле моего создателя. Мое сердце сжалось от мысли, что он мог нанести вред Киру.

— Ты думаешь, она выживет без меня? — прохрипел Кир. — Между нами слишком сильная связь. Но это не имеет никакого значения, не так ли? Ты ведь даже не смог спасти жалкого мальчишку.

— Заткнись! — зарычал Натан, прижав Кира к стене.

Как бы издалека, сквозь безумный стук моего пульса, до меня долетел смех моего создателя.

— Ты ведь сам не веришь, что изменился лишь потому, что убил несколько плохих парней?

Натан ударил Кира головой об стену, и я внезапно упала на пол. Мою грудь болезненно сжало, и я могла делать только короткие частые вдохи.

Когда мой создатель заговорил, его голос был отрывистым, но в нем отчетливо ощущалась ненависть.

— Убей меня тогда, Нолен. Это стоит того, чтобы увидеть удовлетворение в твоих глазах. Я умру, зная, что ты достоин крови нашего создателя.

Руки Натана с яростью сжали горло Кира, но тот внезапно подобрался и оттолкнул Натана от себя. С силой. Натан потерял равновесие и упал на пол. Но когда поднялся, то прорычал:

— Я заберу ее с собой.

Кир отступил в сторону, потирая шею, и прислонился к стене.

— Прекрасно. Она полностью в твоём распоряжении.

Но прежде чем я и Натан успели сообразить, в чем дело, Кир бросился вперед и схватил меня за запястье, прижимая к себе, как в танце.

— Сколько кусочков ты бы хотел получить от нее? Два?

Он стал выворачивать мою руку, пока длинная кость предплечья не хрустнула, как сухая ветка. До этого я никогда не ломала кости. Черт, было очень больно.

Закричав от боли и злости, как раненое животное, я изо всех сил сжала пузырек, который все это время держала в кулаке, чтобы разбить его. Если бы пришлось, я бы обоих обрызгала этой водой.

— Что это? — прошипел Кир мне на ухо. — Знак преданности твоего рыцаря-защитника?

Он разжал мои пальцы и схватил пузырек. Рукой грубо сжал мой подбородок и резко надавил, опуская челюсть вниз.

— Все это время ты позволяла меня думать, что я наконец-то создал идеальную спутницу для себя, но ты всего лишь ждала подходящего случая, чтобы воткнуть кол мне в сердце. — Он снял пробку с флакона и наклонил его. Одна капля висела на краю, готовая упасть в мой открытый рот. — Мы похожи друг на друга больше, чем я думал.

— Не делай этого, — предупредил его Натан.

— А что? Ты убьешь меня? Ты уже доказал, что не можешь сделать это. Но тебе это тоже понравится. — Кир еще сильнее наклонил бутылочку. Свисающая капля задрожала, и я закрыла глаза.

Я не была готова умирать. Возможно, у меня не осталось ничего, ради чего стоило бы жить, но даже пустая жизнь казалась намного лучше, чем неизвестная загробная.

— Пожалуйста, — простонала я, стараясь, чтобы мои слова звучали как можно убедительнее в условиях ограниченной подвижности челюсти.

— Ой, заткнись, Кэрри! В какого же беспомощного зверька ты превратилась. Ты думаешь, что можешь предать меня и выйти сухой из воды? — Его пальцы еще сильнее сжали мое лицо. — И что ты планировала? Молить о пощаде? Сказать, что любишь меня?

Хотя признание жгло мою душу, я слегка кивнула, боясь, что из-за этого движения капля упадет на мою плоть.

— Я люблю тебя. — Это было не совсем ложью, но он не купился. Я не могла винить его.

— Ты думаешь, я дурак? Думаешь, я не почувствовал твоего предательства? — Он лизнул мое ухо. — Каждую секунду, пока я находился в тебе, я чувствовал твою неуверенность. Страх, который я вызывал в тебе. Ты так и не сделала выбор.

Натан шумно вдохнул, и мое лицо залила краска горячего стыда.

— О! Это что, беспокоит тебя, Нолен? — Кир слегка прикусил кожу моей шеи. — Бьюсь об заклад, ты думал, что спасаешь непорочную девицу. Не позволяй ей дурачить тебя. Она умоляла меня об этом. Она позволила мне использовать себя как шлюху и пила мою кровь в качестве оплаты.

— Истинный джентльмен никогда не рассказывает о деталях своей личной жизни, — мрачно пошутил Натан.

Как он мог шутить в такой момент?

— Я никогда не утверждал, что таковым являюсь. Также как присутствующие в этой комнате. Я не отрицаю свою истинную сущность.

Кир позволил капле святой воды упасть. Я резко дернулась, и она приземлилась на голое плечо моей травмированной руки. Жидкость прожигала мою кожу и плоть, как выпущенная из пистолета пуля. Я закусила губу, чтобы подавить крик, готовый вырваться наружу.

— Как бы я хотел, чтобы ты закричала, Кэрри. Твои вопли очаровательны. — Он вздохнул и снова наклонил пузырек. — Ах, да! Это одна из тех вещей, по которым я буду скучать!

Пузырек вылетел из его руки, прежде чем Кир успел вылить содержимое на меня. Его хватка ослабла. Я упала на пол. Рукой пошевелить не могла: чувствовала, что она как будто отделена от тела, поскольку неподвижно свисала сбоку.

Натан прижал Кира к стене, и его лицо изменилось: он сверкнул своими клыками. Святая вода попала им на ноги, и дым поднимался от пола в том месте, где она прожгла плоть.

Кир поднял ногу и толкнул ею Натана. Тот упал на пол и откатился в сторону. Я увидела, как Кир достает кол из рукава. Меня не должно было удивлять, что он солгал насчет того, что был безоружен.

Я прыгнула на своего создателя, впиваясь ногтями ему в лицо. Один палец скользнул в его пустую глазницу. Я старалась пересилить себя, чтобы не отдернуть руку от испытываемого отвращения. Кир яростно завертелся и сбросил меня с себя, но мне удалось приземлиться на ноги. Когда он прекратил вытирать кровь, текущую из глаза, я опять прыгнула на него, набросившись сзади и обхватив его ногами за талию. Он резко откинулся назад, прижав меня своим телом к стене. Из моих легких вырвался свист, и я скользнула на пол, схватившись за грудь. Мой создатель склонился надо мной, готовый нанести удар.

Натан вскочил на ноги и нанес удар локтем Киру в затылок. Мой создатель рухнул на пол. Натан до тех пор наносил безжалостные удары по его голове, пока Кир не перестал шевелиться.

— Он мертв? — с трудом выговаривая слова, я поднялась на ноги, оперевшись на руку Натана.

Он даже не посмотрел на меня. Его взгляд был сосредоточен на неподвижном теле Зигги.

— Нет. Но он не долго пробудет в отключке. Я только заберу Зигги, и мы уходим.

Как только он произнес эти слова, двери слетели с петель.

Мощный зловонный ветер подул прямо на нас, обдав градом щепок. Пепел вспыхнул в холодном камине, когда пламя появилось из ниоткуда, а мебель в комнате перевернулась от ударной волны.

Высокий, болезненно выглядевший вампир вошел в комнату. Его глаза горели красным, а длинные седые волосы волочились за ним, когда он плавно двигался по полу. Я почти смогла побороть удушающее зловоние разложения, и, хотя он выглядел намного старше, узнала его.

Это был отец Кира.

Пожиратель Душ.

— Кэрри, беги! — закричал Натан, а сам бросился за телом Зигги.

Я схватила его за руку.

— Нет, Натан! Ты больше ничего не сможешь для него сделать.

Старый вампир медленно приближался. Он вытянул свои окровавленные когтистые руки.

— Не уходи! Я так голоден! — произнес он. Казалось, одновременно звучали голоса нескольких людей.

— Да пошел ты! — крикнул Натан, и на мгновение я подумала, что он бросится на него без оружия. — Ты все у меня забрал! — Он полностью потерял над собой контроль. Я никогда не видела, чтобы кто-то был так зол, как этот мужчина. Вся обида и гнев, которые он долгое время сдерживал, наконец вырвались на свободу, когда Натан закричал на Пожирателя Душ.

Вампир склонил голову, как маленький ребенок, который не понимал, за что его наказали.

— Просто дай мне попробовать. Хоть немного.

Пожиратель Душ указал на меня.

— Ты! Иди ко мне!

— Нет! — Натан схватил меня за руку и бросился к двери.

— Не убегай от меня. — Голос вампира походил на огонь. — Я чувствую в тебе свою кровь. Почему ты не подчиняешься своему создателю?

— Я больше никогда этого не сделаю!

Убийцы из «Движения» спускались вниз по лестнице.

Некоторые из них уже сняли свои капюшоны. В знак успешно выполненной работы они хлопали друг друга по ладоням, «давая пять».

— Уходите отсюда! — закричал Натан. — Пожиратель Душ проснулся!

Мне никогда не приходило на ум, что их план может сработать, только если Пожиратель Душ будет находиться в вегетативном[1] состоянии. Но сейчас от старого вампира веяло могуществом. Логика и инстинкт столкнулись в моем мозгу, и я поняла, что даже такое большое количество убийц из «Движения» не шло ни в какое сравнение с силой отца Кира.

Они тоже знали это. Поэтому не раздумывали ни секунды. Все ринулись к задней двери, некоторые даже перепрыгивали через перила лестницы, чтобы побыстрее выбраться отсюда.

Но для нас Натан нашел другой выход. Я споткнулась из-за своей смешной и неудобной обуви и подвернула лодыжку. Но Натан все воспринял хладнокровно.

— Держись! — приказал он и, схватив меня на руки и перекинув через плечо, как мешок с картошкой, побежал к центральному входу, затем вниз по ступенькам, по дорожке и прямо через покрытый снегом газон. — Еще немного осталось! — повторял он снова и снова. Это было своего рода успокаивающим заклинанием больше для него самого, нежели для меня.

Здоровой рукой я держалась за него изо всех сил, пока Натан несея по траве.

«Пожалуйста, только не упади и не сломай наши шеи. Не сейчас. Не тогда, когда мы уже почти выбрались отсюда».

Ворота были закрыты.

— Ты сможешь перелезть?

Я пошевелила неповрежденной рукой:

— Могу попробовать.

— Уже хорошо. — Натан помог мне подняться. Я подтянулась до верха, потом соскочила и приземлилась на ноги прямо на тротуар. Высокий каблук туфли сломался, и моя и так уже травмированная нога еще сильнее подвернулась. Я громко выругалась от боли.

Натан был на верху ворот, когда услышал меня. Он спрыгнул и приземлился рядом со мной, а потом повернулся ко мне:

— Ты можешь идти?

— Не думаю, — покачала я головой.

Он поднял меня на руки и побежал через улицу прямо к фургону Зигги.

Натан открыл дверцу ключом и опустил меня на пассажирское сиденье, а сам запрыгнул на водительское кресло и включил зажигание. Я схватилась за приборную панель, когда он нажал на газ.

Взглянув в зеркало заднего вида, я наблюдала, как мы мчались навстречу спасению. Позади нас три черных вертолета поднялись в ночное небо, и в это время показались крохотные мерцающие огни приближающихся полицейских машин.

— С тобой все будет в порядке, — хрипло сказал Натан. — С нами все будет в порядке.

Я поверила ему, увидев уверенность, отражающуюся на его лице. И так как мне больше ничего не оставалось делать, я откинулась на сидении и закрыла глаза.

1. Вегетативный — растительный, живущий растительной жизнью.

ГЛАВА 19

Убийцы

Я проснулась рядом с Натаном в его постели. Последние лучи солнца постепенно угасали в небе, заливая всю комнату розовым светом.

Стараясь не разбудить Натана и не задеть свою раненую руку, я села. Прежде чем мы оба рухнули от усталости, он сделал для руки импровизированную перевязь из старой футболки, но кости пока не срослись. Могло бы быть и хуже, если бы Натан не помог мне.

Его глаза были закрыты, а лицо перепачкано грязью, потом и кровью. На нем все еще была черная форма, но рубашка вылезла из штанов, пока он спал, обнажив плоский живот. Я положила руку на оголенное тело, чувствуя успокоение от того, что рядом со мной лежал другой человек.

— Пожалуйста, скажи, что ты собираешься разбудить меня самым лучшим образом, чего не случилось уже долгое время? — сонно пробормотал Натан.

Я улыбнулась.

— Извини. Не думала, что разбужу тебя.

— Это все равно случилось бы рано или поздно. — Он сел и свесил ноги с постели, а затем нахмурился, увидев, что все еще был обут в сапоги. — Ты голодна?

— Немного. Но я думаю, что с удовольствием завалилась бы спать дальше.

Натан встал.

— У нас впереди тяжелая ночь.

Я застонала, когда последовала за ним вниз по коридору, еле волоча ноги. Из-за своего поврежденного бедра я хромала. Когда мы вошли в ванную, Натан замер, увидев две наполовину использованные бутылочки с краской для волос голубого и фиолетового цветов.

Когда нам удалось вырваться из дома Кира, головокружительное облегчение заполнило меня всю так, что я даже не могла думать ни о чем другом. Но это напоминание о Зигги наполнило мое сердце болью, гневом, но, прежде всего, виной.

— Мне так жаль, — прошептала я. Мне хотелось прикоснуться к Натану, чтобы успокоить его. Но он, как обычно, казался отстраненным.

Беззаботно пожав плечами, что, как я знала, было совершеннейшей бравадой, он снял свою рубашку через голову. Его тело выглядело менее привлекательным, чем обычно, как будто боль и усталость подточили его совершенство. Но мое тело тоже было не в подходящей форме, чтобы соблазнять кого-либо.

— Сегодня мы должны встретиться с убийцами из «Движения». Кир все еще где-то там. — Натан включил воду в душе и расстегнул ремень, как если бы меня здесь не было, или ему было все равно, находилась ли я рядом или нет. Обдумав, что вызовет у меня большую неловкость, решение остаться здесь или поднять шумиху, чтобы уйти, я притворилась, что ищу что-то в аптечке. Пряжка ремня зазвенела, когда он снял штаны, и я дождалась звука закрывшейся шторки, прежде чем позволила своему взгляду скользнуть куда-то еще.

— Ты как, в порядке? — спросила я, закрыв дверцу аптечки.

— А почему не должен?

— Потому что Зи... — Я не могла произнести это имя. — Потому что вчера столько всего случилось.

— Все люди умирают.

— Да, но он был частью твоей семьи.

— Давай не будем говорить об этом сейчас. Мне и так есть о чем беспокоиться.

Волосы у меня на затылке встали дыбом.

Я вышла из ванной, не сказав ни единого слова.

Одежда, которую Натан купил мне, находилась в доме Кира, поэтому я позаимствовала у хозяина пару джинсов и свитер, который требовал определенных манипуляций, чтобы его можно было надеть на мою раненую руку.

Я услышала, что в ванной перестала течь вода. Натан вошел в комнату, чтобы взять кое-какую одежду. Полотенце было обмотано вокруг его талии. Он не разговаривал со мной, но разглядывал мой наряд с выражением, которое было бы изумленным, если бы не выглядело таким грустным.

За всю свою жизнь я ни разу не чувствовала себя настолько смущенной. Если бы не слабый, но все же солнечный свет на улице, я бы нашла какой-нибудь предлог, чтобы покинуть квартиру. Поэтому мне только и оставалось, как уйти в другую комнату.

Гостиная казалась холодной и чужой. Пара ботинок Зигги стояла у двери. Стопка CD-дисков с музыкой «хэви-метал»[1] занимала угол журнального столика. Рюкзак, набитый книгами из колледжа, лежал, брошенный у дивана. Комната была похожа на гробницу фараона или на музей моих неудач, напоминающий о том, что я не смогла защитить парня и уберечь Натана от такой тяжелой потери.

Я направилась на кухню и вытащила из холодильника пакет с кровью. И искала что-то, чем можно было срезать уголок, как вдруг Натан схватил меня за руку.

Подпрыгнув, я выронила пакет. Он поймал его и прижал к груди, как если бы тот был бесценным артефактом.

— Что? — потребовала ответа я, потирая задетую им руку.

— Это последний. Я хочу сохранить его.

Голос Натана был грубым, а он сам весь напрягся, выговаривая слова.

Мое сердце сжалось, когда до меня дошел смысл его высказывания.

— О! О, Боже! — Я загипнотизировано смотрела на мерцающую жидкость в матовом пластиковом пакете. Миллионы клеток остались единственным физическим признаком присутствия живого Зигги на земле.

Натан открыл дверцу морозильника и без церемоний бросил пакет внутрь.

— Как насчет поговорить об этом? — сказала я, не подумав, и была рада. Я не смогла бы сказать это как-то иначе.

— Как насчет не лезть не в свое дело? — Хотя Натан и не отвернулся, но все равно не смотрел на меня. Поковырявшись в шкафу, он вынул оттуда кастрюли, чашки и смесь для оладьев. — Ты же не вегетарианка, верно?

Я уперлась руками в бедра, почувствовав раздражение от боли, которую вызвало это движение.

— Трудно быть одновременно и вегетарианцем, и вампиром. Если только ты не Банникула[2].

Он рассмеялся.

Я выгнула бровь.

— Ты знаешь Банникулу?

Натан снова стал серьезным:

— Я читал про него Зигги, когда он был поменьше. Будь добра, достань из холодильника бекон. — Он отвернулся, чтобы скрыть свои переживания. Я не могла поверить, что после всего того, через что мы вместе прошли, он по-прежнему прятался от меня. Я подошла к Натану и положила руку ему на плечо, но он сразу же отпрянул.

Слезы злости брызнули из моих глаз.

— Ты подонок!

Натан повернулся. Выражение его лица было мрачным.

— Прекрасно. Тогда я сварю сосисок.

Я сжала руку в кулак.

— Ты знаешь, о чем я говорю.

Натан открыл холодильник и вытащил оттуда яйца и молоко, демонстративно повернув ко мне картонную упаковку стороной с отметкой «Z».

— Да. И я тебе уже говорил, что не хочу затрагивать эту тему.

— Зато я хочу! — Я топнула ногой.

Натан налил молоко в чашу на глаз и всыпал туда смесь для оладьев, как любящая мамочка, которая долгие годы готовила завтрак для своей семьи. За исключением того, что я никогда не видела ни одну из них с таким убийственно мрачным выражением лица. Внезапно Натан бросил деревянную ложку, которую держал в руке. Она отскочила от края стеклянной чаши и забрызгала все вокруг наполовину смешанным тестом.

— Только потому что я не хочу стоять здесь с тобой и изображать сцену, как на открытке «Холмарк»[3], не значит, что я не любил Зигги. Я заботился о нем больше, чем кто-либо, похожий на тебя, может понять.

— Кто-либо похожий на меня? — Я ненавидела то, насколько пронзительным становился мой голос, когда я выходила из себя. — Что, черт возьми, это значит?

Он скрестил руки на груди.

— Это ты скажи мне! Что ты сделала, чтобы спасти его, Кэрри? Только так я смогу понять, в каком долгу я должен быть перед тобой. Как тебе такая постановка вопроса?

Его слова пронзили меня как нож сердце, чего он, собственно, и добивался. Из-за ярости мои ноги задрожали. Я набросилась на него:

— Я сделала то, что должна была! В отличие от других присутствующих в этой комнате!

— О чем ты говоришь?

— Почему ты не дал Зигги свою кровь? Ты мог спасти его! Все, что требовалось, так это немного твоей крови! Почему ты не сделал это?

Этот вопрос висел между нами с тех пор, как мы покинули особняк. Это также стало причиной напряженности, которая возникла с самого утра.

Натан посмотрел на меня. В его глазах отражалось замешательство.

— Ты думаешь, я позволил ему умереть?

Боль, звучащая в его голосе, заставила меня прекратить спор.

— А ты как думаешь?

Зарывав от ярости, он резко смел рукой чашу и столовые приборы со столешницы. Стеклянная посуда разбилась у его ног, а звон металла почти оглушил меня. Натан шагнул ко мне, и я сделала шаг назад больше инстинктивно, чем от страха. Этот мужчина не сделал бы мне больно. Независимо от того, насколько жестоким он хотел казаться, Натан не относился к категории людей, которые могли причинить вред более слабому.

— Я бы предпочел, чтобы он был мертв, нежели чем стал одним из нас! — крикнул он

так близко от моего лица, что от его холодного дыхания мои волосы всколыхнулись. — Ты знаешь, на что похоже перевоплощение. Ты осталась той же, кем была до этого. Но не всем так везет. Кровь по-разному влияет на людей. Ты уже убедились в этом. Она заставляет делать такие вещи, которые ты по своей воле никогда бы не сделал.

Я посмотрела вниз, слишком хорошо понимая, что и сама могла легко спасти Зигги, дав ему собственную кровь.

— Ты видела эту... эту вещь, — Натан выплюнул это слово, как будто любое другое определение не смогло бы передать всю мерзость. — Его кровь во мне. Как я мог передать это своему сыну? Как я мог сделать его... — Натан выплеснул весь свой гнев. И теперь у него осталось одно лишь отчаяние. — Как я мог сделать его таким же, как я? — На последнем слове его лицо стало мертвенно-бледным, а плечи поникли, как если бы он потерпел поражение. Он опустился на пол и мучительно зарыдал.

Увидев слезы в глазах у Натана, я отреагировала так, как мужчина отнесся бы к женским слезам: молча стояла и наблюдала за его отчаянием, чувствуя себя беспомощной в такой ситуации. Потом я поняла, что должна сделать что-то, поэтому опустилась на колени на пол крошечной кухни и обняла его.

— Натан, ты совсем не такой, как они!

Я думала, он оттолкнет меня, но он прижал меня к себе, цепляясь, как утопающий за соломинку.

— Ты не знаешь меня, Кэрри. Не знаешь, что я сделал.

Мне стало интересно, сколько времени прошло с тех пор, как Натан последний раз плакал или разговаривал так с кем-то, или, Боже, даже чувствовал. Не придумав никакого другого способа, чтобы утешить его, я просто крепко сжала его в объятиях, в то время как его холодные слезы капали на мою рубашку, а спина сотрясалась от безудержных рыданий.

Намного позже, когда Натан успокоился, мы спасли всю посуду, которая пережила его гнев и, как если бы ничего не случилось, продолжили бок о бок готовить завтрак в крошечной кухне.

Поскольку больше не о чем было разговаривать, я спросила Натана о Зигги.

Сначала он противился, давая краткие поверхностные ответы. Я не знаю, что успокоило его: обсуждение трагедии или приготовление завтрака, но вскоре слова ручьем потекли из него.

— Зигги — беглец. Он оставил дом, когда ему было девять. Ты можешь в это поверить?

Я сочувственно покачала головой и позволила ему продолжить.

— Его мать была наркоманкой, а отец сидел в тюрьме. Отчим же сильно избивал его. Когда я нашел мальчика, у него были сломаны два ребра. Каждые несколько месяцев я посещаю клубы готов: ищу охотников на вампиров, а также тех, кто хочет ими стать. И еще детей, которые вошли в роль и очень серьезно ее воспринимают. Обычно я хорошо пугал их и отправлял домой. — Натан подошел ко мне, чтобы перевернуть бекон, который я положила на сковороду, а затем наклонился, чтобы уменьшить огонь. — Зигги повелся с какими-то довольно глупыми детьми. Они только вошли в подростковый возраст, но везде таскали его за собой. Они называли себя охотниками на вампиров, но я рад, что встретился с ними до того, как они успели попасть в какие-то неприятности. Эти дети и понятия не имели, как надо драться. Они все убежали от меня. Кроме Зигги. Мы стояли в переулке часа два, просто пристально смотря друг на друга. Я даже... — Натан взмахнул руками перед собой. — Он все это время настаивал, что убьет меня и избавит мир от... я думаю, он

употребил термин «дьявольское отродье».

Я представила девятилетнего Зигги, стоящего перед вампиром-убийцей и испепеляющего его своим взглядом. Это вызвало улыбку на моем лице.

— И что ты сделал?

— Я бы вымыл его рот с мылом, если бы знал, что у него просто дар ругаться. Я отвел его к Денни и угостил пирогом. — Натан улыбнулся воспоминаниям. — Он не ел несколько дней. Зигги был таким тощим, что можно было включить фонарик и просветить им его насквозь. Я спросил, есть ли ему где остановиться, но он пытался вести себя так, как будто у него просто уйма вариантов. Я предложил ему остаться у меня. Вот и с тех пор он живет со мной. — Натан замолчал, осознав, что говорил в настоящем времени. Но не поправил себя. — Знаешь, я ощущаю, что он вот-вот зайдет в эту дверь. — Прежде чем снова расчувствоваться, он потянулся за венчиком и стал взбивать им смесь для оладьев. — Он был моим единственным донором около года. Но я не хочу, чтобы ты думала, что я пользовался им.

— Я так не думаю.

— И я не хочу, чтобы ты считала, будто я не люблю его из-за того, что случилась перед тем, как он ушел. Я пошел за ним. Я искал его по всему городу, пока не встало солнце, и я не вынужден был вернуться сюда. Я бы ад сжег ко всем чертям!

— Бьюсь об заклад.

Не говоря больше ни слова, я взяла две тарелки и положила на них серебряные столовые приборы. Я не была уверена, что оладьи смогут возместить потребность в крови, но, казалось, сама готовка еды действовала на Натана успокаивающе. К тому моменту, как мы закончили, у нас были оладьи, яйца по-бенедиктински[4], сосиски и бекон. Натан опять направился к шкафчику, бормоча что-то о горячей сдобе, и начал ковыряться в нем, когда я его остановила:

— Уверена, что этого достаточно. Я имею в виду, что не знаю, могут ли вампиры набирать вес, но действительно не хочу проверять это.

Он тихо рассмеялся:

— Извини. Я привык готовить для подростка. Потребуется время, чтобы перестроиться.

Будучи неуверенной в том, как он отреагирует, но ощутив потребность дотронуться до него, чтобы утешить, я положила свою руку на его, когда он потянулся к тарелке с беконом.

— Натан, не стоит притворяться насчет этого. Только не со мной.

— Эй. Забудь об этом. Но я рад тому, что если будет нужно, ты рядом. — Когда он улыбнулся, я вновь увидела Натана, которого знала, хотя за спокойным внешним видом скрывался огромный сгусток эмоций. Это были глубокие чувства, в которые Натан не хотел погружаться, боясь утонуть в своем прошлом.

К тому моменту, как пробило одиннадцать часов тридцать минут, и нам надо было спускаться вниз для встречи, мы уже стали вести обычную непринужденную беседу.

Магазин выглядел намного лучше, чем я ожидала. В последний раз, когда я видела его, он был полон обгоревших и пропахших дымом товаров. Но сейчас передо мной предстало совсем другое помещение. Новые пластиковые полки были пусты. Опилки, которые покрывали пол и из-за которых в воздухе летало много пыли, говорили о том, что рабочие только что ушли.

— Выглядит хорошо, — произнесла я, касаясь свежескрашенного покрытия внутренней отделки. Я тайком вытерла руки о свои джинсы и надеялась, что он не заметил.

Натан осмотрел новый прилавок и пробежался по нему рукой.

— Пожарные сказали, что во всем виновата неисправная проводка. А я не собирался говорить им, что за случившийся пожар несет ответственность одна сумасшедшая ведьма. Страховка покрыла расходы на ремонт. Будет жалко оставлять это место. Оно выглядит намного лучше, чем когда я купил его. Может, мне нужно послать Далии карточку с благодарностью?

В моем горле появился комок при мысли о том, что Натан уезжает. Он был моим единственным другом в городе.

— Ты покидаешь это место?

Натан кивнул.

— Я здесь пятнадцать лет, Кэрри. Мои клиенты уже начинают говорить о том, что я хорошо сохранился для своих лет. Это первый признак того, что нужно переезжать. А также мне позвонили и сказали, что хотели бы в задней комнате организовать курсы силовой йоги. Силовая йога. Я не думаю, что у меня хватит сил прожить здесь еще одно десятилетие.

— А куда ты отправишься? — спросила я, желая, чтобы мой голос звучал как обычно. — Обратно в Шотландию?

— Нет, не туда. Я еще не думал об этом. — Натан выгнул бровь. — А что? Ты будешь скучать по мне?

— Ха-ха! — Я попыталась сменить тему разговора. — Что нам нужно сделать, чтобы организовать встречу? Кофе и пончики?

На мой взгляд, он улыбнулся несколько шаловливо.

— Как твоя рука?

Я неуверенно подняла ее. Она болела, но уже почти зажила.

— В порядке. А что?

— Нам нужны стулья. — Натан открыл дверь в подсобное помещение и вынес оттуда пачку раскладных стульев. — Давай, раскрывай их.

— Да, сэр, — произнесла я, отдав честь. — Так они придут в ярость, когда обнаружат, что я не член клуба?

— Возможно. — Натан поставил стул на пол. — Если кто-то будет плохо с тобой обращаться, посылай их ко мне.

— О-о! Да ты шишка!

— Ты даже понятия не имеешь — какая! — Дьявольская усмешка, появившаяся на его лице, немного устранило чувство тревоги, которое я испытывала. Но его слова, однако, вызвали еще одну вспышку напряжения между нами, о котором я уже почти забыла. Я чуть не выронила стул, который держала.

Зазвонили колокольчики, висящие над дверью. Они слегка расплавились в огне, поэтому вместо радостного объявления о приходе клиента звучали как злобный грузовик с мороженым.

Вошли двое мужчин. Хотя они и были одеты в обычную одежду, от них все равно веяло опасностью.

Натан прервал свое занятие и направился к ним, чтобы поздороваться.

— Алекс! Гэри! Получилось хоть немного отдохнуть?

Они не ответили. Мужчины были заняты тем, что пристально смотрели на меня. Может, я что-то сказала шепотом?

Алекс заговорил первым. Это был высокий темнокожий мужчина с обритой головой.

— Что она здесь делает?

Никак не отреагировав на его грубость, Натан подвел меня к ним:

— Это доктор Кэрри Эймс.

— Привет. — Я протянула руку, надеясь, что она не станет трястись.

Алекс проигнорировал мою руку, зато Гэри с готовностью пожал ее.

— Рад познакомиться. — У него были темные волосы, оливкового цвета кожа и техасская манера разговора: он растягивал слова

— Она одна из нас? — спросил Алекс, подозрительно глядя на меня.

Натан усмехнулся с явной неприязнью.

— Да, она одна из нас. Хотя и не из «Движения».

Гэри поднял руки, как если бы решил не спорить, и отошел от своего друга.

Алекс же наклонил голову ближе ко мне:

— Для этого есть какая-то причина?

Прежде чем я успела ответить, Натан встал передо мной и столкнулся почти нос к носу с другим вампиром.

— Она еще не уверена относительно этого.

— Не уверена, кем хочет стать: добром или злом? Мне не кажется, что это такой уж тяжелый выбор, — произнес Алекс голосом полным ненависти.

Натан пытался оставаться спокойным.

— С тех пор как ее обратили, она не нарушила ни единого правила.

— Да, но ты-то знаешь правила, дружище, — сказал Гэри нервным голосом, как будто они все боялись того, что может случиться, если они будут продолжать разговаривать с вампиром-отступником.

— И мы так же хорошо знаем, насколько четко ты им следуешь, — Алекс посмотрел прямо на Натана. В тоне его голоса отчетливо слышалась сильная неприязнь.

Черт, если этот парень думал, что Натан легко нарушал установленный порядок, я не хотела даже думать, как он прожил свою жизнь.

Я увидела, как напряглись мышцы Натана на спине под рубашкой. Скоро придут еще вампиры. Мысленно я помолилась о том, чтобы он не вышел из себя, и сама нанесла удар — откашлявшись, произнесла властным голосом:

— Речь не о Натане, а обо мне. Я уважаю закон, порядок и желание сохранить мир, но я не знаю, как вы, парни из «Движения», собираетесь добиться успеха своим лозунгом «присоединяйся к нам или умри». Я не делаю ничего, пока меня ласково не попросят.

Я покосилась на Натана и увидела гордость, отразившуюся на его лице.

— Думаю, тебе стоит нежно попросить ее, — смеясь, произнес Гэри.

Алекс усмехнулся, глядя на меня:

— Чертовски огромное пожалуйста, даже с вишенкой на верхушке, не соблаговолите ли вы присоединиться к нашему хрену «Движению»?

— Я подумаю.

Пробормотав проклятия, Алекс подошел к стульям и тяжело опустился на один из них. Я искренне надеялась на то, что тот в каком-нибудь месте сломан, чтобы грубиян свалился с него.

Увы, этого не произошло. Гэри посмотрел на меня, широко раскрыв глаза, и присоединился к другу.

Проходя мимо меня, Натан наклонился к моему уху и прошептал:

— Думаешь, сможешь сделать это еще пятнадцать раз, а?

Он не шутил. Появилось именно пятнадцать вампиров, и каждый со своим радушным приветствием. Но большинство из них просто игнорировало меня: они беседовали друг с другом. Данная ситуация напомнила мне студенческие годы, когда мои друзья приглашали меня на всякие вечеринки и быстренько исчезали обсуждать друг с другом всякие мальчишеские дела. А я стояла в сторонке, держа красный пластиковый стаканчик, наполненный пивом стоимостью в два бакса, пытаюсь не привлекать чьего-либо внимания.

Разнообразие вампиров удивило меня. Мне нравилось думать о себе, как о единственной дальновидной женщине с феминистическими наклонностями, но я действительно была удивлена, увидев, что почти половина пришедших оказалась женщинами. Некоторые выглядели типичными соблазнительницами в темной одежде и ярким макияжем. Но большинство из них — вполне нормальные представительницы слабого пола. Одна из них даже была одета в розовый кашемировый свитер с жемчугом. Ей больше подошло бы, если бы она стала участницей встречи молодых республиканцев, а не сборища безжалостных убийц.

Мужчины тоже были разношерстными. Некоторые выглядели настолько молодо, что сошли бы за подростков, а один казался достаточно старым, чтобы считаться моим отцом. Старик с радостью пожал мне руку и сказал, что тоже был доктором.

— Доктор психологии, практиковал в начале двадцатых годов. Нам есть о чем поговорить, — произнес он. Но как только мужчина похлопал меня по руке, я не могла не думать о том, что он точно запал на меня.

Когда встреча началась, всего один человек высказал свою обеспокоенность по поводу моего присутствия здесь. Алекс. Его утихомирила высокая стройная женщина, которая, очевидно, была руководителем.

Высокая, стройная женщина, от которой Натан не мог отвести глаз.

— Я попросил ее о том, чтобы тебе разрешили остаться. Личная услуга, — прошептал Натан, а его взгляд все еще продолжал блуждать по ее гибкому телу.

— Постарайся, чтобы у тебя слюнки не начали капать, — тихо огрызнулась я.

Мисс «Великолепие» расхаживала взад-вперед мимо нас. Я старалась сдержаться, чтобы не начать ненавидеть ее прямо сейчас. Казалось, ноги у нее росли от самых ушей, и она обладала поистине шикарным вкусом в одежде, который мне и не снился. Печально улыбнувшись, она начала говорить:

— Спасибо за то, что пришли сегодня. Я знаю, что многие из вас должны успеть на свои самолеты и автобусы, поэтому буду краткой, насколько это возможно. Как вы знаете, мы потеряли двоих в сражении с Пожирателем Душ.

Я оглянулась и посмотрела на мрачные лица присутствующих.

Женщина продолжила:

— А Натан Грант потерял особенного человека.

Она нежно улыбнулась ему, и я осознала, что пристально смотрю на нее. И услышала позади себя тихий смех. Повернувшись, увидела блондина с дружелюбным — не говоря уже об очаровании — лицом, который подмигнул мне. Я не знала, что такого забавного этот мужчина нашел в трагедии Натана.

Натан тоже услышал смех.

— Макс, может, поделишься и с нами?

Нарушитель спокойствия внезапно стал серьезным:

— Нет, приятель. Мы все расстроены. Сожалею насчет паренька.

Мрачно кивнув, Натан повернулся обратно.

— Если мы можем вернуться к теме встречи... — произнесла альфа-самка[5], послав Максу такой строгий взгляд, что я почти уже готова была наябедничать ей, что Натан тоже разговаривал.

Боже, как же легко ревность может превратить человека в сумасшедшего сплетника. Я задалась вопросом, унаследовала ли я эту черту от Кира, или она долгое время была скрыта во мне, а у меня просто не было подходящего случая, чтобы проявить ее.

— Хотя наш налет на особняк Кира был успешен, поскольку мы уничтожили немало вампиров, некоторые из вас стреляли без разбора. По ошибке было убито три оборотня и один полудемон. Я не думаю, что кто-то из вас хочет, чтобы возросло и так создавшееся между «Движением» и «Советом Оборотней» напряжение. — Она сделала паузу, чтобы ее слова дошли до каждого. — К тому же мы не поразили ни одну из наших целей.

— Что это значит? — шепотом спросила я у Натана.

— Это значит, что мы не убили Кира. Или Пожирателя Душ.

Светловолосый вампир позади меня наклонился вперед. Его холодное дыхание щекотало мою шею.

— Но некоторые из нас подобрались к этому чертовски близко.

Натан повернулся на своем стуле:

— Кир — ее создатель. Понимаешь, как ты облажался?

Я чуть было не огрызнулась, что мне безразлично, что подонок мог говорить все, что пожелает, хотя это, безусловно, помогло бы мне выиграть несколько очков у враждебно настроенного ко мне сборища. Но за всем этим клубком спутанных эмоций скрывалась боль от разлуки с моим создателем. Боль, которую я ощущала через кровные узлы, не шла ни в какое сравнение с пустотой, которая наступила бы, если бы Кира убили.

Я наконец-то поняла, что имела в виду моя мать, когда сказала, что если любишь кого-то, то он не обязательно должен тебе нравиться.

Мисс «Тошная Тень и Назойливость» остановилась прямо перед нами. Натан, конечно же, был всецело поглощен созерцанием представшего перед ним великолепия.

— Так как наша первая миссия провалилась, а Совет по-прежнему хочет видеть Кира мертвым, нам было приказано вернуться.

Крики злости и недоверия раздались в комнате. Некоторые стали возмущаться, что им придется сдать билеты на самолет, а также решить вопросы с работой, на которую они должны вернуться.

Макс даже поднялся, напоминая лидера городского собрания из старого фильма:

— Раз Кир знает, что мы в городе, он постарается побыстрее унести свои ноги отсюда. Не говоря уже о том, что Пожиратель Душ собирается усилить охрану.

По раздавшимся возмущенным голосам я не могла сказать, согласились они с ним или нет.

Женщина-босс замахала руками, призывая всех к молчанию.

— Кир никуда не собирается уезжать. «Движение» достало списки пассажиров всех внутренних и международных рейсов. Ни один из его известных псевдонимов не числится в нем ни как пассажир, ни как груз. Что касается Пожирателя Душ, он успешно переправился... — Она достала карманный компьютер и нажала несколько клавиш. — Вашингтон, округ Колумбия. Совету нужен доброволец, чтобы последовать за ним...

— Я, — сказал Макс, подняв руку.

Женщина прищурилась и что-то вбила в компьютер.

— Хорошо. Нам также требуется небольшая группа, чтобы проникнуть в особняк Кира и убить его.

Наконец-то Натан оторвал свой взгляд от нее и повернулся ко мне. Его глаза пронзали меня насквозь так, что я подумала, а не били ли из них лазерные лучи, когда он посмотрел на меня. Заметив глубокую морщину между его бровей, я поняла, что он обдумывал решение.

Решение, которое, очевидно, касалось меня.

Не то, чтобы он посоветовался со мной, когда произнес:

— Я пойду.

Женщина улыбнулась.

— Спасибо, Натан.

— В таком случае, я тоже пойду, — заявила я, подняв руку, несмотря на настойчивые попытки Натана помешать мне. Мы прекратили бороться, когда поняли, что выглядели так, будто участвовали в игре «кто кому первым даст пощечину».

— Абсолютно исключено. — Натан даже не потрудился говорить тише. — Он твой создатель. Ты слишком сильно подвержена воздействию.

От гнева мое лицо покраснелось. Столько людей постоянно указывало мне, что я могу делать, а что нет. Я не собиралась позволить Натану столкнуться с Киром в одиночку отчасти потому, что беспокоилась за его безопасность, а с другой стороны хотела собственными глазами увидеть смерть моего создателя.

— Ты уж извини, но она вроде сказала «доброволец». Я доброволец, и я не считаю, что это тебя вообще касается.

Женщина-руководитель прочистила свое изнеженное горлышко:

— Это не важно. Она не является членом «Движения», поэтому не имеет прав принимать участие в задании.

— Извините, она все еще находится здесь, — я почти закричала на нее.

— Дамочки, дамочки, давайте не устраивать кошачьих боев, — призвал Макс, снова поднявшись на ноги. — Если это, конечно, не предполагает разорванную в клочья одежду. Учитывая, что Кир ее создатель, у нее есть право свести с ним счеты.

— А откуда мы знаем, что она не попадет в зависимость от кровных уз и не ударит нас в спину?

Каждую секунду эта сука раздражала все сильнее.

— Эй! — закричала я, поднявшись на ноги. — Я все еще здесь! А как вам самой удалось не одичать и не разорвать людей на кусочки? Я не сделала этого еще и абсолютно уверена, что не сделаю это в ближайшее время.

— Я не хочу, чтобы ты снова пошла туда! — крикнул Натан, схватив меня за руку и пытаясь усадить обратно на стул.

Я вырвалась из его хватки.

— Ты не имеешь права командовать мной, поэтому брось эти отцовские замашки!

Его лицо резко побледнело.

— О, Боже, Натан, я...

— Знаешь что? Давай, иди! Если тебя убьют, это будет твоя вина, а не моя. Мне наплевать. — Он встал и вышел, хлопнув дверью.

— Забудь про округ Колумбия. Я хочу пойти с ними, — произнес Макс, резко взмахнув

рукой в воздухе.

Женщина нахмурилась, посмотрев на нас обоих, а затем кинулась за Натаном.

Макс пожал плечами и сказал группе:

— Я думаю, это означает, что встреча переносится.

Слезы защипали глаза, когда противно зазвенели колокольчики над дверью. Не знаю, что больше расстроило меня: что я задела чувства Натана или то, что та красотка находилась там и утешала его.

— Эй, не переживай об этом. На самом деле она ему не интересна. — Голос Макса прозвучал слишком близко к моему уху. Я подпрыгнула и, повернувшись, увидела, что он уселся на свободное место рядом со мной.

— Мне все равно.

Улыбка Макса была мальчишеской, лишь с намеком на порочность, как будто мое очевидное влечение к Натану не мешало ему занести мое имя в список претенденток на то, чтобы разделить с ним постель.

— Знаю, что тебе не все равно. Я чувствую это. Если бы тебе было безразлично, ты бы не переживала.

Я не смогла сдержать улыбку.

— Прекрасно.

— Рэйчел — хорошая девчонка, но Натан — не ее тип. Если ты уловила смысл.

Я не поняла, что он имел в виду, поэтому, моргнув, просто продолжала пристально смотреть на него.

Макс нахмурился:

— Хорошо. Давай на примере. Если бы Натан активно добивался ее, то вместо всего этого должен был получить место в крупной операции. В Швейцарии.

— Теперь понятно.

— Хорошо. А ты достаточно умна. Я Макс Харрисон, — его рукопожатие было крепким, как будто он практиковался для собеседования по приему на работу. Я была удивлена, когда он, пожав мою руку, сразу же попытался ударить кулаком о кулак.

— Извини. Ничего в этом не смыслю, — засмеялась я.

— Ты не переживай. — Макс попытался скрыть свой смешок за кашлем. — Рэйчел просто следит за своими детишками. Всех этих вампиров она взяла под свое крыло, когда они только вступили в «Движение».

— А ты разве не один из ее детишек? — Я выгнула бровь.

Он вздохнул и откинулся на стуле.

— Нет. Но хватит обо мне. Хочу побольше узнать о милашке в готическом костюме балерины.

Я покраснела от корней волос до кончиков пальцев.

— Ты меня видел?

— Тебя трудно было не заметить. — Сейчас в выражении его лица не было ничего мальчишеского. Он походил на хищника, когда осматривал меня с ног до головы.

Колокольчики над дверью снова зазвенели, и я была рада предоставленной возможности сменить тему.

— Похоже, они вернулись.

Натан и Рэйчел вошли в магазин. Я могла сказать, что Натан был все еще расстроен, но ему удалось придать своему лицу более дружественное выражение. Рэйчел натянула на себя

фальшивую улыбку, когда направилась с ним ко мне.

— Что ж, доктор, я много слышана о вас, — произнесла она, слегка опираясь на прилавок. — Уверены, что сможете оправдать наши ожидания?

Я улыбнулась ей в ответ, но сузила глаза из-за ее сомнений.

— Уверена, что смогу это и много еще чего.

— Надеюсь на это. — Рэйчел повернулась к Натану. — Мне нужно поговорить с тобой. Наедине.

Последнее слово она произнесла так, как если бы направила пистолет на нас с Максом. Я сложила руки на груди, ощущая непреодолимое желание бороться против ее попыток не позволить мне остаться.

Макс обхватил меня за плечи.

— Прекрасно. Мы хорошо понимаем, когда наше присутствие мешает разговору. Так что, мисс...

— Доктор, — огрызнулся Натан.

Я нацепила свою самую лучшую кокетливую улыбку, убедившись, что Натан увидел и понял, почему я это сделала, и повернулась к Максиму.

— Называй меня Кэрри.

Макс кивнул мне, как бы говоря: «Хорошая игра».

— Так вот, доктор «называй меня Кэрри», у меня просто фантастические апартаменты в «Хэмптон Инн»[6] на Двадцать восьмой улице, включающие в себя мини-бар. Что скажешь, если мы погудим вместе с маленькими бутылочками шнапса[7], а затем немного подебоширим?

Несмотря на его дурацкое предложение, Макс просто не мог не понравиться. Я рассмеялась и покачала головой.

— Вообще-то, я немного устала... после прошлой ночи. Думаю, поднимусь и лягу спать.

Кратко, но вежливо я простилась с Рэйчел и Максом и стала подниматься по ступенькам.

Ночной воздух был прохладным, но день обещал быть теплым. Снег почти растаял. Впервые за последние несколько дней я не чувствовала, что должна спешить куда-то или бояться чего-то. Хотя, на самом деле, я просто жаждала принять ванну с пеной.

Добравшись до двери, я поняла, что у меня нет ключей, чтобы попасть внутрь. И в этот самый момент волоски на моей спине встали дыбом. Я отчаянно хотела войти в квартиру.

Я не знаю, что напугало меня, но каждая клеточка моего тела кричала о наступающей опасности. Я не хотела спорить с этим. Я уже почти добралась до самого верха, когда кто-то схватил меня за волосы и потянул назад. Я открыла рот, чтобы закричать, но рука заглушила звук.

Холодная рука с длинными ногтями.

До ужаса знакомая рука.

Рука моего создателя.

1. Хэви-метал (Тяжёлый металл, англ. heavy metal) — жанр рок-музыки, первое и изначальное направление метала. Обычно этим словом называют «классический» метал в том его виде, в котором он был создан в 1970-е годы такими группами, как Black Sabbath и Judas Priest. Иногда «хеви-металом» называют весь метал вообще.

2. Банникула — кролик-вампи́р, который сосёт сок из овощей. Вампир-вегетарианец.

3. «Холмарк» — крупнейшая в мире фирма по производству поздравительных и приветственных открыток "на все случаи жизни"

4. Яйца по-бенедиктински (Французская кухня)

Сваренное «в мешочек» яйцо без скорлупы положить на поджаренный кусочек хлеба с маслом или на выпеченную из сдобного теста лепешку и полить 1 столовой ложкой голландского соуса. Раньше яйцо клали на кусок соленой трески.

5. Альфа-самка — доминирующая самка в стае

6. Бренд Hampton (Хэмптон) принадлежит Hilton Worldwide, и предлагает размещение в номерах и апартаментах, высококачественный сервис и множество дополнительных услуг. Первый отель Hampton был открыт в 1984 году в американском Мемфисе. Изначально бренд Hampton принадлежал гостиничной корпорации Promus. В 1989 году отели «Хэмптон» смогли предложить — впервые в мире — гарантию на все услуги, с возможностью для гостей не оплачивать те из них, которые не удовлетворили ожиданиям. В 1999 году корпорация Promus была куплена Hilton. К 2009 году в мире насчитывалось уже 1700 отелей Hampton. В зависимости от специфики, отели Hampton открываются под названиями Hampton Hotels, Hampton Inn (Хэмптон Инн), Hampton Inn & Suites и Hampton by Hilton. Отели бренд Hampton расположены преимущественно в США, а также в Канаде, Мексике, Великобритании, Эквадоре, Коста-Рике и Германии.

7. Шнапс — обобщающее название крепких алкогольных напитков. Термин шнапс относится обычно к различным чистым (без добавок) дистиллятам, полученным путём перегонки браги из зерна, фруктов, и т. п.

ГЛАВА 20

Переливание крови

Он дернул мою голову назад, сильно.

— В какое змеиное гнездо ты попала?

Я пожалала плечами:

— Мне нужно лишь закричать и...

— Но ты не сделаешь этого, — его пальцы скользнули по моим плечам, забираясь за воротник рубашки. — Потому что ты не хочешь бороться со мной.

— Ты прав. Я не хочу бороться с тобой, — я сжала зубы, — я хочу, чтобы они пришли сюда и порвали тебя на мелкие кусочки.

Холод металла — ошибиться было невозможно — ожег мое горло.

— Не думаю, что я тот, кто превратится в мелкие кусочки, — Кир провел клинком по моей шее, и, хотя я едва почувствовала боль от пореза, теплый поток крови залил мою рубашку. Крови, вытекавшей из моего горла.

— Это должно помочь унять твою раздражающую болтливость.

Я услышала, как внизу открылась дверь, но мое зрение было нечетким. Я не могла видеть, кто это.

Когда до меня донесся прощальный возглас откуда-то сзади, я узнала голос Рэйчел.

Если бы я могла вскрикнуть, то сделала бы это. Но Кир быстро отступил в узкую аллею за зданием, утаскивая меня за собой.

— Представь себе. Они все уезжают, — он наклонил голову и слизал кровь, текущую из моей шеи. — И у тебя немного времени.

Он снова поднял нож, и я была слишком слаба, чтобы уклониться от него. Клинок взрезал мою грудь, и в течение одного ужасного мгновения я думала, что он ударит меня в сердце.

— Я бы не сделал это с тобой, Кэрри, — прошептал Кир мне на ухо, ведя нож вверх. — Если бы я ударил тебя в сердце, ты стала бы лишь кучкой пыли. Никакого веселья для Натана, который найдет тебя в таком виде.

Когда он втиснул пальцы в мою разрезанную грудную клетку, его воспоминания пронеслись в моей голове.

Садистское лицо Пожирателя Душ наполнило мои видения.

— Стой смирно, мальчик. Твой брат не вел себя так!

Мои кости и хрящи хрустнули, когда Кир рывком разодрал мне грудину. Закричав в агонии, я захлебнулась своей кровью.

Картинки в моей голове смешались и запрыгали. Я разглядела лицо мертвой женщины, которую уже видела прежде, ту же, что была рядом с Киром на торжественном ужине. Она смеялась и проводила пальцем по шраму на груди Кира.

— И ради чего я бы позволила им сделать это? — спросила она.

Ее насмешка ранила его.

— Чтобы мы могли быть вместе вечно.

Мое зрение прояснилось, и я увидела Кира, нависшего надо мной: его руки и одежда были покрыты моей кровью.

— И ты будешь со мной вечно.

Эти чертовы колокольчики снова зазвенели. Я понятия не имела, как долго лежала здесь. Я не могла видеть Кира, но слышала его голос откуда-то с аллеи.

— Если ты переживешь эту ночь.

Кровь на моей рубашке больше не была теплой. Она почти примерзла к моей коже. В холодном, ясном небе, видневшемся в просвете между зданиями, я не видела звезд.

Скоро наступит рассвет.

Я закрыла глаза, не в состоянии беспокоиться или заботиться о том, что случится со мной, когда солнце коснется моего тела. Это казалось проще, чем быть спасенной. Если кто-то найдет меня, как они приведут меня в порядок? Мне был нанесен непоправимый вред. Меня выпотрошили, как рыбу.

Мне стало интересно, что подумает Натан, когда поднимется по лестнице и обнаружит пустую квартиру. Может быть, он решит, что я снова предала нашу дружбу. Или что я была так зла на него, что вернулась к существу, убившему его сына.

Будет ли он ненавидеть меня всю оставшуюся жизнь?

Что-то мягкое и холодное коснулось моего уха: бриз в безветренной ночи. Я открыла глаза. Вся аллея вокруг меня стала тусклой. Краски стекались в бесформенные кляксы, которые становились все темнее по мере того, как замедлялся мой сердечный ритм. Боль в груди уступила место теплу — ощущение, которое отделило мое тело от каких-либо чувств.

Затем пространство, разделяющее бесформенные капли, стало все уменьшаться и уменьшаться, пока не наступила полная тьма. На расстоянии я увидела пятно света. Оно росло и закручивалось спиралью по направлению ко мне.

В медицинском колледже мы изучали теории Кюблер-Росс [1] о смерти. Свет в туннеле, все твои родственники и боги, в которых ты веришь, ждут, чтобы поприветствовать тебя.

Во время интернатуры я слышала, как медсестры болтают о «Мужчине у моей постели», видении, о котором, как они заявляли, всегда рассказывали пациенты в ночь перед смертью.

Оба образа смерти были пугающими и странными для меня, они вырисовывались где-то в будущем как стандартизированный тест или лечение корневого канала, что-то неприятное, чего ты не можешь избежать. То, что я испытывала сейчас, было успокаивающим и постепенным, мои чувства исчезали одно за другим, в то время как свет становился все ярче в моем слабеющем сознании.

Вместо того чтобы увидеть рай, я увидела аллею и улицу внизу. У моих ног лежало безжизненное тело с разорванной грудной клеткой. Будто это была какая-то страшная книга сказок.

Я бы хотела всю мою жизнь видеть мир вокруг себя таким, каким он был сейчас: окрашенным в размытые тона акварельных красок. Вдруг там, где прежде был пустой тротуар, появились бесцельно блуждающие, как в каком-то жутком балете, тени. Огромный рыже-муаровый кот медленно шел по аллее, остановившись, чтобы обнюхать тело.

От витальности и жизненной энергии животного мое дыхание прервалось. Тени сразу же приблизились к нему и протянули свои длинные пальцы, чтобы потрогать его, прежде чем тот зашипел и убежал обратно туда, откуда пришел. Я хотела последовать за ним. Мне нужно было коснуться кота и почувствовать его жизнь. Но что-то подобно якорю удерживало меня.

Толчок в моей призрачной груди напомнил мне, что в моем теле все еще оставалось дыхание и жизнь. Я же уже просто хотела умереть.

Так вот каково это — становиться призраком.

Я слышала голос Натана, когда он прошел по аллее, остановился, принялся к воздуху.

И зарычал от ярости.

Упал на колени рядом с моим телом, раскинув руки, как будто не знал, что делать сначала. Печально... хотя не так уж и печально, потому что все мои чувства, казалось, проходили через фильтр... я поняла, что он хотел спасти меня.

Я хотела сказать, чтобы он не беспокоился. Но это требовало слишком много усилий, а я слишком устала.

Тени мерцали и пульсировали, но они не набросились на Натана, как это было с котом. В нем не было жизни, не было красок. Только бледные полутона грусти, которые имелись и у самих теней.

Натан поднял мне голову и поцеловал мои безжизненные губы. Слеза капнула на мою холодную кожу. Эта слеза не могла быть моей.

Его нежность заставила меня почувствовать что-то. Сожаление?

Мои новые товарищи поманили меня, и я потянулась к ним. Не руками. У меня не было рук. Также как и у них. Но они окружили меня, и их объятие было теплым и утешающим.

Натан поднес свое запястье ко рту и прокусил его. Темная кровь полилась в мой безвольно открытый рот.

Призрачные люди заколыхались и стали тускнеть.

Нет!

Я пыталась бороться, но мало-помалу снова возвращалась к жизни. Сначала я стала яснее слышать звуки. Потом почувствовала слабую боль и ощущение горячей, густой крови, собравшейся в моем рту. Я плотнула, и боль стала увеличиваться, пока все мои чувства не свелись лишь к голоду и агонии.

Я сомкнула губы на его запястье. Когда я втянула больше крови в рот, Натана пронзила дрожь.

— С тобой все будет хорошо, — прохрипел он, держа мое израненное тело в своих руках.

— Я видела их, — прошептала я и снова отключилась, но в этот раз там не было потерянных душ, приветствующих меня.

Я была прикована к темноте.

1) Элизабет Кюблер-Росс (нем. Elisabeth Kьbler-Ross; 8 июля 1926, Цюрих — 24 августа 2004, Скоттсдейл, Аризона, США) — американский психолог швейцарского происхождения, создательница концепции психологической помощи умирающим больным.

Первая подняла вопрос об ответственности врача не только за здоровье умирающего, но и за то, чтоб последние дни жизни больного были прожиты с достоинством, без страха и мучений. Тема смерти её стала интересовать ещё в детстве, когда умерла её соседка по больничной палате, одна в холодной медицинской атмосфере, вдали от родных.

Кюблер-Росс окончила медицинский факультет Цюрихского университета, после чего в 1958 г. уехала в США. Она много работала в больницах Нью-Йорка, Чикаго и Колорадо. Её глубоко возмущало обращение врачей с умирающими больными как с неодушевленными предметами. С больными не разговаривали, не говорили им правду, подвергали мучительным процедурам. В отличие от коллег она с умирающими общалась, слушала их исповеди. Так появился курс лекций о предсмертном опыте.

Она писала книги, читала лекции, вела семинары. В 1994 году после инсульта переехала жить на ферму. Там, в 2004 году, она и умерла, умерла именно так, как и хотела— в уютной домашней атмосфере, в окружении родных и близких.

ГЛАВА 21

Рожденная заново (иначе)

Я не имела представления о времени в процессе своего выздоровления. Все двигалось от темноты к свету через неравные интервалы. Иногда я открывала глаза, но мое зрение было слабым и несфокусированным, как у новорожденного.

Порой какие-то образы возникали у меня в голове. Некоторые были неузнаваемы, но некоторые оказались моими воспоминаниями в какой-то искаженной перспективе, как будто я наблюдала за собой в кинофильме. В самых часто повторяющихся картинах я видела свое безжизненное тело в аллее. Это выглядело как сцена из фильма ужасов и повторялось снова и снова.

Чем больше я спала, тем сильнее становился мой голод. Когда он, наконец, превзошел усталость, я проснулась, слабая и больная.

Хотя моя память была затуманена, я знала, что нахожусь в постели Натана. Его запах был повсюду вокруг меня, и мое тело с удивительной силой откликнулось на это. Оно потребовало, чтобы я нашла Натана.

Сначала я боялась двинуться. Я помнила, что мое горло было перерезано. Не имея представления о том, сколько спала, я не знала, насколько исцелилась. Коснувшись шеи, я ощутила только гладкую новую кожу.

— Ты проснулась.

Я узнала, что Натан вошел в комнату прежде, чем он заговорил. Почувствовала его. Он выглядел измученным, как будто не спал несколько дней.

Я взглянула на часы, стоящие на ночном столике.

— Сейчас действительно полдень?

Натан кивнул:

— Как ты себя чувствуешь?

Под глазами у него были темные круги, лицо выглядело осунувшимся и измученным. Когда он заговорил, то звук был такой, будто по его голосовым связкам прошли теркой для сыра.

— Мне больно, — честно ответила я. — Очень сильно. И я голодна.

Натан энергично потер лицо руками и испустил длинный выдох, как человек, который столкнулся с непосильной задачей. Но ободряюще улыбнулся.

— Давай сначала разберемся с болью, затем я посмотрю, что можно сделать с тем, чтобы достать тебе немного крови.

Я осторожно сместилась на постели: при этом движении раскаленные добела копыя боли пронзили верхнюю часть моего тела.

— Как долго я была без сознания?

— Восемь дней. Девять, если бы я дал тебе достаточно лекарств.

— Что с Киром? — Я подумала, что выражение лица Натана стало злым при упоминании этого имени, но у него было право на это. А у меня было право знать. — Ты убил его?

Натан отвернулся от меня.

— Нет, мы не убили его. Я предложил отложить миссию на случай, если ты выживешь и станешь жаловаться на меня, когда обнаружишь, что мы все уладили без тебя.

По крайней мере, он не потерял чувство юмора. Рядом с кроватью Натан поставил складной карточный стол с чистыми полотенцами, набором первой помощи и огромным количеством упаковок марли и лейкопластыря. Большинство из них были пустыми.

Он поднял шприц и отмерил дозу инъекции какого-то лекарства. Мне было все равно, что это, покуда оно избавляло меня от сокрушительной боли в грудной клетке.

Бинт, обмотанный вокруг моей груди, делал из меня следящую за модой мумию, которая надела топик. Я прижала руки к ребрам и снова резкая боль пронзила все тело.

— Не могу дышать.

Натан сел на кровать рядом со мной, внимательно следя за тем, чтобы не делать никаких движений, которые бы потревожили меня.

— Ну, конечно, можешь. Делай глубокие вдохи. Когда ты паникуешь, у тебя учащается дыхание.

Он откинул простынь и обвил жгут вокруг моей руки. Я вздрогнула, когда Натан ввел иглу мне в вену, и острая боль пронзила руки и ноги.

Мои воспоминания крутились, как черновой монтаж фильма, в котором я могла распознать всего лишь половину сюжета. Звук был плохим, а изображение сбивающим с толку. Это были нити одной истории, но не было никакого шаблона, чтобы сплести из них рисунок.

— Что со мной случилось?

Натан попытался смягчить выражение лица, на котором от напряжения проступили морщины.

— Что ты помнишь?

— Звуки. Боль. — И ужасные физические мучения. Но я не хотела об этом сейчас вспоминать. — Я помню, как спустилась вниз за ключами, а после этого — ничего.

Он покачал головой:

— Ты не спускалась по лестнице, Кэрри. Я нашел тебя в аллее.

Аллея. Я помнила небо: был уже почти рассвет, а я не могла двинуться.

— Я горела?

— Нет. — Натан аккуратно вынул иглу и надел на нее колпачок. Хотя я уже прочитала лекцию по этому поводу. Утруждать, поправляя его, я не стала.

Теперь я совершенно другой человек.

От внезапного приступа грусти у меня на глазах появились слезы, и Натан резко поднял взгляд.

— В чем дело? — А потом пожал плечами, как будто отвечая на вопрос, который я не произнесла вслух. — Думаю, я провел с тобой взаперти слишком много времени, раз начинаю читать твои мысли.

Это беспечное замечание принесло отзвуки чего-то, что лежало на поверхности моего сознания. Дымка от воздействия лекарства заволокла мой разум, и, когда я заговорила, мои слова звучали неразборчиво:

— Тебе надо немного поспать. Ты выглядишь не очень хорошо.

Его рука на моем лбу была холодной.

— Как и ты, любимая.

Я была мертва. Вот важная деталь, которую мне надо было помнить. Я была мертва, и он был здесь.

Но я снова отключилась, и прошло еще два дня, прежде чем я пришла в себя.

Натан лежал на боку рядом со мной, защищая меня своим телом. Я повернула голову и могла прислониться к нему, слушать биение его сердца. Его присутствие было таким успокаивающим. Его рука погладила мои волосы, и я открыла глаза.

Бинт вокруг моей груди сменился темно-синей футболкой, которая знавала лучшие времена. На ней были следы крови и рвоты.

— У тебя очень, очень плохая реакция на морфий. Я бы дал тебе мерепидин, поскольку ты уже принимала его раньше без проблем, но я слишком устал.

Его голос был хриплым. Он все еще не поспал.

— Ну, реакция или нет, морфий, должно быть, мне помог. Я ничего не чувствую.

Боль от моих ранений была отдаленным ночным кошмаром, и только томительная окоченелость от долгого отдыха в постели мучила мои кости.

Медленно садясь, Натан мягко усмехнулся,

— Ты, вероятно, уже исцелилась.

Как взрывы фотовспышек я увидела Кира, нависшего надо мной, кровь на его руках. Моя грудь взрезана, как у трупа для вскрытия. Ошеломленное лицо Натана, когда он увидел меня в аллее.

Одной из первых вещей, которую Натан объяснил мне о «Добровольном Движении Уничтожения Вампиров», было то, что они строго запрещают использование лекарств в случаях опасных для существования вампиров ранений. Я была мертва, когда он нашел меня. И вот я сижу здесь.

— Ты нарушил правила.

Его спина напряглась от моего обвинения.

— Да, полагаю, нарушил.

Я поспешно поднялась, вздрогнув от боли в мышцах, которые столь долго неиспользовала. Положив несколько подушек под спину, натянула одеяла до шеи.

— Почему?

У меня возникло подозрение, что он немного слишком долго рылся в шкафу в поисках еще одной футболки, так, чтобы смог подумать об оправдании.

— Мне нравится опасная жизнь?

Из всех вампиров, которых я встречала до настоящего времени, Натан был самым серьезным, самым ярким приверженцем правил. В те две недели, когда я решала присоединиться ли к «Движению», он звонил почти каждую ночь с какой-то новой информацией, которую я не использовала, но которая, как он чувствовал, была жизненно важна для меня. Он держал на руках Зигги, единственного человека, который значил все в его жизни, и смотрел, как тот умирает, когда мог бы легко обратить его и избавить себя от боли потери. Но он не сделал это из-за своей принадлежности к «Движению».

И все же он спас меня.

— Почему? — снова спросила я.

Когда Натан посмотрел на меня, выражение его лица было мрачным.

— Я не могу объяснить это.

— Дай мне знать, когда сможешь, — я сделала движение, чтобы подняться с кровати, но Натан грубо натянул одеяла обратно.

— Тебе нужен отдых.

— Я уже наотдыхалась. Хочу встать, — и попробовала снова, но Натан схватил меня за руки.

— Может, ты просто слушаешь меня и ляжешь обратно? — с раздраженным проклятием он дал мне чистую футболку и повернулся спиной.

— Что у тебя на уме, Натан? — я быстро сменила запачканную футболку на чистую, замерев при виде неровного шрама, разделявшего мою грудь пополам.

Его плечи ссутулились от усталости.

— Я не в первый раз иду против «Движения». У меня и так испытательный срок.

Я привела в порядок простыни вокруг обнаженной нижней части своего тела.

— Можешь повернуться.

Когда он повернулся, я увидела, что он разглядывает кусочек голой ноги, выглядывающей из-под одеял. Потом быстро отвел глаза.

— Ты сожалеешь об этом? — Что бы я сделала, если бы он сказал да?

Натан не ответил сразу же.

— Кэрри, когда я нашел тебя, единственной моей мыслью было оставаться рядом с тобой, пока ты не умрешь. Но это продолжалось так долго. Как только я думал, что ты на самом деле... ты возвращалась обратно. Честно, я никогда не видел, чтобы кто-нибудь боролся так настойчиво. Но ранения были слишком серьезными. Не было способа, которым ты могла бы исцелиться сама по себе. Учитывая как недавно ты была обращена, — он сел на кровать лицом ко мне. — Ты видела шрам? — Натан коснулся моей футболки, как раз под ключицей, и я вздрогнула от этого прикосновения.

— Да, — я смогла выдавить это чуть слышным шепотом.

Натан закрыл глаза, не убирая руки.

— Он разрезал тебя отсюда... — его пальцы скользнули вниз, пройдя между моими грудями, и остановились в ямке под грудной клеткой. Он разжал пальцы и на секунду положил ладонь мне на живот, прежде чем вернуться обратно к моей шее: — ...до сюда. Но это был не просто разрез, он был как...

— Как открытая книга? — я понимала, как это должно было выглядеть для кого-то, непривыкшего к подобному зрелищу. — Ребра можно раскрыть очень широко. Но теперь я снова целая.

— Я помог тебе, — он улыбнулся и указал на ночной столик, где лежала стопка книг по хирургии.

— Натан, каким образом..?

— Если я скажу тебе, ты, вероятно, не будешь от этого в восторге. У меня не было здесь каких-то современных хирургических инструментов, — он двинулся к складному столику, где из набора первой помощи высовывались ручки ржавых плоскогубцев.

Мой желудок перевернулся, но причиной могли послужить остатки морфина в крови.

— Просвети меня.

— Я использовал проволоку, чтобы стянуть твою... грудину?

Я кивнула, подтверждая правильность термина, и позволила ему продолжать.

— Чтобы удержать ее, — Натан отвел взгляд. — Мне пришлось оборачивать проволоку вокруг снова и снова. На твоём месте я бы не стал проходить через металлоискатель.

Очень сильно желая сменить тему разговора, я откашлялась:

— Что ж, спасибо за совет. Но если я сама не могла исцелиться, почему сейчас чувствую себя лучше?

Он покосился на меня:

— Ты в самом деле не помнишь ту ночь?

— Нет. Я точно знаю, что случилось: просто хочу услышать твою версию. Знаешь, просто чтобы убить время, — я откинулась на подушки. — Если есть что-то, что ты должен сказать мне, думаю, ты должен это просто сказать.

— Ты потеряла слишком много крови. Даже если бы ты была в сознании, чтобы питаться, кровь просто вылилась бы через дыру. И ты умерла, Кэрри, — он с отчаянием вздохнул. — Если бы я знал, что случится...

Пульс грохотал у меня в ушах. Но более тревожащим оказалось то, что я могла слышать пульс Натана, как будто держала стетоскоп у его груди.

— Натан, что ты сделал?

Он посмотрел мне прямо в глаза, и в моем теле вспыхнул жар.

— Я оживил тебя единственным способом, который знал. Дал тебе свою кровь.

— Что это значит?

— Поначалу ничего. Я был в отчаянии, Кэрри. Я думал, моя кровь может ускорить твоё исцеление, вот и все. Потом, когда я коснулся тебя, чтобы сменить повязки, я начал видеть что-то, твои воспоминания. Вот как я узнал, — он глубоко вздохнул. — Когда ты впервые стала вампиром, ты плотнула какое-то количество крови Кира. Твое сердце, должно быть, остановилось в какой-то момент...

— После одной из операций.

— Вот когда ты стала вампиром. Когда я дал тебе свою кровь, твоё сердце... — он отвёл взгляд и прочистил горло. — Ты уже ушла, но, кажется, нет никакой разницы. Процесс повторился, как будто ты не была вампиром изначально. Думаю, теперь я твой создатель.

Мой рот пересох, и в первый раз в своей жизни я потеряла дар речи. Но не из-за недостатка слов. У меня было в избытке чего сказать, но слишком много мыслей вертелось в моей голове. Одна из них — облегчение, что кровь Кира больше не течет в моих венах. Но это не слишком утешало, когда пришла вторая, и я вспомнила, что знаю о Натане так же мало, как и раньше. И даже он сам был о себе не очень высокого мнения.

Конечно, я знала, что не в характере Натана развлекаться манипулированием людьми, ради которого, казалось, живет Кир. Но между нами существовало влечение с той ночи, как мы встретились.

Это время словно было давным-давно, и Натан стал почти полнейшим незнакомцем. Тогда он был осторожным, но временами я могла видеть проблески настоящего Натана.

А теперь он стал моим создателем.

— Я не понимаю, — мое горло было таким сухим, будто я только что пересекла пустыню без единой капли воды. — Кир умер в отделении скорой помощи. Как он выжил, не будучи создан вновь?

Натан сжал переносицу большим и указательным пальцами и закрыл глаза.

— В зависимости от нашего возраста и силы мы можем быть мертвыми в течение нескольких часов, пока исцеляемся, если сердце остается неповрежденным, — он споткнулся на этих словах, затем откашлялся. — Если бы ты была такой же старой, как он, ты без проблем смогла бы выжить сама по себе.

— Так вот значит что? — я сделала глубокий вдох. Моя грудь была как в тисках, и вдох причинил боль. — Ты мой создатель? — слезы хлынули так внезапно, что у меня не было времени сдержать их.

К сожалению, Натан не принимал участия в моем внутреннем диалоге, предшествовавшем слезам, и неверно понял мои истерические рыдания. Он выругался и

встал, и прежде чем я смогла остановить его, вылетел из комнаты.

Я отбросила одеяла и последовала за ним, благодарная его футболке за ее длину. Паркет в коридоре был холодным, так что я попыталась бежать на кончиках пальцев. После двух недель без движения ноги с трудом держали меня. Я запуталась в них и ударилась о стену.

Натан появился рядом со мной через две секунды, грубо прижав к груди. Он бросил меня на кровать немного менее нежно, чем я ожидала от кого-то, кто лечил почти разрезанного надвое человека, затем снова направился к двери.

— Подожди чертову минуту! — Мой голос звучал не так сурово, как я хотела бы, отчасти потому что лицом я ткнулась в подушку. Я приподнялась на локтях, чтобы посмотреть на Натана. — Ты не сделаешь это снова, Натан. Просто не сделаешь!

Он ответил на мое яростное выражение лица таким же.

— Сделаю что?

— Уйдешь! — я попыталась встать на колени, не обнажив при этом слишком много. — Ты не можешь просто уйти. «О, кстати, я твой создатель, и эй, ты счастливица, я такой мрачный и унылый, и слишком погружен в собственные проблемы, чтобы беспокоиться о твоих чувствах!» Это несправедливо!

— Жизнь вообще несправедливая штука, милая. Мне действительно жаль, если это ранит твои чувства, но я не хочу стоять здесь и слушать, как ты разбираешься со своими проблемами, — Натан сделал шаг по направлению к двери.

— Ты даже не знаешь, в чем мои проблемы! — Не считаясь с тем, что я знала, что он тут же уложит меня обратно, я вскочила с постели и последовала за ним.

— О, думаю, я могу догадаться, — сказал он, влетая в кухню и открывая холодильник.

— Можешь? — Я смотрела на него в течение секунды, пока он пытался снять крышку с пивной бутылки. После того, как он сделал несколько неудачных попыток открутить ее, я со злостью вырвала у него бутылку. — Тогда у тебя преимущество. Потому что я понятия не имею в чем твоя проблема.

Я порылась в ящике со столовыми приборами:

— Где, черт возьми, твоя открывалка для бутылок?

— Прямо здесь, — сказал он, и его лицо трансформировалось. Он выхватил у меня бутылку и поддел край крышки одним из клыков, срывая ее и выплевывая в раковину, пока черты его лица возвращались к нормальному состоянию.

— Не могу поверить, что теперь привязана к тебе на клеточном уровне.

Это замечание только еще больше разозлило его.

— Прости, я не слишком образован. Я смотрю ПБС. Я ради развлечения вскрываю людей. Так будет лучше? Тогда тебе будет менее стыдно оказаться моим потомком?

Я, вероятно, могла бы прояснить недопонимание прямо сейчас, но его позиция в целом беспокоила меня. Я очень нелестно назвала его и протопала в спальню, где начала вытаскивать одежду и бросать ее на кровать.

Натан последовал за мной.

— Что ты делаешь?

— Одеваюсь. Я ухожу.

— Черта с два! — своей рукой он накрыл мою, и я отдернула ее.

— Прости меня, я не твоя пленница. Ты не можешь силой заставить меня остаться, — я была так зла, что все мое тело тряслось. Я обнаружила, что мне очень трудно сохранять человеческое лицо.

— Отлично. Убирайся отсюда, и пусть тебя убьют. В этот раз я не собираюсь лезть на рожон, чтобы помочь тебе, — адамово яблоко дернулось, когда он сглотнул. Взгляд его глаз был таким напряженным, что жег меня.

Мое сердце грохотало, я сделала шаг назад. В то же время Натан двинулся вперед. Ногами я ударилась о кровать, но он продолжал приближаться. Я уперлась ладонями ему в грудь, чтобы оттолкнуть назад, и он схватил меня за запястья.

Волна эмоций, пронзившая меня благодаря узам крови, была поразительной. Там не было гнева. Только невероятный страх. Страх, что я уйду, страх, что меня убьют, или хуже, что я вернусь к Киру.

Еще более пугающим было неприкрытое желание, которое вспыхнуло между мной и Натаном.

Я знала, что могу бороться с ним. По крайней мере, какое-то время. Я сопротивлялась Киру достаточно долго. Но я хотела Натана, прежде чем мы разделили кровь, и мои разбушевавшиеся гормоны не приняли бы «нет» в ответ.

Очевидно, также как и его. Он дернул меня вперед, накрывая мой рот жадным поцелуем.

Хотя Натан не был нежным, его поцелуй не вызвал у меня того страха, который вызывал Кир. Мне не надо было готовиться к удару или вздрагивать от прикосновений Натана.

Он прочел мои мысли, и раздражающая боль завибрировала через узы. Его руки отпустили мои запястья и обвились вокруг талии, прижимая меня к нему, пока его язык скользил по моей нижней губе.

«Верь мне», — прозвучал его шепот в моей голове. Но он не доверял себе. Я уловила его попытку заблокировать эмоции, не чувствовать ко мне ничего, кроме физического желания. И почувствовала его смущение, когда это оказалось невозможно.

Затем понимание ударило меня. Я его первый потомок.

Он не мог справиться с потребностью защищать меня, с потребностью быть рядом со мной. Эта потеря контроля пугала Натана сильнее всего.

Как будто чтобы доказать, что он все еще силен, все еще контролирует себя и ситуацию, Натан обхватил меня за ягодицы и притянул мои бедра к выпуклости своего члена.

Хихикающая девчонка-подросток во мне отметила, что комплектация моего нового создателя намного лучше, чем у предыдущего.

Натан услышал эту мысль. Я почувствовала, как его губы, прижатые к моим, изогнулись в улыбке.

Вот как это должно было быть. Наши кровные узы не были злом. Не были тяжелой ношей или чем-то, от чего я должна была защищаться. Узы крови — мощная связь. И она была унижена и растоптана моим предыдущим создателем.

Я была унижена и растоптана им. Кровь Натана в моих венах и его руки на моей коже облегчили боль, которую я чувствовала с тех пор, как Кир стал моим создателем.

Натан тоже нуждался в этом, хотя бы ради развлечения. Все его мысли были подчинены чувству крайней необходимости. На чем он мог сфокусироваться в данный момент, чтобы не допустить вторжения несчастливого прошлого в настоящее? Это заставляло мою голову кружиться. Я не могла вообразить подобное существование на протяжении каждой секунды каждого дня своей жизни.

Я схватила Натана за плечи, когда мы упали в одну и ту же постель по разным причинам. Он уклонялся, я пыталась его удержать.

— Прошло действительно много времени, с тех пор как я занимался этим, — оправдываясь, пробормотал он, уткнувшись в мою шею, пока его руки скользили под моей футболкой.

Движения его пальцев вызывали мурашки на моих бедрах. Я дрожала.

— Ты отлично справляешься.

Каждый дюйм его тела был таким же твердым, каким выглядел. На нем не было ни единой лишней унции плоти, и когда Натан стащил рубашку через голову, я не знала, где хочу прикоснуться к нему в первую очередь. Мои руки беспокойно двигались по его гладкой груди, твердым рукам, мускулам на его животе.

Расположившись между моих ног, он смял мою футболку, обнажая бедра, живот, грудь. Я стащила футболку, и он положил голову на впадину моего живота. Когда Натан поцеловал меня там, я сжала колени вокруг его талии. Мое дыхание прервалось.

С каждым нежным прикосновением его пальцев, каждой лаской языка на моей коже, он отдавал еще одну маленькую часть себя тому, что происходило. Его благодарность ошеломила меня.

Натан взял мой сосок в рот, и я могла сосредоточиться только на движениях его языка и трении его щетины о мою кожу. Запустив пальцы в его волосы, я закрыла глаза. Натан двигался вверх по моему телу, покрывая поцелуями шею.

— Это самая невероятная вещь, — прошептал он. — Я могу слышать, о чем ты думаешь. Где ты хочешь, чтобы я коснулся тебя. Это было также с...

В то же мгновение, как он сказал это, мое тело заледенело.

Он выругался.

— Это, вероятно, было самое тупое из всего, что я когда-либо говорил.

Я очень сильно хотела прикрыться. Я была слишком обнаженной, слишком уязвимой.

— Это точно было не умно.

— Я только... — он покачал головой. — Ты знаешь, что ты мой первый потомок. Это совершенно новое ощущение для меня. Я не привык быть тем, кому нужна информация. Обычно я парень, дающий ответы.

Он встал на колени, и это выглядело так, как будто он собирается выбраться из кровати. Его отвергнутая потребность болезненно пульсировала в моем ноющем теле, и я потянулась к Натану. Я никогда не была инициатором в сексе. Большую часть времени я просто терпела движения того, кто был сверху, желая доставить удовольствие ради одобрения. Теперь я просто хотела заставить его почувствовать что-то иное, кроме страха или страдания. И я действительно хотела его.

— Что ты...

Я шикнула на него, потянувшись к сверкающей пуговице на его ширинке. Натан резко вздохнул, когда я расстегнула пуговицу, потащила язычок молнии и скользнула рукой в его брюки.

Несмотря на заминку, он все еще был твердым. Его член дернулся, когда мои пальцы сжались вокруг его немалой толщины, и его дрожь отозвалась во мне. Я ласкала его, моя голова кружилась еще и от тех ощущений, которые действовали на меня через кровные узлы.

Натан поднялся с кровати, чтобы избавиться от джинсов, а я скользнула по матрасу, чтобы сжать твердые мускулы его бедер. Он застонал, когда я потерлась щекой о его бедро, мое легкое дыхание дразнило его напрягшийся член. Я уступила его молчаливому требованию, которое распознала с помощью уз крови, открыла рот и обхватила его губами.

На вкус он был соленым, но приятным. Я кружила языком вокруг набухшей головки, вбирая его все больше в себя. Возбуждение Натана росло, также как и мое. Когда он схватил меня за волосы и нежно отстранил, я знала, что он почти достиг конца.

Уложив меня на спину, Натан доверился узам крови, чтобы узнать, что мне нравилось. Он стремился выполнить мои запросы жаждущими руками и губами. Он наслаждался моим откликом. Не так как Кир. Натан не рассматривал мое желание как способ манипулировать мной или контролировать меня.

Осознание этого смело последние из моих комплексов. Если я потеряю контроль с Натаном, то не потеряю часть себя. Я почувствовала такое облегчение от этого, что кончила, когда он скользнул двумя пальцами внутрь меня. Судя по выражению его лица, он был удивлен так же, как и я.

— Очевидно, я не такой уж отсталый в этом, как думал. — Натан расположился между моих ног, перенося свой вес на руки.

Движение мускулов под его кожей завораживало меня.

— Берегись. Я получила то, что хотела. Я могла бы просто решить, что закончила с тобой, и что бы ты тогда стал делать?

— Мастурбировал бы, как делал это в течение последних двадцати лет. Но ты никуда не денешься.

Я легонько шлепнула его по плечу за это грубое замечание, а он просунул руку между нашими телами и направил свой член в скользкий вход в мое тело.

У меня сжались легкие, пока мои мышцы растягивались, чтобы приспособиться к нему. Я задохнулась, обвивая его руками.

— О, мой... о...

Он скользнул ладонями мне под спину и усадил себе на колени. Я держалась за его плечи, пока каждый дюйм его длинного члена двигался во мне.

Наклонившись к моему уху, Натан почти промурлыкал:

— Говорил же тебе, что ты никуда не денешься.

Я уткнулась лицом в его плечо, когда он выгнул бедра. Он был твердым и настоящим, а его кожа слабо пахла мылом.

— Я хотел... сделать это с той... ночи, когда ты пришла в магазин, — его голос был прерывист от резкого дыхания, и его слова потрясли меня.

Как это прекрасно — быть желанной. Не ради власти или контроля, а желанной как женщина.

Я опустила бедра, когда он поднялся вверх, и сильно прикусила губу, чтобы сдержать стон. И почувствовала кровь от своего укуса. Натан отклонился назад, его глаза потемнели. Он неосознанно облизал губы.

Мое сердце загрохотало, вторя пульсации его члена, который погружался глубоко в меня. Взгляд Натана не открывался от пятнышка крови на моих губах.

— Давай, — прошептала я. — Я хочу этого.

Он колебался только мгновение. Затем поймал мою губу зубами и слизал кровь.

Когда я пила кровь Кира, я видела образы Натана после смерти. Я могла только догадываться, что Натан увидел, когда попробовал мою кровь.

Что бы это ни было, это вырвало яростный рык из его горла. Он толкнул меня обратно на кровать и вытянул мои руки над головой, прижимая меня.

Боль. В моей крови он увидел боль.

Нежность в его взгляде ошеломила меня.

— Почему ты не сказала мне, что он делал с тобой?

Я закрыла глаза:

— Зачем тебе это знать?

Его губы коснулись моих. В этом жесте не было ничего кроме доброты, любви создателя. Его чувства разочарования и бессильной ярости потрясли меня до глубины души.

— Я бы мог исправить это. Не знаю как, но мог бы.

Я сглотнула сквозь слезы:

— Ты можешь заставить меня забыть.

С грустной улыбкой он кивнул:

— Давай попробуем.

Он двигался во мне, медленно. Снова и снова, он выходил почти полностью, затем скользил обратно, каждый раз немного увеличивая темп. Скоро он двигался во мне так жаростно, что дыхание резко вырывалось из моей груди с каждым толчком. Я сжала простыни в кулаках и раскачивалась во время его движений.

Знакомое, закручивающееся спиралью чувство, ощущение быстрой потери контроля, захватило меня. Мне нужен был лишь легкий толчок, чтобы перейти границу. Услышав молчаливую отчаянную просьбу, Натан скользнул рукой между нами и потер мой набухший клитор. Это стимуляция была именно тем, в чем я нуждалась. Выгнув спину, я приподнялась на кровати.

Его имя я выкрикнула, когда кончила, его лицо я увидела, когда открыла глаза. Облегчение было таким сильным, что я почти зарыдала.

— Вот так, любимая, — застонал Натан рядом с моим ухом. Он отказался от своего ритма, погружаясь в меня с еще большей мощью, чем прежде.

— Кончи, — потребовала я, сжимая его скользкую от пота спину. Он вошел почти слишком сильно в меня, когда наконец достиг оргазма.

— Спасибо, — шептал он снова и снова, когда смог заговорить. Он целовал мои губы, мой лоб, везде, где мог дотянуться.

Когда он лег рядом со мной, я неуклюже скатилась с кровати, обматывая простынь вокруг своего обнаженного тела.

Натан нахмурился:

— Куда ты собралась?

Я внезапно почувствовала холод и странное одиночество.

— В ванную. Чтобы вымыться.

Когда я дошла до двери, он сказал:

— Хорошо, что мы выпустили это из себя. Это было, вероятно, неизбежно.

— Да, — согласилась я. Значило ли это что-то для него? Это не должно было быть серьезно, но он должен был почувствовать что-то большее, чем просто облегчение от того, что все закончилось

Недовольно вздохнув, Натан облокотился на локоть.

— Ты знаешь, что значило, Кэрри.

Его ответ на мой невысказанный вопрос должен был бы утешить меня, но этого не произошло.

Я зашла в ванную и включила свет. Когда я смотрела в зеркало на свое внезапно уставшее лицо, по моей щеке скользнула слеза.

Нет, я не знаю. И также я не знаю тебя, Натан. Я отвернулась от своего отражения, чувствуя легкое отвращение к себе.

Я знала его не лучше, чем прежде.

Хотя я с ужасом ждала проявления негативных эмоций после нашей с Натаном физической близости, последующие ночи были слишком наполнены делами, чтобы выдалась хоть минутка свободного времени для ощущения неловкости.

Пока я восстанавливалась, Натан кормил меня своей кровью. А учитывая то, что потерю нечем было восполнить, он сильно истощился. В сочетании с длительной бессонницей и потерей сил, которых он лишился из-за меня, Натан с трудом мог подняться с постели уже на следующий вечер.

К счастью, я смогла связаться с его донором для экстренных ситуаций. Бойкая женщина из пригорода любезно предоставила нам пакеты с кровью, на которых аккуратным почерком была проставлена дата. В первую ночь Натан ощущал такую слабость, что мне пришлось поддерживать его голову, пока он пил. Но после этого ему стало значительно лучше.

Вещи в комнате Зигги были почти упакованы. Натан, очевидно, разрывался между заботой обо мне и постоянными попытками отогнать воспоминания о пареньке. Единственным признаком того, что в этой квартире вообще когда-либо жил подросток, была небольшая коллекция фотографий в рамках, стоявших на книжном шкафу в гостиной. Я поковырялась в коробках и достала оттуда еще несколько вещей, а затем расставила их на прежние места. Я знала, что Натан в ближайшее время их обнаружит и не собиралась позволить ему забыть Зигги.

Мало-помалу я начала узнавать о прошлом Натана. Не то чтобы он помогал в этом. Иногда какие-то вспышки воспоминаний просачивались через кровь, которой он поделился со мной. Именно так я узнала, что фотография, спрятанная в шкафу, была сделана в день его свадьбы. А женщину, изображенную на ней, звали Марианна. Ей было семнадцать, когда они поженились. Свадьбу организовали быстро, и она прошла очень весело. Но Марианна потеряла первого ребенка, а затем и всех последующих. Это стало первым признаком опухоли, поразившей ее органы. Чувства вины и отчаяния, которые окутывали эти воспоминания, оказались слишком сильными, чтобы я смогла увидеть что-то еще.

Я больше не ложилась в постель с Натаном. И никто из нас не упоминал то, что случилось. Я спала на диване несколько дней, пока Натан не восстановился и не упаковал вещи Зигги. Однажды он бросил мне стопку чистых простыней, когда вернулся, и произнес:

— Комната Зигги теперь в твоём распоряжении.

Видимо, он хотел, чтобы я осталась. Хотя я не давала своего согласия, а он не потрудился спросить меня об этом, спорить я не стала. Мне некуда было идти. Не было другого места, где я чувствовала бы себя в безопасности.

Спустя еще две недели я стала задаваться вопросом, побеспокоит ли меня Кир снова. Сначала я предположила, что он выжидал подходящего случая, чтобы нанести удар. Но я знала, что он не настолько терпелив, чтобы не появляться целый месяц.

Ночи стали значительно короче: приближалась весна. Ремонт в книжном магазине был почти завершен. И я осознала, что с удовольствием работаю с Натаном, составляя опись товаров для предстоящего открытия. Но все же, просматривая стандартные международные номера книг, я с трудом могла унять мучительный страх того, что в любой момент Кир может вернуться за мной.

Я нервничала уже четвертый день подряд, когда однажды проснулась и увидела возле себя на маленькой двуспальной кровати Натана.

Он не спал.

— Натан, что случилось?

Он наклонился ко мне сзади, положив свой подбородок мне на руку.

— Завтра приедет Макс. Мы отложили миссию, когда я рассказал ему, что случилось с тобой. Но «Движение» начинает терять терпение.

— Мы все еще должны убить Кира? — Спокойствие, которое только начало укорениться во мне, тут же исчезло. Я повернулась, чтобы посмотреть Натану в глаза, стараясь не столкнуть его с кровати.

Выражение его лица подтвердило мои опасения еще до того, как он произнес:

— Нам лучше убрать Кира с пути сейчас. Прежде чем Макс отправится за Пожирателем Душ.

— Хорошо. — Я попыталась улыбнуться и казаться беззаботной. — Так какой план?

Мне не нужно было переживать за свой внешний вид. Он не обратил на это никакого внимания.

— Постараться не быть убитыми.

— И как мы это сделаем? — Мой голос дрогнул, когда грудь заполнил огромный ком страха.

Натан ответил не сразу. Он теребил лябочку моей сорочки, которую я надела в постель, снимая ее с моего плеча, а затем надевая обратно. В полутемной комнате он выглядел усталым и расстроенным.

— Я не знаю.

Он был уверен, что потеряет меня. Его страх волнами накатывал на мое тело. Страх, что он ощутит ту же боль, что при потере Зигги. При потере Марианны.

Но Натан никогда не признается, что чувствует ко мне что-то еще, кроме как ответственность создателя по отношению к своему дитя. Но я не была уверена, что согласна на другие чувства.

Я повернулась и позволила ему прижать меня к своему телу. Он крепко обхватил меня руками, как будто я собиралась убежать, но немного расслабился, когда я положила свою руку на его.

Принять от него что-то большее, чем дружбу, я не была готова, поскольку сама пока не могла признать глубину своих чувств к нему. Пока мы оба игнорировали наши чувства, мы могли жить с трудностями, но все же счастливо, хотя и без физической близости.

Рабочие уже заканчивали отделку, когда мы спустились в магазин той ночью. Пока Натан о чем-то увлеченно разговаривал с ними, я направилась к почтовому ящику. Бросила пачку различных счетов и каталогов на прилавок, заинтересовавшись большим толстым конвертом, который был среди них. Конвертом, адресованным доктору Кэрри Эймс.

Я подождала, пока ушли рабочие, прежде чем передала его Натану.

— Не собираюсь открывать его. Он выглядит так, как будто в нем бомба, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Очень смешно, — сказал Натан, забрав конверт у меня. Он разорвал коричневую оберточную бумагу и поймал предмет, который выпал из нее. — Это для тебя. Здесь нет ничего опасного. Я надеюсь, ты не слишком разочарована.

Он передал мне еще одну копию «Сангвинара». Она была немного более потертая, чем

предыдущая.

Натан нахмурился и направился в складское помещение.

— Почти так же хорошо сохранилась, как и моя задница! «Bluebird45»(прим. переводчика: чей-то ник в сети Интернет, в переводе означает «голубая птичка45») получит от меня очень плохой отзыв.

— Ты купил ее на «иБэй»[1]? — Я открыла первую попавшуюся страницу и начала читать. — Вот черт, там действительно можно найти все, что угодно!

Дверь в магазин резко распахнулась, и колокольчики, которые Натан еще не поменял, пронзительно зазвенели, сообщая о приходе Макса.

Тот был таким же молодым, уверенным в себе и красивым, каким я его запомнила. Но я узнала от Натана, что у Макса репутация беспощадного убийцы. Однако, судя по фиолетовым засосам у воротника его футболки, он был и беспощадным дамским угодником.

— Как я люблю этот город! Кто бы знал, как я люблю этот город! — Он подпрыгнул и схватился за перемычку над дверным проемом, а потом покачался на ней.

— Хорошо долетел? — произнес Натан, не отрывая взгляда от стопки пришедшей почты, которую просматривал.

— Не то слово! — Улыбка Макса расплзлась от уха до уха. — Слушай, как думаешь, я уже в седьмой раз вступил в клуб десятитысячников[2], или это означает, что я получил свою седьмую по счету клубную карту?

— Ты уж извини, но в комнате дама! — Я вернулась к книге.

Мак подошел ко мне сзади и стал читать через плечо.

— Что делаешь?

— Не ты, — отрезал Натан.

Я проигнорировала его.

— Читаю «Сангвинар». — Я перевернула страницу и натолкнулась на ужасную схему желудка вампира. — Не может быть, чтобы мои внутренности выглядели подобным образом. Я не переживу этого!

Макс рассмеялся:

— Удивительно, сколько вампиров оказываются просто помешанными на этой бесполезной книге. Кол плюс сердце равно мертвый вампир. Это все, что нужно знать.

— Вообще-то, это зависит от того, какое сердце ты хочешь поразить. Их два. Или должно быть.

От плохого предчувствия холод пробежался по моей спине. Я изучала лицо Натана. Он отвернулся.

Я лихорадочно стала листать книгу, пока не нашла схему строения сердца вампира, а затем пробежалась по тексту, написанному на обратной стороне.

«Основное слабое место у вампира — первое из двух сердец. А именно, естественный человеческий орган. Оно стало рудиментом[3] из-за появления нового семиклапанного сердца, которое оказалось самым эффективным способом поддерживать существование вампира».

Макс, очевидно, обративший внимание на внезапно появившуюся ярость на моем лице, начал напевать что-то о натянутых, как струны, нервах. Мотив казался до ужаса знакомым.

— Натан, почему ты не сказал мне? — Слезы покатались по моему лицу, а в груди появилась пустота. Или, возможно, во всем виновато мое воображение.

— Я не хотел пугать тебя.

— Что? — Мне не понравилось, что мой голос прозвучал настолько пронзительно и громко, поэтому я произнесла тише: — Как ты посмел! Это моя жизнь! Ты должен был сказать!

Макс не вмешивался в разговор, а притворился, что его сильно заинтересовала голая стена из гипсокартона в другом конце комнаты.

Натан наклонился ко мне:

— И как я должен был сказать тебе об этом? Последние четыре дня я только и делал, что наблюдал за тобой, пока ты спала, чтобы вовремя заметить любой признак того, что ты собираешься... Моя кровь течет в твоих венах. Я знаю каждую частичку твоего тела. Если бы я не сказал тебе, что он сделал, я подумал, что, может... может, ничего из этого не случилось бы. И я смог бы забыть.

Сейчас я поняла его отчаянный страх. Неуверенность в том, что он сможет защитить меня. Но у Натана все равно не было никакого права скрывать от меня мою собственную смертность.

В другом конце магазина Макс все еще напевал. Мелодия вызвала слезы на моих глазах. «Я оставил свое сердце в Сан-Франциско»[4].

Сердце, которое билось в груди.

Я побежала к двери.

— Кэрри, подожди, — Натан окликнул меня.

Я бросилась вверх по лестнице к тротуару. Ночи стали теплее, и дождь, который капал на дорожку, не превращался в ледяную корку.

По какой-то причине Натан не последовал за мной. Хотя мне не особо хотелось сейчас находиться в чей-либо компании, я уж точно не желала думать, что он просто всплеснул руками и сказал: «Ну и ладно».

Не тогда, когда Кир мог убить меня в любую минуту.

Я прошла мимо аллеи. Хотя моя кровь очистилась с тех пор, я все еще представляла, что ощущаю запах моей прежней, испорченной крови. Крови моего бывшего создателя.

Она была на его руках, лице, одежде, когда он склонился надо мной в ту ночь.

Воспоминание о том, как Пожиратель Душ разрывал грудь Кира, внезапно стало намного понятнее. Кир говорил, что его отец убил своего собственного создателя. Поэтому он, должно быть, вытащил сердце Кира, чтобы подстраховаться.

Кир забрал мое сердце, чтобы убедиться, что я не предаю его. Неужели он думал, что я вернусь к нему?

Пока я шла, то постоянно проверяла свою кожу: хотела убедиться, что она не превращается в пепел и угли. Хотя он больше и не являлся моим создателем, я достаточно хорошо знала Кира, чтобы понять, что это был еще один вид его пытки. Он мог просто уничтожить мое сердце, и я бы не ждала смерть так долго. Все, о чем я могла думать, так это был ли Кир движим воспоминаниями о собственном отце, которые заставили его разорвать мою грудную клетку? Его шрам со временем стал менее заметным, но был зеркальным отражением моего собственного. Неужели его отец все еще контролировал Кира потому, что владел его сердцем?

Я бродила всю ночь, время от времени спрашивая «Сангвинар»: для чего у нас появляется второе сердце? В конце концов, я остановилась на наиболее вероятном объяснении: сердце вампира должно переносить больший объем крови в наши неестественно сильные конечности. Старое сердце становилось непригодным, но все же

каким-то образом сохраняло связь с нашей жизненной силой. Даже если физически оно не оказывало на нас влияния.

Наши предки верили, что сердце — кладезь души. Может, в чем-то они были правы. Тот факт, что меня могли вычеркнуть из этой стадии существования, уничтожив мое человеческое сердце, подтверждал эту гипотезу. Я пообещала себе, что выясню это, если проживу достаточно долго.

Несколько раз я оказывалась вблизи от дома Кира, но всегда поворачивала назад. Когда солнце начало вставать, я поспешила вернуться в квартиру Натана. Мои ноги устали еще несколько часов назад, но мой гнев побуждал меня не останавливаться.

Натан не искал меня. Ржавый фургон Зигги по-прежнему стоял у обочины, и я увидела свет в окнах гостиной.

Макс сидел на диване и со скучающим выражением лица перещелкивал каналы телевизора. Он поднял руку и вяло взмахнул ею, приветствуя меня.

Никаких признаков Натана.

— Где он?

Макс указал в сторону коридора.

— Он там с тех пор, как ты ушла. По крайней мере, он выключил «Темную сторону Луны»[5]. Я уже собрался зайти туда и выбросить чертов диск в окно.

Я направилась в комнату Натана, но следующие слова Макса остановили меня.

— Мы отправляемся завтра ночью. Натан не хотел, чтобы я говорил тебе, но мне пришло в голову, что тебе следует знать, учитывая то, что он твой создатель, и то, что нам предстоит.

Значит, Натан не рассказал ему, что произошло в ночь собрания. У него, вероятно, были на то причины. Может, Макс столь же фанатично относится к «Движению», как раньше Натан.

— Почему он не хотел, чтобы я знала?

— Вероятно, потому что он помешался на тебе и не хочет, чтобы тебя ранили. — Макс пожал плечами. — Или, может, он думает, что ты собираешься все похерить.

Я рассмеялась:

— Держу пари, что второе.

Макс бросил пульт и похлопал по сиденью дивана рядом с собой.

— Давай, поговори со мной.

На самом деле я хотела пойти к Натану и высказать ему все, что думаю, но то, как Макс посмотрел на меня, подсказало мне, что это, должно быть, не очень хорошая идея. Я села рядом с ним, но тут же дернулась, когда он по-товарищески обнял меня за плечи.

— Я и не собирался заигрывать, — заверил меня Макс. — Просто думаю, что моей руке приятнее лежать на красивой женщине.

Я закатила глаза:

— А ты быстрее думай, прежде чем я уберу твою руку.

— Ладно, ладно. В таком случае позволь мне сначала дать тебе несколько советов. Я достаточно долго знаю Натана. У него не было подружки с... Бог мой, я думаю, это было в восемьдесят четвертом году. И она не была, как ты бы это назвала, дикой женщиной. Я думаю, она была дипломированным бухгалтером... Дело в том, что Натан не особо привязывается к людям, а когда делает это, то имеет привычку замыкаться в себе. В его прошлом есть какое-то страшное дерьмо. Я даже не претендую на то, чтобы узнать всю

историю. Но он даже не пытается сблизиться с кем-то. Поэтому если ты войдешь туда и сразу же накинешься на него, то помни, что можешь ранить его сильнее, чем предполагала. И лишь докажешь, что его принцип «любовь приносит только боль» — верен.

Я с трудом сглотнула, вспомнив слова Кира, которые он выплюнул в гневе.

— Макс, а Натан правда убил свою жену?

Должно быть, это было своего рода тайной, о которой моего собеседника попросили никому не рассказывать, поскольку он некоторое время задумчиво покусывал губы.

— Не лги мне, Макс. Я узнаю, если ты это сделаешь, — и убрала его руку со своего плеча. — Натан убил свою жену?

— Да. По крайней мере, это то, что я слышал.

— Но это была не его вина, — произнесла я, покачав головой. — Я имею в виду, он ведь не хотел этого, правда?

— Как бы я хотел ответить «да», малыш. — Выражение лица Макса до глубины души поразило меня своей нежностью. — Но в то время он был совершенно другим человеком.

Извинившись, я направилась в комнату, которую с недавних пор стала считать своей.

Пружины на диване сильно закрипели, когда Макс поднялся.

— Он не хочет, чтобы ты отправилась с нами, поскольку не желает, чтобы тебя ранили. Это главная причина. Я не знаю, что происходит между вами двумя, но не трать попусту время, которое у вас осталось. Поверь мне, вечность чертовски надоедает спустя некоторое время.

Долгое время я лежала без сна, обдумывая слова Макса и вероятность того, что моя жизнь может скоро оборваться.

Было нечестно позволять Натану и Максиму рисковать своими жизнями, чтобы уничтожить Кира. Не тогда, когда он почти прекратил попытки расправиться со мной. Не важно, сколько раз я обдумывала это, но все равно постоянно приходила к одному и тому же выводу. Я должна была отправиться к Киру и сама убить его. Если что-то случится со мной, то больше никто не пострадает. И насколько я понимала, доктор Кэрри Эймс все равно уже мертва.

Я подождала, пока Макс выключил телевизор, затем прошмыгнула в спальню Натана. Он мгновенно проснулся, резко сев на постели.

— Кэрри, что случилось?

— Шшш... — Я сняла ночную рубашку и забралась к нему в постель. Он сомкнул руки вокруг меня и лег сверху.

В этот раз в его желании я ощутила одну лишь потребность. Он касался меня так, как будто уверял себя, что я все еще здесь, что у нас есть время.

Мы не разговаривали. Я думаю, мы оба боялись того, что это станет слишком значимым. Возможно, Натан думал избавиться меня от боли потери. И я знаю, что все бы отдала, чтобы избавиться его от боли, причиной которой являлась я сама.

Когда он поцеловал меня, я постаралась сделать так, чтобы это прикосновение стало как можно короче. Когда он спустился, чтобы поласкать меня языком внизу, я не выкрикнула его имя. И когда он, наконец, спросил, что я в таком случае хочу, я не ответила, чтобы он занялся со мной любовью. Я сказала, чтобы он просто трахнул меня.

Разозлившись, Натан подчинился. Он раздвинул мои ноги шире и рывком погрузился в меня. Кроме этого единственными прикосновениями стали резкие движения его бедер, которые терлись о мои, и жесткий захват моих лодыжек его руками, когда он приподнял их

выше и раздвинул. Кровать качалась и билась о стену. Я даже не потрудилась сдерживать крики удовольствия. Он кончил с содроганием, которое напоминало рыдания, и сильно жжал меня в своих объятиях.

Я поцеловала его в лоб и прижалась к нему. Кого я обманывала? Попытка скрыть свои эмоции от него равносильна попытке остановить утечку на плотине Гувера[6] пробкой. Я знала, что пробка в конечном итоге выстрелит, и мои чувства хлынут потоком, не принося ничего, кроме смерти и разрушений долине, которая находилась на пути.

Ладно. Может, это не будет настолько драматично. Но с моей стороны было глупо думать, что я могу отрицать связь, созданную нашими кровными узами, или мои чувства к Натану, которые возникли задолго до их появления.

— Натан, — тихо произнесла я сквозь слезы. — Натан, я...

— Пожалуйста, не говори этого. — Его слова могли бы ранить меня, если бы я не понимала смысл, скрытый за ними.

«Пожалуйста, не говори этого, или я не смогу больше отрицать, что сам чувствую то же самое. Я очень сильно боюсь, поэтому не могу позволить себе чувствовать это».

— Не буду, — пообещала я.

Он переплел наши пальцы и поднес мою руку к своим губам.

— Спасибо.

Но когда он заснул, я поцеловала его и прошептала:

— Натан, я люблю тебя.

Или Нолен. Кем бы ты ни был. Даже если я никогда не узнаю, кто ты, я все равно люблю тебя.

Через несколько минут после захода солнца я выскользнула из его рук и тихо оделась. Я не оставила записку, поскольку не знала, что вообще планирую делать.

Только одно было понятно: к тому моменту, как взойдет солнце, или Кир будет мертв, или я.

1. eBay (русск. иБэй) — американская компания, предоставляющая услуги в областях интернет-аукционов (основное поле деятельности), интернет-магазинов, мгновенных платежей. Управляет веб-сайтом eBay.com и его местными версиями в нескольких странах.

2. Клуб Десятитысячников — сленговый термин, объединяющий людей, которые занимались сексом в самолете на высоте не менее одной мили (5 280 футов или 1 609 м). Это образное выражение, официально такого клуба не существует.

Хронологически самый первый член клуба — пилот и инженер Лоуренс Сперри (Lawrence Sperry). Считается, что он вступил в клуб во время испытаний самодельного автопилота в ноябре 1916 года.

3. Рудимент (от лат. rudimentum — зачаток, начальная ступень) — устаревшая форма существования; фактор исчезнувшего явления, ушедшего в прошлое по своей функциональной деятельности, в связи с изменившимися условиями жизни.

4. Тони Беннетт (англ. Tony Bennett, полное имя Энтони Доминик Бенедето, англ. Anthony Dominick Benedetto; 3 августа 1926) — американский эстрадный исполнитель традиционной свинговой и поп-музыки с элементами джаза, преимущественно из репертуара Great American Songbook.

Ему принадлежит песня «I left my heart in San Francisco» — «Я оставил свое сердце в

Сан-Франциско».

5. «The Dark Side of The Moon» («Темная сторона Луны») — восьмой альбом группы Pink Floyd (Пинк Флойд) 1973 года. Самый успешный альбом группы; общее число продаж — более 40 миллионов экземпляров, самый продаваемый альбом за всю историю группы.

6. Плотина Гувера, дамба Гувера, дамба Хувера — уникальное гидротехническое сооружение в США, бетонная арочно-гравитационная плотина высотой 221 м и гидроэлектростанция, сооружённая в нижнем течении реки Колорадо. Расположена в Чёрном каньоне, на границе штатов Аризона и Невада, в 48 км к юго-востоку от Лас-Вегаса образует озеро (водохранилище) Мид. Названа в честь Герберта Гувера, 31-го президента США, сыгравшего важную роль в её строительстве. Строительство дамбы началось в 1931 году и закончилось в 1936 году, на два года раньше запланированного срока.

ГЛАВА 23

Добро пожаловать домой!

Мое вампирское сердце громко застучало в груди, когда я подошла к особняку Кира. В окнах было темно, и на какое-то мгновение я запаниковала и подумала, что упустила свой шанс. Кир куда-то уехал, а мое сердце спрятано в какую-то коробку, на которой, как я надеялась, было написано: «Осторожно, хрупкое!»

Но затем я увидела слабое свечение в огромных окнах кабинета, которые были высотой от пола до потолка. Мое сердце сжалось. Ничто не помешает схватке. Час пробил.

Просто перелезть через центральные ворота казалось очень храбрым поступком, но я никогда не заблуждалась в том, что обладала этим качеством. Но и подойти к воротам хорошо охраняемого поместья почти безоружной и просто вежливо попросить, чтобы тебя выпустили внутрь, тоже не представлялось слишком хорошей идеей.

Я похлопала по набедренному карману, прикрытому подолом моей рубашки, куда раньше спрятала кол. Я даже не знала, хватит ли у меня сил использовать его в схватке с другим вампиром, особенно с Киrom, но, по крайней мере, у меня было что-то, чем можно было ударить одного из охранников, если он подберется ко мне слишком близко.

Я пошла по тротуару вдоль забора, окружавшего поместье. Вход в дом для охранников находился так далеко от главного, что любой мог совершенно логично предположить, что это два совершенно отдельных здания. Я прошла мимо ворот, где мы тайно встречались с Натаном, чтобы спланировать побег Зигги. И сразу же подумала о Натане, спящем в своей постели.

Казалось, все, что мне нужно было сделать, так это просто войти в свою комнату и встретить там Зигги. Как тогда, несколько дней назад. Я подняла взгляд от газона и посмотрела вверх. В моей старой комнате был включен свет. Я почувствовала неожиданный укол ревности, что мое место теперь занято кем-то другим.

Худощавый человек осторожно направлялся вниз по газону к лабиринту живой изгороди. Я узнала профиль.

— Кларенс? — позвала я. Мой голос эхом вернулся ко мне в холодном воздухе, и я вздрогнула.

Дворецкий прищурился, а затем резко выпрямился, когда до него внезапно дошло:

— Док?

В горле образовался комок. Я смотрела, как старик спешит ко мне по траве. Последнее, что я хотела, так это чтобы он переломал себе ноги.

— Осторожней.

— Осторожней?! — он усмехнулся. — Ты чертова дура, раз вернулась сюда! Они сказали мне, что ты мертва.

Из кармана тщательно отглаженных брюк Кларенс достал кольцо со старинными ключами. Пробормотав что-то, он выбрал один из них и сунул его в замочную скважину ворот. Вместо того, чтобы развалиться на кусочки, ключ действительно провернулся внутри, и с едва слышным скрипом ворота открылись.

— Тащи сюда свою задницу! — проворчал дворецкий, нервно поглядывая на дом. — А сейчас ты должна кое-что объяснить. Это ты съела парня?

— Что?! Нет! — произнесла я слишком громко.

Кларенс зашикал на меня:

— Говори тише! Хозяин дома, и он находится в действительно плохом настроении с тех пор, как отбыл его отец.

— Я думала, Пожиратель Душ не выживет без своего ежегодного кормления.

— Ничто не может убить этого ублюдка. Поверь мне, не в первый раз кто-то попытался это сделать. — Кларенс покачал головой. — Что случилось с мальчиком?

— Кир убил его. — Я подумала о бочках в подвале и о том, что дворецкий рассказывал мне. — Что ты сделал с ним?

— Я ничего с ним не делал. В ту ночь у меня был выходной. Они, вероятно, сожгли его вместе с остальными.

По крайней мере, его не запихали в какую-то бочку. Я указала на дом:

— Где Кир?

— В кабинете. С самой ночи вечеринки он все время находится там, пытаюсь избежать ее. — Последние слова были сказаны им в обвинительном тоне.

— Ее? Далия выжила?

Лицо Кларенса скривилось в комической маске неодобрения.

— Кажется, кто-то сказал ей, что на вечеринке ее превратят в вампира.

Я скрипнула зубами. Одно дело бороться с Киром, но Далия... она не входила в мои планы.

— Что насчет охранников?

— Они стараются держаться подальше от Далии и хозяина, но увидят тебя, если ты войдешь внутрь. — Он покосился на меня. — Ты решила вернуться, верно?

— Нет. Я лучше проткну себя колом прямо здесь на газоне, — пробормотала я, смотря на неясные очертания фасада дома.

— У меня есть один в кармане, — предложил мне старик. — Это будет ужасно, так ведь?

Я кивнула:

— Возможно, ты захочешь выбраться отсюда.

— Нет. Когда хозяин отсутствует, кто-то же должен следить за порядком, — произнес Кларенс с печальной улыбкой.

— Тебе не следует здесь оставаться. У меня есть друзья. Мы могли бы помочь тебе приобрести квартиру во Флориде или где-нибудь еще. Где захочешь.

— Никуда я не собираюсь. — Он сделал нерешительное движение руками, как будто подгонял меня. — Я говорил тебе прежде: я иду в комплекте с этим домом. Ты задашь ему перцу, док!

Я хотела обнять его, но не желала заставлять Кларенса опускаться до нежностей с вампиром. Я не могла понять, почему он отказывался воспользоваться шансом и получить свободу. И также не могла понять странное поведение людей, которые предпочитали жить в доме и смотреть на бури и наводнения в нем, нежели бежать оттуда. Может, боязнь перемен? Или отрицание своей смертности? Какова бы ни была причина, Кларенс, казалось, разделял их решение остаться здесь. И я знала, что не смогу переубедить его, но заставила дворецкого пообещать мне, что он проведет всю ночь возле дома охранников и не покажется до самого утра. Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся в лабиринте. Затем направилась напрямик к особняку.

Прожив несколько недель в непосредственной близости от «Клыков» и бесчисленных

смертных поклонниц Кира, я ощутила, что дом стал казаться довольно пустым. По-видимому, Кир не удосужился заменить домашних животных, которых употребил на празднике.

Хотя охранники были на месте. Как только я открыла французские двери, ведущие в холл, весь ад вырвался наружу.

Двое стражников ждали меня в центре комнаты. Вне всяких сомнений, они наблюдали за мной, пока я разговаривала с Кларенсом на газоне, поскольку подкрепление — о-о-очень много охранников — прибывало, сбегая вниз по лестнице. Позади меня распахнулись входные двери.

Я повернулась и увидела Макса с Натаном, стоявших в дверном проеме. Облегчение и страх пробежали сквозь меня. Мне пришла в голову мысль, что я спасена. А потом подумала, что теперь мы все умрем.

— Не ставь чайник, мы ненадолго, — заявил Макс, широко улыбнувшись.

— Натан, уходи отсюда, — закричала я, когда первый охранник добрался до меня. Его руки с силой сжали мои плечи. Я схватила его за предплечья и упала на спину, перебросив его через голову в тот самый момент, как ко мне подбежал еще один. Я вскочила на ноги и локтем сильно ударила нападавшего в лицо. Кровь потекла между его пальцев, когда он накрыл рукой свой сломанный нос. Я нанесла удар ему в пах. Когда охранник согнулся, схватила его за плечи и коленом заехала по голове. Он мешком свалился на пол.

Я взглянула на Макса и Натана. Макс вырубил одного охранника и использовал электрошокер в борьбе с другим. Натан, загнанный в угол боевиком, размахивающим своим колом, попытался увернуться, но удар деревянного острия пришелся ему в плечо.

— Нет! — Я бросилась вперед. Чьи-то руки сомкнулись вокруг меня. Из-за своей спешки, чтобы быстрее добраться до Натана, я резко толкнула человека и впечатала его в стену. Он обмяк как тряпичная кукла.

Я добралась до Натана, когда он вытащил кол, и из раны хлынул поток крови. Охранник вытащил из-за пояса еще один кол и стал нападать, но не успел нанести удар, поскольку я схватила его. Я обнажила клыки, прежде чем поняла, что изменилась. Если бы Натан не окликнул меня, я бы укусила человека в шею.

— Почему бы не позволить ей сделать это?

Мак и Натан замерли, услышав голос. Я отпустила охранника и повернулась.

Кир шагнул из открытой двери своего кабинета. Его волосы были небрежно зачесаны назад и заплетены в косу, которая давно растрепалась. А махровый халат, казалось, полностью поглотил его. Темные впадины под глазами подчеркивали и так бледный цвет лица. Кир выглядел так, как будто не спал и не ел несколько дней.

— У тебя никогда не было возможности увидеть то, как она пьет кровь, ведь так, Нолен? — Он печально улыбнулся. — Это то, что должен ощутить каждый создатель.

Чьи-то руки обездвижили меня сзади, и в тот же момент я увидела, что охранники схватили Натана и Макса. Я напряглась, приготовившись у бою, но почувствовала конец кола, упирающийся мне в грудь.

Я встретила с Натаном взглядом и услышала его голос в своей голове: «Не двигайся».

Макс повернулся и посмотрел на Натана.

— О чем он, черт возьми, говорит?

Кир подошел ко мне и осторожно провел тыльной стороной ладони по моему лицу. Поскольку между нами больше не существовало кровных уз, я не ощутила ничего, кроме

отвращения.

Его глаза, один — золотисто-зеленый в крапинку, а другой — его собственный — пронзительно синий, застыли, взгляд стал пустым.

— Они действительно оборвались. — Взревев от возмущения, как ребенок, чьим проказам помешали, Кир ударил кулаками по своим бедрам. Он повернулся к Натану: — Зачем? Зачем ты забрал ее у меня?

— Я тоже хотел бы знать, — произнес Макс сквозь стиснутые зубы.

«О, Боже, пусть он не станет осуждать нас!» Я не знала Макса достаточно хорошо, чтобы сказать наверняка, доложит ли он «Движению» о неблагоразумном поступке Натана или просто откажется от миссии из-за своего несогласия с тем, что сделал его напарник.

Натан послал мне утешительную мысль: «Не беспокойся, милая. Он никуда не уйдет. Мы выберемся отсюда».

— Во всем виноват только ты один, Кир. — Натан кивнул в мою сторону. — Ты убил ее в той аллее. Моя кровь спасла ей жизнь. находка принадлежит нашедшему.

Как только он закончил говорить, Кир ударил его. Голова Натана откинулась назад, а из носа брызнула кровь. На какое-то мгновение я испугалась, что он потеряет сознание.

Кир покрутил запястьем, с болью глядя на лицо Натана. Для рук, которые привыкли к насилию, его были слишком изящными.

— Говоришь, находка принадлежит нашедшему? Также, как я нашел отвергнутого тобой сынка и сделал его своим?

Натан попытался вырваться, и ему это удалось бы, если бы четверо других охранников не бросились на помощь, чтобы удержать его. Вампиры сильны, но не настолько.

Один из нападавших нанес сильный удар коленом между ног Натана. Тот согнулся и взвыл от боли.

— Кир, пожалуйста, прикажи им перестать! — закричала я.

Мой бывший создатель щелкнул пальцами, подав знак охраннику, державшему меня, и кол, находившийся у моей груди, проткнул кожу.

Натан сразу же перестал бороться. Но вместо того чтобы запаниковать, он засмеялся:

— Знаешь ли, Кир, кол ей в сердце ничего не даст.

— Разве?

Дерево глубже вонзилось в мою плоть, разрывая грудь. Хотя от раны я не превратилась бы в пепел и не взорвалась бы в пламени, но удар в мое оставшееся сердце не являлся тем, чем можно было пренебречь.

— Остановись, пожалуйста!

«Не умоляй его, Кэрри. Я не смогу вынести твою мольбу». В глазах Натана отражалась боль. Я отвернулась.

— Кир, прекрати это, — выдавил он. — Ты же видишь, я веду себя хорошо.

— Как благородно. — Кир махнул охраннику, державшему меня. — Так мило с твоей стороны защищать ее, и это после всего того, что она сделала с твоим сыном.

Натан покачал головой.

— Не сработает, Кир. Я теперь ее создатель. Я могу видеть...

Я попыталась сдержать воспоминания ночи, когда пила кровь Зигги, но из-за моей паники, они полностью поглотили меня. И были настолько же болезненными, насколько эротичными. Я не смогла скрыть их от Натана.

Его гнев усилился, но не больше, чем я ожидала. «Я хотела рассказать тебе», —

мысленно произнесла я, но он не ответил. Натан намеренно проигнорировал кровные узы. После десятилетий успешного блокирования призывов Пожирателя Душ, его техника усовершенствовалась. Мои мысли отскочили от него, как теннисные мячики от кирпичной стены.

Но Натан никак не показал, что знал о моем предательстве.

— Она все рассказала мне. Извини, что разочаровал тебя.

— Как бы я хотел, чтобы мне тоже все рассказали, — зарычал Макс. — Я, вероятно, сдохну просто из-за того, что дышу с вами одним воздухом. Я не знаю, что здесь происходит. А это хреново!

На лбу Кира появилось еще больше морщин из-за того, что он нахмурился.

— Убейте этого.

— Нет! — Натан выкрикнул одновременно со мной. Я ощутила его ярость из-за того, что он узнал о том, что я сделала. И это было похоже на то, как будто меня ударили камнем в грудь.

— О! Так вы собираетесь вести со мной переговоры сейчас? Вдвоем? — Кир рассмеялся. — Ну, как считаете нужным.

Комната наполнилась охранниками. Они прибывали группами по десять человек. Для каждого из нас по группе. Нам связали руки за спиной.

— Отведите его в комнату Далии, — произнес Кир, показывая на Макса. — Остальные могут присоединиться ко мне в кабинете.

— Мы скоро встретимся, — крикнул Натан Максусу.

Это выглядело так, как будто они просто расставались на некоторое время, чтобы пообедать в разных ресторанах. Макс крикнул в ответ:

— Конечно. Нанеси несколько ударов и от меня. — Затем я услышала, как он спросил охранников: — Так эта Далия... ей уже есть восемнадцать?

Половина охранников, следовавших за нами, остались снаружи сторожить дверь по приказу Кира. Поэтому внутри осталось всего десять боевиков. Слишком много для меня, неопытного бойца. И Натана с его раненым плечом, чтобы он смог справиться со всеми в одиночку.

— Боишься меня, Кир? — резко произнес Натан, когда за нами закрылись двери.

В конце концов, я отказалась от попыток развязать руки. Я едва ли могла снять этикетку с новых туфель. Каковы шансы, что мне удастся, как Гудини[1], выпутаться из прочных пут?

Единственным источником света в комнате был камин. Я увидела тонкий профиль Кира в отблеске пламени.

Он не смотрел на нас.

— Все к этому и шло. Ты здесь, чтобы забрать мою жизнь, поскольку остальное уже отнял у меня.

— О чем он говорит? Я ничего у него не...

— Он обращается ко мне, — произнес Натан. Его взгляд был сосредоточен на Кире. — Я не собираюсь ни за что извиняться. Что посеешь, то и пожнешь.

— И что же я посеял? — Кир повернулся. Его безжалостные глаза сверкнули в свете огня. — Я сделал лишь то, что должно было сделать созданное дитя, подчиняясь кровным узам. Я был предан своему создателю.

Натан горько усмехнулся:

— Нечего снова использовать это объяснение в качестве оправдания! У нас один и тот

же создатель. Я же не утратил свободу воли, когда он влил в меня свою кровь.

— Это как раз то, в чем я пытался убедить тебя долгие годы! — закричал Кир на него, а затем повернулся ко мне. — Я надеюсь, ты запомнишь это, Кэрри, когда будешь думать о том, что же случилось с его женой.

Я взглянула на него, но продолжала молчать.

Кир угрожающе обошел нас вокруг, как акула в безумном желании сожрать живьем.

— Нолен когда-нибудь рассказывал тебе, что он сделал со своей женой?

— Нет. — Я не могла смотреть на Натана. — Но я знаю.

— Кэрри? — Удивление Натана пробежало сквозь меня.

«Макс сказал мне». Как бы я хотела дотянуться до его руки. Но что-то сказало мне, что он не примет ее.

Кир наклонился ближе к моему уху:

— Но я сомневаюсь, что ты знаешь всю историю. — Он резко отстранился, указав на диван, как будто Натан и я были приглашенными на ужин гостями, которые прибыли чуть раньше назначенного времени. — Пожалуйста, присаживайтесь. Я расскажу вам.

Натан бросился вперед. Не знаю, что он намеревался сделать со связанными руками. Но это не имело значения. Двое охранников подхватили его под руки и потянули назад.

Хотя Кир стоял спиной, в знак предупреждения он поднял руку.

— Я бы не стал, если бы был на твоём месте. А то у тебя не останется никакой возможности выжить. Кто же защитит твоё дитя? — Он повернулся и указал на меня пальцем с длинным ногтем. — Поверь мне, я не стану колебаться и убью ее сразу же после твоей смерти.

— Что же мешает тебе сделать это сейчас? — спросил Натан.

Он не имел это в виду. Как бы он ни был зол на меня за то, что я укусила Зигги, Натан не позволил бы мне умереть. Он закидывал удочку, чтобы выведать побольше.

Кир замер:

— Да ничего, я думаю. Но было бы стыдно пропустить такое веселье. — Натан сжал челюсти. — О! Вижу, я попал в яблочко. Скажи мне, Нолен, что тебя так задело? Скажи, что тоже разделяешь мое мнение или то, что не имеешь своей точки зрения?

— Что я собираюсь выяснить, так это какого хрена ты не убил ее в той аллее? Я не думаю, что ты сделаешь это сейчас.

Я должна была догадаться, что случится что-то плохое, когда Кир улыбнулся. Он подошел к Натану и ударил его так сильно, что я услышала, как хрустнули кости его лица. Голова Натана резко дернулась в сторону, а его тело перекрутилось, когда он упал.

Кир повернулся ко мне, его глаза были наполнены яростью.

— Полагаю, ты думаешь, что тебя это не коснется. Что ты будешь спасена из-за укоренившихся чувств, которые я испытываю к тебе.

Я кивнула:

— Если бы ты хотел убить меня, то уже сделал бы это.

Кир ударил меня.

— Я больше не обязан терпеть подобное! Я бы разорвал твоё горло прямо сейчас, но не хочу, чтобы твоя кровь попала мне в рот. — Отпихнув Натана в сторону, он указал на диван. — Садись.

Я сделала так, как мне было сказано, чтобы уберечь и себя, и Натана от дальнейшей боли. На всякий случай, если он еще жив.

Сев в кресло напротив меня, Кир положил руки на колени. Я впервые заметила, насколько костлявыми и хрупкими были его пальцы. Я хотела отгрызть их по одному. Или раздробить молотком.

Одним из преимуществ того, что я больше не являлась его созданием, было то, что я могла спокойно думать о чем угодно, не беспокоясь, что он сможет прочитать мои мысли. Хотя мне больше не приходилось блокировать свой разум от него, я не могла скрыть эмоции, написанные на моем лице. Когда Кир посмотрел на меня, медленная улыбка расползлась по его лицу.

— Ты ненавидишь меня, ведь так? — Это был прямой вопрос. Он не таил в себе печали, которую я чувствовала в те дни, когда мы были вместе, и он спросил меня, люблю ли я его.

Я сжала руки в кулаки.

— А не все ли равно? Ты сказал, что в любом случае убьешь меня.

Усмехнувшись, он потянулся к чему-то, что лежало на мраморном столе рядом с ним.

— Нет, Кэрри. Я должен признаться. Я никогда не планировал убить тебя.

Предметом, который он взял, был гладкий лакированный ларец. Он напомнил мне одну из шкатулок, которые Натан продавал в своем магазине, чтобы хранить там карты Таро или кристаллы. За исключением того, что эта выглядела более дорогой и с более изящным замком.

Кир положил ларец себе на колени и бережно накрыл его руками.

— А теперь расскажи, что ты знаешь о своем создателе. Я умираю, как хочу узнать его версию этой истории.

Я отчетливо представляла то, что лежит в ларце, но отвела от него свой взгляд.

— Он ничего не говорил мне. Макс сказал, что он убил свою жену. И когда я... — я запнулась на слове, которое не хотела произносить. — Когда я пила твою кровь, то видела, что случилось с ним в одну из твоих новогодних вечеринок. Но не знаю, как эти события связаны между собой.

Кир понес руку к своим губам.

— Да, насколько я понимаю, Нолен может быть очень скрытным.

Щелкнув пальцами, Кир указал на Натана. Прижав ларец к своей груди, он встал и взял хрустальный бокал для шампанского с подноса на каминной полке. Вместо того, чтобы наполнить его сверкающей зеленой жидкостью из графина, стоявшего рядом, Кир направился туда, где охранники уже подняли Натана на ноги.

— Предоставить тебе такую возможность, или это сделаю я?

Натан был без сознания. Его голова болталась, скрывая кровавое месиво, которым стало его лицо. Просто чудо, что Кир не убил его.

Эта мысль едва пришла ко мне в голову, как Кир достал кинжал из рукава и вонзил его в Натана.

— Нет! — Я попыталась встать, но со связанными руками было трудно сохранять равновесие. Я упала на диван и перевернулась на бок.

Кир наполовину наполнил бокал кровью Натана, а затем вытер нож о его запачканную футболку.

— Давай не будем так бурно реагировать, Кэрри. Ты знала, что его убьют, когда он переступит порог этого дома. Но сейчас он должен жить. По крайней мере, пока ты не увидишь то, что я хочу, чтобы ты увидела.

Он провел острием по своему запястью, позволяя хлынувшему потоку крови смешаться

с кровью Натана в бокале. Я подумала, что должна возникнуть бурная реакция: шипение, пена или отделение жидкостей друг от друга, как вода и масло. Но темная кровь смешалась в один коктейль.

Когда бокал был наполнен, Кир поднес его к моим губам:

— Пей.

Закрыв глаза, я вдохнула знакомый запах Кира и почувствовала зов моего создателя. Что случится, если я выпью это?

Острый край ножа ткнул меня в горло, надавливая и угрожая.

— Пей!

Смочив губы, я открыла рот. Сейчас или никогда. Ты хотела ответы, ты получишь их.

Я выпила смесь крови моего создателя и моего врага и тем самым призвала тьму, которая поглотила меня.

Гáрри Гудíни (англ. Harry Houdini, наст. имя и фамилия — Э́рик Вайс; 24 марта 1874, Будапешт, Австро-Венгрия — 31 октября 1926, Детройт, США) — знаменитый американский иллюзионист, гипнотизёр, прославившийся разоблачением шарлатанов и сложными трюками с побегами и освобождениями.

ГЛАВА 24

(Рас)крытие

Видения летели на меня. Воспоминания о двух жизнях оказались в моей голове одновременно. Я боялась, что рассыплюсь на кусочки, не в состоянии вместить это все. Может быть, таков был замысел Кира. Или так, или он хотел, чтобы я сошла с ума от эмоций: страх, мгновение счастья, любовь, но надо всем этим была боль. Думаю, что я попыталась закричать, но больше не чувствовала своего тела, безучастно скользя в воспоминаниях, как призрак, вуайерист чистейшего сознания.

Перед моими глазами, словно в кино, развернулась та особенная ночь. Ночь Вампирского Нового года. Ночь, когда был обращен Натан.

Кир сидел за столом рядом с женщиной, которую, как я знала, звали Элсбет. Она была его потомком, поняла я. Они провели вместе уже больше двухсот лет, но было ясно, что он любил ее намного больше, чем она его. Быстрый взгляд на их позы — он с обожанием склонился к ней, тогда как она не подумала даже наградить его взглядом, — сказал мне все.

Это была та же комната, которую я видела глазами Кира, когда раньше пила его кровь, но я никогда не замечала безразличия Элсбет, потому что Кир его не видел. Он никогда не осознавал, что она не любит его. Мне стало его почти жаль.

Я мгновенно переместилась в голову Кира. Они спорили с Элсбет. Он просил ее о чем-то, сделать то, что она не хотела.

Отдать ему ее сердце.

Буквально. Он хотел, чтобы она по собственной воле отдала ему то, что он украл у меня. Меня бы затошнило, если бы я еще оставалась в своем теле и могла что-то чувствовать.

Выбравшись из головы Кира, я увидела, что двери в комнату открылись. Вошли Натан и его жена. Я не могла проникнуть в ее голову, но разум Натана был в кои-то веки открыт для меня.

Он узнал Джейкоба Сеймура — целителя, ради встречи с которым они пересекли полмира, но был удивлен странным халатом, который надел Сеймур. И Натан спрашивал себя, кто все эти люди, сидящие вокруг стола. Сына Джейкоба он знал — Саймон, привлекательный молодой мужчина, а женщина, сидевшая рядом с ним, — его жена Элсбет. Но что они все делают тут? Натан с Марианной приехали слишком рано и прервали ужин?

Когда за ними захлопнулись двери, я почувствовала его тревогу. Он знал: что-то не так. Так же как знал, что обещания Джейкоба Сеймура были слишком хороши, чтобы оказаться правдой.

Он обманывал Марианну, свою прекрасную Марианну, надеждой на излечение от болезни, потому что жаждал в это верить.

Мне захотелось, чтобы он никогда не приводил жену в тот дом.

Когда бесстрастные лица сидящих за столом стали трансформироваться, принимая свою истинную форму, Натан начал молиться. Но Святой дух, Иисус и Дева Мария повернулись к нему спиной, так же как он отвернулся от них, когда его молитвы не помогли остановить рак, который разрушал молодое тело его жены.

— Нолен? — прошептала Марианна. Ее уже бледное лицо стало совсем белым от ужаса.

Я сбежала из разума Натана, когда к нему приблизились монстры. Если бы у меня были глаза, чтобы закрыть их, я бы так и сделала, но не было способа избежать этого зрелища.

Натан пытался защитить Марианну от клыков и когтей, но грубые руки вытащили его из толпы.

— Этот для меня! — зарычал Пожиратель Душ. Затем, толкнув Натана к Киру, сказал: — Саймон, заставь отца гордиться тобой.

Натан боролся, когда Кир притянул его к себе. Он рвался к Марианне, но она была слишком далеко. И слишком много вампиров стояло у него на пути.

«Это ад. Я проклят».

Я пыталась заблокировать его вселяющие ужас мысли, но они оказались слишком сильны. Кир оторвал пуговицы с рубашки Натана одним быстрым движением и положил свою когтистую руку на обнаженную загорелую кожу, скользя вниз по мускулистому животу Натана.

Крики Марианны становились все слабее и слабее с каждой секундой.

— Позвольте ей жить, — молил Натан. — Пожалуйста, позвольте ей жить!

Пожиратель Душ подумал мгновение, затем хлопнул в ладоши — жест, который я много раз видела у Кира. Вампиры, атаковавшие Марианну, подняли глаза, изобразив на своих демонических лицах смущение так хорошо, как только смогли.

— Планы меняются, — проворчал Пожиратель Душ. — Вон, все вы.

Они удалились, ворча от неудовольствия. Некоторые шипели, проходя мимо хозяина. На полу застонала Марианна, ее руки и ноги с отметками от клыков были мертвенно неподвижны, а грудь еле поднималась и опускалась: дыхание было едва различимо.

Элсбет нахмурилась, глядя на своего свекра:

— Ты всегда так поступаешь, Джейкоб. Меняешь планы, ни с кем не посоветовавшись. Это нечестно. Я не питалась уже много дней!

Пожиратель душ схватил ее:

— Ты увидишь, что питаться намного труднее, когда я оторву твою прекрасную головку от твоей шеи. Теперь убирайся.

— Отец? — Кир все еще держал свою награду, но его внимание было приковано к Элсбет.

— Что ж, позволим этой больной умереть самой по себе. В лучшем случае она проживет достаточно долго, чтобы увидеть, как его убьют, — кивнув Натану, Пожиратель Душ вышел за дверь. — Был рад встретить вас, мистер Гэлбрайт.

Против своей воли я снова оказалась в разуме Натана. Марианна протянула к нему дрожащую руку, ее глаза умоляли его о помощи. Но он не мог помочь ей.

Он устал. Устал от переездов с континента на континент в погоне за излечением, только чтобы увидеть, как одна надежда умирает за другой. Устал бояться смерти жены, устал от вины, которую чувствовал, когда желал, чтобы это все просто закончилось. Возможно, это было его наказание. Он отвернулся.

— Кажется, мы остались только втроем, — прошептал Кир на ухо своей жертве. Ощущение рук другого мужчины на себе заставляло желчь подниматься в горле Натана. Он крепко закрыл глаза, когда эти руки двинулись ниже, расстегивая пуговицу на его брюках. Холодные пальцы сомкнулись на нем, лаская, чтобы возбудить против его воли.

Натан прорыдал «Аве Мария», когда клыки Кира вонзились в его шею.

Пожалуйста, молила я, сама не зная кого. Пожалуйста, я не хочу знать этого.

Поэтому я разглядывала расписанный фресками потолок, сосредоточив взгляд на толстых херувимах, улыбающихся ужасной сцене, вместо криков боли и ужаса Натана.

Кошмар был по-садистски длинным. Сломав Натана физически, ментально и эмоционально, Кир оставил его обнаженным и изнасилованным на ледяном мраморном полу. Кровь медленно вытекала из дюжины открытых вен. Натан был мертв к тому времени, как кто-то вернулся.

Пожиратель Душ скользнул в комнату с Киром, который шел рядом с ним.

— Очень хорошо, Саймон. Ты дал ему настоящую возможность, — он опустился на колени рядом с оскверненным телом Натана и положил его голову себе на колени.

— Я не знаю, можно ли назвать это возможностью. Он протянет только до следующего твоего кормления, — в голосе Кира была нотка раздражения.

Пожиратель Душ любовно ласкал руки Натана.

— Нет, думаю, для этого у меня другие планы.

Он поднял свое запястье и прокусил его: было слышно, как он прокалывает кожу и вены. Затем прижал раненое запястье к безвольному рту Натана.

Кровь медленно оживляла тело Натана. Сначала его рот, и его губы дернулись. Потом его руки, и они поднялись, чтобы вцепиться в Пожирателя душ. Понадобилось меньше двух минут, чтобы обращение было завершено.

В Кире вспыхнула тревога. Я могла чувствовать ее, не проникая в его разум.

— Отец, подумай о том, что делаешь. Твоя кровь уже слаба. Она будет едва поддерживать его живым. Ты не сможешь питаться от него. Позволь мне обратить его, как мы и планировали.

Натан, шатаясь, поднялся на ноги. Его глаза были дикими. Голодными.

Пожиратель Душ проигнорировал Кира, вместо этого сосредоточившись на новом ребенке.

— Посмотри на себя. Ты истощен. Моя старая кровь не может поддерживать твои силы.

В этот неподходящий момент Марианна слабо заплакала. Как стон умирающего животного, это привлекло внимание хищников вокруг нее.

К его чести Натан пытался бороться со зверем внутри себя.

— Будет только хуже, — усмехнулся его создатель. — Голод будет грызть тебя. Он сведет тебя с ума.

Кир с каждой секундой тревожился все больше.

— Отец, убей его. Ты не сможешь пережить еще один год без питания.

Пожиратель душ не обращал внимания на слова своего сына.

— Нолен, пожалуйста. Ты знаешь, она все равно умрет. Посмотри на нее. Она чуть жива.

В противоположность его словам дымка в глазах Марианны исчезла. Я была рада, что не могу видеть то, что творилось у нее в голове, знать, кого она увидела, когда посмотрела на Натана.

— Нолен, что ты делаешь?

Он закрыл лицо.

— Не могу.

Отецкая любовь исчезла из тона Пожирателя Душ.

— Сможешь. Ты чувствуешь голод, который я выносил веками. Если ты думаешь, что сейчас больно, представь, что ты почувствуешь через неделю. Через месяц. Возьми ее и облегчи свои страдания, или я сделаю так, что ты захочешь этого!

Боль Натана добралась до меня и поглотила. Я и прежде чувствовала голод, но ничего

подобного этому. Кровь Пожирателя Душ уже была истощенной. Клетки и ткани тела Натана пытались вытянуть питание из крови, но это был побочный продукт, лишенный силы, необходимой, чтобы снабжать топливом его вампирскую плоть.

Было слишком сложно бороться и с голодом, и с волей создателя.

Марианна закричала, когда Натан схватил ее.

— Мне жаль. Мне так жаль, — шептал он, уткнувшись ей в шею, за секунду до того, как прокусил ее кожу своими новообретенными клыками.

— Я больше не хочу видеть это! — закричала я, не осознавая, что вновь получила контроль над своим телом. Но видение не прекращалось.

Пожиратель Душ с извращенным удовлетворением наблюдал, как Натан выпил последнюю каплю крови Марианны.

— Избавь ее от этого, Кир, — Натан, которого я видела перед собой в видении, не говорил, но это его голос я слышала из настоящего.

— Она должна увидеть! — слова Кира частично перекрыли эхо его же голоса, когда он заговорил с Пожирателем Душ.

— Отец, убей его! Он питался, его кровь снова полна силы. Питайся от него!

Пожиратель Душ покачал головой:

— Он слишком силен. Это удивительно. Я, возможно, не могу убить его. Я верю, что он принесет большую пользу в будущем с помощью уз крови. Мы всегда должны думать о будущем, сын мой. Мне надо найти другого.

— Нет времени. Если ты не получишь питания, ты умрешь!

На полу Натан укачивал тело Марианны и рыдал.

Кир встретился взглядом с отцом, на его лице появился ужас:

— Нет.

— Она была колючкой в боку, с тех пор как ты обратил ее, — Пожиратель Душ прошагал к двери.

— Отец, нет! — Кир схватил Джейкоба за халат.

Пожиратель Душ в ярости выдернул ткань из рук сына.

— Прекрати распускать сопли, мальчик. Может быть, ты предпочтешь, чтобы я взял тебя вместо нее? Ты найдешь другую. Ту, которая будет слушаться. Ту, которая более достойна разделить нашу кровь.

Он оттолкнул Кира, и, прежде чем тот смог встать на ноги, двери захлопнулись, не выпуская его наружу.

— Элбет! Элбет! — кричал он, пока его горло не заболело. Его когти царапали деревянную поверхность дверей, но они оставались закрытыми. Проходили минуты, ожидание становилось невыносимым. Наконец, испуганные крики Элбет разорвали тишину дома, затем также быстро затихли.

Видение стало зернистым. Я зависла в пустоте, окруженная плачем Натана и разъяренными рыданиями Кира.

— Она умирает! Помоги ей!

Я открыла глаза в настоящем, чтобы увидеть, как Натан пытается вырваться из рук охранников, державших его. Третий телохранитель вышел вперед, чтобы помочь им, но это не потребовалось. Как только я перестала задыхаться и села, Натан успокоился.

В какой-то момент во время видения я скатилась с дивана. Моя голова пульсировала, спина болела от удара об пол или из-за этого странного кровавого коктейля, я не знала.

Кир схватил мое израненное запястье и поднял меня на ноги. Его прикосновение было намеренно грубым.

— Я надеюсь, что это пролило некоторый свет на наши сложности. И я надеюсь, ты понимаешь, почему я сделал то, что сделал.

— С кем? — прохрипела я. — С Натаном? Или с его женой? Или со своим потомком? Что конкретно я должна понять?

— Что он — убийца! — гнев Кира был таким внезапным и жестоким, что я задрожала от страха. Все страдания прошедших веков выплеснулись в его слова. Боль в его голосе так глубоко пронзила меня, что я физически почувствовала ее, даже без кровной связи между нами.

Его гнев утих так же быстро, как появился. Тонем усталого ребенка, потерпевшего поражение, он заговорил снова:

— Он — убийца, а ты оставила меня, чтобы быть с ним.

— Нет, — я повернулась и посмотрела ему в глаза, и горе в них лишило меня дыхания. — Когда ты забрал мое сердце в той аллее, ты позволил мне умереть. Натан спас мою жизнь. Это был не мой выбор.

— Это не имеет значения. Что сделано, то сделано. Когда он умрет, все сможет вернуться на круги своя, — Кир щелкнул пальцами охранниками. — Убейте его.

Натан зарычал и вырвался. Со связанными руками он мог лишь нанести удар головой Киру, который отбросил бы того к стене рядом с камином. И именно так Натан и сделал. Их столкновение сопровождалось грохотом. Деревянные панели на стене погнулись, но Кир быстро пришел в себя и бросил Натана на пол. Смеясь, Кир схватил кочергу с подставки у очага и занес ее над спиной своего врага.

Даже если бы я предупредила его, Натан не смог бы увернуться вовремя. С криком ярости я дернула руками в стороны. Пластиковая лента впилась мне в кожу, но разорвалась. Я была свободна.

Прежде чем охранники смогла среагировать, я подбежала к Киру и ударила его плечом. Мы свалились на персидский ковер, опрокинув два стула, когда падали.

Я вцепилась в белые волосы и потянула, заставляя Кира посмотреть на меня.

— Если собираешься убить меня, просто сделай это и оставь его в покое!

Он вырвался, оставив светлую прядь волос в моем кулаке. Пригладил волосы и встал.

— Я не хочу убивать тебя, Кэрри. Но теперь твоя жизнь не в моих руках.

Охранники подняли Натана и бросили на кресло. Он тяжело дышал. Неровная рана там, где Кир ударил его ножом, сочилась свежей кровью.

— Что ты имеешь в виду, не в твоих руках? — спросила я. Другой охранник вышел вперед, чтобы схватить меня, и я зарычала на него.

— Оставь ее, — с ухмылкой скомандовал Кир. — У меня есть для нее предложение.

Я схватила охранника и повернула его голову в сторону, обнажая артерию на его шее.

— Тебе лучше начать объяснения, или, помоги мне Боже, я убью его прямо сейчас.

Кир засмеялся:

— Думаешь, меня это волнует? У меня больше дюжины таких же, как он.

Туше.

Выйдя из себя от разочарования, я выворачивала руку охранника, пока она не хрустнула.

Телохранитель осел на землю, завывая от боли, и я толкнула его вперед, прижав голову к полу каблуком сапога.

— Говори или будешь отчищать мозги с этого претенциозного ковра!

— Очень хорошо. Поразительно, что ты зашла так далеко, учась только у него. Сила в тебе... она опьяняет, — Кир медленно двинулся ко мне. Я отступила назад, и охранник пополз прочь, прижимая свою сломанную руку к груди. Я прижалась к мраморному столу. Кир продолжал надвигаться. — Подумай о том, чем бы ты могла стать, если бы только вернулась ко мне. Я бы снова мог сделать тебя своей. Выпить твою кровь, подвести тебя к смерти и затем снова наполнить тебя.

Он погладил мою щеку: его ногти оставляли болезненные надрезы на коже. Я сжала зубы, чтобы не вздрогнуть.

— Ты никогда не наполнял меня раньше, так что не могу вообразить тебя делающим это сейчас.

— Это довольно дешево, Кэрри. Я думал, ты умеешь лучше, — он отвернулся от меня, чтобы посмотреть на Натана. — Я послал отцу довольно интересную посылку прошлой ночью. К этому моменту он должен был получить ее.

Натан пожал плечами:

— Эта информация имеет какое-то отношение к нашей теперешней ситуации?

— Собственно говоря, нет. — Кир обвил мою талию рукой и притянул меня ближе. — Поскольку мы пропустили его ежегодное питание, а жертва, предназначавшаяся для него, умерла, думаю, единственным разумным поступком было послать ему что-нибудь на зубок. Сердце Кэрри.

Спокойное выражение на лице Натана дало трещину.

— Зачем?

— Око за око, — Кир оттолкнул меня в сторону. — А если использовать другое крылатое выражение, это убьет двух зайцев одним выстрелом. Кэрри послушалась меня, и должна быть наказана. Твоя жизнь стоила жизни Элсбет, и я заслуживаю чего-нибудь взамен. Если ты думаешь, что потеря твоего драгоценного мальчишки-человека была болезненной, подожди, пока не почувствуешь, как кровная связь ослабевает и умирает. Подожди, пока не переживешь ее смерть, не имея возможности предотвратить ее. Но я не буду убивать тебя, Натан. Ты будешь чувствовать ее смерть каждый день своей жизни, как я жил с болью от потери Элсбет.

Неверие заставило меня застыть на месте. Я умру. Даже если бы мы убили Кира прямо сейчас, Пожиратель Душ съест мое сердце. Я уже была мертва.

Я открыла рот, чтобы заговорить, но ничего не смогла сказать.

Кир потрепал меня по голове в насмешливом жесте утешения:

— Конечно, я воспользовался услугами личного курьера. И могу отозвать его в любое время, если ты желаешь договориться.

Будто перекрутили пленку той ночи, когда я променяла свою свободу на жизнь Натана: мне стало плохо.

— Позволь догадаться. Если я останусь с тобой, ты отдашь мне сердце ипустишь Натана?

Хлопнув в ладоши, как отец, Кир засмеялся:

— Нет. Нолен умрет, так или иначе. Но я даю тебе право выбрать жизнь. Остайся здесь со мной, снова стань моей, и я отменю питание моего отца.

Не думая, я подняла руку, целясь в его здоровый глаз, и воткнула палец в глазницу.

Кир закричал в ярости и отшатнулся от меня. Кровь текла из-под его руки, когда он

прикрыл лицо.

— Я не стану твоей пленницей снова. Я лучше умру, — прошипела я. И действительно имела это в виду.

Не важно что, как я думала, он чувствовал ко мне. Я была для него тем, чем был любой другой в его жизни. Собственностью, пешкой. Я не стала играть по его правилам. Я нарушила закон, которым он дорожил, и, сделав так, разрушила его чувства ко мне.

Может быть, я любила его, но могла жить без этой любви, если она подвергала опасности свободу моей воли.

Вот когда я решила дорого продать то, что осталось от моей жизни. Если я должна умереть, я не сдамся без борьбы.

Оставшиеся охранники бросились на меня. Если бы я беспокоилась о правилах «Движения», то попыталась бы не причинить слишком много вреда. Но, казалось, что лучшим способом действовать было хватать их за головы и поворачивать.

К тому времени, как Натан появился рядом со мной, я убила троих. Его запястья кровоточили там, где он разорвал ленту.

— Прости, — немедленно сказала я, отталкивая охранника.

— Не извиняйся, займись Киrom!

Я подняла глаза. Он почти добрался до двери. Я перепрыгнула через диван и преградила Киру путь.

— Куда-то собираешься?

— Охрана! — закричал он, пытаюсь пройти мимо меня и все еще придерживая глаз в глазнице.

— Давай, зови! Мне все равно. Я мертва. — И подошла ближе, вытаскивая кол из заднего кармана. — А раз уж об этом зашла речь, так же, как и ты. Теперь можешь убежать, как нытик, со своими телохранителями, прикрывающими тебе спину, или можешь сражаться со мной, пока один из нас не умрет. Я вызываю тебя. Если только ты не боишься.

Кир убрал руку с залитого кровью лица. Его глаз свисал из глазницы на куске кожи. Кир затолкал его обратно и моргнул, чтобы разлепить залитые кровью веки.

— Думаю, я недооценил тебя, Кэрри. — Затем, повернувшись к охранникам, окружившим Натана, он крикнул: — Все вон!

Я взглянула на Натана. Он упал на пол, но был жив. Я чувствовала его силу, струящуюся сквозь меня.

Кир отступил назад так, чтобы охранники могли гуськом выйти из комнаты. Я прыгнула вперед и воткнула кол ему в череп прямо через его взятый взаймы глаз. Кости глазницы с треском разделились. Я могла бы вогнать кол прямо ему в сердце, чтобы покончить с ним, но хотела, чтобы он страдал.

— Упс, предполагалось, что я должна ждать сигнала или чего-то такого? — абсурдность ситуации и мои действия вызвали у меня нервный смехок, который превратился в истеричное отчаянное рыдание, и я сжала руки перед собой так сильно, что до крови порезала ладони ногтями.

Кир безрезультатно дергал за кол, торчащий из его лица. Мой шок прошел, и я использовала возможность схватить Кира и завести руки ему за спину.

— Знаешь, чем хорош Натан? Его кровь в десять раз более концентрированная, чем твоя, потому что он не тратил ее на кучу неудачных потомков, — я вытащила кол из глаза, разбрызгивая капли крови по комнате. Затем воткнула заостренный кусок дерева ему в

спину. — Знаешь, что? Думаю, это делает меня сильнее!

Несмотря на браваду моих слов, голос мой дрожал.

Ноги Кира подогнулись, и он попытался заговорить, но захлебнулся кровью. Я закрыла глаза и сделала самый глубокий вдох, который когда-либо делала в своей жизни. Та часть меня, которая все еще верила, что он может быть хорошим, хотела сбежать от той части, которая яростно наносила ему раны. Меня разрывало чувство вины за то, что я делаю такие жестокие вещи с мужчиной, которого, как думала, могла любить, но логика моего ума была сильнее. Кир заслужил это, и если я не убью его, он будет вечно повторять эту извращенную игру с другими потомками. Призвав все свое мужество, я повернула кол, и Кир задохнулся.

— Брось его!

Я подняла глаза. Вошла Далия, толкая перед собой Макса. Она спокойно осмотрела сцену битвы.

— Иди, помоги своему другу, — рывкнула она Макс, указывая на Натана. — Я хочу поговорить с Кэрри.

В последний раз, когда я видела Далию, та убегала от орды голодных вампиров. Теперь воздух вокруг нее, казалось, вибрировал от неудержимой силы.

Меня охватила паника. Я была уверена в себе, борясь с Киrom: знала, что в любом случае умру. Я на самом деле не особо задумывалась о том, что случится с Натаном и Максом после всего. Они были в силах противостоять Киру, но я была уверена, что даже вместе они не были ровней Далии.

Но Макс все еще был жив. Я полагала, что это было доказательством его умения обращаться с дамами. Надеюсь, это поможет ему и Натану выбраться из этого дерьма, когда я превращусь в пепел.

Далия встала передо мной, положив руки на пышные бедра.

— Ты обрекла меня на смерть.

Задыхаясь на мраморном полу, Кир пытался схватить меня за ногу.

— Лежать! — Далия взмахнула рукой, и он упал, прижатый невидимой силой.

Я с трудом сглотнула:

— Не знала точно, как вся это «обреченность на смерть» работает. Думала, он предложит Зигги гостям, и обратит тебя.

— А затем меня съест Пожиратель Душ? — в ее вопросе было странное отсутствие злости. Она не упрекала меня, а констатировала факт.

Самое малое, что я могла сделать, это быть честной:

— Может быть, я думала, что Кир обратит тебя, но поскольку весь остальной план провалился, ты была предоставлена сама себе.

— Как обычно, — вздохнула она. — На самом деле так получилось даже лучше. Я получила свою кровь, я получила свою силу...

— И я полагаю, какой-то вампир-байкер получил очень милый кусок ужасного драконьего украшения в обмен на несколько пинт крови, — перебила я.

Далия подняла бровь:

— Очень проникательно.

Она, должно быть, освободила Кира от заклинания, которое наложила, потому что тот без труда поднялся на ноги. Подняв руку к залитому кровью лицу, он затолкал свой оставшийся глаз обратно в глазницу.

— Ты не думала, что я обращаю ее, ведь так? Я бы не стал так растрчивать свою кровь.

Я ожидала, что Далия разозлится или ударит его, или рассыпется на куски от боли так, как я видела прежде. Но она просто улыбнулась.

— Конечно, нет. Ты бы никогда этого не сделал. Ты просто собирался держать меня на привязи, пока я тебе не наскучу. А потом намеревался убить меня.

— О, но некоторое время ты думала, что имеешь меня, — сказал он со смешком. — Боже, тобой было так легко манипулировать. — Кир повернулся ко мне: — Вот почему мне было так скучно с ней. Вещи, которые я заставлял ее делать, Кэрри. Думаешь, то, что я делал с тобой, было плохо?

— Я действительно не хочу слышать об этом.

Не важно, что случилось между мной и Далией: она не заслуживала таких извращенных мук, которые Кир принес ей.

В моей голове появилось странное жужжание. Как будто кто-то включил телевизор, но я могла слышать лишь высокочастотный шум. Мою голову наполнил голос Далии. Это было совсем не похоже на связь, которая была у меня с Киром или с Натаном благодаря узам крови. Это было нечто другое: связь бледная и слегка искаженная, от которой мой череп завибрировал от боли, но я могла понять достаточно, чтобы ухватить смысл.

— Посылка никогда не покидала дом.

Я видела движения ее губ, когда она говорила с Киром, его выражение, которое было невозможно постичь, когда он отвечал ей, но не могла слышать их слов. Я потрясла головой, как будто пыталась вытряхнуть воду из ушей.

— Спасибо, — подумала я в ответ, и мои слова неприятно срикошетили в черепе. — Я никогда не смогу отплатить тебе.

— Это не значит, что ты мне нравишься. Мы не собираемся идти по магазинам за обувью или делать еще что-то в этом роде.

Последовало мгновенье тишины, затем шум прекратился, а следующие ее слова были кристально ясны в моем разуме.

— Убей его, — я видела ее дрожь, когда она повернулась, чтобы выйти из комнаты. — Он убьет меня в конце концов. Мне надо, чтобы он был мертв. Я бы сделала это, но не могу. Убей его, и я отплачу тебе твоим сердцем.

Итак, Далия любила его. Недостаточно, чтобы доверить ему свою жизнь, да и не должна была, но она любила его. Она заявила, что ее к нему притягивала не его сила. Мне верилось с трудом, но сейчас это было ясно.

Мне вспомнилось, что она сказала мне однажды. Кое-что не является ни добром, ни злом. Кое-что просто... есть.

Я полагала, что Далия просто была, как торнадо или цунами. Сила природы. Я не собиралась пытаться понять ее мотивы, стоящие за простым самосохранением.

Ведьма, проходя мимо меня по пути к двери, остановилась:

— Сделай это быстро. Не позволяй ему страдать.

И ушла. Я, с трепетом смотря ей вслед, была так ошарашена, что забыла: Далия освободила Кира.

Крик Макса вырвал меня из ступора:

— Кэрри, берегись!

Кир схватил мой окровавленный кол и бросился на меня с ним. Я отскочила в сторону, но потеряла равновесие и упала на спину. Без колебаний он опустил кол. Я откатилась. Дерево расколосось, со всей силы ударившись об пол.

Макс двинулся ко мне, но я отмахнулась от него.

— Оставайся с Натаном!

Будучи уже в сознании, Натан все же не был достаточно сильным, чтобы бороться и с облаком гноса, не говоря уж о чем-то еще, что могло напасть на него. И я все еще не верила Далии, благослови, господи, ее сумасшедшее маленькое сердце.

Я прыгнула Киру на спину, используя свою силу, чтобы впечатать его лицом в стену. Потянулась вперед, чтобы выбить его раненый глаз, и почувствовала, как его зубы сомкнулись на моем предплечье: кости легко треснули в его челюстях, и кровь закапала из моих парализованных пальцев.

О, великолепно. Как ты собираешься драться одной рукой, док? Кир поднял меня над головой и бросил через комнату. Я жестко приземлилась.

Он вытер руки о халат:

— Небольшие проблемы?

— Нет, никаких проблем, — я ненавидела хриплый звук своего прерывистого дыхания. — Просто немного запыхалась.

Он засмеялся и протянул руки.

— Брось, Кэрри. Давай прекратим это безумие. Ты знаешь, что никогда не сможешь убить меня. Между нами слишком много всего.

Его голос звучал не так уверенно, как ему хотелось бы.

— Я уже убивала сегодня. Может быть, теперь я почувствовала вкус к этому.

— Ты убивала незнакомцев. Мужчин, которых не знала. — Он маленькими шагами приближался ко мне. Я не двинулась, даже когда он обхватил меня руками. — Мужчин, которые никогда не трогали тебя. Никогда не были внутри тебя. Мужчин, которые никогда не видели твои самые интимные мысли и эмоции.

Я знала, что он больше не был моим создателем, но мое сердце — то, которое не могло быть удалено так легко — помнило время, когда он был им.

— Это ничего не значило.

— Значило, — настаивал он, лаская мои волосы. — Ты знаешь, что значило. Ты чувствовала что-то ко мне, от чего не могла отмахнуться. И сейчас не можешь.

— Я чувствовала что-то к тебе, потому что ты манипулировал мной, заставляя чувствовать это. И теперь — ничего не чувствую.

Я не любила его. Я никогда не любила его. Не так, как он хотел. Как я могла?

Казалось, мои слова ранили его сильнее, чем любая физическая жестокость, которую я совершила по отношению к нему.

— Я любил тебя.

Эти слова заморозили меня на достаточно долгое время, чтобы он мог поудобней обхватить меня.

Натан слабо приподнялся на локтях:

— Кэрри, убирайся от него!

— Отпусти ее! — Макс поднялся на ноги. — Не двигай ни единым чертовым мускулом, Кэрри!

Я почувствовала лезвие ножа у своей шеи. Меня одурачили.

— Я на самом деле любил тебе, Кэрри. Все еще люблю, — голос Кира был напряжен, и холодная слеза капнула мне на шею. — Почему ты не могла полюбить меня?

Любовь... не была словом, которым я легко разбрасывалась, но с ножом,

приставленным к шее, мои приоритеты менялись действительно быстро.

— Может быть, я любила тебя.

— Если бы ты любила меня, ты бы осталась со мной. Почему ты не осталась?

Я слышала какое-то отчаяние в его тоне, похожее на мой умоляющий внутренний голос, который каждый раз критиковал меня, когда я не могла удовлетворить отца. То же отчаяние, которое я видела в Кэми, в глазах бедной мертвой девочки в ту ночь, когда она спрашивала Кира, почему он больше не зовет ее. Растоптанную надежду, которая отразилась на мгновение на бесстрастном лице Далии, когда она пришла в комнату Кира и обнаружила в постели на своем месте меня.

Кир действительно хотел, чтобы я полюбила его.

Хотя это и причиняло боль, мне пришлось солгать, чтобы спасти свою жизнь:

— Я останусь.

— Кэрри, нет! — закричал Натан. Выражение его лица было таким же опустошенным, как в ту ночь, когда умер Зигги. Он был в ужасе.

Ну поверь же мне!

Молясь, чтобы Кир не разгадал мою хитрость, я повторила:

— Я останусь. Но я должна знать, что буду в безопасности.

Убрав нож, Кир повернул меня в своих руках и прижал к груди.

— Ты будешь в безопасности. Клянусь, ничто больше не причинит тебе вред.

— Но я не могу доверять тебе, — я взяла нож из его руки, и он с готовностью отдал его мне. — Ты уже отправил мое сердце Пожирателю Душ.

Кир выпустил меня из своих объятий:

— Я достану его обратно для тебя.

Облегчение на его лице пронзило мое сердце.

«Ты не можешь чувствовать вину. Он получил то, что заслуживает», — сказал мне Натан.

— Я бы хотела быть уверена, — ответила я обоим: Натану и Киру.

Его взгляд двинулся от моего лица к лакированному ларцу, который он так бережно держал раньше.

Отец Кира разрезал его грудь.

Кир разрезал мою.

Я знала, что лежит в этой коробке.

Кир надменно улыбнулся мне:

— Конечно, я знаю, ты нашла причину, чтобы вернуться ко мне. Но я также знаю, что ты не дура. Так что я принес кое-что в обмен.

Он подошел к столу и поднял ларец.

— Вот. Держи это как залог безопасности, пока твое не вернется. Но это не будет всегда принадлежать тебе.

— Что это? — задыхаясь, спросила я, когда он вложил ларец мне в руки.

— Мое сердце.

Кир притянул меня к себе и поцеловал. Я почувствовала огромную печаль. Я знала, каково это, хотеть любви: возможность обладания ею постоянно ускользала от меня. Но Кир не был похож на меня: мне пришлось научиться заполнять жизнь чем-то другим, он же просто пытался заставить других любить себя. В конце концов, его поиски силы и контроля стали его погубить. Потому что теперь, когда он поверил, что наконец-то получил любовь,

он позволил себе стать уязвимым.

Я подняла крышку ларца рукой, в которой все еще держала нож. И колебалась только секунду, укрепляя свое мужество воспоминаниями о каждой жестокости, которую Кир совершил по отношению ко мне. Повернув голову, я поцеловала его в холодную окровавленную щеку.

— Мне так жаль, Кир.

И мне действительно было жаль. Я сожалела, что у него не было лучшей жизни, сожалела, что он не мог быть мужчиной, которым должен был быть, и я даже немного сожалела, что не смогла заставить себя полюбить его. Для его же блага. Но сейчас не было времени для сожалений. Я воткнула нож в ларец, в высохший предмет, который был его сердцем.

Кир закричал.

Дело было сделано.

Языки пламени поднимались от его ног, но вместо того, чтобы охватить тело, они сжигали его изнутри. Кир откинул голову назад с криком агонии, когда слепящие белые вспышки появились в его глазах, рту и ноздрях. Его кожа исчезала, обнажая мышцы под ней. Яростный ветер наполнил комнату, унося плоть с его костей, но крики Кира все продолжались и продолжались. Я вцепилась в мраморный стол, чтобы меня не унесло.

Скелет Кира висел в воздухе. Шар чистого голубого пламени возник там, где должно было быть его сердце. За секунды его кости превратились в пепел и развеялись.

Внезапно ветер прекратился, и я упала на пол.

— Это была явно самая крутая вещь, которую я когда-либо видел, — с трепетом произнес Макс.

— Заткнись, Макс, — я услышала шаги, затем Натан опустился на колени и обнял меня. — Кэрри, ты в порядке?

Я не могла говорить. Могла только рыдать.

Он сжал меня в объятии, которое было бы удушающим, если бы я перестала плакать и решила вздохнуть.

— Все закончилось, — утешал он, глядя мои волосы. — Ты держалась молодцом.

— Мы должны забрать ее сердце обратно у Пожирателя Душ, — тихо сказал Макс. — Здесь есть кто-нибудь, кто может помочь?

— Далия, — сказала я, вытирая глаза. Не спрашивая меня, Макс и Натан помогли мне подняться, и мы вышли в коридор.

Далия спускалась по лестнице, ее лицо было залито слезами:

— Ты сделала это? — Я кивнула. — Тогда иди и возьми свое сердце.

Она засунула серый предмет в сумку «Зиплок» и протянула ее мне. Я с неуверенностью смотрела на нее.

— Это оно, — сказал Натан. — Я бы узнал его везде.

Я взяла сумку.

— Если я когда-нибудь снова увижу вас, ребята, я, вероятно, вас убью, — предупредила Далия.

— Тогда, надеюсь, никогда не встретиться тобой снова, — сказала я, вкладывая душу в каждое слово.

Я хотела спросить ее, остаться мне в поместье или уйти. Более того, мне важно было знать, будет ли Кларенс в безопасности с ней, поскольку он скорее останется здесь и умрет,

чем встретит жизнь за этими стенами.

Но Натан и Макс уже направились к двери, и я не хотела испытывать судьбу, оставаясь здесь и дальше.

Я не оглядывалась, когда мы шли по подъездной дорожке, но не могла перестать представлять освобожденную душу Кира, скользящую в бесцветной загробной жизни рядом со мной, на пути к вратам.

ГЛАВА 25

Что-то во веки веков

Прошла неделя, прежде чем я перестала плакать целыми днями. Большую часть времени я оставалась в комнате Натана, свернувшись клубочком под одеялами в его кровати.

Натан был рядом со мной, когда не наблюдал за приготовлением к повторному открытию книжного магазина. Мы не разговаривали. Не думаю, что сказала ему хоть слово за шесть дней. Но когда моя депрессия рассеялась на достаточно долгое время, я решила, что должна спросить о том, что видела.

— Сколько времени вы были женаты?

Натан вздохнул и лег рядом со мной.

— Это один из тех неизбежных разговоров, да?

— Да.

Я взяла кружку крови, которую он оставил для меня на ночном столике. Кровь начала сворачиваться, но я все равно выпила, радуясь, что мой аппетит возвращается.

Натан откашлялся.

— Почти тринадцать лет.

— Ты сильно ее любил, — я накрыла его руку ладонью. Я здесь для тебя. Позволь мне войти.

Когда он посмотрел на меня, его глаза были окружены красными кругами.

— Я люблю ее.

Настоящее время потрясло меня.

Он почувствовал это. Но не извинился.

— Я не хочу, чтобы ты думала, что не волнуешь меня. Это не так. Узы крови видят это. У меня нет выбора в этом случае. Но я не могу отпустить ее.

— Ты не должен, — по моей щеке скатилась слеза. — Натан, ты...

«Любишь меня?»

— Нет, — он знал, что я намеревалась спросить у него. Вспышка боли исказила его черты. Мое сердце должно было превратиться в камень в моей груди, но я знала, что он отвергает не меня. Он отвергал себя.

В течение нескольких минут мы лежали в тишине. Ничего кроме напряжения, связывающего нас через узы крови. Наконец он перекатился набок, чтобы посмотреть мне в лицо.

— Теперь остается вопрос: ты присоединишься к «Движению»? Ты думала об этом?

Конечно. Я была почти готова сказать ему, куда он мог засунуть свое драгоценное «Движение», но слова не успели сорваться с моих губ, как он снова заговорил:

— Потому что я выхожу.

Внезапно я осознала значение фразы: «Я поражен до глубины души».

— Ты серьезно?

Он засмеялся.

— Я был на испытательном сроке более семидесяти лет за то, что убил Марианну. Я никогда не прекращал жалеть об этом, и если бы прямо сейчас кто-нибудь зашел в эту дверь и дал мне шанс поменяться с ней местами, я бы сделал это. Но «Движение» никогда не простит меня, а пока они не перестанут бросать мне это в лицо, я не смогу двигаться дальше.

Здесь было большее. Я чувствовала это прямо под его сожалением. Но я не стала давить. Для этого будет другое время.

— Это большая перемена. Я тоже кое-что сделаю. Начну искать собственное место, — сказала я с жизнерадостностью, которую на самом деле не чувствовала.

— Нет, — его восклицание было таким страстным, что испугало меня. Более мягко он пояснил: — Кэрри — ты мой потомок. Я бы никогда не попросил тебя уехать. Я не думаю, то смог бы выжить, если бы ты сделала это.

— Это не значит, что я не могла бы забежать и навестить тебя.

Он схватил меня за руку:

— Останься.

Я знала: он не мог сказать то, что чувствовал на самом деле. Он не знал, что действительно чувствовал. Но я-то знала.

Создатель должен любить своего потомка. Такова была болезненная правда вампирского существования. Именно это делало узы крови такими нерушимыми. Я полагала, что было бы мило, если бы он полюбил меня без этой связи между нами, но он был ранен и запутался. Его эмоциональное отчуждение было почти облегчением для меня.

— Ты знаешь, что будут последствия, — Натан положил голову мне на плечо. — Если я уйду из «Движения», я буду приговорен на смерть. Если ты не присоединишься к ним, то же будет и с тобой.

— Что ж, я перейду от одного смертного приговора к другому. На самом деле я забыла, каково это — жить без них. — Я поставила кружку обратно на ночной столик и зарылась в подушки.

— Что ты скажешь, если мы прогуляемся сегодня ночью? — внезапно спросил он. — Ты не выходила из этой комнаты несколько дней.

— На самом деле, душ можно было бы принять, — согласилась я. — И мне не повредит увидеть других людей. Не то чтобы ты не был классным по-своему.

— Я включу воду, — он выбрался из постели с ухмылкой на лице.

— Подожди, — окликнула я Натана. Когда он остановился, я робко улыбнулась: — Принесешь мне мое сердце?

Он кивнул, но выглядел смущенным. В ожидании его возвращения я повернулась на бок и помахивала пальцами перед серебряным карасиком в чаше. Прежде я рассматривала его трехсекундный цикл памяти как проклятие, веря, что такое частое обновление жизненных взглядов не доведет до добра.

В то время я и не представляла, что вещи могут становиться лучше с каждой трехсекундной переменой, так же как я никогда не считала, что превращение в вампира может обернуться к лучшему.

Натан вошел в комнату, держа стальную коробочку, которую он приобрел, чтобы хранить мое сердце в безопасности. Внутри оно было завернуто в слои марли и ткани, и в пузырчатую пленку и лежало в гнезде из пенопласта. Только Макс был осведомлен об этой заботливой упаковке, потому что я все еще исцелялась от повреждений, которые нанес мне Кир. Поскольку Натан запер коробку на замок и сбросил кодовую комбинацию, мне пришлось взять с Макса слово, что оно в безопасности.

Натан протянул мне драгоценную упаковку, его руки дрожали. Я улыбнулась:

— Все хорошо. Сердце Кира пережило все эти годы в деревянной коробке. Очень плохо, что она не развалилась на щепки и не убила его.

Натан откашлялся и указал на коробку.

— Что ты хочешь делать с этим?

Я глубоко вздохнула.

— Я хотела дать его тебе.

— Нет.

— Выслушай меня, — я прижала его руки в коробке. — Оно остается с тобой. Не потому что ты мой создатель. Не из-за уз крови. Я остаюсь с тобой, потому что доверяю тебе. Свою жизнь.

Он отвернулся.

— Ты знаешь, что я сделал.

— Знаю. — Крики и мольбы Марианны теперь тоже преследовали меня. — Но я доверяю тебе.

Слезы засверкали в его глазах, но не пролились.

— Спасибо. Но я сам себе не могу доверять.

Позже, когда встало солнце, и Натан спал рядом со мной, я взяла его за руку. Он снова начал носить свое обручальное кольцо, либо как знак мне забыть о нем, либо как вечное наказание для себя. Я полагала, последнее было ближе к правде.

Но его самовольно наложенная епитимья была излишней. Пожиратель душ все еще был здесь, «Движение» скоро узнает о провале Натана, и, Бог знает, что еще появится на горизонте. У меня была большая уверенность, что много чего может свалить нас с ног и без его чувства вины, преследующего нас.

Но я никуда не собиралась.

Я открыла ящик ночного столика и положила коробочку внутрь. Подумала о своих родителях и в первый раз со времени аварии простила себя. Я зашла так далеко, что больше не узнавала человека, которым была когда-то. Я отвергла слепое восхищение и привязанность, которые Кир предлагал мне. Я отказалась от его обещаний силы без ответственности, потому что знала, что жизнь без ответственности была бессмысленной. И хотя я делала вещи, которыми не гордилась, я не сожалела о них. Поскольку, возможно, была сильнее Натана.

Сила не в том, чтобы нести крест скорби и стыда. Сила приходит, когда ты выбираешь собственный путь и живешь без сожалений.

И пока у меня была эта сила, чтобы жить, я собиралась делать это без сожалений.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net